ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2017 № 3

ЛФ
литературный факт

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2017. No. 3

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2017. № 3

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – № 3. – 368 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Анна Викторовна Журбина (ответственный секретарь)
Армен Варужанович Геворкян (редактор)
Елена Валерьевна Глухова (редактор)
Александр Дмитриевич Ивинский (редактор)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca'Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Рурский университет (Бохум, Германия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2017. – No 3. – 368 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Anna Zhurbina (Executive Editor)
Armen Gevorkyan (Editor)
Elena Glukhova (Editor)
Alexander Ivinsky (Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Arzamas Philiation of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod (Arzamas / Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies at the University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, Publishing House "The New Literary Observer" (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, A.N. Kosygin Russian State University of Design and Technology (Moscow / Tver', Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca'Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Ruhr University (Bochum, Germany)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

А.А. Бабиков. Сочетание стали и патоки. Владимир Набоков о советской литературе: Новые материалы 8
Владимир Набоков. Советская драма. – Советская литература в 1940 году. – Зеленые щи и черная икра. – Русские писатели, цензоры и читатели. *Публ. и перевод с англ. А. Бабикова*

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

С.В. Сапожков. Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом 66

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Гарциано. Пореволюционное культурное наследие Д.С. Мережковского во Франции 113
О.А. Блинова. Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского 133
В.Э. Молодяков. Мережковский и его посмертная борьба с большевизмом: сборник статей «Европа лицом к лицу с СССР» (1944) 148
З.Н. Гиппиус. Европа лицом к лицу с СССР – *Ж. Шюзвиль.* Речь на открытии надгробного памятника Д. Мережковскому. *Перевод с франц. В. Молодякова*
Наталия Харитонова. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации. 164
Д. Мережковский. Андре Жид и СССР. *Перевод с франц. Н. Харитоновой*
Е.В. Хворостьянова. Пародии на Д.С. Мережковского в русской юмористической журналистике 1880–1900-х годов 181

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

К.Ю. Лаппо-Данилевский. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) 201
А.И. Рейтблат. Булгарин и вокруг. 2. Круги по воде, или Большие последствия одного письма Ф.В. Булгарина 215
Д.О. Торшилов. Реконструкция книги Андрея Белого «О ритмическом жесте» 235
А.Л. Соболев. К летописи жизни и творчества Игоря Северянина 254
О.А. Богданова. Письма В.Л. Комаровича П.Е. Щеголеву 272
Р.Д. Тименчик. Заметки комментатора. 1–4 283
Н.А. Богомолов. Из комментаторских заметок. 1–3 293

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

П.А. Дружинин. Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки. (Секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б)) 307

ФОРУМ

По поводу статьи С.И. Николаева «О филологическом методе»

А.М. Ранчин. К вопросу о филологическом методе 355
В.А. Кошелев. Реплика о «курочке черненькой» 363

Contents

FROM THE LITERARY HERITAGE

Andrei Babikov. Combination of steel and treacle. Vladimir Nabokov on Soviet Literature: New materials 8
Vladimir Nabokov. Soviet Drama. – Soviet Literature 1940. – Cabbage Soup and Caviar. – Russian Writers, Censors, and Readers. *Publ. and transl. by A. Babikov*

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

S.V. Sapozhkov. Z.N. Gippius – P.I. Veinberg: Correspondence 66

D.S. MEREZHKOVSKY: MATERIALS AND STUDIES

Svetlana Garziano. The post-revolutionary cultural heritage of D.S. Merezhkovsky in French 113
Olga Blinova. D.S. Merezhkovsky's Paris collection of scientific works 133
Vassili Molodiakov. D.S. Merezhkovsky and His Posthumous Fight Against Bolshevism: Articles' Collection "Europe Faces the USSR" (1944) 148
Z. Gippius. Europe Face-to-Face with the USSR. – *J. Chuzeville*. Speech at the Grave of D. Merezhkovsky
Natalia Kharitonova. André Gide as a 'friend of the Soviet Union': Origins of the reputation 164
D. Merezhkovsky. André Gide and the USSR
Elena Khvorostianova. Parody of D. Merezhkovsky in Russian humorous journalism of the 1880–1890s 181

NOTES. MATERIALS

K.Yu. Lappo-Danilevsky. Alexander Slepetskoy, the Poet: A Pseudograph in the journal *Muza* 201
A.I. Reitblat. Bulgarin and others. 2. Circles on the Water, or, the Great Effect of a Letter by F. Bulgarin 215
Dmitry Torshilov. Reconstruction of Andrei Bely's book "On Rhythmic Gesture" 235
Alexander Sobolev. On the Chronicle of Igor' Severianin's Life and Works 254
Olga A. Bogdanova. The Letters by V.L. Komarovich to P.E. Shchegolev 272
Roman Timenchik. Notes of a Commentator 283
Nikolay Bogomolov. From the Notes of a Commentator 293

ON THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

P.A. Druzhinin. All-Union Academy of Agricultural Sciences Session and the Soviet Philology (Secret Memorandum to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a Group of Leningrad Linguists) 307

FORUM

On the article by S. Nikolayev "On a Philological Method"

A.M. Ranchin. On a Philological Method 355
V.A. Koshelev. A Remark on the "Black Pullet" 363

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-8-65
УДК 82(09) Набоков ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Сочетание стали и патоки. Владимир Набоков о советской литературе: Новые материалы

А.А. Бабиков

Аннотация: Публикация архивных сочинений В.В. Набокова: двух американских лекций «Советская драма» (с приложением исключенных фрагментов и первых вариантов), прочитанных в колледже Уэльсли в 1941 г., и обзорной статьи «Советская литература в 1940 году», подготовленной для журнала «Decision» (Нью-Йорк), дополненная другими материалами Набокова 1940–1950-х гг. о советской литературе в переводе с английского. Публикуемые материалы позволяют существенно расширить и уточнить круг чтения Набокова 1940-х гг., определить место его оценок и выводов относительно советской литературы, от публицистики до драматургии, обнаруживающих важные соответствия с оценками и выводами ведущих критиков эмиграции, Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича, не только в эмигрантской литературе, но и среди американской русистики того времени. Публикация снабжена комментарием и вступительной статьей, освещающей неизвестные или малоизученные вопросы и источники по теме «Набоков и советская литература».

Ключевые слова: Владимир Набоков, архивные материалы, перевод на русский язык, теория драматургии, эмигрантская критика, советская литература, американская русистика.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабиков, исследователь литературы русского зарубежья, Москва, Россия. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

После отъезда из России в апреле 1919 года Владимир Набоков в продолжение более чем полувека, в Европе, Америке и затем вновь в Европе, пристально следил за общественными метаморфозами своей родины и за ее новой литературой. В разные годы, по-русски и по-английски, с большей или меньшей основательностью, но неизменной проницательностью, он разбирал и оценивал «продукцию» советских авторов, ведущие тенденции, темы и приемы советской поэзии, прозы и драматургии. По крайней мере трижды, в 1926, 1930 и 1941 годах Набоков принимался

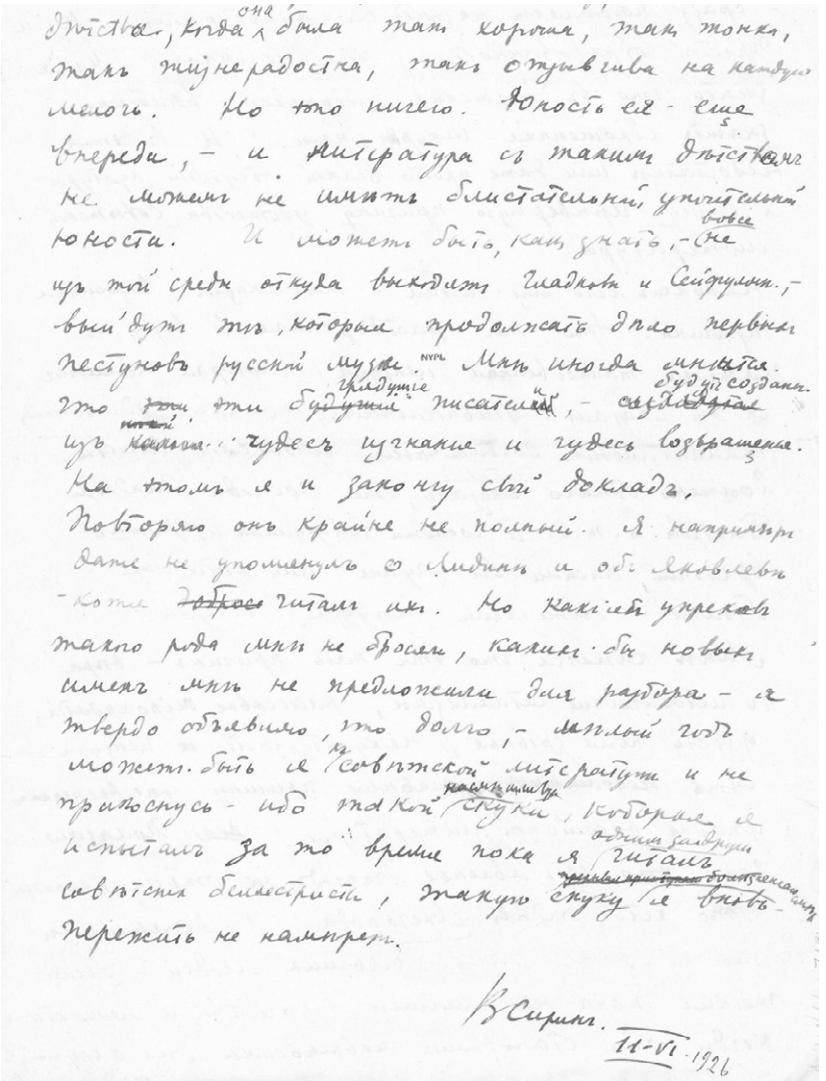
за обозрения советской литературы. Первый такой обзор для устного выступления в Берлине, «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного», он подготовил в 1926 году, разнеся в нем прогремевший в СССР роман Ф. Гладкова «Цемент» и кратко охарактеризовав произведения Сейфуллиной, Зощенко, Пантелеймона Романова, Леонова, Федина, Вс. Иванова и Пильняка. В начале этого доклада Набоков предвещает краткость советского периода, который уместится в пять-шесть страниц учебника:

> Эта серая година, эта серая ночь России — которая, как мы увидим, обесцветила между прочим и русскую литературу — явленье не страшное, она пройдет, эта серая пора — и школьники грядущих веков особенно хорошо воспримут ее скуку, когда придется им зубрить те пять-шесть страниц учебника для средних классов гимназий и прогимназий, те пять-шесть страниц, которые буду[т] соответствовать серому году России[1].

Далее он высказывает мысль о единстве общего потока русской литературы и о таких же прошлых периодах упадка, «когда в наших толстых журналах обильно и неудержимо разливалась серая добродетельная муть общественно-настроенной литературщины». Приведя несколько «колючих перлов» из советских беллетристических новинок, он называет пять причин «временного упадка российской литературы»: вера в исторические катаклизмы, классовое мировосприятие, узость поля зрения, некультурность, цензура. Затем он сравнивает советский период с переходным возрастом на границе отрочества и юности, когда подросток делается «грубоват, мешковат, прыщеват», и высказывает надежду, что юность русской литературы еще впереди: «литература с таким детством не може[т] не иметь блистательной упоительной юности». Завершается этот обзор так:

> И может быть, как знать, — вовсе не из той среды[,] откуда выходят Гладковы и Сейфуллин[ы], — выйдут те, которые продолжат дело первых пестунов русской музы. Мне иногда мнится, что эти грядущие писатели — будут созданы из чудес изгнания и чудес возвращения. На

[1] Здесь и далее доклад цитируется по рукописи, хранящейся в архиве Набокова (Vladimir Nabokov papers. The New York Public Library // Berg collection. Box 1. Fol. 5), поскольку его опубликованный текст (*В. Набоков*. Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного. Публ., прим. А. Долинина // Диаспора. Новые материалы II. Ответ. ред. О.А. Коростелев. СПб.: Феникс, 2001. С. 9–21) содержит многочисленные пропуски, произвольные замены и искажения («военная хитрость» становится у Долинина «веселой хитростью», «удивительная нация» превращается в «удивительные наши», «милым черепком» становится «персонажем» и т.д. и т.п.).

Последняя страница рукописи В. Набокова «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного» (1926). The New York Public Library / Berg collection / Vladimir Nabokov papers. Holograph draft of essay. Manuscript box 1

> этом я и закончу свой доклад. Повторяю[,] он крайне не полный. Я[,] например[,] даже не упомянул о Лидине и об Яковлеве — хотя читал их. Но каки[х] [бы] упреков такого рода мне н[и] бросил[и], каких бы новых имен мне н[и] предложили для разбора — я твердо объявляю, что долго, — целый год[,] может быть[,] я к советской литературе и не прикоснусь — ибо такой насмешлив[ой] скуки, котор[ую] я испытал за то время[,] пока я одного за други[м] читал советских беллетрист[о]в, такую скуку я вновь пережить не намерен.

В 1930 году Набоков снова просматривал советские новинки, сочиняя памфлет «Торжество добродетели», в котором, не назвав по имени ни одного автора, рассмотрел все основные типы, бывшие в то время в ходу: матроса, солдата, партийца, спеца, рабочего, беспартийного, кулака, интеллигента, женщину буржуазную и женщину коммунистку. Новую советскую литературу он возвел к ранним образцам европейской дидактической литературы — мистериям и басням, — с тем отличием, что у пролетарских писателей «превозносимое добро и караемое зло — добро и зло классовые» [Набоков 1999: 687][2].

Вскоре после публикации «Торжества добродетели» в берлинской газете «Руль» Набокову написала Н. Берберова, споря, очевидно (это письмо не обнаружено), с его подходом, и в виде контраргумента приведя такое подлинно-художественное сочинение, как «Зависть» Ю. Олеши, которого Набоков в то время еще не читал. В своем ответном письме (весной 1930 года) Набоков уточнил: «Вы правы, когда уничтожаете границу между литературой, существующей за рубежом и той, что существует в пределах России: “советской” я называю только литературу заказную, — но это уже литература не в нашем смысле, а “литература” (“студенты распространяют среди рабочих литературу”) и такая же литература существует и в эмиграции, хотя в меньшем пропорциональном отношении к подлинной литературе, чем в самой России». Здесь же находим редчайший у Набокова случай похвалы советскому автору, сделанной без каких-либо оговорок: «Среди поэтов есть Колычев, написавший изумительную поэму о комбриге, о Котовском» [Набоков 2017: 166][3].

---

[2] Примечательно сходство этого вывода Набокова с мнением Б. Пастернака, писавшего в 1926 г., что «Ганса Сакса можно считать далеким первопредшественником пролетарских и крестьянских поэтов, бывших и какие когда будут, в том числе наших, параллель же между ним и Демьяном Бедным напрашивается с неотразимостью» («Ганс Сакс» // *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 687).

[3] В стихотворении (не поэме) О.Я. Колычева «Котовский в Баварии», которое трудно назвать «изумительным», есть и такие строки: «Хорошо — серебро с бедняками делить пополам, / Хорошо — ночевать в виноградных корчмах на дороге… / И хозяйских девчонок целуют они наповал, / И хозяй-

Третий обзор, «Советская литература в 1940 году», на этот раз по-английски и для новой американской аудитории, Набоков составил в Нью-Йорке в начале 1941 года. Просмотрев последние выпуски «Нового мира» и «Красной нови» (номер этого наименее пролетарского из «толстых» советских журналов лежит на столе Годунова-Чердынцева в третьей главе «Дара»), Набоков пришел к тем же неутешительным выводам десятилетней давности о заказной природе советской литературы: «Не стоит ожидать, что литература способна произвести сочинение непреходящих достоинств, когда ее единственная задача, как предписывает Государство, состоит в воплощении той или иной правительственной причуды». Письмо Набокова к Э. Уилсону от 3 января 1944 года свидетельствует, что к тому времени он был знаком с произведениями большинства значительных советских авторов, часть из которых никогда не упоминал печатно. Получив от Уилсона предложение перевести несколько советских рассказов для американской публикации, он ответил так:

> Из литературной продукции, произведенной за последние двадцать пять лет под Советской властью, я могу отобрать с дюжину рассказов, стоящих чтения (Зощенко, Каверин, Бабель, Пришвин, Замятин, Леонов — *и обчелся*[4]). Мое главное недовольство старыми добрыми Советами состоит в том, что они производят такую отвратительную литературу, но, повторяю, я мог бы с должной тактичностью выбрать из общей гнилой кучи несколько съедобных слив, хотя чувствовал бы себя нищим, роющимся в мусорном баке [Nabokov — Wilson: 132–133].

Помимо обозрений, Набоков посвятил советской литературе несколько лекций. Известно, что начиная с февраля 1941 года он выступал в различных американских университетах с лекциями «Современная русская литература», «Советский рассказ», «Пролетарский роман» и «Советская драма», с разбором «Оптимистической трагедии» (1932) Вс. Вишневского и «комедии» Н. Погодина «Аристократы» (1934). В письме к М. Карповичу от 7 октяб-

ские чарки колотят они рикошетом… / И напуган Берлин, и к восстанию подан сигнал / И король арестован — бессмысленно переодетым» (Новый мир. 1927. № 11. С. 188). Из пражского письма Набокова к жене (от 17 мая 1930 г.) следует, что в это время он читал не только художественные сочинения советских авторов: «В одном советском сборнике были мемуары одного комиссара, он рассказывает, между прочим, как раздавали вещи из нашего дома и как он взял себе китайского болванчика с кланяющейся головкой. Я так его помню, этого болванчика» (The New York Public Library. Berg collection // Vladimir Nabokov Archive. Письма Набокова к жене изданы в англ. переводе: Letters to Véra. Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd. New York: Alfred A. Knopf, 2015).

[4] Выделенные курсивом слова написаны по-русски.

ря 1940 года он сообщал, что подготовил лекцию «Искусство и пропаганда в русской литературе», позднее преобразившуюся, очевидно, в известную лекцию «Русские писатели, цензоры и читатели», с которой он выступал до конца 50-х годов, внося в нее изменения сообразно изменениям в советской литературе (так, в поздней редакции этой лекции, вошедшей в собрание его «Лекций по русской литературе», он цитирует старый роман Гладкова «Энергия», но касается и свежих произведений периода «оттепели»). Из ряда американских лекций, посвященных советской литературе, удалось разыскать и восстановить только черновики двух его больших лекций о советской драме, идеально дополняющих его обозрение советской литературы 1940 года и дающих если не законченную (обзор советской поэзии Набоков намеревался подготовить отдельно в том же 1941 году для журнала «New Republic», однако вскоре отказался от этой мысли), то широкую картину набоковских представлений об этом явлении.

Обзоры и лекции дополняются, кроме того, рецензией Набокова «Зеленые щи и черная икра» (1944) на антологию современных русских авторов в переводах на английский, выпущенную в Нью-Йорке в 1943 году, а также его суждениями в письмах и интервью. Одно из поздних таких высказываний о советской литературе, относящееся к 1961 году, свидетельствует о неизменности его взглядов с середины 20-х годов:

> Беседа перешла на современную русскую литературу. «Доктор Живаго», по мнению Набокова, среднего качества мелодрама с троцкистской тенденцией. Это определенно пробольшевистское произведение, хотя и антисталинское. Книга, по мнению Набокова, плохо написана […] Пастернак никогда хорошим прозаиком не был. Поэт он, конечно, хороший. Не такой большой, как, скажем, Блок. «Тихий Дон» Шолохова? Третий сорт. Любимцы Набокова в советской литературе: Ю. Олеша, Зощенко[5], Ильф и Петров, в поэзии — Мандельштам и Сельвин-

[5] Набоков переменил мнение о Зощенко в 30-х гг., ср. его отзыв о нем в «Убожестве советской беллетристики»: «Но вернемся к “âme slave” — и для этого обратимся к писателю Зощенко. Это писатель безобидный, серенький, сентиментальный[,] даже матюгается миндально, — одним словом, ежиком стриженная литература. Этот не скажет Петербург — все-та[ки] белой гвардией пахнет[,] — но и не скажет Ленинград — все-таки совестно. Зато вот Питер можно написать, — Питер особенно любили говорить студенты из левых, а также горничные. Читаем рассказ Зощенко “Любовь”. Глупенькая фальшь. Некто Гришка, рабочий[,] любит чужую жену. Любовь эта не без коммунистической изюм[и]нки — но и не без пресловутого “люблю, жалею[”], — т.е. простой русский человек говорит “жалею ее” вместо “люблю”. Гришка бьет по зынзылу — сиречь морде [–] матроса-клеш за то[,] что тот отзывается о политике пренебрежительно. Гришка охотно целует грязный снежок на сапожке “ясечки” — сиречь любимой — и не менее охотно дебо-

ский. «Советская литература, — говорит Сирин, — мещанская литература. Это характерно для литературы всякой страны с крайним государственным режимом. Илья Эренбург? Блестящий журналист и большой грешник. Моя покойная мать во время оно зачитывалась его поэмой “Молитва о России”, которую он написал, когда был еще в антикоммунистическом стане» [Набоков 2000-а: 647–648].

Примечательно, что из названных любимцев Набокова к этому времени в живых оставался только его ровесник Илья Сельвинский (которого Набоков необъяснимым образом упоминает вместе с Осипом Мандельштамом), другой его ровесник, Юрий Олеша, умер за год до этого, как оригинальный писатель умолкнув намного раньше[6].

Обращения Набокова к советской литературе в художественных произведениях, из которых прежде всего следует назвать «Рождественский рассказ» (1928)[7], стихотворный «Разговор» (1928), романы «Дар» (1938) и «Взгляни на арлекинов!» (1974)[8], сопровож-

ширует. Ах, эти русские, и поклоненье перед женщиной, и дебош, и убийство!.. Удивительная нация [!]».

[6] В 1970-е гг., когда книги Набокова уже проникли в СССР, распространялись в самиздате и оказывали влияние на советскую литературу, о чем Набокову рассказывал, например, глава «Ардиса» К. Проффер, его отзывы о советских авторах (А. Солженицыне, И. Бродском) оставались сдержанными (ср. его каламбур в письме к Г.П. Струве от 21 апреля 1975 г.: «Я теперь подумываю о переводе “Ады” на русский — не на совжаргон и не на солжурнальные штампы [sovjargon and soljournalese], — но на романтичный и точный русский […]»). Исключением стала его высокая оценка «Школы для дураков» Саши Соколова в 1976 г. [Бойд 2010: 787].

[7] Еще раньше, в декабре 1925 г., т.е. незадолго до работы над первым своим обзором советской литературы, Набоков в рассказе «Путеводитель по Берлину» полемизировал с В. Шкловским и формалистами (см.: *Ронен О.* Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. 1999. № 4. С. 164–172); орнаментальный стиль советских авторов Набоков пародировал в неозаглавленном и недатированном рассказе о нелегальном переходе советской границы, подписанном псевдонимом «Василий Шалфеев» (*Набоков В.* Человек остановился / Публ. Г. Барабтарло // Esquire. 2015. № 110. С. 26–28). Об этом рассказе, по-видимому, идет речь в письме Набокова к жене от 11 июня 1926 г.: «Вперемешку с докладом писал рассказик под теперешний “советский” стиль. Если хватит нахальства я его сегодня у Татариновых прочту, выдав его за русское изделье» (The New York Public Library. Berg collection // Vladimir Nabokov Archive). Различные пародии Набокова на стиль советских авторов в стихах, романах и рассказах также следует отнести к его — непрямым — высказываниям о советской литературе (см.: *Долинин А.* Три заметки о романе «Дар» // Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004. С. 245–267).

[8] В «Арлекинах»: «Помню повисшее вдруг молчание и укромный обмен скептическими ухмылками, когда на приеме, устроенном в мою честь самым

дались оценками самой второсортной советской действительности, производной от которой новая русская литература, по мнению Набокова, и является. Одно из самых выразительных высказываний на этот счет содержится в «Даре»:

> На другом столе, рядом, были разложены советские издания, и можно было нагнуться над омутом московских газет, над адом скуки, и даже попытаться разобрать сокращения, мучительную тесноту нарицательных инициалов, через всю Россию возимых на убой, — их страшная связь напоминала язык товарных вагонов (буханье буферов, лязг, горбатый смазчик с фонарем, пронзительная грусть глухих станций, дрожь русских рельсов, поезда бесконечно дальнего следования) […] Вдруг ему стало обидно — отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? [Набоков 1975: 191; 197].

Советская Россия, в свою очередь, изображается Набоковым сквозь призму ее выхолощенной литературы, провинциальной, безнадежно загубленной страной или действительностью иного порядка, как пасмурная «обиходная явь» (в «Трагедии господина Морна»[9]), потусторонность или Аид (в «Защите Лужина»: «Когда же она обращалась к газетам потусторонним, советским, то уже скуке не было границ, от них веяло холодом гробовой бухгалтерии, мушиной канцелярской тоской, и чем-то они ей напоминали […] маленького чиновника с мертвым лицом в одном учреждении […]»), мрачная Зоорландия («Подвиг»), загадочная и отсталая Татария («Ада»), бутафорская «Страна Чудес» («Взгляни на арлекинов!»), где читают «На Тихом Дону без перемен» и «Доктора *Мертваго*». В «Арлекинах» Набоков окончательно отождествляет

видным членом нашего английского отделения, я охарактеризовал большевицкое государство как обывательское во время передышки и скотское в действии; в международных отношениях соперничающее с богомолом в хищном притворстве; морочащее посредственностей своей литературой — сперва сохранив несколько талантов, оставшихся от прежней эпохи, а затем вычеркнув их собственной их кровью» [Набоков 2015: 144–145].

[9] В этой пьесе содержатся отсылки к стихам Пастернака из сб. «Сестра моя — жизнь» (упомянутого в рассказе Набокова «Тяжелый дым»), кроме того, некоторые черты громкого поэта Клияна также напоминают Пастернака, однако мнение А. Долинина о том, что «само имя вождя революции Тременс […] в “Морне” иронически отвечает на “Высокую болезнь” Пастернака, которая была опубликована в первом — “ленинском” — номере “ЛЕФ”а за 1924 год» (*Долинин А*. Истинная жизнь писателя Сирина. С. 36), несостоятельно, поскольку этот номер журнала вышел много позднее окончания «Морна» 26 января 1924 г. См. письмо Пастернака к Н. Тихонову от 21 апреля 1924 г., в котором он говорит, что «Высокая болезнь» «вскорости выйдет в “Лефе”» (Борис Пастернак. Из переписки с писателями / Пред. и публ. Е.Б. и Е.В. Пастернаков // Литературное наследство. М.: Наука, 1983. Т. 93. С. 669).

советскую литературу с советской реальностью, сталкивая своего героя, всемирно известного американского писателя Вадима Вадимовича, тайно приехавшего в Ленинград середины 60-х годов, с советским писателем и агентом госбезопасности Олегом Орловым, служащим под началом некоего «Федора Михайловича»[10].

При всем многообразии сочинений, посвященных советской литературе, о сколько-нибудь систематических занятиях Набокова в этой области говорить не приходится. В отличие от ведущего эмигрантского критика Г. Адамовича, который во множестве заметок, рецензий, эссе, обзоров и специальных рубрик в «Звене» и «Последних новостях» («Про все», «По советским журналам», «Отклики» — под красноречивым псевдонимом «Сизиф», — и др.) начиная с 1924 года и до своей смерти создал для эмигрантского читателя детальное описание советской литературы за несколько десятилетий, в отличие от второго по влиятельности парижского критика В. Ходасевича, с 1928 по 1939 годы ведшего (совместно с Н. Берберовой и под общим псевдонимом «Гулливер») в «Возрождении» еженедельную «Литературную летопись», освещавшую помимо советских литературных новинок события тамошней литературной жизни, а кроме того, написавшего несколько отдельных работ, среди которых большая статья «Литература и власть в советской России» (1931) [Ходасевич 1996-а: 227–249], Набоков писал о лояльных режиму авторах, идущих столбовой дорогой пролетарского романа или пьесы, стремясь выявить черты именно господствующего в СССР литературного направления и определить его генеалогию[11]. Так, рассматривая или упоминая Гладкова, Федина, Пильняка, Леонова, Шолохова, Лидина, Вс. Вишневского, Н. Погодина, А. Суркова, М. Шагинян, он печатно не называет имен Замятина, Платонова, Каверина, Бабеля, Булгакова, Заболоцкого, Тынянова, Паустовского, Беляева, Грина и других независимых или опальных (что, в конечном счете, могло означать одно и то же) писателей — ни в 20–30-х годах, когда его хвалебный отзыв белого эмигранта мог бы им навредить,

[10] Прототипом Орлова послужил берлинский знакомый Набокова прозаик А.М. Дроздов, уехавший в 1923 г. в СССР, где он заведовал отделами прозы в «Новом мире» и «Октябре» [Набоков 2015: 331].

[11] Что объясняется, кроме прочего, и той специфической зыбкостью советского литературного процесса, которую отметил Адамович: «Нелегко разобраться в современной советской беллетристике. Иногда думаешь: Бабеля я читал, Пильняка, Леонова, Серапионов, Сейфуллину, Романова читал, — значит, новую литературу я знаю. Но тут же попадается под руки “полное собрание сочинений” какого-нибудь Петрова или Смирнова, со статьей Сидорова или Иванова, доказывающего, что именно Петров-то и есть самый главный, самый лучший, самый передовой советский писатель» (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1926. 6 июня) [Адамович 2015: 331–332].

ни в 40–50-х годах, когда многих из них уже не было в живых[12]. В числе единичных исключений: отзывы (уничижительные) Набокова в «Руле» о Пастернаке (в 1927 г.) и Ахматовой (в 1928 г.), причем в обоих случаях Набоков предостерегает молодых эмигрантских авторов от подражания им. Комплиментарно, хотя и вскользь Набоков говорит о Пастернаке в обзоре советской литературы 1940 года, т.е. в то время, когда изменились и сама пастернаковская поэтика, и мнение о нем Набокова. Оставшихся в России после революции Гумилева, расстрелянного в 1921 году, и Блока, умершего почти в одно с ним время, к которым Набоков неизменно возвращался на протяжении своей жизни, он прямо противопоставлял новым советским поэтам. Одна из причин, по которой для своих лекций о советской драме он выбрал именно «Оптимистическую трагедию» Вишневского, состоит, как нам представляется, в том, что в ней красный комиссар, утверждая скорый расцвет пролетарского искусства, спорит с командиром (из «бывших») о русской литературе и между прочим приводит стихи казненного большевиками Гумилева:

> К о м и с с а р. Вы можете мне ответить прямо, как вы относитесь к нам, к Советской власти?
>
> К о м а н д и р (*сухо и невесело*). Пока спокойно.
>
> *Пауза.*
>
> А зачем собственно вы меня спрашиваете? Вы же славитесь уменьем познавать тайны целых классов. Впрочем, это так просто. Достаточно перелистать нашу русскую литературу, и вы увидите…
>
> К о м и с с а р. Тех, кто, «бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что золото сыпется с кружев, с розоватых брабантских манжет». Так?
>
> К о м а н д и р (*задетый*). Очень любопытно, что вы наизусть знаете Гумилева. Но о русских офицерах писал не только Гумилев — писал Лермонтов, Толстой…

[12] Разумеется, Набоков не мог познакомиться со всеми яркими советскими авторами, но сочинения, к примеру, Булгакова, Лунца, Тынянова (напечатанного в парижском журнале «Версты») в 20-х гг. выходили на западе, обсуждались в кругу эмигрантов, и вероятнее всего были ему известны. О том, что Набоков в Америке по крайней мере читал о Булгакове, свидетельствуют его пометки на статье Джона Гасснера «Бродвей 1941: Европа и Американский театр» в мартовском номере «The Atlantic Monthly» 1941 г., сохраненной Набоковым в его подготовительных материалах к лекциям «Советская драма». Против следующих слов Гасснера на с. 330: «[…] булгаковская трагедия об уничтоженной аристократии “Дни Турбиных” может стать знаменитой реалистической драмой на любом языке; и хотя многие советские пьесы испорчены утилитарным подходом к искусству, они приобретают значение, далеко превосходящее их искусственную драматургию, показывая проблемы индивида в условиях коллективизма» (подчеркнуто Набоковым) — Набоков написал: «Accepted!» (Согласен!).

Комиссар. Ну, знаете. Лермонтов и Толстой были с вами не в очень дружеских отношениях, и мы их в значительной степени сохраним для себя. А вот, кстати, вы сохранили бы искусство пролетариата?

Командир. Вряд ли. Впрочем, если указанный пролетариат сумеет создать второй Ренессанс, вторую Италию и второго Толстого…

Комиссар. А знаете, ничего второго не надо… Будут первые, свои. Для этого даже не потребуется двухсот лет, как потребовалось вам.

Командир. Вы рассчитываете на ускоренное производство, серийно?

Комиссар. Я рассчитываю на элементарную серьезность и корректность.

Командир. Вы же сами взяли на себя очень тяжелую обязанность — просвещать взрослых. Мне жаль вас. […] Счастье и благо всего человечества?! Включая меня и членов моей семьи, расстрелянных вами где-то с милой небрежностью… Стоит ли внимания человек, когда речь идет о человечестве [Вишневский 1987: 476].

В поэме Блока «Двенадцать» Набоков видел не манифест перевоспитавшегося, подобно Брюсову, поэта, а предсказание и иносказание. Весьма примечательно в этом отношении его позднее (1952 года) замечание:

> […] поражает вовсе не самый факт появления Христа среди угрюмого сброда революции, ибо где же Христу появляться, если не среди грешников, — поражает другое, а именно бутафория появления этого лже-Христа […] Загримированный Христом, это проходит сам автор, вводя в литературу двенадцать октябрьских бродяг, угрюмых, недалеких, но преданных лозунгам, и заодно с ними идут программным маршем все остальные образы поэмы: стихийный ветер, буржуй в меховом воротнике, старушка, ворчащая на большевиков […] интеллигент-вития, несимпатичный, с длинными волосами, барыня в каракулях, и, наконец, Петруха, которого товарищи уличают в классовой бессознательности, и который вдруг веселеет, постигнув, что дело революции важнее личной беды, — все эти революционные марионетки в пальцах опытного пупенмейстера суть образы, вошедшие в домашний обиход средней советской литературы. Так Блок зимой 1917 года дал своеобразную программу, ограниченный перечень возможных тем, прейскурант того небольшого инвентаря, которым рядовая советская литература, так называемая «революционная», а на самом деле ретроградная и мещанская, располагала в продолжении этих тридцати пяти лет. Это есть не литературное влияние, а литературное предсказание […] тех образов, оценок, отношений, которых советское самодержавие потребует от литературы, и потому неожиданными красками гротеска зажигается это искусное, невольно пророческое произведение [Набоков 2014: 211–212].

Такая избирательность Набокова по отношению к советской литературе нашла отражение и в его обзоре советских журналов 1940 года. По приведенным в нем именам, образам и цитатам нам удалось воссоздать картину его чтения «Красной нови» и «Нового мира» 1939–1940 годов, которая показывает, что Набоков остав-

ляет без внимания целый ряд интересных материалов. Разумеется, эти журналы главным образом посвящены пропаганде, советским достижениям и первым лицам советской литературы — Шолохову (публикацию четвертой книги «Тихого Дона» в «Новом мире» Набоков даже не упоминает), А. Толстому, Лидину, Федину, Асееву и др. Но в них отведено место не только восхвалениям Сталина, народных поэтов советских республик и полярников, статьям, вроде «Гамзат из аула Цада» и «Образы художественной литературы в высказываниях Сталина». Подметив ту же старую линию «общественно-настроенной литературщины», ведущую к самим истокам советской литературы, Набоков не отмечает другую, менее заметную линию подлинной литературы: блестящие записки Пришвина о детстве и природе (Новый мир. 1940. № 10), «Невыдуманные рассказы о прошлом» Вересаева (там же, № 6, 8–10), ценный филологический, исторический или переводной материал, например, публикацию неизвестных писем Чехова (там же, № 1), яснополянских дневников Толстого (Красная новь. 1940. № 11–12), работы Н. Гудзия и М. Цявловского (Новый мир. 1940. № 11–12), переводы И. Кашкина из «Кентерберийских рассказов» Чосера (Красная новь. 1940. № 4), В. Шершеневича из «Цветов зла» Бодлера (там же, № 5–6), обширную статью П. Балашова о Стейнбеке (Новый мир. 1940. № 10), из которой Набоков мог почерпнуть имя для героя «Лолиты» («Одиноко, точно улитка в раковине, замкнулся на своей ферме старый холостяк Гумберт, скованный томлением и страхом перед отвратительными призраками прошлого», — пишет Балашов об одном из персонажей «Райской долины» Стейнбека) и другие настоящие вещи, печатавшиеся в этих двух журналах помимо «официозного хлама».

Говоря о генеалогии советской литературы, Набоков находил ее истоки, с одной стороны, в приторной, типично буржуазной популярной литературе конца XIX — нач. XX вв., в нравоучительных произведениях Л. Чарской («чаровницей из Чарской» в «Постскриптуме» к «Лолите» называет Набоков героиню «Доктора Живаго»), у «идейных» авторов, вроде А. Вербицкой, Е. Нагродской, в шаблонных романах Н. Лаппо-Данилевской, Н. Брешко-Брешковского[13], А. Каменского, с другой стороны, в сочинениях народников, членов всевозможных кружков и объединений, в «добродетельной мути общественно-настроенной литературщи-

[13] Его вычеркнутое имя вместе с автором «Санина» указано в рукописи доклада «Несколько слов об убожестве…» в связи со следующим местом из рассказа Пильняка «Мать сыра-земля»: «Такие люди, как Некульев (читай: честный коммунист), стыдливы в любви — они целомудренны и правдивы всюду. Иногда, во имя политики и во имя жизни они лгут, — это не есть ложь и лицемерие, — но есть военная хитрость, — с собою они целомудренно-чисты и прямолинейны и строги».

ны» конца XIX века, «перед самой зарей символизма»[14]. В этом отношении его мнение совпадало с мнением Ходасевича, ничего специфически нового в «новой» литературе не видевшего и еще в 1925 году в статье «Пролетарские поэты» писавшего о традиционности революционных стихов, восходящих к «“рабочей” поэзии, идущей от Некрасова, Сурикова, П.Я. Тана и прочих» [Ходасевич 2010: 337]. При этом разделение на литературу и «литературу», о котором Набоков говорит в письме к Берберовой, применялось им по отношению к литературе советской в той же мере, что и к литературе русской и любой другой. Отвечая кн. З. Шаховской на ее замечания, изложенные в статье о набоковских произведениях, он 15 сентября 1934 года, во время работы над «Жизнью Чернышевского» для «Дара», писал:

> Спасибо большое за статью. На что мне сердиться? Вздор, — вы удивительно внимательно — и для меня лестно — отнеслись к моему т-ству (не «товарищество», а «творчество»). Но, вообще говоря, и это не относится прямо ни к статье, ни к хорошим вашим стихам — …Зина, Зина, я все-таки боюсь, что вы не отдаете себе отчета в том, что к писанью прозы и стихов не имеют никакого отношения добрые человеческие чувства, или турбины, или религия, или «духовные запросы» и «отзыв на современность»[15]. Будем прежде всего сочинителями, Зина! Уверяю вас, что одно только важно: это, простите за выражение, искусство. Я думаю, что все остальное приложится, а если нет — tant pis. Мне кажется, что (в статье) вы многое верно приметили — например, насчет «тезы». Да, действительно, — плевать мне на Достоевского. О, публицистика, о, поучительство! Заметили ли вы поганенькую добролюбовщину и елейность нашей эмигрантской критики? Это, конечно, только жалкий анахронизм по отношению к дикому, ликующему мещанству (или «ученому марксизму»), до которого в России (со времен бездарного Белинского еще) докатилось наливное яблочко русской мысли. И точно также как мне противна вся советская беллетристика (Леонов и лубочный А. Толстой включительно), с ее правительственным фаршем, так, читая французов, я в рот не беру ничего такого, где есть хоть капля католицизма (посему Клодель и Морьяк [sic] для меня безнадежно отравлены) [Nabokov papers].

[14] Не случайно в раннем рассказе Набокова «Говорят по-русски» герои-эмигранты, поймав в Берлине агента ГПУ и устроив ему пожизненное заключение в своей квартире, начинают его перевоспитание с литературы: рассказывают ему о Пушкине, дают читать Жюля Верна и Крылова [Набоков 2016: 23–24].

[15] О том же в 1927 г. писал Г. Адамович, говоря о «единственно-действенном художественном методе, о единственно правильном […] отношении к своему искусству», не зависящем от модных тенденций времени: «На слышащиеся же иногда заявления о “послевоенном ритме жизни”, о всеобщем ускорении, о влиянии аэропланов, спорта и кинематографа, на пошлости вроде того, что “нам некогда, мы захвачены стремительным и головокружительно-прекрасным темпом эпохи”, или “нас кружит механическая культура мировых городов”, — на весь этот модный вздор можно, думается мне, не отвечать» [Адамович 2015: 511].

Такую позицию Набокова можно было бы свести к эстетизму, утверждению «искусства ради искусства» в духе Уолтера Патера и Оскара Уайльда, если бы сам Набоков особо не оговорил в лекциях «Советская драма», что «идея “чистого искусства” — плоская, как все другие идеи, жадно поощряемые модой или контрмодой, обычно становящейся новой модой. Не обладающий гениальным даром писатель, неукоснительно следующий широко известной программе искусства ради искусства, довольно курьезным образом приходит в конце концов к тому же, к чему приходит и псевдо-пролетарский автор, настолько человечно озабоченный долей униженных и оскорбленных, что сострадательная публика охотно прощает ему отсутствие таланта. […] Нет, “искусство ради искусства” слишком сильно страдает определенными модами девяностых годов и не имеет ничего общего с точкой зрения художника […]».

Сумма претензий Набокова к советской литературе, таким образом, обусловлена не раз приводившимися им общими основаниями всякого истинного искусства, которые кратко сводятся к следующим: оперирование постоянными, а не относительными, исторически или социально детерминированными величинами, широта взглядов, презрение той или иной моды, направления, господствующей философии или доктрины, любого «заказа», любой утилитарной цели, и отказ от мысли, что писатель своими книгами должен наставлять, изменять и вообще улучшать общество, какие бы благие цели он ни преследовал. Приверженность той или иной идеологии или направлению неизбежно ведет, по Набокову, к неприемлемой и по сути невозможной форме *коллективного* творчества, отрицавшейся им с тем же жаром, что и, к примеру, формы коллективной, заранее определенной модели психических реакций и влечений фрейдизма или универсальный принцип борьбы за существование вульгарного дарвинизма. Советской коллективной литературе («классовость» — лишь эвфемизм безличия), с ее пафосом строительства нового общества и борьбы за интересы трудящихся, Набоков противопоставлял великую транснациональную традицию индивидуального независимого творчества, исходящего из ценности личного взгляда художника на человека и общество, каким бы крамольным или неожиданным этот взгляд ни был. Именно сложностью и глубиной уникального восприятия действительности объясняется сложность и глубина всякого подлинного искусства, с его поисками неизведанного, с его сомнениями и открытиями, в то время как для советской литературы была разработана «нормативная эстетика» (выражение Д. Мирского в статье 1934 года под названием «Политика и эстетика») заведомо условного реализма (заведомо условного, поскольку действительное положение дел и состояние

умов писатель не вправе был показать), предполагающая абсолютное знание истинной природы человека, назначения «принадлежащего народу» искусства, законов общества и его благополучия.

Окончательно утратившая свою независимость, советская литература к началу 1930-х годов могла вдохновляться лишь речью вождя, постановлением какого-нибудь пленума или передовицей «Правды» о великих свершениях и отдельных недостатках, а революционная героика под воздействием центростремительных сил закономерно редуцировалась до воспевания фигуры одного-единственного героя — Сталина, инструментом обслуживания интересов и вкусов которого она и стала. Любое высказывание Сталина о литературе и роли писателя немедленно приобретало силу директивы и тут же на разные лады перепевалось советскими авторами. Провозгласив, к примеру, в 1932 году на банкете у Горького, что «писатели — инженеры человеческих душ», Сталин пустил в литературный оборот десятки всевозможных технических уподоблений писательского ремесла и — шире — всего общественного переустройства, вплоть до «социалистического строительства души» у Д. Мирского и «духовной электрификации» у А. Толстого (другое дело, что любая игра слов с «душой» в литературном контексте и в контексте эпохи немедленно напоминала о гоголевских «Мертвых душах»)[16].

Эти тенденции были очень скоро замечены эмигрантской критикой. О том, что «фантазирует в России только один человек», а все остальные «по мере сил проводят его предначертания в жизнь», в 1933 году написал Адамович в замечательной статье «План», в которой он вынужден был с сожалением признать, что советская литература не состоялась: «Да, могло бы что-то быть… Но не получилось почти ничего». Он приходит к выводу, что «в слово “литература” вложено в СССР новое, чуждое нам понятие». «Для нас литература — выражение или отражение духовного мира человека, — продолжает Адамович. — Определение это может быть заменено другим […] но какое бы определение кто ни нашел, всякое будет содержать в себе приблизительно то же самое. Во всяком будет подразумеваться личность в ее отношениях к стихиям, к обществу, к неизвестному, к самой себе, — и передача всего этого в слове. […] В России литература становится механична потому, что только при этом она чувствует себя в безопасности: вольная трактовка темы неизбежно увлекла бы ее в “уклон”. Это особенно видно в языке. Кто читает советские журналы, тот знает этот нестерпимый, мертвый, казенный советский язык,

[16] См. также другие вариации этого высказывания в обзоре Омри Ронена «“Инженеры человеческих душ”. К истории изречения» (*Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 164–174).

составленный не столько из комбинаций слов, сколько из комбинаций готовых фраз, всегда одинаковых, неизменно повторяемых. Да и слова одинаковые! Сказал о ком-то Сталин “головотяп”: через неделю не было статьи без головотяпа…»[17]. Набоков отдельно остановился на новой функции советской литературы в обзоре 1941 года, а еще раньше схожим образом высмеял рабскую зависимость писателей от вкусов «отца народов» в рассказе «Истребление тиранов» (1938):

> Нынче он сказал речь по поводу закладки новой, многоярусной теплицы и заодно поговорил о равенстве людей, о равенстве колосьев в ниве, причем для вящей поэзии произносил: клас, класы, и даже класиться, — не знаю, какой приторный школяр посоветовал ему применить этот сомнительный архаизм, зато теперь понимаю, почему последнее время в журнальных стихах попадались такие выражения, как «осколки стекла», «речные праги» или «и мудро наши ветринары вылечивают млечных крав» [Набоков 2016: 462–463].

В эссе «О Ходасевиче», написанном на смерть поэта в 1939 году, он принужден был заключить, что «[…] в пределах России мудрено представить себе поэта, отказывающегося гнуть выю (напр., переводить кавказские стишки), т.е. достаточно безрассудного, чтобы ставить свободу музы выше собственной» [Набоков 2000-б: 587]. В том же году, когда Набоков опубликовал «Тиранов», Ходасевич в статье «О советской литературе» писал: «С момента своего прихода к власти советское правительство поставило себе задачу — в определенном направлении перестроить миропонимание всей нации. Естественно, что самое сильное влияние в первую очередь было направлено на литературу, от которой предстояло добиться, чтобы она не только сама идейно перестроилась, но и служила орудием для внедрения новых понятий в умах общества». Вслед за Адамовичем он приходит к выводу, что «истинной жизни в советской литературе нет, по-настоящему и всерьез наблюдать в ней нечего, следить не за чем» [Ходасевич 1996-б: 419–421].

При таких обстоятельствах единственной надеждой на возрождение русской словесности оставался русский читатель, который, по словам Ходасевича, сохранив духовную связь с русскими писателями, «чутьем угадывает художественное превосходство классиков перед современниками» и к «эстетической оценке приходит […] через ощущение *человечности*, которой советские авторы лишены» [Там же: 422]. О том же говорит и Набоков в конце лекции 1958 года «Русские писатели, цензоры и читатели», уже вынужденный отказаться от надежды стать свидетелем «блиста-

[17] *Адамович Г.* План // Последние новости. 1933. 23 ноября. Цит. по: *Адамович Г.* Собр. соч. Литературные заметки: В 5 кн. / Изд. подг. О.А. Коростелев. СПб.: Алетейя, 2007. Кн. 2. С. 369–372.

тельной упоительной юности» русской литературы, которую он предвещал в докладе 1926 года: «[…] талантливый читатель — фигура всеобъемлющая, не зависящая от законов пространства и времени. Это он, хороший, тонкий читатель, снова и снова спасает художника от истребления — монархами, диктаторами, священниками, пуританами, мещанами, моралистами, полицейскими, почтмейстерами и лицемерами».

Публикуемые сочинения Набокова о советской литературе представляют собой не только антикварную ценность. Помимо того, что высказанные им мысли находят множество важных соответствий и пересечений с мыслями и взглядами первоклассных эмигрантских критиков, что дает возможность отвести Набокову среди них заметное место, они имеют немалый научный интерес и как документальное свидетельство, позволяющее расширить и уточнить круг его чтения советских авторов в самых разных жанрах и родах литературы, от стенограмм писательских съездов и очерков капитана-полярника, которые Набоков внимательно прочитал и процитировал в обзоре литературы 1940 года (детальные описания полярной зимовки могли вдохновить Набокова на рассказ об арктической экспедиции Гумберта в «Лолите»), до критических статей и драматургии. Они, кроме того, существенно дополняют ряд опубликованных произведений, лекций и писем Набокова о современной литературе, немало нового открывают в его понимании настоящей ценности искусства, отношений художника и власти, свободы творчества, ложных и истинных путей литературы.

Для настоящей публикации нами подготовлены следующие тексты Набокова.

1. Две лекции «Советская драма», написанные в феврале 1941 года для лекционного курса в колледже Уэльсли [Бойд 2010: 34; Nabokov–Wilson: 46]. В архиве Набокова сохранились частью машинописные, частью рукописные отделанные черновики этих лекций (всего 32 стр.), которые мы печатаем в нашем переводе с исправлением явных описок и неточностей и приложением исключенных Набоковым фрагментов, первых вариантов и рабочих заметок (The New York Public Library. Berg collection // Vladimir Nabokov Archive. The Soviet Drama. Holograph and typescript draft of two lectures). Хотя и посвященные только двум советским драматургам, Вишневскому и Погодину, эти лекции имеют отношение к широкому кругу вопросов, касающихся современной драмы и советской литературы, и затрагивают темы, подробно рассмотренные Набоковым в опубликованных нами ранее лекциях «Ремесло драматурга» и «Трагедия трагедии» [см.: Набоков 2008: 494–518].

2. Обзорная статья «Советская литература в 1940 году», написанная в марте 1941 года для недавно учрежденного в Нью-Йорке журнала Клауса Манна (старший сын Томаса Манна, эмигрировавший из Германии после прихода Гитлера к власти) «Decision. A Review of Free Culture». Она так и не

была напечатана, по-видимому, вследствие нападения Германии на СССР и отказа редакции от публикации на этом фоне резко-критического материала Набокова[18]. Перевод выполнен по правленым редакторской рукою гранкам, хранящимся в библиотеке Йельского университета (Yale University Library. Manuscripts and Archives // Decision Magazine papers. MS 176. Vladimir Nabokov. Soviet Literature 1940).

Приношу выражения живейшей признательности проф. Брайану Бойду, приславшему мне копию этой статьи Набокова.

3. Посвященный советской литературе отрывок из рецензии «Зеленые щи и черная икра» (на американскую антологию «Сокровищница русской жизни и юмора», 1943), напечатанной в журнале «The New Republic» (1944. № 3. P. 92–93).

4. Отрывок из итоговой лекции «Русские писатели, цензоры и читатели» (1958), для которой Набоков использовал начало статьи «Советская литература в 1940 году». Перевод выполнен по изданию: *Nabokov Vladimir*. Lectures on Russian Literature / Ed. by Fredson Bowers. London, 1982.

Цитаты, приведенные Набоковым в измененном или сокращенном (без оговорок) виде, восстановлены нами в квадратных скобках по оригинальным текстам — в случае необходимости, с нашими пояснениями; вставки и рабочие пометки Набокова даны в угловых скобках.

Я сердечно благодарен Дж. Пуллену, представляющему интересы «The Wylie Agency», за разрешение опубликовать архивные материалы Набокова.

© The Estate of Vladimir Nabokov, 2017
© Вст. ст., перевод с английского, примеч. — Андрей Бабиков, 2017

I
Советская драма
(Две лекции)

Прежде чем по-своему приняться за увлекательный предмет — современную советскую драму, — два положения следует разъяснить со всей определенностью, и стало быть короткого вступления нам не избежать. Первое положение связано с вопросом качества. Мы, разумеется, вправе заметить, что всё существующее заслуживает существования и, приложив эту мысль к современной драме, прибавить, что, поскольку существует известное число пьес, которые нравятся театралам и собирают залы, мы должны принять это как данность, хотим мы того или нет. С этой точки зрения, ежели

[18] В июльском номере журнала была опубликована короткая статья Карсон МакКуллерс «Русские реалисты и литература американского юга», в которой рассматриваются русские классики XIX в. и ни слова не сказано о литературе советской.

пьеса успешна и долго не сходит со сцены, ее нельзя отвергнуть, как образчик тенденциозного красноречия или дешевой мелодрамы; она существует, ее ставят, ей аплодируют, она, наконец, приносит деньги. И по этой логике выходит, что «Золотого мальчика»[19] или «Забаву дурака»[20] следует так же серьезно рассматривать, как пьесы Ибсена или Чехова — которые ведь тоже нравятся публике и приносят деньги. Такого взгляда, впрочем, я *не* стану придерживаться, говоря о советской драме. Я слишком глубоко ценю достижения непреходящих достоинств, чтобы не применять к современным пьесам те высокие и неизменные требования, которым следуют гениальные драматургии независимо от их национальной принадлежности, социальных взглядов, эпохи или публики. Кроме того, я убежден, что вкус зрителей намного тоньше, чем то кажется театральной дирекции. Банальная современная пьеса с толикой психоанализа или громким социальным посылом может быть столь же бурно принята зрителями, сколько и «Гамлет», идущий в соседнем театре. Но в первом случае зрительский восторг не продлится и до следующего сезона, как и сама пьеса, а во втором — сохранится в веках. И здесь мы переходим ко второму положению, требующему разъяснения.

Нередко приходится слышать, и я не раз сталкивался с такими утверждениями в серьезных пособиях по драматургии, что зрительский прием и есть самое главное во всем взаимозависимом согласии элементов театральной постановки, и даже что пьеса существует лишь тот отрезок времени, в который перед зрителями идет спектакль. Эта условная публика, как и условный читатель романа, может на долгие годы отнести пьесу к разряду тяжеловесных и неприятных, а следующее поколение может ее понять и полюбить — не говоря уже о том, что среди зрителей едва ли наберется дюжина человек, способных оценить значение пьесы во время провала спектакля в ужасный вечер премьеры — и потому утверждение, будто публика — важнейший соавтор, звучит довольно глупо. Если, однако, добавить один-единственный эпитет в это утверждение, оно станет абсолютно точным, и эпитет этот — «идеальная». Гениальный писатель сочиняет для идеальной публики, для читателей или зрителей, которые должны обладать той же силой восприятия,

[19] Драма Клиффорда Одетса (1906–1963), поставленная на Бродвее в 1937 г.; экранизация — 1939 г.

[20] Бродвейская пьеса Роберта Шервуда (1896–1955) 1936 г., получившая Пулитцеровскую премию, экранизирована в 1939 г. Название «Idiot's Delight» неверно переводится на русский язык буквально («Восторг идиота»), в то время как это принятое в Америке шуточное название любой разновидности карточного солитэра. В пьесе героиня произносит фразу о Боге: «Бедняжка, одиночка. Сидит на небесах, где нечего делать, только играть в солитэр. Бедный Господь. Играет в “забаву дурака”».

каковой силой выражения он сам наделен. Говоря языком человеческого эгоизма, если имя автора — Браун, то он желает, чтобы его публика состояла сплошь из Браунов; много более уязвима, впрочем, вторая часть этого положения, утверждающая, будто пьеса не существует вне сцены. Разумеется, тонкая постановка пьесы со всеми ее составляющими — действие, актерская игра, цветовая гамма и звук — открывает ее достоинства со всей очевидностью, так же точно, как цветущее дерево раскрывается полнее, чем в обычном своем состоянии, представляющем совокупность листьев и ветвей (даже если ботаник легко может себе представить это дерево в цвету). Впрочем, покуда наука не предоставит нам волшебные ящики, в которых самые лучшие пьесы можно вечно видеть и слышать в самых лучших постановках, до тех пор мы должны довольствоваться напечатанным текстом, чтобы получить о пьесе собственное мнение, хотя я и признаю, что было бы изумительным наслаждением вставить пластину в щель и увидеть и услышать пьесу Чехова в том виде, в каком она была представлена Московским художественным театром сорок лет тому назад. В нашем случае, обсуждая драму в лекционной аудитории и имея дело только с печатным текстом, мы не можем не рассматривать ее с литературной точки зрения — и под «литературной» я не имею в виду тот же метод, каким мы оперируем, обсуждая прозу как таковую, или прозу романов в частности, но метод, который лучше всего подходит для рассмотрения драматургии.

Так вот, русская драматургия внесла в общемировую сокровищницу драматической литературы, в которой хранятся лишь самые-самые выдающиеся образцы, совсем немного по количеству, но очень много по качеству. Кроме бессмертной комедии Гоголя, трех или четырех пьес Чехова и стихотворных драм Александра Блока, я не думаю, что русские драматурги создали что-либо еще на этом очень высоком уровне. Следует учитывать, что достичь этого уровня совсем не просто, и что, говоря об Америке, «Падение града» Маклиша[21], к примеру, хотя и относится скорее к поэзии, чем к драме, имеет больше шансов остаться в веках, чем крепко скроенная мелодрама О'Нила. И потому мне представля-

[21] Стихотворная радиопьеса (1937) о надвигающейся угрозе фашизма Archibald MacLeish (1892–1982), представленная радиокомпанией «Columbia Workshop» (Нью-Йорк) с музыкальными и звуковыми эффектами; была не раз воспроизведена затем в 1939 г. В 1951 г. Набоков написал Маклишу: «Хочу сказать Вам, что […] я большой поклонник Вашей поэзии. В одном из Ваших самых известных стихотворений есть то озарение, что неизменно ощущаю всем своим хребтом как дрожь наслаждения — всякий раз, как вспоминаю его» (Vladimir Nabokov. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. San Diego et al. Harcourt Brace Jovanovich, 1989. P. 129).

ется, что с точки зрения удовольствия, душевного волнения, артистического возбуждения и долговременной значимости выдающегося достижения, все, что написали русские драматурги на протяжении советского периода, начиная с 20-х годов и до волшебного настоящего, так же никчемно, как и обширно. Если прибавить, что структура и атмосфера этих пьес, в сущности, ничем не отличаются от определенного рода европейских и американских, заполонивших сцену приблизительно с 70-х годов прошлого века, то вы имеете все основания спросить, стоит ли тратить наше время на рассмотрение советской драмы? Однако, как я надеюсь показать, — несомненно, стоит.

Точка зрения художника, полагаю, единственно верная при обсуждении драматургии и любого иного рода литературы, что не подразумевает никоим образом идеи «чистого искусства» — плоской, как все другие идеи, жадно поощряемые модой или контрмодой, обычно становящейся новой модой. Не обладающий гениальным даром писатель, неукоснительно следующий широко известной программе искусства ради искусства, довольно курьезным образом приходит в конце концов к тому же, к чему приходит и псевдо-пролетарский автор, настолько человечно озабоченный долей униженных и оскорбленных, что сострадательная публика охотно прощает ему отсутствие таланта. И в том и в другом случае речь идет о ничтожных пьесах, постановка же может быть сколь угодно талантливой и остроумной; однако, повторю, я рассматриваю лишь текст пьесы. Нет, «искусство ради искусства» слишком сильно страдает определенными модами девяностых годов и не имеет ничего общего с точкой зрения художника — я бы предпочел найти выражение более емкое. Что, возможно, является основой моего метода или должно ею быть, это техническое, научное рассмотрение той напасти, что убивает драму во всех странах, — и анатомическое препарирование некоторых современных русских пьес, я надеюсь, прольет свет не только на саму болезнь, но и на метод лечения. А поскольку для ученого осмотр отравленных тканей столь же увлекателен, что и совершенно здоровых, мне думается, что приступая после этого введения к изучению капилляров и клеточек советской драматургии, мы займемся весьма полезным делом.

Советская драматургия, как я уже сказал, необыкновенно обширна. Замечательное развитие чистейшего в мире сценического мастерства (которое, как мы помним, не имеет ничего общего с драматической литературой), изумительное совершенствование режиссуры, актерской игры, хореографии, декораций достигло теперешнего уровня задолго до революции. Московский художественный театр и другие театральные объединения, расцветшие как раз к самому началу 20-го века, сохранили свои достижения, в большей

или меньшей степени, и в советское время, когда все другие искусства, даже музыка, обычно выживающая в революциях, не смогли совладать с политическими, социальными и экономическими трудностями, которые им полагалось изображать. Возникали предположения, что, сохраняя театр, Советы исходили из необходимости предоставить народу замену для выхода той эмоциональной энергии, которую в прошлом люди находили в религии. В действительности хорошее представление любят во всех странах, и не вдаваясь в вопрос сравнительной ценности искусств, мы можем сказать, что театр — искусство самое простое из всех — и по устройству своему, и по своему непосредственному обращению к публике. Девять человек из десяти предпочтут кресло в театральном зале или посещение галереи живописи книге у себя дома. И поскольку театральное представление не только проявляет и развивает артистическую славу, контрабандой провезенную из прошлого русской культуры в нынешнее русское Средневековье, но также является единственным сравнительно свободным видом искусства благодаря возобновлению старого репертуара[22], популярность театра в России дошла до того, что превратила его в баснословное чудище, заставляющее столь многих заморских путешественников дивиться великолепию театрального искусства в стране застенков и процессий, или ошибочно рассматривать его как новое достижение коммунизма.

Следует ясно понимать, что все это относится к сцене, к действию, цвету, звуку и их гармонии, и не имеет никакого отношения к истинной ценности драматургии. Когда глаз прельщает разнообразие декораций, когда душу трогает чудесная актерская игра, большинство зрителей простят политическую начинку пьесы, и государственные руководители понимают, что под яркой глазурью сценического оформления зритель может легко, почти бессознательно проглотить и переварить политическую пилюлю, заложенную в пьесе. Не так давно я прочитал в «Нью-Йорк таймс» письмо, подписанное одним немецким эмигрантом из театральных кругов. Он сетовал на то, что бродвейские постановки так искусно украшают и смягчают современные пьесы магией чистого зрелища, что их социальный или моральный посыл практически ускользает от публики, хотя этот посыл и важен, и приятен автору письма, когда он читает эти пьесы у себя дома. Если бы его мечта осуществилась, современный театр лишился бы своей последней и скорее трогательной связи с искусством — чистой зрелищности.

[22] Вычеркнуто: «в стране, где другие искусства, такие как литература и живопись с их грозной пропагандой политических идей и идолов, не в состоянии утолить артистического голода русских людей».

Итак, что же представляют собой пьесы, создаваемые современными русскими драматургами для советских театров? Давайте вспомним законы детерминизма, механические приемы и механические следствия, унаследованные европейским театром с античных драматических свалок. От этого рабства каузальности бегут лишь настоящие гении драматургии — или, лучше сказать, только от того, что Шекспир или Ибсен[23] отбрасывали те или иные требования драмы, они сумели создать великие произведения. В противном случае мы имеем дело с одним из самых курьезных явлений, с непреложным господством каузальности на протяжении всей истории театра, а вспомним еще античного «deus ex machina» — окончательное следствие, этого, так кстати появляющегося на сцене бога, настолько же неотвратимого, насколько входящий вдруг под конец пьесы посланник Ленина или Сталина, — или приезд *настоящего* дядюшки в конце буржуазных комедий прошлого века. Причинно-следственная связь последовательно разрушает существо драмы; как и почему настоящий гений *чувствует* истинный дух искусства, который так далек от неизменной в веках основы драмы — этих железных законов детерминизма, — вопрос, который уведет нас в сторону от предмета лекции. Но о чем я хочу рассказать сейчас, это о советской драме и ее левокрылом слепке в Западной Европе и Соединенных Штатах, представляющих собой последнее слово драматического детерминизма, законопативших последнюю щель для проникновения вольного таланта писателя. Когда в буржуазной пьесе появляется хороший человек, мы все же знаем, что хотя правда рано или поздно восторжествует над ложью, всегда есть вероятность, что хороший человек, борясь со злом, совершит самоубийство, или его благое дело разрушит какое-нибудь странное вмешательство, или другим каким способом жертва этой пьесы может быть обделена (притом что всегда подразумевается, что как-то, где-то, за сценой, после падения занавеса, правда непременно восторжествует). Но в крайней форме социальной пьесы, типичной для советской драмы, хороший коммунист тогда лишь падет, когда в пьесе появится другой, еще лучший, а настоящий герой в ней — неугасающая революция. Другими словами, добро в его политической форме совершенно убеждено в победе над злом — прямо на наших глазах, в последнем акте, — и мы знаем, так и будет, поскольку в противном случае правительство не разрешило бы постановку. И потому, каким бы драматургическим талантом автор бы ни обладал, ему приходится довольствоваться извлечением максимальных возможностей драматических коллизий и неожиданностей из таких положений и характеров, которые с самых первых сцен не

[23] Вычеркнуто: «или Чехов».

скрывают своей главной идеи или правды. От головы до ног замаскированный контрреволюционный злодей — так задумано автором — действует как верный ленинец до тех пор, пока диалектика драмы не обнаружит, что он саботажный изверг. Появляется персонаж более мягкий и кроткий, не вызывающий подозрений, и публика уже близка к тому, чтобы назначить его добрым коммунистом пьесы, как вдруг комбинация событий или развитие конфликта открывают, что он так и не сумел избавиться от мелкобуржуазных или либеральных наклонностей и потому обречен. Если в пьесе имеется ведущая женская роль, мы можем быть уверены, что хотя она никогда и не читала Ленина, ее незамутненное пролетарское происхождение вскоре себя проявит, и она окажется ближе к советскому богу, чем педант, пустозвон, чья политическая программа звучит вполне удовлетворительно, но чьи семейные связи с бывшим лавочником[24] портят все дело. Настоящий мужчина советской драмы — основательный, скучноватый, зря не болтающий парень с железной волей и сияющими глазами — вам знаком этот тип — сильный мужчина, с такой восхитительной человечностью играющий со щенком или ребенком и затем вновь затвердевающий и посылающий некого негодяя на расстрел. Этот герой, чрезвычайно популярный у советских драматургов, ни что иное как символ Ленина, которого биографы также изображают марксистским роботом со сверкающими проблескам юмора[25]. В самом деле, что может быть трогательней улыбки хозяина? Кто бы не пожелал оказаться на месте трепетной девочки в воскресном платьице, преподносящей букет роз священному диктатору, выходящему из своего священного автомобиля?

На советском театральном конгрессе 1930 года[26] была высказана следующая мысль: «Почему так важно говорить о театральном искусстве в наши дни? Единственное, что имеет значение в стране Советов сейчас — это пятилетний план, воплощающий коллективизацию деревни, коммунистическую индустриализацию

[24] Было: «тайным кулаком».

[25] О том же Набоков писал Э. Уилсону 15 декабря 1940 г., разбирая его книгу «К Финляндскому вокзалу»: «Нет, даже магия Вашего стиля не заставит меня полюбить его [Ленина], и еще давным-давно я читал те официальные биографии, которым Вы так преданно и фатально следуете (как жаль, что Вы не заглянули в Алдановского “Ленина”!) […] Это преувеличенное добродушие, этот взгляд с прищуринкой, этот детский смех и прочее, что так любовно описывают его биографы, — все это особенно омерзительно. Вот эту атмосферу жовиальности, вот это ведро радушия с дохлой крысой на дне я изобразил в своем романе “Приглашение на казнь”» [Nabokov–Wilson: 37–38].

[26] Вероятно имеется в виду Первая всесоюзная конференция актеров 15–20 апреля 1930 г.

и ликвидацию неграмотности. Искусство сейчас важно лишь потому, что служит некоторым аспектам этого плана. Задача современного советского драматурга состоит в том, чтобы показать сознательную деятельность рабочего, меняющего жизнь; и в то же время его задача состоит в том, чтобы указать работнику на проблемы, с которыми он столкнется».

Эта позиция была принята и левацкими театрами в других странах. Анита Блок в книге «Мировые перемены в литературе и театре»[27] вкрадчиво пишет: «Советский театр, предлагающий пьесы, которые, несмотря на все их недостатки, постоянно обращаются к зрителям с жизненно важными для них проблемами, лучше всех прочих реализует высокую задачу театра, состоящую в интеграции публики с требованиями эпохи».

Теперь давайте рассмотрим два примера такой интеграции.

Я выбрал две известные советские пьесы, переведенные на английский язык[28]. Первая — «Оптимистическая трагедия» Вишневского, и обратите внимание, что название у нее весьма подходящее, поскольку ни одна трагедия под советским управлением не избежит политического хэппи-энда. Замысел пьесы состоит в том, чтобы напомнить советским гражданам о гражданской войне в начале 20-х годов, и поскольку граждане знают, что большевики одержали победу, они, скорее, желают вновь пережить трудности и неудачи, с которыми столкнулась Красная Армия, чем радость от — неизбежной — кульминации. Типы, выбранные автором для изображения этих прошлых бед, составляют группу матросов, по большей части анархистов — одной из нескольких разновидностей революционных партий, — неугомонных и неистовых индивидуалистов, столкнувшихся с миром безупречного социалистического устройства, наступающего под искусным началом истинного духа ближайшего будущего — организованного коммунизма. Крайний тип такого рода анархиста персонифицирован в образе моряка, которого мы по чисто фонетическим резонам назовем Лордом Джимом[29]. Он не верит ни в какое светлое будущее; он

[27] Ошибка или описка Набокова, книга называется иначе: «The Changing World in Plays and Theatre» (Мировые перемены в драматургии и театре. Little Brown and Company. Boston, 1939). Анита Блок (1882–1967) — театральный критик левого толка. Утверждала схожим с Набоковым образом, что пьесы следует рассматривать как литературные произведения, не только как представление, что «хорошая пьеса живет и на печатной странице». Советскую драму рассматривала как «новый горизонт драматургии».

[28] На верхнем поле справа каламбур: «Bolshevictorian» (не столько victory — победа, сколько — victorian — консервативный, ханжеский, лицемерный).

[29] Т.е. Алексей. Лорд Джим — герой одноименного романа (1900) Джозефа Конрада (наст. фам. Коженёвский, 1857–1924), бывшего русского под-

присваивает, но не строит, его мир стоит скорее на пригорке времени, чем под скалой Победоносного Социализма; он вольнодумец, еретик вероисповедания истинного коммунизма; он блудный сын, и если останется таким, то будет заколот, как теленок в известной притче. На другой стороне этой группы матросов находится персонаж, которого назовем — вновь, чтобы не раздражать вашего слуха варварским именем — Финнеганом[30]. Это несчастное, уродливое, жалкое существо, но верный большевик в душе: блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся[31]. Мы нисколько не сомневаемся, что эта божья тварь попадет в царствие Ленина. Итак, запомним этих двух: Лорда Джима Анархиста и Финнегана Будущего Большевика. Между двумя этими противоположностями нам даны типы более умеренные, хотя общая атмосфера явно кропоткинская. Следует пояснить, что князь Кропоткин был великим истолкователем анархических идей задолго до революции.

Представление этих типов в начале пьесы происходит обычным способом: они обсуждают вещи, которые и так прекрасно им известны, но неизвестны публике. Представлением же *идей* на протяжении всей пьесы руководит нечто вроде греческого хора в русских сапогах — феномен этого хора мы обсудим позднее. Как это происходит в девятистах девяносто девяти буржуазных пьесах из тысячи, интрига строится на ожидании приезда некоего человека, которому предназначено вмешаться в сложившиеся обстоятельства. Вам это знакомо по множеству постановок: я вчера случайно встретил твоего австралийского кузена; он сказал, что зайдет на днях поболтать с тобой. Общее оцепенение. Минутой позже входит кузен из Австралии. Вот это называется появление-вмешательство, объявленное в «Оптимистической трагедии» криком вбежавшего Лорда Джима: «Назначен нам комиссар!»[32] Сообще-

данного польского происхождения, ставшего знаменитым английским писателем, сравнения с которым Набоков не терпел.

[30] Т.е. Вайнонен. Набоков называет его именем героя шуточной ирландской баллады, вдохновившей Д. Джойса на роман «Поминки по Финнегану» (1939).

[31] Мф. 5:6.

[32] У Вишневского: «Вбегает Балтийского Флота матрос первой статьи *Алексей*. Его появление заставило людей примолкнуть. Алексей (*подавлено и гневно*): Военные моряки! Анархисты! Опасность! Вайнонен: Где? Что? Высокий матрос: Опасность? Рябой: Полундра! От тревожного возгласа гул расширился среди людей. Движение к Алексею и возгласы: «Где? Что? Кто?» Алексей (*спиной ко всем, трагично*): Назначен нам комиссар». Цитаты из «Оптимистической трагедии», которые Набоков приводит по довольно точному английскому переводу (Four Soviet Plays: *Yegor Bulychov* by Maxim Gorky; *An Optimistic Tragedy* by V. Vishnevsky; *Aristocratic* by Nikolay

ние взволновало анархистов, понявших, что молодое советское правительство не вполне доверяет им, коли шлет коммунистического надзирателя. Теперь нас ждут два сюрприза кряду. Вы будете приятно потрясены, узнав, что австралийский кузен окажется не старым сварливым холостяком, которого вы ожидали увидеть, а прекрасной особой. Да, большевистский комиссар — девушка. Она являет собой тип, символизирующий эмансипацию женщин посредством коммунизма и появляется после своей противоположности — морского офицера, назначенного новым номинальным командиром. Каковы его убеждения, в данный момент не имеет значения, власть в этот период нуждалась в профессионалах, но его светский тон и та манера, в какой он предложил женщине-комиссару помощь с ее багажом, — чрезвычайно подозрительны: должно быть дворянин[33].

Второй сюрприз ожидает нас, когда нам показывают, как эта женщина, даже скорее хрупкая девушка, себя ведет, когда ее окружают грубые матросы во главе с Лордом Джимом, анархистом, жаждущим устроить оргию, а на ее защиту встает только тщедушный Финнеган — как поступил бы всякий хороший большевик. С великой простотой она стреляет одному из мерзавцев в живот — не Лорду Джиму, поскольку он еще нужен автору. Момент удовлетворения после неожиданного поворота событий (красивая девушка вместо ворчливого старика) — как я называю это применительно к компоновке драматического материала — здесь представлен в лучшем виде, поскольку публика мгновенно понимает, что таким и должен быть естественный ответ хорошего большевика, однако фокус этот сам по себе давным-давно используется буржуазным театром, с тем отличием, что советский автор вложил в руку персонажа револьвер вместо убийственного ответа в устах буржуазного героя.

После каждой сцены хор разъясняет произошедшее в терминах диалектического материализма[34]. Сцены сами по себе лишь

Pogodin; *Masters of Time* by Ivan Kocherga. Transl. by A. Wixley and others. Ed. by B. Blake. New York, International Publishers, 1937), мы приводим по изданию: Шторм. Пьесы о революции. М.: Современник, 1987. С. 453–504.

[33] Вычеркнуто: «Автор дал ему имя Беринг, вероятно, намекая на балтийского барона».

[34] Примечательно, что взгляд Адамовича на «Оптимистическую трагедию» был идентичен набоковскому, с тем занятным отличием, что Адамович трактовал «хор» старшин в мистическом ключе, как сонм духов давно погибших матросов, а Набоков видел в них таких же действующих лиц, как остальные, что объясняется тем, что первый читал пьесу в оригинале, а второй — в переводе. Адамович отметил и заказную природу пьесы и ее псевдоновизну: «Нужна пролетарская, социалистическая трагедия. […] У Вишневского все глубоко патетично, — и он, очевидно, не подозревает, насколько

иллюстрируют ту или иную идею. Когда обворовывают старушку и подозрение падает на Высокого матроса, который все больше и больше превращается в хорошего большевика, его казнят самосудом. Эта сцена нужна для того, чтобы показать, что Анархисты на самом деле пребывают во власти мелкобуржуазных представлений о собственности, от которых настоящие революционеры свободны. После того, как Высокого матроса бросают за борт, старушка находит кошелек в кармане юбки. Тут же эту старушку связывают, заворачивают в брезент и отправляют вслед за Высоким матросом. Весьма драматично. Понимая, что девушка-комиссар не участвует в действии, автор в ремарке замечает, что «Комиссар вообще больше наблюдает и думает, чем говорит, потому что он должен сделать очень многое». Она разрешает устроить прощальный бал перед уходом на фронт. «Всё соединяется в этом бале: забытьё, тревога, любовь, чей-то ревнивый скрежет, легкомыслие, двоевластие». Затем полк затягивает песню и строевым шагом уходит.

Таков первый акт. Я не намерен столь же детально разбирать оставшиеся. Мне представляется достаточным обратить ваше внимание на три или четыре пункта, показывающие насколько на самом деле старомоден такого рода театр будущего. Вот мотив из Виктора Гюго:

Комиссар. Кто готов пожертвовать головой?

Молчание.

Финнеган. [Вайнонен] Зачем?

Комиссар. А бывает, что у партии не спрашивают. (*Остальным.*) Ну?

Люди делают движение.

Старый матрос (*встав*). Я.

Комиссар. […] Ты покрепче, видимо. Будешь говорить перед полком. Если убьют, следующий будет говорить (*оглядев всех*) Финнеган.

[…]

Один из матросов. [Рябой] […] а *ты-то* что сама?

Комиссар. Я? Я сама и начну, товарищи.

его революционная трагедия похожа на те “мистерии”, которые лет тридцать тому назад ставились иногда на любительских спектаклях в Калуге или Костроме, в сукнах или без сукон, — по Метерлинку или по Леониду Андрееву, для потрясения прекрасных мещанских душ […] Какая чепуха, какая наивная и жалкая безвкусица! Для советской литературы и ее теперешнего положения крайне характерно, что о таких доморощенных “трагедиях” может идти в критике серьезный разговор […]» (*Адамович Г.* Три пьесы: Вс. Вишневский. «Оптимистическая трагедия». — Ал. Толстой и А. Старчаков. «Патент № 119». — М. Чумандрин «Естественная история» // Последние новости. 1933. 11 мая. Цит. по: *Адамович Г.* Собр. соч. Литературные заметки: В 5 кн. СПб.: Алетейя, 2007. Кн. 2. С. 247–251).

Теперь видоизменение идеи. Анархисты покорены и становятся в строй большевистской регулярной армии. Ни один из персонажей не удивлен. И просто невероятно, как быстро все это произошло. «Полк стоит четким массивом. Он двинулся. Ритмы волнующи и широки […] Движение полка прекрасно». Это звучит скорее как фарс, чем драма. Попытка представить «массы» главным действующим лицом. Человек превращается в массы, а массы следуют Марксу.

Двойной конфликт с Судьбой. Один из анархистов ищет измену в полку и закалывает ножом Финнегана, когда оба стоят на ночном карауле. Из-за этого батальон беспрепятственно атакуют и почти полностью уничтожают, оставшихся берут в плен.

Вновь вступает хор — Первый и Второй старшины. На этот раз, прежде чем пояснить произошедшее, они осматривают друг друга.

> Второй старшина (*первому*). Товарищи наши в плену!
>
> Первый старшина (*публике.* [У Вишневского: «всем нам»]): Вы что думаете — дело их кончено?
>
> Второй старшина. Слушайте. До последнего издыхания, до последней возможности двинуть рукой, хотя бы левой, боец-коммунист будет действовать. Нельзя действовать — есть язык. Убеждай, бодри, заставь действовать других… Не можешь говорить — делай знаки […] Гибнешь, топор падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой.

В этом конфликте человека и судьбы Судьба побеждает, но маска ее падает, а под ней оказывается лицо Ленина.

Очень важно: ложный пафос этих сцен инспирирован тем обстоятельством, что не только сама пьеса закончится благополучно, но что исторически, как нам известно, причина не может не иметь следствия <об исторических драмах в общем: сомнения не следует выставлять на передний план — *развить*[35]>. Детерминизм одерживает окончательную победу.

Пленные обсуждают случившееся с — предположительно — любезного согласия караульных, которые, собственно, не должны понимать их, поскольку это немецкие солдаты, захватившие их с неправдоподобной легкостью. Немцы подсылают к ним священника — выведать что и как. Эта сцена невероятно уморительна. Затем — deus ex machina — два других батальона нападают на немцев. Но, увы, девушка-комиссар ранена, она умирает. «Алексей тихо играет на гармони. Комиссар (*последним дыханием*). Держите… марку… Красного флота» [у Вишневского без многоточий и не красного, а военного]. И когда мужчины становятся перед ней, обнажив и склонив головы, тишину обрывает музыкальный при-

[35] Нереализованное нотабене Набокова, по-видимому, для предполагавшегося устного изложения.

зыв, ритмы полка, и уныние отступает, есть надежда, что это еще не конец…

(Мы вполне можем пережить потерю Комиссара, поскольку главный герой — Армия, и армия победит. Не вполне ясно, как разрешится конфликт, на который намекается, между подозрительным Командиром и Коммунистами.)

В заключение: эта прославленная пьеса представляет собой самый старый и избитый род мелодрамы, какой только можно представить, с одной лишь интригой, вводящейся путем более или менее тонких намеков (из которых возникают и удивление, и вероотступники, и неожиданные душевные излияния) на разделение персонажей на политически правых и неправых — 1) в отношениях между типами и 2) в развитии — если это можно назвать развитием — каждого типа, а именно: нам предлагается решить загадку каждого типа — хороший ли этот или тот тип большевик или нет? А может быть, он тайный белогвардеец? Нечто промежуточное? Отсюда можно извлечь столько же удовольствия, сколько из проблематики детективных пьес: «Кто убийца?» В действительности это Дознание, и общая черта всех советских пьес такого рода — это допрос персонажей, процесс, и если хорошо поставить (а русские пьесы с конца прошлого века исполняются и ставятся превосходно), они могут быть столь же занимательными, сколько и сенсационные расследования или выслеживание преступников. Парадокс состоит в том, что хотя они скроены по (марксистской) теории, утверждающей, что окружение создает готовые формы существования и представления, эти типы как будто действуют в вакууме, не имея связей ни с обществом, ни с семьей, ни с местностью, — они лишь символы символов, выдуманные для того, чтобы вести свою линию в пьесе, основанной на идеалистическом представлении о событиях прошлого. Другими словами, советские авторы попадают в метафизическую и схоластическую путаницу, не снившуюся и худшим представителям мистического и символистского буржуазного театра. Ужасная трудность, сводящая на нет все усилия советских авторов вдохнуть в своих кукол жизнь, состоит в том, что им в одно и то же время приходится использовать революционную этику (никакое преступление не является злом, если оно совершено во благо социализма) и общечеловеческую («ты не можешь убить ребенка, ты не можешь предать» и т.д.); однако, стремясь незаметно каким-то чудом их примирить, они в действительности не могут устранить из своих пьес ужасающей фальши. И чем драматург изощреннее, тем более отталкивающим становится его фальшивое искусство. Крайнее, но совершенно логичное развитие пьесы социального или морального содержания, и я убежден, что чем больше внимания уделяется профессии или общественному положению персонажа, тем глуб-

же драматург увязает в трясине. «Король Лир» и «Гамлет» дают совершенную свободу гению Шекспира, поскольку профессиональная сторона их жизни (отношение суверена к своим подданным) незаметно и неизменно оставляется без внимания.

Хор обращается прямо к публике. Такое комментирование сцен используется драматургами вследствие забавного недоразумения. Предполагается, что они не только вносят элемент новизны в свои пьесы из-за резкого контраста между античным приемом и современным содержанием, но также, что они обращаются к самим истокам драмы, поскольку полагают, будто греческая драма лежит в основании всех возможных форм драматургии. В этом смутном представлении находим по крайней мере три ошибки: 1) содержание лишь *кажется* современным, а на деле также старо, как древнегреческий хор, который они используют; 2) источник того или иного рода искусства, отнюдь не исторически, обнаруживается в том удаленном прошлом, в котором можно найти их самые первые образчики; они не являются феноменом времени или истории, а только достижением индивидуального гения, и нет никакого парадокса в мысли о том, что греческая драма больше обязана Шекспиру, чем наоборот, поскольку не будь она преломлена уникальным феноменом Шекспира, мы бы хуже понимали самих греков; наконец 3) греческая драма далека от того совершенства, которое мы могли бы набожно и покорно принять за бессмертную модель.

Еще одна причина, почему хор стал столь популярен у определенного рода современных драматургов, особенно советских, состоит в том, что он позволяет сблизить актеров и зрителей в том великом общественном движении, что можно назвать театральным социализмом. Чтобы объяснить, почему я нахожу такие эксперименты разрушительными для самой идеи драматического искусства, как я его понимаю, мне следует сделать отступление о том единственном, по моему мнению, условии, которое драма не может нарушить.

Единственное и необходимое для театра условие связано с основным принципом взаимоотношений сцены и зрителей. Его можно изложить в двух словах. Зрители обладают в полной мере возможностью воспринимать, но не могут влиять; сцена обладает в полной мере способностью влиять, но не воспринимать. Другими словами, актеры, которых вы видите и слышите, ни при каких обстоятельствах не могут видеть и слышать вас. Эта часть условия является уникальной чертой театра, поскольку ни при каких обстоятельствах человеческой жизни даже самый талантливый соглядатай не может быть застрахован от обнаружения теми, за кем он шпионит. Спектакль представляет собой идеальный заговор: совершенная открытость зрителю и абсолютное бессилие зрителя повлиять на ход действия, с одной стороны, и мощное,

почти сверхчеловеческое влияние актеров на души зрителей при полной неспособности воспринимать их присутствие, с другой. Здесь у нас, таким образом, парадокс свободных духов (т.е. нас), наблюдающих из своего невидимого мира земные события, но не могущих остановить или поощрить людей, находящихся вне нашего контроля. Со своей стороны, в виде компенсации их неспособности видеть нас, они наделены именно той силой духовного воздействия, каковой мы, невидимые зрители, совершенно лишены. С одной стороны — абсолютная осведомленность и неспособность вмешаться, а с другой — абсолютная сила воздействия на наши чувства без возможности восприятия нас — вот идеально честное и прекрасно сбалансированное разграничение, которое установила линия рампы. Стоит только нарушить это фундаментальное условие, стоит только предпринять сумасбродную попытку переступить черту, и такое нарушение либо станет иллюзией второго порядка, либо, если будет реальным, уничтожит театр. Теперь рассмотрим два этих пункта подробнее.

Вздорная и гибельная идея, вновь и вновь возникающая в истории драмы, о возможности объединения сцены со зрителями, исходит не только из посылки, что зрители должны участвовать в пьесе, но также, что актеры — тоже зрители. Однако единственная применимая к сцене истина, состоящая в том, что она является волшебным миром с собственными нерушимыми законами, окажется ложной, лишь только мы начнем думать не о персонажах пьесы, а о профессиональных актерах, играющих свои роли. Конечно, мы легко можем представить неопытного актера в небрежной постановке, которому ничего не остается, как бродить по сцене без дела в бессловесной роли слуги; легко представить далее, что он может быть также поглощен великолепной игрой великого актера, как и обычный зритель в зале. Однако помимо очевидной предпосылки, что даже самый незначительный актер не вправе выйти за рамки пьесы, и что даже самая пустяковая роль должна быть исполнена так же артистично, как и главная, остается еще одно неизбежное требование: как бы ни был пассивен и молчалив человек на сцене, он все же абсолютно подчинен главному сценическому условию, театральному заговору, и потому он не может обнаружить свою скуку и пойти за кулисы, чтобы выпить или поболтать с кем-нибудь, или, праздно стоя у королевского трона, предаваться чему-либо, что может противоречить смыслу — несомненно, важному — его роли; но *зритель*, при условии, что не будет докучать соседям, вправе делать, что ему заблагорассудится, зевать, или дремать, или смеяться, опоздать к началу или уйти раньше, если ему наскучил спектакль или у него есть другие дела. Все это так просто, и поразительно, что еще никто до сих пор не обратил на это внимания.

Теперь, если мы представим себе некоего драматурга или постановщика, распираемого идеями коллективизма, коммунизма и любви к народным массам, убийственным для любого искусства, вовлекающего зрителей в представление (скажем, в виде толпы) и заставляющего их реагировать на некие действия или речи, и даже заходящего так далеко, что раздающего зрителям листки со словами, которые они должны выкрикивать, одним словом, превращающего сцену и зал в единое пространство — такой прием, даже если забыть о постоянно грозящей опасности, что пьеса может быть погублена каким-нибудь местным остряком и его дерзкими замечаниями или серьезно пострадать от беспомощности скованных участников, — произойдет то, что я называю иллюзией второго порядка, к тому же низкосортной, поскольку зритель попрежнему может совершенно свободно отказаться одалживать частицу своего волшебства и отправиться домой, чтобы не валять дурака вместе с остальными. И вот что все это напомнило мне — то чувство ужасной неловкости, какое я испытал в детстве, когда фокусник поманил меня к себе на помост.

Разумеется, теперь, в законченном тоталитарном государстве, в государственном театре ни один из зрителей не отважился бы отказаться от участия в массовом представлении; и в таком случае театр становится всего лишь местом проведения «варварских церемоний» или уроком в воскресной школе о правилах общественного порядка, но даже тогда некоторые следы иллюзии сохраняются — поскольку *общественная жизнь* в стране диктатора представляет собой непрерывную и всеобщую игру в том жутком фарсе, который сочинил охочий до театра Отец Народов.

Сценическое разнообразие вторичной иллюзии возникает, когда в традиционной пьесе один из персонажей подходит к рампе и обращается к публике с объяснением или пылким призывом; это иллюзия, поскольку *эта* публика вовсе не та, реальная, находящаяся перед ним, а та, которую драматург создал в своем воображении, то есть нечто, что все еще относится к сцене, театральная иллюзия, набирающая тем большую силу, чем естественнее и непринужденнее будет такое обращение. Иначе говоря, черта, которую персонаж не может перейти без того, чтобы не нарушить ход спектакля, это как раз и есть отвлеченное представление автора о своей публике, притом что автор этот может быть давным-давно покойным или в эту самую минуту может лежать на пляже Флориды, выставив свою мужественную грудь на солнце; но как только автор или актер начинает видеть в публике розоватое скопление знакомых физиономий, пьеса перестает быть пьесой. Что же касается хора, приспособленного Вишневским и другими авторами к советской сцене, то здесь у нас попытка сочетания нескольких вещей — традиционного контакта с предполагаемой публикой,

прямого человеческого обращения к Иван Иванычу в первом ряду и эксплуатация того обстоятельства, что граждане в Советском Союзе тоже актеры в великом коммунистическом Бурлеске: либретто Маркса, музыка Ленина, постановка Иосифа Сталина. При таком положении дел в политике трудно сохранить единственное и необходимое сценическое условие, которое, повторю, заключается в том, что мы воспринимаем, но не влияем, а с другой стороны рампы — влияют, но не воспринимают.

Таким образом, советская драма едва ли вообще может рассматриваться как искусство, и такие типично-воспитательные пьесы, как, например, «Аристократы» Николая Погодина (которых Анита Блок назвала «вдохновляющими!»), призванные показать благое, нет, даже волшебное влияние Тяжкого Труда в концентрационном лагере у Белого моря на вредителей, мошенников, священников, проституток, бывших министров и убийц, превращаемых в порядочных советских граждан, с художественной точки зрения ниже всякой критики.

Интеллектуально «Аристократы» находятся на уровне детских журналов; этически — на уровне фальсификации или низкопоклонничества. Однако один-два пункта имеют определенное значение с научной точки зрения. Мы находим здесь, как и в «Оптимистической трагедии», тот же комичный дуализм, который смешивает этику большевизма с этикой традиционного гуманизма. Речь идет о преступниках, которые вначале отказывались работать и только смеялись над государственными идеалами (вопрос, как так случилось, что эти негодяи не были сломлены голодом или побоям, мы оставим в стороне), соблазняются на строительство канала, подрыв скал, осушение болот, рубку леса и тому подобное, что по замыслу должно пробудить в них те же чувства и состояние разума, что и у людей любых классов и убеждений — дух соперничества, гордость, честь, мужественность и т.п. С одной стороны, у нас имеются эти совершенно лживо задуманные характеры, экс-инженеры, экс-банкиры, экс-все-что угодно, чья безраздельная преданность правительству может быть куплена соблазном все новых подачек, хорошим обращением и остроумными уловками укротителей; с другой стороны, у нас имеются начальники, которые возвышаются над любыми человеческими эмоциями. Их тип — Чекист, Железный Человек Коммунизма, чей единственный идеал — Совершенное государство. Этого-то двойного искажения жизни (поскольку здесь следует подчеркнуть, что в настоящем советском лагере таких тонкостей нет: только надсмотрщики над рабами — битье, боль и болота) довольно, чтобы любые литературные притязания любого автора потерпели поражение. Потому что даже если кто-то может решить, что натяжки в книге или пьесе проистекают из какого-нибудь одного и всепро-

никающего заблуждения относительно политической реальности, он не в силах принять сочинения, основанного сразу на *двух* ложных посылках, исключающих одна другую. Находясь в очень благожелательном расположении духа, мы можем принять пьесу, которая зиждется на благословении убийства во имя совершенного социализма, как мы можем в том же настроении снисходительно отнестись к пьесе о доброй женщине, стремящейся помочь уэльскому углекопу поступить в университет. Но мы не можем принять сочетания стали и патоки — просто несочетаемые вещи, — если сталь не превратится в жесть или патока не станет машинным маслом. Трагедия советских драматургов в том, что они пытаются совместить две традиции: традицию стали и традицию патоки[36]. И если какой-нибудь гений появится среди них и использует пропаганду как повод, чтобы вскоре оставить ее и податься к звездам, трудно представить себе, что ангелы-хранители истинной веры не схватят его за лодыжки[37].

[февраль 1941]

Исключенные фрагменты и первые варианты

[1]

Вс. Вишневский. Оптимистическая трагедия (Четыре советские пьесы. Нью-Йорк. 1932[38])

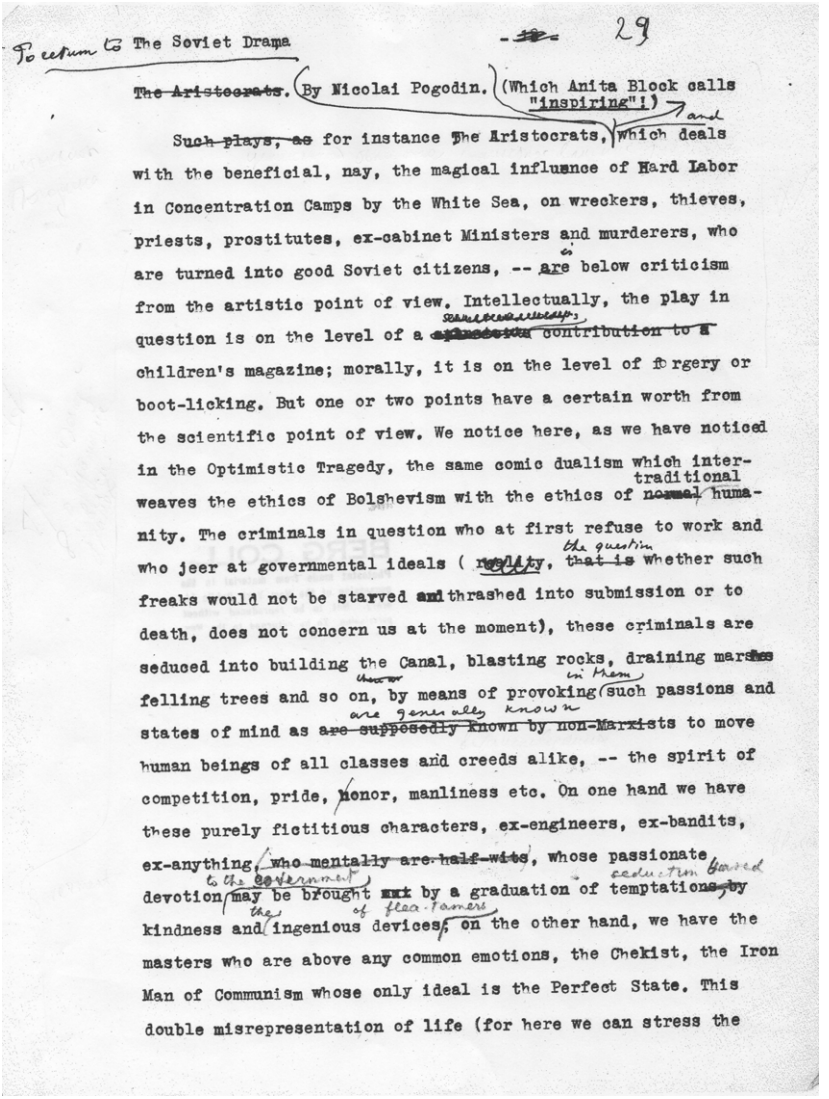
Главный пункт: трагедия в советском театре *должна* быть оптимистической, поскольку подразумевает политический хэппи-энд.

Один из моряков к публике: «Вот вы, товарищ, да, такой насупленный. Здесь не военный комиссариат, здесь у нас театр… Вы, может быть, думаете, что у театра и военного комиссариата

[36] Вычеркнуто продолжение: «идеи традиционного сверхгуманизма и традицию гуманизма».

[37] Вычеркнуто после «традицию патоки» с абзаца: «И здесь еще следует заметь следующее. Сомневаюсь, что кто-либо из [оставлено место для одного слова: критиков?] в состоянии объяснить склонность современных русских авторов к изображению мелких преступников. А объяснение есть и весьма трогательное. Такие характеры — единственная возможность вольного сочинения для советского драматурга, поскольку они (воры-карманники, к примеру) в действительности не принадлежат ни к одному определенному классу или периоду, они в стороне, за пределами общества, и оттого становятся четко выраженными индивидуальностями, описание которых дает автору ощущение свободы от классовых шаблонов — возможность бегства в искусство».

[38] Ошибка или описка Набокова: книга вышла в 1937 г.

To return to The Soviet Drama — 29

~~The Aristocrats~~. By Nicolai Pogodin. (Which Anita Block calls "inspiring"!) and

~~Such plays, as~~ for instance The Aristocrats, which deals with the beneficial, nay, the magical influence of Hard Labor in Concentration Camps by the White Sea, on wreckers, thieves, priests, prostitutes, ex-cabinet Ministers and murderers, who are turned into good Soviet citizens, -- are below criticism from the artistic point of view. Intellectually, the play in question is on the level of a ~~splendid~~ contribution to a children's magazine; morally, it is on the level of forgery or boot-licking. But one or two points have a certain worth from the scientific point of view. We notice here, as we have noticed in the Optimistic Tragedy, the same comic dualism which interweaves the ethics of Bolshevism with the ethics of ~~normal~~ traditional humanity. The criminals in question who at first refuse to work and who jeer at governmental ideals (~~reality~~ the question, that is whether such freaks would not be starved and thrashed into submission or to death, does not concern us at the moment), these criminals are seduced into building the Canal, blasting rocks, draining marshes felling trees and so on, by means of provoking in them such passions and states of mind as ~~are supposedly known by non-Marxists~~ are generally known to move human beings of all classes and creeds alike, -- the spirit of competition, pride, honor, manliness etc. On one hand we have these purely fictitious characters, ex-engineers, ex-bandits, ex-anything, ~~who mentally are half-wits~~, whose passionate devotion to the government may be brought ~~out~~ by a graduation of temptations, from starved to bribed, by kindness and ingenious devices of flea-tamers, on the other hand, we have the masters who are above any common emotions, the Chekist, the Iron Man of Communism whose only ideal is the Perfect State. This double misrepresentation of life (for here we can stress the

Страница лекции В. Набокова «The Soviet drama» (1941). The New York Public Library / Berg collection / Vladimir Nabokov papers. Holograph and typescript draft of two lectures. Manuscript box

сегодня вечером разные задачи? Ага, вы так не думаете! Ну что ж, пора, давайте начинать».

Типы: 1) Анархист Алексей. Не верит ни в какое светлое будущее; бери, но не созидай; в его мире не существует идеи победы социализма. Вольнодумец, еретик коммунистической веры.

2) Маленький Финн, жалкий, несчастный и все такое, но настоящий большевик по духу. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся и внидут в царствие коммунистическое.

NB. После этой экспозиции политических типов <поскольку такова форма экспозиции в советской драме, вместо — *развить*> действие начинается с того, что вбегает Алексей с криком: «На наш корабль назначен комиссар!» Анархисты раздосадованы: значит, они нам больше не верят.

Теперь первый сюрприз (приготовленный, разумеется правящей партией — большевиками) [комиссар] — *женщина*.

3) Ее тип — эмансипация посредством коммунизма.

4) Морской офицер: светский тон, помогает комиссарше нести чемодан, словом, тип уходящего класса. Послан в качестве командира. *Беринг*.

Действие, как мы видим, только иллюстрирует типы: маленький финн пытается защитить комиссаршу от Алексея, который говорит ей: «Давайте, товарищ, женимся […] скорей, а то уж торопит следующий, а тут ведь нас много на палубе» [последнее отсутствует у Вишневского — на палубе]. Анархисты (это нужно, чтобы показать, кто из них действительно анархист, и разницу между ними и коммунистами) надвигаются на женщину.

Второй сюрприз: реакция хорошего большевика: она невозмутимо стреляет одному из мужчин в живот. Все это — ожидание старого зануды, превратившегося в привлекательную женщину, и эта красивая женщина, становящаяся сильнее толпы грубых мужчин, — было использовано давным-давно на буржуазной сцене, с той пустяковой разницей, что револьверы заменили убийственный ответ. Только маленький финн остается с ней, когда анархисты уходят на общее собрание. К о м и с с а р. Ты один, Вайнонен [у Вишневского: Ты один?]. В а й н о н е н. И ты одна, комиссар [у Вишневского: И ты одна, комиссар?]. К о м и с с а р. А партия? (*Затемнение.*) [у Вишневского нет такой ремарки].

[2]

Старшины (Первый и Второй) полка заменяют хор греческой драмы. Они разъясняют значение каждой прошедшей сцены. Отступит ли когда-либо Партия от избранного пути? Может ли кто-

либо остановить Партию? Партия, создавшая Советский Союз, сплачивает все лучшее, созданное человеческой расой и т.п. Те, кто окажутся настолько дерзкими, что осмелятся противостоять Партии, будут сметены, уничтожены. (В речах Гитлера эта мощная риторика уже выдохлась.)

После этого очередной ход в действии: название команды «Свободный анархо-революционный отряд» упраздняется, командир (Беринг) дает полку новое название [«Первый морской полк»] и сообщает приказ выдвигаться на фронт (гражданская война в разгаре, юг — под властью белых, а моряки только в десяти милях от Петрограда, на севере). Следующая сцена показывает некоторые темные стороны анархистов и контрреволюционеров (но также открывает, что в разложении этих моряков виновны ужасы старого режима) [«С и п л ы й (*снова трогая руку комиссара, интимно*). У нас вся жизнь искалеченная. Казарма и тюрьма нас поломали… Нас зататуировали и проспиртовали на кораблях, а вы нам сознательную кашку хотите дать…»]

Вновь вступает хор: Хорошо запомните эти дни, когда человеческая раса, как сказал Ленин, «произвела великое множество предателей». Затемнение. [В пьесе иначе: Первый старшина: «При-по-минайте, припоминайте лучше минувшие дни, чтобы ничего не забыть, все помнить и всему научиться, пока осталось время до войны, о врагах, о контрреволюции припоминайте…»]

[3]

[Относится к прощальному балу перед отправкой на фронт]

(Этого бала настойчиво требовал Алексей, и, разрешив его, комиссарша показала, что Советская власть понимает, что ее детям время от времени следует развлекаться.)

И вновь хор — описывает долгое героическое шествие, которое ожидает матросов (на деле здесь заложена мысль, что комиссарша нашла способ использовать Причину буйного нрава этих бездельников и направить эти, в общем, хорошие, но дикие силы в правильное русло).

[4]

Занавес.

NB. Ни единого оригинального характера, или действия, или свежего приема в этой пьесе нет.

Акт 2
На фронте

(Еще один тип — Боцман, бессознательный большевик, который должен стать сознательным.)

Сюжет развивается. Комиссарша говорит Вайнонену о необходимости что-то предпринять против вредного влияния анархистов (Вожака и Алексея) на остальных (поскольку в начале этого акта было показано наступление полка и бегущий с поля боя Алексей).

> К о м и с с а р . Прежде всего, собрать партийцев. Затем, между прочим, — столкнуть лбами вожака и этого, как его?..
>
> В а й н о н е н . Столкнуть вожака и Алексея?.. Хорошо ли это?
>
> К о м и с с а р . Забудь это слово, Вайнонен. [В пьесе иначе: «Это необходимо, и значит, хорошо»]
>
> В а й н о н е н . А этот офицер, тоже сомнительный.

(Хотя занимает только техническую должность) — и этого следовало ожидать из-за его светских манер в начале первого акта.

Сцена с командиром. Он откровенно говорит ей, что не верит в светлое будущее, обещанное социализмом, как раньше не верил царю и церкви. Он — чистый романтик.

Затем следует новый сюрприз. Вместо того, чтобы расстрелять командира, как советовал искренний, но практичный финн, она пожимает Берингу руку, благодарит за откровенность и замечает, что он «растерян, бравирует, барахтается» (среди различных идеологий), «но служить он нам будет». Тем самым нам показывается, что большевики гуманны и дальновидны. Она использует его против анархистов, а их против него, если он попробует обмануть.

Следующая сцена — с Алексеем. Теперь мы узнаем, что он из мещан («Мещанин и по паспорту и по духу»), индивидуалист, который сражается только за себя. Следует дискуссия о собственности [«Повторяю за другими: “Вот не будет собственности… Значит, все будет чудно…” Будет, опять будет… Слушай, ведь в нас старое сидит. Сами только и ищем, где бы чего разжиться, приволочь, отхватить»].

Развитие: анархисты взбудоражены, хотят расстрелять командира Беринга. Общее напряжение.

Затемнение.

Все это старо, как Виктор Гюго. Заметьте также, что сейчас мы приступаем к «обязательной сцене».

Хор комментирует (Второй старшина читает приказ). «В том случае если партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре […] Разоружение и ликвидация должны осу-

ществляться в кратчайшие сроки — не дольше двадцати четырех часов» NB. Единство времени.

> Первый старшина. Да, все это так, но сколько в полку наших, вполне надежных партийных людей? Едва ли шесть-семь человек? Их перестреляют.
>
> Второй старшина. Комиссар и коммунисты обязаны при любых обстоятельствах самоотверженно и стойко, показывая личный партийный пример, сделать все […]

Далее показаны анархисты. Двое задержанных, двое покалеченных, офицеры, бежавшие из немецкого лагеря военнопленных, расстреляны анархистами. Комиссар в ярости: Красная Армия не расстреливает пленных (что исторически ложно: обе стороны, и белые, и красные, расстреливали пленных тысячам). Позднее мы узнаем, что перед расстрелом один из них крикнул: «Да здравствует революция!» Попусту расстрелян хороший материал, так что комиссарша вправе рассердиться. Сюжет развивается: она читает текст будто бы приказа [который сочиняет на ходу, держа в руках пустую бумагу], по которому вожак анархистов должен быть расстрелян за казнь четверых без суда и следствия (смысл в том, что анархисты по своим убеждениям не могут судить, в то время как коммунисты могут, а их идеология сама по себе уже «суд и следствие»). Алексей защищает комиссара. Затем славная деталь: Вожак перед расстрелом кричит: «Да здравствует революция!» Алексей на это: «Бро-ось!» (Это сказано для нас, для публики, чтобы мы знали, кто хороший, а кто плохой.)

NB. Советская драма всегда дознание, следствие, имеющее место не столько в действии, сколько в сознании.

[5]

Акт 3.
Военный лагерь на новом месте

В то время как интрига совершенно выдохлась, а конфликт между анархистами и большевиками продолжается, автору приходится искать какие-нибудь основания для конфликта между сомнительным командиром и большевиками. И он их находит: «Пехотная имперская бригада, переброшенная с западного фронта, двинута на наш участок». Комиссарша планирует атаку. Хор в мечтательном настроении вспоминает прошлое: «Красная Армия — тебе молодость наша! Когда нам по восемнадцать лет было, мы говорили со всем миром: “Всем, всем, всем!” Мы вспоминаем все походы наши и призывы…»

Тревога. Удар гонга.

Приложение

Из лекции В. Набокова «Трагедия трагедии»[39]

Советские трагедии представляют собой, в сущности, последнее слово в причинно-следственной модели плюс нечто такое, что безнадежно пытается нащупать буржуазная сцена: добрый бог из машины, позволяющий отделаться от необходимости поисков правдоподобного конечного следствия. Этот бог, неизменно появляющийся в финале советской трагедии, а на самом деле правящий пьесой в целом, есть не что иное, как *идея совершенного государства*, каким его представляют себе коммунисты. Я не хочу сказать, что меня раздражает здесь пропаганда. Собственно говоря, я не понимаю, почему если, скажем, один театр может потакать патриотической или демократической пропаганде, то другой не может потакать пропаганде коммунистической или какой угодно еще. Я не вижу тут разницы потому, возможно, что любая разновидность пропаганды оставляет меня совершенно равнодушным, независимо от того, вызывает ли во мне ответное чувство сам ее предмет или нет. Я хочу сказать, что всякий раз, как появляется пьеса, содержащая пропаганду, детерминист еще туже затягивает петлю на шее трагической музы. В советских трагедиях, кроме того, присутствует дуализм особого рода, делающий их почти непереносимыми, по крайней мере в чтении. Чудеса режиссуры и актерской игры, которые сохранились в России еще с девяностых годов прошлого века, когда возник Художественный театр, безусловно способны сделать зрелищной даже отчаянную халтуру. Дуализм, о котором я говорю и который представляет собой самую типическую и примечательную особенность советской драмы, состоит в следующем: мы знаем и советские авторы знают тоже, что диалектическая идея любой советской трагедии должна заключаться в том, что партийные эмоции, эмоции, связанные со служением Государству, выше обычного человеческого или буржуазного чувства, так что любая форма нравственного или физического насилия, если и поскольку таковая ведет к торжеству социализма, вполне допустима. С другой стороны, поскольку пьеса, чтобы увлечь воображение публики, должна быть хорошей мелодрамой, существует странное соглашение о том, что даже самый последовательный большевик некоторых поступков совершать не может: он не может быть жестоким с детьми или предавать друга; то есть с традиционной героикой всех времен сочетается самая что ни на есть розовая сентиментальность старомодной

[39] Полный текст этой лекции опубликован нами в собрании драматургии Набокова [Набоков 2008: С. 515–516].

беллетристики. Так что, в конечном счете, самая крайняя форма левого театра, при всей его молодцеватости и динамичной соразмерности, оказывается на деле реставрацией наиболее примитивных и банальных форм литературы.

II
Советская литература в 1940 году

«Личность художника должна развиваться свободно, без ограничений. Мы требуем лишь одного: признания наших убеждений». Так говорил нацист д-р Розенберг.

«Каждый художник имеет право творить свободно; но мы, коммунисты, должны вполне планомерно руководить этим процессом»[40]. Так говорил Ленин.

Оба высказывания я привожу дословно, и их сходство было бы весьма забавным, если бы общая картина не являла собой столь печального зрелища. Что бы это была за свобода, о которой говорил Ленин? Следующие слова дают ответ: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды»[41]. Тонкий оттенок значения слова «свобода» вполне станет ясен, если припомнить, что согласно коммунистическим представлениям все иностранные писатели либо лакеи, либо жертвы Капитализма и посему не могут называться «свободными».

«Мы направляем ваш литературный труд». Таков, стало быть, основной закон, утвержденный Партией с целью поощрения «насущной» литературы. Округлое тело закона имеет хваткие диалектические щупальца. Следующим шагом стало такое же всестороннее планирование работы писателя, как и государственной экономической системы, обещавшей ему, говоря языком официальной пропаганды, бесконечное многообразие тем, поскольку любое изменение экономического или политического курса предполагает соответствующий поворот в литературе. Сегодня тема

[40] Точная цит.: «Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего». И далее: «Но, понятно, мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результат» (Ленин о культуре и искусстве. М., 1956. С. 519–520).

[41] Из статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905). Там же. С. 45.

урока — фабрики и заводы; завтра — колхозы, затем — вредители, дальше — Красная Армия и т.д., и советский писатель отдувается и потеет, и бросается от образцового санатория к образцовой шахте в вечном страхе оказаться недостаточно проворным и воспеть советскую инструкцию или советского конструктора, которые могут быть преданы забвению в день выхода его книги.

Когда я взялся за труд оценить Советскую литературную продукцию 1940 года, я понимал, что меня ждет дикая скука; но к счастью доступный материал оказался не слишком обширным. Картина за этот год сложилась из следующих основных линий: восхваления Сталина, восхваления национальных литератур СССР, поощрение лирической поэзии о родном крае, осторожное допущение романтических чувств, изображения душевного здоровья *homo soveticus*, полярные экспедиции, отсутствие новых талантов и отсутствие прежнего «злодея» — фашистского диверсанта.

Эти линии продолжают или развивают темы 1939 года, и общая атмосфера квасного патриотизма также не нова. Теперь рассмотрим каждую особенность по порядку.

Быть может, самое уморительное в культе Сталина состоит в том, что от любого писателя сегодняшнего дня, описывающего события ленинского времени, к примеру, Гражданскую войну, ожидают изображения Сталина, как ленинской ровни, хорошего товарища и лучшего советника Ленина, кумира-близнеца революционной России в начале 20-х годов. Этот ретроспективный миф превращает историю в фарс, поскольку на самом деле наш тиран был в те дни много менее заметной фигурой — что в глазах публики, что в окружении Ленина, — чем любой другой экземпляр из множества, позднее выведенных Сталиным из оборота. Известные свидетельства его второстепенности, бывшие успешные соперники, полубоги прошлой пропаганды в прозе и стихах, таким образом, были очень ловко устранены, и теперь, двадцать лет спустя, рассудительный и благонамеренный писатель, оглядываясь назад, видит, что некогда блестящие деятели теперь вычеркнуты цензором, и автоматически выбирает для своего пера коренастого, усатого героя, некогда стоявшего за спинами других. Но что даже еще смешнее, это что в литературе того далекого времени ни о каком Лучшем Друге Ленина ничего не сказано.

Хороший пример создания ретроспективного мифа находим в стихотворении Алексея Суркова «Детство героя» («Новый мир», июнь 1940), где солдаты, что «потрясли мир» двадцать три года тому назад, разжигают воображение мальчика возбужденными отсылками к соратнику Ленина[42].

[42] Имеются в виду следующие строки, в которых имя Сталина прямо не называется: «Этот строгий, черноусый, / Что приехал из Москвы, — / Военспецам не по вкусу. / Генералы, капитаны! / Расплодилось, как мышей. / Он

Всё это, как говорят русские, только цветочки — теперь переходим к ягодкам.

В майском номере «Красной нови» рецензент «Собрания гимнов Сталину» выражает опасение такого рода, какого, полагаю, еще никогда не отмечали в анналах героических культов[43]. «Нужно обладать кистью гениального мастера, чтобы средствами творческого сопереживания [, столь типичного именно для поэзии,] передать всё величие фигуры, воплотившей заветнейшие чаяния человечества»[44], — и дьявольская трудность состоит в том, что авторам отныне запрещено производить шаблонные формальные портреты Сталина: «глубокие мысли и чувства поэтов [, взволнованных величием сталинского облика,]» должны найти средства выражения «свежие и впечатляющие»[45]. Партия теперь говорит поэтам (с ухмылкой): «Что ж, покажите нам, что вы на самом деле думаете: если ваше стихотворение о Сталине окажется скроенным по готовым образцам, значит и обожание ваше лживое». Чтобы найти нечто подобное, пришлось бы отправиться в Средние века, и даже тогда казуистика не была настолько изощренной, а испытание огнем столь неизбежным. Теперь жгут на духовном костре, и это испытание имеет обратное значение: если вы сгорите, вы спасены[46]. Когда поэт Стийенский пишет, что «меркнут слова пред его делами», автор, как мрачно замечает рецензент, «несколько неточен», поскольку он (жалкий Стийенский, задрожавший до самых своих жалких штиблет) говорит только о громаде дела, но рассказать «о громаде человека — не смог»[47].

приметит все изъяны / В их иудиной душе, / Все учтет наперечет / И головку отсечет. […] Все пошло обратным кругом / Хватит хороводиться! / Не за зря он первым другом Ленину приходится» (Новый мир. 1940. № 6. С. 3–4).

[43] Речь идет о рецензии И. Дукора на сб. «Сталин» (Гослитиздат, 1939), выпущенный к 60-летию Сталина (Красная новь. 1940. № 5. С. 308–310).

[44] Там же. С. 308.

[45] Там же.

[46] Сравнения советской критики с инквизицией находим уже в статье Ходасевича «Литература и власть в советской России» (1931): «Раньше цензура и критики преследовали лишь вредное; ныне вредным объявлено бесполезное. Если раньше карались лишь явно выраженные уклоны вправо, то ныне столь же опасно быть уличенным в уклоне влево. Кто видит темные явления советской жизни, тот клевещет на советскую республику; кто их не видит, тот злостно стремится усыпить бдительность пролетариата […] казуистик[и] марксистских критиков не может выдержать ни одно литературное произведение и даже ни одна его частность. […] советская критика находится накануне того, чтобы провозгласить вполне инквизиционное положение, в силу которого литература должна быть уничтожена, чтобы избавиться от греха, в котором она пребывает по самой своей природе» [Ходасевич 1996-а: 247–248].

[47] Красная новь. 1940. № 5. С. 310. Имеются в виду следующие строки из стихотворения черногорского писателя Радуле Марковича (псевд. Стийен-

При таком крайне требовательном «дознании помыслов», применяемом со всей строгостью, трудности, с которыми сталкивается льстец, разрастаются, как абсурд в кошмарном сне. Во времена Ленина, во всяком случае, эксперта по лести вполне удовлетворяли самые избитые восхваления — при условии их обильности.

Что касается моды на сочинения и песни национальных авторов (особенно восточных народов), нельзя отделаться от ощущения, что она тоже связана с культом личности, зиждясь на происхождении Героя и его кавказском прошлом[48], а не просто на грубом империализме, который с недавних пор Советское правительство стало поощрять. Нас уверяют, что «в деле достижения высот прекрасного» поэты восточных народов — ашуги, жирши и акыны (о которых ваш покорный слуга, будучи плохим этнологом, никогда не слыхал), замечательны во всех отношениях. В статье об азербайджанской прозе, говоря о рассказе человека с именем Мамед-Кули-Заде «Почтовый ящик»[49] Мариэтта Шагинян замечает, что «вряд ли можно назвать во всей мировой литературе много новелл, которые могли бы стоять в одном ряду с этой — по ее глубокой художественной силе и социальной действенности»[50]. Рассказ повествует о ссоре крестьянина с почтальоном, которому он не позволял забрать письма из почтового ящика, думая, что они должны оставаться в нем, раз люди их туда положили. И это — не более, чем анекдот, примечательный лишь своим относительным фольклором. Узбекские и таджикские поэты тоже

ский, 1903–1966), с 1927 г. жившего в СССР, «Песня о народном герое» (в переводе Арсения Тарковского): «Меркнут слова пред его делами. / Как бы простая муза ни пела, / Как бы гусли мои не играли, / Меркнут слова пред громадой дела». Свой вывод Дукор подготавливает словами: «Но остается какое-то чувство досады от того, что образ товарища Сталина во всей его глубине до сих пор остается нераскрытым. Ощущение величия дела еще не есть ощущение величия человека» (Там же. С. 309).

[48] Ср. в статье Д. Мирского «Сад советской поэзии. Литература Грузии» (1936): «Это все поэты социализма и социалистической Грузии. Их пафос — пафос любви к советской родине […] И как особо актуальный лирический мотив проходит через их стихи счастливая гордость, что на грузинской земле родился величайший вождь человечества — Сталин» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост. О.А. Коростелев и М.В. Ефимов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 333).

[49] Этот рассказ Джалила Мамедкулизаде (1866–1932) не имеет отношения к советской литературе, поскольку был опубликован еще в 1904 г.

[50] *Шагинян М.* Об азербайджанской прозе // Новый мир. 1940. № 6. С. 241. Шагинян в этой статье расточает непомерные, на грани пародии, хвалы восточным авторам, напр.: «Возьмем классическое наследство такого большого писателя, как Ахундов, этого Мольера Востока» (с. 240). Фигуру Шагинян и ее положение в советском литературно-чиновничьем бомонде подробно разобрал Адамович в статье «Дневник Мариэтты Шагинян» (1933).

процветают, как предсказал бедный Йорик на Съезде советских писателей в 1934 году, когда среди прочего он (Радек) столь мудро заметил: «Наш путь проходит не через Джойса, а по широкой дороге социалистического реализма».*[51]

* Пребывая в заблуждении, что время действия «Улисса», этой «Кучи навоза, в которой копошатся черви и которая не может быть понята без особых словарей»,[52] — 1916 год, он яростно нападет на автора за пренебрежение дублинским восстанием этого года![53]

[51] Астерикс и примечание принадлежат Набокову.

[52] У К. Радека иначе. Набоков совмещает два разных места его доклада: «Куча навоза, в которой копошатся черви, заснятая кинематографическим аппаратом через микроскоп»; и: «Джойс именно потому, что он почти непереводим и неизвестен у нас, вызывает у части наших писателей нездоровый интерес — не скрывается ли что-нибудь за 800 страницами его “Улисса”, которые нельзя читать без особых словарей, ибо Джойс пытается создать и собственный язык для выражения отсутствующих у него мыслей и чувств» (*Радек К.* Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 316).

За год до этого в большой статье о Джойсе Д. Мирский, подробно разобрав особенности стиля ирландского писателя и приведя фрагменты из «Улисса» в собственных переводах, в конце задается тем же вопросом, что и Радек: «Что же нам делать с Джойсом? Нужен ли он нам и можно ли критически выделить из него что-нибудь, практически полезное для советского искусства?» Мирский приходит к убеждению, что перевод его на русский — «Задача принципиально неразрешимая», что «Метод внутреннего монолога слишком тесно связан с ультрасубъективизмом паразитической рантьерской буржуазии и совершенно не соединим с искусством строящегося социализма»; что же касается его «натуралистической хватки, его галлюцинирующей точности», то и «этот единственный реалистический элемент джойсовского мастерства», по мнению Мирского, «оказывается принципиально чужд тому реализму, к которому стремится советское искусство», поскольку коренится «в болезненном, пораженческом влечении к уродливому и отталкивающему» и «в эстетско-собственническом влечении к обладанию “вещами”» (*Мирский Д.* Джеймс Джойс // Год шестнадцатый. Альманах первый. М., 1933. С. 448–450).

[53] У Радека: «Действие романа происходит в Ирландии в 1916 году. Мелкие буржуа, которых он дает, — ирландские типы, хотя и претендующие на общечеловеческое значение. Но Блюмы и Дедалюсы, за которыми автор следует в уборной, в публичном доме, в кабаке, не переставая быть мелкими буржуа, принимали участие в ирландском восстании 1916 г. Мелкие буржуа представляют глубоко противоречивое явление, и, чтобы дать образ мелкого буржуа, надо дать его в совокупности его отношений к жизни. Джойс, якобы беспристрастно дающий образ мелкого буржуа, якобы следящий за всяким движением своего героя, не просто регистратор жизни, он выбрал кусок этой жизни, который изображает. Его выбор зависит именно от того, что весь мир

Теперь переходим к более отрадной теме. Даже в прошлые годы было заметно, что короткие лиричные стихи о камнях и звездах имели больше шансов увидеть свет, чем романы или рассказы, обходящие вниманием общественные нужды. Вероятно, Партия решила, что время от времени читателю следует позволять слегка отвлекаться; а еще ей представляется (стоящей на позициях абсурдного дуализма «формы и содержания»), что советской литературе следует демонстрировать свои достижения и на поприще Верлэна. К слову, эта снисходительность по отношению к поэтам, дерзнувшим искать вдохновения в природе и естественных побуждениях, привела к тому, что десять лет тому назад Пастернаку удалось опубликовать в России свои изысканные стихи[54] (следует заметить, что два величайших русских поэта последних лет, это несомненно Пастернак и Ходасевич; последний умер в Париже в 1939 году). Как приятно найти среди официозного хлама, о котором я уже рассказал, нежное короткое стихотворение о соловье, держащем гусеницу в клюве или обращение очень незначительного поэта к морю в старом добром стиле: «Солью на губах моих осталась / Свежесть поцелуя твоего»[55].

С другой стороны, беллетристика, просмотренная мною в ежемесячных журналах, оказалась самого низкого качества. Я не смог заставить себя одолеть целиком роман Алексея Толстого, напечатанный в нескольких номерах[56], зато я осилил роман Федина [«Санаторий “Арктур”»][57], давно уже названного многообещающим писателем. Действие происходит в легочном санатории Давоса. Околдованный роковыми чарами Капитализма, доктор, стремясь избежать банкротства, принуждает персонал «находить»

умещается у него между шкафом, полным средневековых книг, публичным домом и кабаком. Национально-революционное движение ирландской мелкой буржуазии для него не существует, поэтому образ, который он дает, несмотря на видимость беспристрастия, неверен». (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. С. 316.)

[54] По-видимому, Набоков имеет в виду издание: *Пастернак Б.* Избранные стихи. М.: Советская литература, 1933.

[55] *Жаров А.* Возвращение к морю // Новый мир. 1940. № 6. С. 86. Примечательно, что Набоков не указывает на смелые для того пуританского времени эротические мотивы этого стихотворения, поскольку море у Жарова персонифицирует южную любовницу столичного жителя («Я тебя не мог забыть, шутница. / За признанье смейся надо мной: / Мне московскими ночами снится / Твой наряд прозрачно-кружевной»).

[56] «Хмурое утро», третья часть романа «Хождение по мукам», печатался с продолжением в № 4–5 (сдвоенный), № 8 за 1940 г. и затем в нескольких номерах 1941 г.

[57] Новый мир. 1940. № 4–5. С. 50–120.

бациллы туберкулеза у здоровых людей. Стиль — что-то вроде, скажем, Вики Баум. Характеры выписаны по образцу так называемой «традиции Монте-Карло» (как и в «Гранд-отеле»[58]). Там есть эмоциональная девушка, богатая влиятельная вдова, священник-англичанин и т.д. Герой — советский инженер мужественного молчаливого типа с искорками юмора — сдержанный «настоящий мужчина», внушающий читателю мифологический образ ленинской личности. Благодаря своему Коммунизму, он уверенно идет на поправку в Давосе, и тому не в силах помешать ни Капитал, ни шарлатаны.

Мотив здоровья, основанный на силлогизме: Коммунизм могуч; я — коммунист; следовательно, я могуч, — оказывается, весьма популярен в последнее время. «Никогда еще духовное здоровье советского человека не проявлялось с такой полнотой, как в его поступках, когда он оказался среди деревьев в лесной чаще», — пишет один автор, — и это вовсе не значит, что — переводя на буржуазный язык — этот человек получает удовольствие, лазая по деревьям; это означает, что он испытывает священное наслаждение от сознания, что каждое дерево в каждой чаще, как и каждый волос на каждой голове сочтен и учтен Совершенным Государством.

Произведения о жизни в лесу среди диких зверей широко представлены в журналах именно оттого, что они будоражат столь здоровые чувства. «Его (оленя) могучие рога слегка покачивались, и молодые осины склонялись перед ним, как трава» — в таком духе, — а затем следует несколько бодрых фактов об охране природы в Советском райском Саду[59].

Полярные экспедиции также не оставлены без внимания, с полным перечислением взятого с собой продовольствия:

> Шоколад…….40 кг
> Печенье……..250 кг
> Белая мука……..150 кг
> Сгущенное молоко…500 кг [sic!][60] —

[58] Бестселлер 1929 г. австрийской писательницы Вики Баум (1888–1960), переведенный на многие языки, в том числе русский, еще до его знаменитой голливудской экранизации 1932 г.

[59] Набоков цитирует, слегка переиначив, очерк С. Юрина «Путешествие к лосям»: «Его [лося] ветвистые, могучие рога, покачивались над головой, и молодые осины склонялись перед ним, как трава» (Новый мир. 1940. № 6. С. 91). В очерке действительно приводятся сведения об охране природы в СССР.

[60] Набоков не вполне точно приводит сведения из путевых очерков К.С. Бадигина «На корабле “Георгий Седов” через Ледовитый океан» (Новый мир. 1940. №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11–12), в которых помещен длинный список припасов из 30 пунктов:

и т.д., а приводится это с тем, чтобы показать щедрость Государства, когда ради него советские люди проявляют мужество. Праздничные угощения тоже перечислены:

Торт «Наполеон».
Бисквиты «Попурри».
Шоколад «Дерби», «Лебедь» и «Теннис»[61].

«Вот из чего складывается пятимесячный аварийный запас продовольствия, который мы выгрузим на лед:

1. Шоколад — 40 кг.
2. Печенье — 250 кг.
3. Мука белая, 30-процентная — 150 кг.
4. Спирт винный — 60 литров.
5. Мясокопченности — 50 кг.
6. Молоко сгущенное — 500 банок […]» (№ 6. С. 149).

[61] 23 октября 1938 г. на ледоколе «Георгий Седов» отмечалась годовщина арктического дрейфа. На корабле был устроен праздничный ужин, подробно описанный Бадигиным:

«У меня сохранилось праздничное меню, тщательно вписанное рукою доктора в нарядную рамку, разрисованную цветными карандашами. Глядя на него, я вспоминаю, с каким старанием мы […] подыскивали среди не отличавшихся разнообразием и богатством продовольственных запасов что-нибудь такое, что могло бы потрясти воображение наших людей. Вот как выглядело наше праздничное меню:

Ужин

1. Пирожки мясные.
2. Холодец свиной.
3. Селедка с гарниром.
4. Кильки.
5. Шпроты.
6. Колбаса брауншвейгская.
7. Сыр голландский.
8. Сыр швейцарский.
9. Сыр американский.
10. Севрюга в томате.
11. Сардинки.
12. Корнишоны.

Десерт

1. Пирожное “Наполеон”.
2. Печенье “Попурри”
3. Варенье “Чернослив”, “Абрикос”, “Черешня”.
4. Шоколадные конфеты “Дерби”, “Лебедь”, “Теннис”.
5. Какао.
6. Кофе.
7. Чай со свежим лимоном.
8. Шоколад “Миньон” и “Стандарт”.

Правда, продукты, из которых приготовлялся наш парадный ужин, были

Обратите внимание на дивные названия.

О том, что у советского гражданина, читающего этот перечень, текут слюнки, свидетельствует очень трогательная запись в дневниках Ильфа 30-х годов: «Всегда приятно читать перечисление запасов. Запасы какой-нибудь экспедиции»[62].

Но среднему гражданину нужно помимо сластей кое-что еще: ему нужна Романтика. В Совершенном Государстве, в котором все счастливы, в котором парни получают девушек, а девушки — парней, любовные трагедии невозможны, поскольку не существует социальных конфликтов, и ни Вертер, ни Гедда Габлер, ни Мадам Бовари не могут появиться во плоти и, следовательно, их нельзя описать по советским образцам реализма. Причина, по которой советским гражданам разрешают читать «Госпожу Бовари» (этот роман очень популярен в современной России[63]), состоит в том, что предполагается, что они будут наслаждаться книгой в художественном и историческом плане: «буржуазная литература дает нам форму, мы вкладываем содержание». Но советский гражданин набрасывается на художественную и историческую беллетристику оттого, что находит в ней эмоциональную отдушину, повествование о чуде и скорби, в котором мужчина — *не* получает девушку. Здесь также, как в департаменте лирики, руководство дозволяет вдоволь нарыдаться, чтобы тут же преподать урок: тема отвержения реакционна, поскольку только в капиталистических странах правящий высший класс устанавливает законы, порождающие любовные конфликты и романтические трагедии[64]. Ужасно забавно:

не первый свежести, — большинство из них уже полтора года путешествовало вместе с “Седовым”» (№ 6. С. 179–180).

[62] Набоков приводит часть записи по журнальной публикации (*Ильф И.* Записная книжка // Красная новь. 1939. № 5–6. С. 54): «“Путь к золоту” Альшанского. Паводок, лесные пожары, потом обмеление реки. Всегда приятно читать перечисление запасов. Запасы какой-нибудь экспедиции. Поэтому так захватывает путешествие Стенли в поисках Ливингстона. Там без конца перечисляются предметы, взятые Стенли с собой для обмена на продовольствие».

[63] В 1933 г. этот роман вышел в переводе А. Ромма, впоследствии не раз переиздавался.

[64] Представления об отношениях мужчины и женщины в советской литературе исходили из положений Ленина об их классовом характере, развитых им в беседах с Кларой Цеткин. В буржуазном обществе Ленин отмечал, с одной стороны, неизбежные конфликты, о которых говорит Набоков, а, с другой, развращение и пропаганду «освобожденной любви». В советском же обществе, по мнению Ленина, половые отношения должны основываться на здоровом образе жизни и общности идеалов: «Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчает зло и обостряет конфликты […] Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызван-

мысль о том, что здоровая советская девушка может оставаться равнодушной к ухаживаньям здорового советского юноши, абсолютно не допускается. Так, когда новый русский роман, «Первая любовь» Фраермана,[65] был одобрен к публикации и стал бестселлером прошлого года, правительство одним выстрелом убило двух зайцев: дало ребенку зеленое яблоко, а после того, как яблоко было с удовольствием съедено, указало на то, что зеленые яблоки детям вредны. Роман этот не стоит и обсуждать, это, вне всяких сомнений, макулатура, но что примечательно, так это отношение к нему советского рецензента: «Автор отравил свою героиню совсем несвойственными ее возрасту мучительными раздумьями и рефлексией. Он отнял у нее радостное ощущение советской действительности, страстной тяги к борьбе за общественные идеалы… Главная цель литературы состоит в создании ярких, увлекающих образов детей — молодых патриотов, со всем юношеским пылом совершающих подвиги с целью прославить отчизну, приумножить ее богатства… Изображая природу, романист не должен выбирать тоскливые и серые тона; советская деревня должна быть показана солнечной и радостной»[66].

Эти наблюдения суммируют все, что можно собрать после внимательного чтения унылой советской периодики 1940 года. Не стоит ожидать, что литература способна произвести сочинение непреходящих достоинств, когда ее единственная задача, как предписывает Государство, состоит в воплощении той или иной правительственной причуды.

ную также и полнотой любовной жизни» (*Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. М., 1955. С. 48–50).

[65] *Фраерман Р.* Дикая собака Динго или повесть о первой любви // Красная новь. 1939. № 7. С. 3–54.

[66] Набоков своими словами передает общий смысл замечаний А. Воложенина из его рецензии на повесть Фраермана, лишь отчасти цитируя их. Последние слова о советской деревне приписаны Набоковым рецензенту. Приведем те места из рецензии, которые Набоков использовал: «Странное впечатление производит эта героиня повести, душу и сердце которой автор отравил совсем несвойственными ее возрасту мучительными раздумьями и рефлексией. Он отнял у нее радостное ощущение действительности, лишил юношеского трепета жизни, страстной тяги к борьбе за общественные идеалы. А ведь эти черты преобладают в характере и во всем облике нашей молодежи»; «И тут советская литература призвана сыграть видную роль. Кому, как не ей, создать яркие, увлекающие образы детей — молодых патриотов, со всем юношеским пылом и горячей верой в свое дело совершающих подвиги или стремящихся к ним с целью прославить отчизну, приумножить ее богатства, принести пользу народу»; «Изображая природу, он [Фраерман] выбирает не радостные и светлые, а тоскливые и серые тона» (*Воложенин А.* Р. Фраерман. «Дикая собака динго или повесть о первой любви» // Новый мир. 1940. № 6. С. 250–253).

И, кстати, куда же, куда подевался он, этот архи-злодей, наш старый знакомый, барон фон Что-то, он же инженер-строитель Шульц, прятавшийся со своим моноклем и сигарой за спинами местных вредителей в советских журналах до сентября 1939 года?[67]

[март 1941]

III
Зеленые щи и черная икра
(отрывок из рецензии)[68]

[…] Место, отведенное в антологии г-на Курноса современным русским писателям второго и третьего ряда, представляется совершенно чрезмерным. Особенное впечатление на меня произвел один перл. Я говорю о рассказе некоего Александра Полякова, представляя которого г-н Курнос восклицает: «Насколько близок русский реализм самой жизни!» Рассказ посвящен псу, захваченному русскими у немцев:

> — Давай ей кличку дадим, — предложил кто-то, и со всех сторон, как дождь, посыпались предложения:
>
> — Фашист, Бандит, Адольф, Гитлер, Геббельс, и еще ворох имен в этом роде.
>
> — Нет, ребята, это все не годится, — перебил друзей Дормидонтов. В его синих глазах замелькали веселые искорки. Притворно серьезным и упрекающим тоном он сказал:
>
> — Товарищи! Ну, разве к лицу собаке носить такое имя? Это же оскорбление для нее.
>
> Громкий взрыв хохота покрыл слова Дормидонтова. <реализм! юмор!>
>
> — Так как же нам ее назвать? — забеспокоились танкисты.
>
> — Знаете, как назовем? […] Она ведь вместе с другим немецким имуществом нами завоевана. Это наш трофей. Так давайте и назовем ее Трофей. <С новой строки> Всем сразу очень понравилось это имя. [С новой строки] […] Минуло несколько месяцев. <Период> Трофей оставался безотлучно в батальоне. Он быстро привык к своей новой кличке <не могу остановиться>, очень сдружился с Дормидонтовым и скучал, когда тот был занят в боях. Танкисты полюбили Трофея. Всем нравилось…[69]

---

[67] 23 августа 1939 г. Советское правительство подписало с Германией «Договор о ненападении» (пакт «Молотова–Риббентропа»).

[68] Vladimir Nabokov. Cabbage Soup and Caviar. A Treasury of Russian Life and Humor. Ed. by J. Cournos. New York, 1943 // New Republic. 1944. № 3, pp. 92–93.

[69] Рассказ, цитируемый Набоковым по английскому переводу, приводится по изданию: *А. Поляков.* Трофей и другие рассказы о животных на войне. М.–Л., 1943. С. 3–18.

Нет, это не пародия, это «правдивый рассказ» (аттестует его г-н Курнос), и поразительно, как часто так называемый суровый реализм и «простота» оказываются символами самых избитых и искусственных литературных условностей, какие только можно себе представить. Сюжет настолько предсказуем, что даже не стоит говорить о нем. «Три рейса с дисками в зубах совершил к танку умный и смелый пойнтер». На самом деле умный и смелый пойнтер совершил — о, не три, а много, много больше рейсов своим неуклонным курсом из журнала в журнал во всех странах и через все войны. Несчетное число раз, приученный несметным числом пишущих дам и сидящих у камина корреспондентов, «умный пес пускался во всю прыть вперед, наверняка понимая своим собачьим сознанием, что искать […]» Обратите внимание на это «наверняка». Советская литература, будучи литературой социальной, никогда не брезговала самыми затасканными буржуазными клише (авангардные приемы, само собой, автоматически сопровождались политическим просвещением[70]), но я сомневаюсь, что даже самый снисходительный советский критик одобрил бы эту халтуру.

[1944]

IV
Русские писатели, цензоры и читатели
(отрывок из лекции)

[…] В продолжение сорока лет абсолютного господства советское правительство ни разу не теряло контроля над искусством. Время от времени тиски слегка разжимались, чтобы поглядеть, что из этого выйдет, личному самовыражению предоставлялись некоторые умеренные уступки — и вот уже иностранные оптимисты находят в новой книге политический протест, какой бы ничтожной эта книга ни была. Нам хорошо известны эти увесистые бестселлеры: «На Тихом Дону без перемен», «Не хлебом одержимые», «Хижина дяди Клима» — горы банальностей, долины тривиальностей, к которым иностранные критики применяют

[70] Ср. у Луначарского: «В футуризме есть одна прекрасная черта: это молодое и смелое направление. И поскольку лучшие его представители идут навстречу коммунистической революции, постольку они легче других могут стать виртуозными барабанщиками нашей красной культуры» («Коммунистический спектакль» // *Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 3. С. 39.)

эпитеты «захватывающие» и «мощные». Но, увы, даже если советский писатель достигнет уровня, скажем, Эптона Льюиса — дабы не называть никаких имен, — все равно никуда не исчезнет то ужасное обстоятельство, что советское правительство — самая мещанская организация в мире — не сможет не запретить индивидуальных поисков, творческой отваги, и уничтожит все новое, необычайное, трудное, странное. И давайте не будем уповать на естественный процесс угасания пожилых диктаторов. Идеология государства ни на йоту не изменилась, когда на смену Ленину пришел Сталин, и не изменилась сейчас, когда пришел Крущев или Хрущев или как там его зовут. Позвольте мне процитировать его слова о литературе, сказанные на последнем партийном съезде (июнь 1957). Вот что он сказал: «Творческая деятельность в сфере литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм, должна наполнять сердца оптимизмом, уверенностью, должна содействовать социалистической сознательности и коллективной дисциплине». Не могу устоять перед этим коллективным стилем, этими риторическими оборотами, дидактическими оговорками, неудержимым потоком газетных штампов.

Поскольку авторскому воображению и свободной воле установлены определенные рамки, всякий пролетарский роман должен кончаться счастливо, советским триумфом, и потому автор стоит перед кошмарной задачей создать увлекательный сюжет, когда развязка заранее официально доведена до читателя. В западных популярных книжках злодей как правило бывает наказан, а сильный немногословный мужчина обычно покоряет слабую болтливую девушку, но в западных странах нет закона, запрещающего произведения, которые не следуют этой славной традиции, так что у нас всегда остается надежда, что порочный, но романтичный персонаж избежит наказания, а порядочный, но скучный малый будет в конце концов отбрит капризной героиней. Но у советского писателя такой возможности нет, эпилог его книги установлен директивно, и читатель знает об этом не хуже самого автора. Раз так, то как же ему удается подогревать читательский интерес? Что ж, существует несколько решений. Прежде всего, поскольку идея хэппи-энда в действительности относится не к героям, а к полицейскому государству, и поскольку настоящий герой всякого советского романа — СССР, мы можем обречь несколько второстепенных персонажей — какими бы преданными большевиками они ни были — на насильственную смерть, лишь утверждающую в конце концов победу Совершенного государства. Собственно, иные изобретательные авторы тем и известны, что выстраивают повествование таким образом, чтобы смерть героя-коммуниста на последней странице знаменовала собой триумф идеи светлого коммунистического будущего: я погибаю за

Советский Союз. Это первый путь, но путь опасный, поскольку автора могут обвинить в убийстве символа вместе с убийством героя — юнгу на горящей палубе вместе со всем военным флотом. Если же писатель очень осторожен и искушен, он может наделить попавшего в переплет коммуниста какой-нибудь небольшой слабостью — легким, о, весьма легким! — политическим отклонением или склонностью к буржуазному эклектизму, которые, не унижая пафоса его свершений и смерти, законно оправдывают его личное несчастье.

Умелый советский писатель собирает своих персонажей, занятых в создании завода или колхоза, почти также как автор детектива сводит определенное число людей в загородном доме или в вагоне поезда, в котором скоро должно произойти убийство. В советской прозе идея преступления принимает облик некоего тайного антагониста, который вмешивается в работу и планы советского предприятия. И точно также, как в обычном детективном романе, различные персонажи показаны таким образом, чтобы читатель пребывал в сомнениях — в самом ли деле этот мрачный и строгий человек плох, а этот жизнерадостный балагур хорош? В такой книжке в роли сыщика выступает пожилой рабочий, потерявший в Гражданской войне глаз, или необыкновенно здоровая молодая женщина, присланная из «центра» выяснить, отчего так резко упало производство какой-нибудь продукции. Персонажи, скажем, рабочие завода, подобраны таким образом, чтобы показать все стадии советской сознательности: одни — стойкие и честные реалисты, другие — романтики, живущие воспоминаниями о первых годах революции, третьи — необученные и неопытные парни, наделенные, однако, мощным большевицким чутьем. Читатель следит за описаниями и диалогами, стараясь не пропустить намек, подсказывающий, кто из них искренен, а кто скрывает мрачную тайну. Сюжет становится запутанней, и когда наступает развязка и сильная, немногословная девушка разоблачает врага, мы узнаем то, о чем, возможно, догадывались: человек, вредивший работе завода — не пожилой неказистый мастеровой, часто перевирающий марксистские определения, помилуй, Господи, его благонамеренную душонку, а обходительный, легкого нрава, превосходно владеющий Марксом негодяй, чья постыдная тайна состоит в том, что двоюродный брат его мачехи был племянником фабриканта. Мне доводилось видеть нацистские романы, в которых происходит то же самое, но только с расовой подоплекой. Кроме структурного сходства с банальным детективным чтивом, нам следует отметить также «псевдорелигиозную» сторону. Старик-мастеровой являет собой гнусную пародию на недалекого, но крепкого верой и духом человека, которого ожидает Царствие Небесное, в то время как блестящего фарисея ожидают места не столь отдаленные.

При таких обстоятельствах в советских романах особенно уморительной оказывается любовная тема. […][71]

Я описал, с меньшим сожалением, надеюсь, чем отвращением, те силы, что боролись за душу писателя в 19 веке и окончательное порабощение искусства в советском полицейском государстве. В 19 веке гении не только устояли, но и расцвели, поскольку, с одной стороны, общественное мнение было сильнее любых царей и поскольку, с другой стороны, хороший читатель не поддавался контролю утилитарных идей прогрессивных критиков. В наши дни, когда общественное мнение в России совершенно уничтожено правительством, хороший читатель, возможно, все еще существует где-нибудь в Томске или Атомске, но его голоса не услыхать, его диета строго регламентирована, его мысли не сообщаются с мыслями его собратьев за границей. Его собратья — это очень важно, ведь как всемирная семья талантливых писателей преодолевает национальные барьеры, так и талантливый читатель — фигура всеобъемлющая, не зависящая от законов пространства и времени. Это он, хороший, тонкий читатель, снова и снова спасает художника от истребления — монархами, диктаторами, священниками, пуританами, мещанами, моралистами, полицейскими, почтмейстерами и лицемерами. […]

[1958]

Литература

Адамович 2015: *Адамович Г.В.* Литературные беседы (Звено) // Собр. соч.: В 18 т. Сост., прим. О. Коростелева. Т. 2. М.: Издательство Дмитрий Сечин.

Бойд 2010: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. СПб.: Симпозиум.

Вишневский 1987: *Вишневский В.В.* Оптимистическая трагедия // Шторм. Пьесы о революции. Сост. С. Никулин. М.: Современник.

Набоков 1975: Дар. Анн Арбор: Ардис.

Набоков 1999: *Набоков В.В.* Торжество добродетели // Собр. соч. русского периода: В 5 т. Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум. Т. 2.

Набоков 2000-а: [Г. Свет] Встреча с автором «Лолиты» (Новое русское слово. 6 февраля 1961) // Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум. Т. 5.

Набоков 2000-б: *Набоков В.В.* О Ходасевиче // Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум. Т. 5.

[71] Мы опускаем часть текста, в которой Набоков приводит два примера трактовки любовной темы в советском романе: идейную из «Большого сердца» (1957) некоего Антонова (вполне возможно, что и название романа и имя автора вымышлены) и производственную из «Энергии» (1933, 1939, позд. ред. 1947) Гладкова.

Набоков 2008: Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. Сост., прим. А. Бабикова. СПб.: Азбука.

Набоков 2014: *Набоков-Сирин В.В.* О Пушкине. О Блоке. Публ., прим. С. Швабрина // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 277.

Набоков 2015: Взгляни на арлекинов! Пер. с англ., прим. А. Бабикова. Изд. 4-е, уточн. и доп. СПб.: Азбука.

Набоков 2016: Полное собрание рассказов. Сост., прим. А. Бабикова. Изд. третье, уточн. СПб.: Азбука.

Набоков 2017: Письма В.В. Набокова к В.Ф. Ходасевичу и Н.Н. Берберовой. Письмо Н. Берберовой к В. Набокову (1930–1939). Публ., прим. А. Бабикова и М. Шрубы // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Ed. by Stefan Newerkla & Fedor Poljakov. N. F. 5 (2017). (В печати.)

Ходасевич 1996-а*: Ходасевич В.Ф.* Литература и власть в советской России // Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. Сост. С. Сильванович, М. Шатин. Комм. Н. Богомолова, прим. И. Андреевой. М.: СС.

Ходасевич 1996-б: Собр. соч.: В 4 т. Сост. И.П. Андреевой и др. М.: Согласие. Т. 2.

Ходасевич 2010: Собр. соч.: В 8 т. Сост. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. М.: Русский путь. Т. 2.

Nabokov–Wilson: Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971. Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al., 2001.

Nabokov papers: Letters to Zinaida Shakhovskoy. Nabokov Archive / Manuscript Division, The US Library of Congress. Washington, DC.

References

Adamovič 2015: *Adamovič G.V.* Literaturnye besedy [Conversations on literature] (Zveno) // Sobr. soch.: V 18 t. [Collected works: in 18 vol.] Sost., prim. O. Korosteljov. T. 2. M.: Izdatel'stvo Dmitri Sechin.

Boyd 2010: *Boyd B.* Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody [Vladimir Nabokov. The American years]. SPb.: Simposium.

Hodasevič 1996-a: *Hodasevič V.F.* Literatura i vlast' v sovetskoi Rossii // Nekropol'. Vospominanija. Literatura i vlast'. Pis'ma B.A. Sadovskomu [Literature and power in Soviet Russia // Necropolis. Memories. Literature and Power. Letters to B.A. Sadovski]. Sost. S. Sil'vanovič, M. Shatin. Komm. N. Bogomolov, prim. I. Andreevoi. M.: SS.

Hodasevič 1996-b: Sobr. soch.: V 4 t. [Collected works: in 4 vol.] Sost. I. Andreevoi i dr. M.: Soglasie. T. 2.

Hodasevič 2010: Sobr. soch.: V 8 t. [Collected works: in 8 vol.] Sost. J. Malmstad, R. Hughes. M.: Russkii Put'.

Nabokov 1975: Dar [The gift]. Ann Arbor: Ardis.

Nabokov 1999: *Nabokov V.V.* Torzhestvo dobrodeteli [The triumph of virtue] // Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. [Collected works of Russian period: in 5 vol.] Sost. N.I. Artemenko-Tolstoi. SPb.: Simposium. T. 2.

Nabokov 2000-a: [G. Svet] Vstrecha s avtorom «Lolity» [A meeting with the author of *Lolita*] (Novoe Russloe Slovo. 6 fevralja 1961) [New Russian word (newspaper). February 6. 1961] // Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. SPb.: Simposium. T. 5.

Nabokov 2000-b: *Nabokov V.V.* O Hodaseviče [On Hodasevič] // Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. SPb.: Simposium. T. 5.

Nabokov 2008: Tragedia gospodina Morna. P'esy. Lekzii o drame [The tragedy of mister Morn. Plays. Lectures on drama]. Sost., prim. A. Babikov. SPb.: Azbuka.

Nabokov 2014: *Nabokov-Sirin V.V.* O Pushkine. O Bloke [On Pushkin. On Blok]. Publ., prim. S. Shvabrina. Novyi Zhurnal. New York. Kn. 277.

Nabokov 2015: Vzgljani na arlekinov! [Look at the Harlequins!] Per. s ang., prim. [transl. from English and notes] A. Babikov. Izd. 4, utochn. i dop. [The fourth edition, revised and expanded] SPb.: Azbuka.

Nabokov 2016: Polnoe sobranie rasskazov [Complete collection of short stories]. Sost., prim. A. Babikov. Izd. tret'e., utochn. [The third, revised edition] SPb.: Azbuka.

Nabokov 2017: Pis'ma V.V. Nabokova k V.F. Hodaseviču i N.N. Berberovoi. Pis'mo N. Berberovoi k V. Nabokovu [V.V. Nabokov's letters to V.F. Hodasevič and N.N. Berberov. A letter from N. Berberov to V. Nabokov]. Publ., prim. A. Babikov i M. Shruba. *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* Ed. by Stefan Newerkla & Fedor Poljakov. N. F. 5 (2017). (In print.)

Nabokov–Wilson: Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971. Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al., 2001.

Nabokov papers: Letters to Zinaida Shakhovskoy. Nabokov Archive / Manuscript Division, The US Library of Congress. Washington, DC.

Vishnevski 1987: *Vishnevski V.V.* Optimisticheskaya tragedia [An optimistic tragedy] // Shtorm. P'esy o revolutsii [Storm. Plays on revolution]. Sost. S. Nikulin. M.: Sovremennik.

Combination of steel and treacle. Vladimir Nabokov on Soviet Literature: New materials

Andrei A. Babikov

Abstract: This publication of Vladimir Nabokov's archival materials presents annotated Russian translations of two lectures on Soviet drama (with excluded fragments and first variants) prepared by him for his Wellesley college course in 1941; his review "Soviet Literature 1940" written for the "Decision" journal (New York), but rejected by it; as well as other Nabokov's statements on Soviet literature from the nineteen-forties and fifties. The publication substantially expands and deepens our understanding of the range of his reading interests at the time while allowing us to determine his opinions regarding Soviet literature, from belles lettres to the theater. It testifies to the interconnectedness of his opinions with those of such leading émigré critics as Georgy Adamovich and Vladislav Hodasevich not only in the area of émigré literature, but also in Russian literary studies in the USA. The publication is preceded by an introduction, which highlights many lesser-known and unknown issues and sources on the subject. The publication is provided with detailed notes.

Keywords: Vladimir Nabokov, archival materials, translation into Russian, theory of drama, émigré criticism, soviet literature, American Russian philology.

Information about the author: Andrei A. Babikov, Russian émigré literature researcher, Moscow, Russia. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-66-111
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом

Вступительная статья и примечания *С.В. Сапожкова*
Публикация *А.В. Сысоевой* и *С.В. Сапожкова*

Аннотация: Традиционно З.Н. Гиппиус рассматривается преимущественно в окружении писателей модернистского лагеря, в контексте религиозно-обновленческого движения Серебряного века. Между тем, литературные и личностные связи «декадентской мадонны» отнюдь не ограничивались родственным окружением, распространяясь на представителей иных «партий», часто враждебно настроенных по отношению к литературному авангарду. Публикуемая переписка с поэтом-сатириком и переводчиком П.И. Вейнбергом, ярким выразителем демократических идеалов эпохи 1860-х, может послужить хорошей фактической площадкой для выстраивания принципиально иной парадигмы личностных и литературных контактов З. Гиппиус, совершенно по-новому раскрывающим грани ее творческой личности, принципиально открытой литературному процессу рубежа веков, во всем разнообразии и пестроте представляющих его писательских сил. Письма к П.И. Вейнбергу — один из разделов готовящегося в серии «Литературное наследство» тома «Из эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус».

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, П.И. Вейнберг, Литературный фонд, Шекспировский кружок, «пятницы» К. Случевского, стихотворный экспромт.

Информация об авторах: Сергей Вениаминович Сапожков, д.ф.н., профессор МПГУ, Москва. E-mail: servensap@yandex.ru

Анастасия Владимировна Сысоева, к.ф.н., рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург. E-mail: sysoevaav@gmail.com

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 17-04-00553).

Переписка Зинаиды Гиппиус с известным переводчиком и поэтом-сатириком Петром Исаевичем Вейнбергом (1831–1908) примечательна во многих отношениях. Она поучительна для понимания истории творческих контактов представителей разных, во многом противоположных и по мировоззрению, и по эстетическим пристрастиям, и по кругу общения писательских поколений. Гиппиус — признанный лидер и выразитель идеологии религиозно-философского течения отечественного символизма 1890-х — начала 1900-х годов, Вейнберг — поэт-сатирик, чье творчество впитало

в себя демократические настроения эпохи «шестидесятых», эпохи «Искры» и «Свистка». В понимании «народнической» критики 1880–1890-х годов (Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский) имена Гиппиус и Вейнберга всегда стояли по разные стороны «баррикады», принадлежали к непримиримым, враждующим литературным «партиям», исключавшим какой-либо творческий диалог. И то обстоятельство, что такой диалог все-таки состоялся, что он протекал весьма интенсивно вопреки, казалось бы, очевидным разногласиям, заставляет с особым вниманием вчитаться в публикуемые письма, по-новому раскрывающие духовный облик корреспондентов, взаимная личная приязнь и дружба которых опровергают известное представление о литературном процессе как только «борьбе» и «смене» «старого» «новым».

Прежде чем приступить к характеристике писем Гиппиус к Вейнбергу, стоит хотя бы бегло напомнить те вехи писательской биографии последнего, которые будут стимулировать взаимный интерес корреспондентов друг к другу. Свой писательский путь Вейнберг начал как автор сатирических фельетонов в «Искре» (цикл «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений “Искры”», 1860–1863) и сатирических стихов и пародий (сб. «Юмор. Стихотворения Гейне из Тамбова», 1863). Наибольшее влияние на характер поэтического дарования Вейнберга оказал тон его ранних переводов из Г. Гейне («вызывающая дерзость насмешливых мыслей вместе с наивной нежностью сердца», по точному определению З. Венгеровой)[1], особо ощутимый в стиле его собственной лирики. Этот сплав традиций демократической сатиры и иронической поэзии Гейне во многом сформировал поэтическую личность Вейнберга, с его любовью к игре рифмами, приверженностью к экспромтам, каламбурам и bon mots, капризным перепадам лирического пафоса и трезвого скептицизма, стихотворным пуантам и ироническим развязкам. Эта особенность дара как нельзя лучше совпала с общительностью и открытостью его личности, его неуемным литературно-общественным темпераментом.

Личность Вейнберга-журналиста, издателя и ведущего сотрудника многочисленных журналов, «толстых» и «тонких», «серьезных» и не очень, рассчитанных на культурную элиту и массовый спрос, неотделима от его участия в многочисленных кружках, обществах, салонах, вечерах, обедах и просто дружеских пирушках литераторов, где он был главным «заводилой» и душой компании. Изабелла Гриневская вспоминает характерную деталь домашнего интерьера Вейнберга: его квартира, «обставленная со строгим ком-

[1] *Венгерова З.А.* П.И. Вейнберг (К 50-тилетию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 99.

фортом, была лишена совсем гравюр, картин и вся была увешена портретами писателей, по преимуществу, русских. Большинство портретов с автографами. Столики, столы, этажерки, кронштейны также уставлены портретами. С этой коллекцией портретов может сравняться разве только коллекция портретов талантливого переводчика русских поэтов на немецкий язык г. Фидлера»[2]. То, что сегодня называется «литературным бытом», для Вейнберга было непременной частью и органическим проявлением творческой натуры автора. Он подозрительно относился к «кабинетным» писателям, ведущим уединенный и замкнутый образ жизни, и многое делал для того, чтобы сплотить писателей за рамками их письменных столов, объединить их участием в разнообразных «мероприятиях», проводившихся по линии Литературного фонда.

Вейнберг организовывал постановки русской классики с участием писателей, был заядлым театралом, сам писал для сцены. В частности, инсценировал «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева (1894), сочинял прологи для сцены, например, «У Фонвизина» (отдельное издание — 1893) — к «Недорослю», «Миллион терзаний» (отдельное издание — 1895) — к «Горю от ума», писал водевили, оперные либретто. Особо надо отметить литературные чтения — вечера, на которых поэты и прозаики с эстрады читали свои произведения; в них также принимали участие лучшие актеры, профессиональные чтецы и рассказчики. Часто такие вечера проводились по так называемой «подписке»: многочисленная публика покупала билеты, а доход с вечера шел в пользу того или иного писателя (на лечение, на поддержку в старости и т.п.) или его семьи. Участие Вейнберга в организации и проведении такого рода вечеров трудно переоценить.

Именно участие в таких вечерах и положило начало прочной дружеской приязни между корреспондентами. По приглашению Вейнберга Гиппиус не единожды выступала на литературных чтениях. Так, 19 ноября 1896 г. она читала на вечере, проходившем в зале Кредитного общества. Об этом событии сохранилась запись в дневнике Ф. Фидлера (со слов К.С. Баранцевича): «…Она была вызывающе одета: стиль ампир, белое платье с серебряными блестками, по плечам — будто два крыла. Когда она начала читать свое скандальное *“Небеса унылы и низки…”*, публика стала смеяться; когда же она дошла до места *“Но люблю я себя как Бога”*, — всеобщее “ха-ха-ха” смешалось с громким шипением»[3]. Эта неудача не остановила Гиппиус. 27 декабря 1897 г. она вновь выступила на литературно-музыкальном вечере в память Н.А. Некрасова и

[2] РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 28.

[3] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 195–196.

И.С. Тургенева, устроителем которого также был П.И. Вейнберг[4]. Много позднее, в книге воспоминаний «Живые лица», Гиппиус преподносила сам факт приглашения ее на подобные мероприятия как доказательство известной «дерзости» Вейнберга: «Однако была у него тут немножко и шалость: вот вам, не одни мы, послушайтека и новенького! Мы порою чувствовали себя с ним, как проказливые дети. Подымется шум — Вейнбергу и горя мало: пусть пошумят, тем веселее. Сам, бывало, выйдет со мной на эстраду несколько раз. […] Примешивая к старикам более молодых, Вейнберг приучал к ним, мало-помалу, публику»[5]. То, что Гиппиус была не одинока в подобных оценках, подтверждается воспоминаниями той же Гриневской, страстной любительницы и непременной участницы литературно-музыкальных концертов, устраиваемых Литературным фондом: «На этих вечерах-концертах […] П.И. Вейнберг не только выдвигал “молодых” и знакомил писателей с читающими массами, особенно со студенчеством, но, выдвигая молодых, он при этом не заталкивал в задний и темный угол “старых”, не создавал между ними средостения зависти, не потворствовал захватническим инстинктам тех или других кружков, течений, не потворствовал инстинктам овладеть браздами законодательства на литературной арене. Он истинно стремился к объединению литературной братии. В этом и было главное благо, приносимое его деятельностью»[6]. Эта широта и толерантность подхода к литературе в сочетании с безукоризненной честностью и порядочностью в личных отношениях снискали Вейнбергу заслуженный авторитет в писательской среде Петербурга. С 1893 г. он член Комитета Литературного фонда, а в 1901 г. избирается его председателем.

Однако то, что с исторической дистанции воспринималось объективно, как факт эпохи, вблизи переживалось остро-драматически, требовало затраты немалых душевных сил, оборачивалось охлаждением дружеских связей. О том, каких порою серьезных колебаний стоило Гиппиус дать согласие на участие в «шалостях» Вейнберга, какое внутреннее напряжение испытывала она, выходя на эстраду перед пестрой и, в большинстве своем, мало сочувствующей ей, а то и вовсе враждебно настроенной публикой, в окружении писателей, своих «заклятых» недругов, — свидетельствует ряд писем, относящихся к подготовке литературного вечера, состоявшегося 30 декабря 1895 г. (см. коммент. к письмам № 5–7). От

[4] Письмо Гиппиус к П.П. Перцову от 1 января 1898 г. // Русская литература. 1991. № 4. С. 130.

[5] *Гиппиус З.* Живые лица / Сост., вступит. ст. и коммент. А. Николюкина. М., 2002 С. 167–168.

[6] РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 28 об.

обоих корреспондентов в данной ситуации потребовалось немало душевной деликатности и открытости, чтобы правильно понять друг друга и остаться друзьями.

В очерке «Благоухание седин», вошедшем в книгу воспоминаний «Живые лица», Гиппиус оставила литературный портрет Вейнберга, акцентируя в нем наиболее дорогие черты. И то, что он был «душа всех литературных вечеров, хранитель “честного” литературного направления»[7]. И то, что только в его маленьком подвале на Фонтанке, где кого только ни встретишь, была «настоящая, исконная *“литературная среда”*»[8]. И то, что Вейнберг, «так нежно, так верно любивший литературу старую, так знавший и ценивший ее традиции, даже быт, интересовался и новым. […] Он пытался схватить и понять, как умел, движение литературы *во времени*»[9]. Весь этот спектр оценок личности Вейнберга вобрал в себя небольшой изящный стихотворный экспромт Гиппиус, словно отчеканивший благородную стать духовного облика адресата:

Люблю — хрусталь бесценный и старинный,
Обычаи невозвратимых дней,
Благоприятны старые картины
И старое вино душе моей.
Всегда, всегда любила я седины,
И, наконец, пришла моя пора:
Не устояло сердце робкой Зины
Перед цветами Вейнберга Петра![10]

Такого рода признания — не только игра в литературную «галантность» и отнюдь не проявление женского кокетства. Сам тон и характер переписки корреспондентов убеждают в искренности и сердечной теплоте этих слов. Не стоит сомневаться, что Вейнберг платил Гиппиус той же монетой. И хотя ответных писем практически не сохранилось, но из писем Гиппиус отчетливо вырисовывается и облик ее визави — истинного «рыцаря» своей «дамы», несколько старомодного, но верного и, что немаловажно, способного к иронической самооценке.

Разумеется, литературной романтикой отношения Гиппиус и Вейнберга отнюдь не исчерпывались. Они не были лишены и чисто прагматического интереса. Мережковские в первые годы столичной жизни очень нуждались и, чтобы заработать деньги на заграничные путешествия, которые предпринимались не только в профессиональных и познавательных, но и в лечебных целях (Гиппиус

[7] *Гиппиус З.* Живые лица. С. 166.
[8] Там же. С. 167.
[9] Там же. С. 167.
[10] *Гиппиус З.Н.* Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Академический проект, 1999. С. 288.

страдала хроническими легочными заболеваниями), вынуждены были сотрудничать во всех журналах, включая «пестрые». Кроме того, для этих же целей — получения сравнительно быстрого и ощутимого литературного заработка — они много переводили, особенно Д.С. Мережковский, а среди отечественных переводчиков конца XIX в. Вейнберг — фигура очень авторитетная, пользовавшаяся заметным влиянием в журнальных кругах[11]. В письмах Гиппиус читатель не раз встретит эту — «деловую» — сторону их отношений.

Отдельного внимания заслуживает эпизод с разрешением на публикацию в «Новом пути» писем С.Я. Надсона к Мережковскому. Он был настоящей проверкой на честность и открытость отношений между корреспондентами. Можно понять Вейнберга, который, не желая ссориться с М.В. Ватсон, литературной душеприказчицей Надсона, испытывал определенное чувство неловкости перед просьбой Гиппиус дать разрешение Литературного фонда на публикацию этих писем. И дело тут было не в нарушении чьих-то авторских прав и даже не в «нравственной» стороне вопроса, а в том, что Вейнберг понимал, что, санкционируя эту публикацию в ненавистном для всех «народников» и «демократов» журнале «декадентов», он в глазах «партии Надсона» будет выглядеть, по крайней мере, конформистом. Вейнберг явно рисковал своей литературной репутацией. И, тем не менее, интересы литературы, как убеждала его Гиппиус (см. п. № 22), должны были восторжествовать над партийными пристрастиями — и они восторжествовали. Два письма Надсона к Мережковскому (1883 г.) были опубликованы в журнале «Новый путь» (1903. № 4), а впоследствии перепечатаны в полном собрании сочинений Надсона (Пг., 1917) под редакцией М.В. Ватсон[12].

Задолго до этого случая Гиппиус могла убедиться в том, насколько Вейнберг восприимчив к «новому», насколько неугасим в нем живой, неподдельный интерес к актуальным явлениям литературного процесса. В начале 1890-х, испытывая большие затруднения с публикацией романа «Юлиан Отступник» в «Северном вестнике», Мережковский старался найти поддержку на стороне. И нашел ее — у Вейнберга[13]. Благожелательный прием у него встретил

[11] О Вейнберге-переводчике см.: *Тиандер К.Ф.* Петр Исаевич Вейнберг // Известия Отделения русс. яз. и словесн. Императорской Академии Наук. 1909. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 132–151; *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. С. 261–288. Список переводов Вейнберга, им самим составленный, см.: РГБ. Ф. 360. Оп. 2. Ед. хр. 29.

[12] 8 писем Мережковского к Надсону опубликованы и прокомментированы А.В. Лавровым. См.: Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 178–192.

[13] См. об этом: *Зобнин Ю.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 110–111.

и следующий «неприкаянный» роман писателя — «Воскресшие боги»[14]. Возможно, некоторые недатированные записочки Гиппиус, в которых говорится о всевозможных «чтениях» у Вейнберга, относятся именно к этим эпизодам в их писательских контактах. То же касается и устройства заседаний так называемого Шекспировского кружка, о которых идет речь в письмах Гиппиус (см. пп. №№ 1, 41). Один только список участников этих встреч, на которые собирались люди, искушенные в тонкостях литературы, изощренные эстеты и авторитетные «декаденты» (князь А.И. Урусов, С.А. Андреевский, А.Л. Волынский, И.И. Ясинский, В.Д. Спасович, сами Мережковские), и органичное соседство с ними «старомодной» фигуры Вейнберга — говорят сами за себя… Среди отечественных исследователей и переводчиков Шекспира имя Вейнберга занимает далеко не последнее место[15]. Вейнберг, приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, часто выступал с публичными лекциями о Шекспире, и в письмах Гиппиус есть свидетельства неподдельного интереса к этой сфере его деятельности (см. пп. №№ 4, 9). Но не только интерес к Шекспиру способствовал сближению Вейнберга с окружением Гиппиус. На заседаниях Шекспировского кружка обсуждались и новинки современной французской, «декадентской» литературы: произведения Малларме, Гюисманса, Сеара, Блуа, из «старых» — Флобера и Бодлера[16]. И, надо думать, компетентность Вейнберга как участника таких заседаний не вызывает сомнений. По свидетельству З. Венгеровой, среди современных историков литературы Вейнбергу не было равных в знании всех тонкостей немецкого Sturm und Drang'а и «Молодой Германии»; в то же время он был прекрасно осведомлен о «самых новых явлениях, о нервной художественности Верлэна, об исступленном громителе общества Стриндберге, о новом мире образов, созданных Метерлинком, — и всегда он, хотя и спорил против чрезмерного увлечения новизной, выказывал умение чувствовать высоту вдохновения и в самых непривычных форматах»[17].

[14] В недатированном письме (зима–весна 1898 г. ?) к неустановленному лицу З. Гиппиус [?] делится литературной новостью: «Мережковский читал у Вейнберга отрывки своего романа и имел успех» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 205б. Л. 167).

[15] См.: Шекспир: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / Сост. М.И. Нелидова. М.: Книга, 1964 (по указ.)

[16] О Шекспировском кружке см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 263.

[17] *Венгерова З.А.* П.И. Вейнберг… С. 95.

Когда же в культурной атмосфере эпохи ощутимо повеяло неорелигиозными «ветрами», Вейнберг нередко приходил на квартиру Мережковских и, по свидетельству Гиппиус, «долго, серьезно расспрашивал, откуда этот уклон к религии, что он означает, что думаем мы»[18]. Если верить современникам, то Гиппиус в беседах с «Гейне из Тамбова» могла быть столь откровенной, что иногда позволяла себе делиться некоторыми рискованными идеями своей «декадентской» философии любви, часто получавшими искаженный резонанс в виде комических слухов — в том, например, роде, «что отвергает *чувственное, половое наслаждение* и признает лишь одно *сладострастие*»[19].

Разумеется, многие эти и другие культурные «новации» эпохи скорее вызывали у Вейнберга чувство недоумения, а то и откровенной досады и плохо скрываемого раздражения (стоит вспомнить хотя бы решение комитета Литературного фонда отклонить запланированную на начало 1901 г. лекцию Д. Мережковского «Л. Толстой и Наполеон-Антихрист»)[20], но в данном случае следует отметить сам его живой интерес к ним, желание услышать оппонента. Впрочем, по части неприятия некоторых новомодных поэтических веяний вкусы Вейнберга и Гиппиус порой совпадали. Таким, например, было их саркастическое восприятие так называемой «декадентской» поэзии 1890-х гг. Когда совсем еще юный Владимир Гиппиус в гостиной Мережковских, «слегка завывая, декламировал что-то насчет ненавистных звезд и хищных воронов, его немыслимые стихотворные размеры вызвали […] досаду Вейнберга, покинувшего комнату со словами: “Убейте меня, если я хоть что-нибудь понял!”»[21]. И можно быть уверенным, что такой эффект был заранее предусмотрен Гиппиус, искавшей себе союзников в крестовом походе против «декадентства».

Но, пожалуй, наиболее для нас интересен сам стиль писем Гиппиус к Вейнбергу и — шире — стиль их общения. Мы с удивлением обнаруживаем, что «декадентская мадонна», которую привыкли наблюдать в богемной среде символистских салонов или в обстановке напряженных «богословских», «ученых» споров, бушевавших на знаменитых Религиозно-философских собраниях, — так легко и свободно, весело и непринужденно владеет искусством иронического дружеского письма, полного каламбуров и пародийных аллюзий, так органично чувствует себя в жанре стихотворного экспромта, такая мастерица на всякого рода шутки, афоризмы и литературные

[18] *Гиппиус З.* Живые лица. С. 171.
[19] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. С. 184.
[20] См. об этом: *Мережковский Д.* «Отцы и дети» русского либерализма (Письмо в редакцию) // Мир искусства. Т. 5. № 2–3. С. 126–128.
[21] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. С. 177.

розыгрыши[22]. «Высокое» «жизнетворчество» символистов в лице Гиппиус встретилось с «демократическим» «литературным бытом» в лице Вейнберга — и отнюдь не проиграло от этой встречи, а засверкало новыми, ранее неизвестными гранями творческого дара Гиппиус, обнаружило способность легко вбирать в себя этот «быт», преображать его в процессе увлекательной литературной игры, в которую она включилась с подачи своего корреспондента[23]. Эту восприимчивость творческой натуры Гиппиус к «аттической» закваске смеховой культуры шестидесятников, на которой, как на дрожжах, взрастали плоды их несколько грубоватой, но обаятельной юмористической музы, Вейнберг, несомненно, оценивал по достоинству, чего, к примеру, нельзя сказать о Мережковском, вообще сторонившемся любых фамильярных контактов, и уж тем более — с «шестидесятниками».

Впрочем, подыгрывать экспромтам и розыгрышам своей визави Вейнберг был готов до известных пределов — пока они не затрагивали неприкасаемых в его понимании литературных святынь — таких, например, как имя А.С. Пушкина. Показателен инцидент, описанный в дневнике Ф.Ф. Фидлера, случившийся во время Пушкинского вечера в Мариинском театре 3 апреля 1899 г.: «В момент апофеоза (мы стояли слева и справа от памятника) на сцену вышла Зиночка Мережковская и принялась разглядывать памятник через лорнет; затем, когда занавес поднялся во второй раз, она расположилась у ног Пушкина вместе с Чюминой и Лохвицкой. Позднее, когда занавес окончательно опустился, Вейнберг, крича и кипятясь, стал резко упрекать Мережковскую за эти выходки с лорнетом; при этом он ее передразнивал и копировал ее движения. Она не ответила ему ни единым словом, лишь на щеках у нее проступили белые пятна»[24].

Было еще одно место в литературном Петербурге конца 1890-х — начала 1900-х гг., где Гиппиус могла близко наблюдать Вейнберга во всем блеске и обаянии его юмористического дара и где атмосфера стихотворного экспромта культивировалась как программная для поведения всех посетителей[25]. Это «пятницы» К. Случевского

[22] В этом смысле показательна публикация стихотворений З. Гиппиус, осуществленная А.Л. Соболевым (см.: Зинаида Гиппиус. Стихотворения // Русская литература. 1991. № 2. С. 181–186). Составитель осознанно объединил в одной подборке «серьезные» и «несерьезные» жанры ее лирики.

[23] Выразительные примеры обмена экспромтами приведены в кн.: *Гиппиус З.* Живые лица. С. 169–170. См. также экспромты, приведенные в настоящем издании в текстах писем Гиппиус к Вейнбергу и примечаниях к ним (№№ 4, 12, 15, 20).

[24] *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. С. 276.

[25] Подробнее об этом см.: *Сапожков С.* «Пятницы» К. Случевского (По новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 259–262.

(1898–1903). Однако в альбоме «пятниц» мы практически не обнаружим экспромтов Гиппиус. Наоборот, как бы в пику общей «несерьезной» атмосфере пятничных собраний, Гиппиус (как и Мережковский) записывала в альбом пафосные цитаты из своей лирики тех лет, вроде знаменитой сентенции из «Снежных хлопьев»: «Люблю недостижимое, // Чего, быть может, нет…»[26]. Объясняется это, вероятно, как многолюдством и пестротой состава «пятниц», где было много «чужих», лично неприятных Гиппиус людей, отчего она чувствовала себя не в своей тарелке, так и преднамеренностью экспромтного творчества «пятничников», а то и откровенной художественной низкопробностью их альбомного стихотворства. Не со всяким «экспромтистом» Гиппиус была готова вступать в творческое соревнование. Думается, Вейнберг был именно тем, с кем Гиппиус чувствовала себя органично и с охотой принимала предложенный тон «дружеской болтовни». К сожалению, до нас дошло только одно письмо Вейнберга, но, думается, что сам его стиль, обнаруживающий в авторе подлинного мастера литературного экспромта, дает достаточные представления о том, какой бы мог остаться плод от этого общения в творчестве Гиппиус, если бы в него полноценно включился сам «Гейне из Тамбова». В целом, переписка Гиппиус с Вейнбергом представляет собой благодатный материал для изучения роли смеховой культуры в эстетике и жизнетворчестве «религиозных символистов», использовании ими культурных моделей поведения, восходящих к традиции писателей-«демократов», шестидесятников.

По свидетельству Гиппиус, приятельские отношения с Вейнбергом сохранялись у нее вплоть до отъезда Мережковских за границу в 1906 г.[27]

В настоящем номере «Литературного факта» публикуется 1 письмо П.И. Вейнберга к З.Н. Гиппиус (РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1039) и 41 письмо З.Н. Гиппиус к П.И. Вейнбергу (РО ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11; Разряд III. Оп. 2. Ед. хр. 260).

В комментариях приняты сокращения:

Гиппиус З. Живые лица — *Гиппиус З.* Живые лица / Изд. подгот. А. Николюкин. М.: Олма-Пресс, 2002.

Гиппиус З. Неизвестная проза — *Гиппиус З.* Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Под ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002.

[26] Альбом «пятниц» К.К. Случевского / Публ. и коммент. С.В. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 282.

[27] *Гиппиус З.* Живые лица. С. 173.

Зобнин Ю. Хроника — *Зобнин Ю.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 397–428 («ЖЗЛ»).

Фидлер Ф. — *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

1. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 октября 1893. СПб.

Дорогой Петр Исаевич, посылаю вам повесть[1], о которой говорила. В четверг вечером с вами увидится Дм[итрий] Серг[еевич], может быть, вы ему сообщите ответ. При сем этот литератор прилагает несколько своих стихотворений[2].

Скоро ли мы увидимся? Я, как слабая женщина, не приглашена к Спасовичу[3].

Жму вашу руку.

Зина Мережковская

PS. Если бы возможно было за мою повесть (в случае ее пригодности) получить металл к 15-му Ноября — то это было бы нам очень кстати

S[inaida] H[ippius].

5 Окт[ября]

[18]93.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

[1] Вероятно, имеется в виду очерк З.Н. Гиппиус «Голубое небо». Опубл.: Всемирная иллюстрация. 1893. № 10–11.

[2] Возможно, ходатайствуя за своего мужа перед Вейнбергом, Гиппиус имела в виду свои стихотворения. Так, под фамилией «Д. Мережковский» она опубликовала во «Всемирной иллюстрации» стихотворение «Смотрю на море жадными очами…» (впоследствии — под заглавием «Бессилье»). См.: Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 51. № 12. С. 187. Под этим же именем она опубликовала стихотворение «Никогда» в «Труде», литературном приложении к журналу «Всемирная иллюстрация». См.: Труд. 1894. № 11. С. 324. См.: *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. С. 52–53.

[3] Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — известный адвокат; публицист и литературный критик, историк литературы. Речь в письме, скорее всего, идет об очередном заседании Шекспировского кружка — любительского общества, созданного в 1874 г. для изучения и популяризации жизни и творчества Шекспира и просуществовавшего до конца 1890-х гг. Ядро кружка составили деятели из пореформенного поколения юристов: С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.Ф. Кони, кн. А. И. Урусов, Е.И. Утин, А.И. Языков. (См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–

1917 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 263). В.Д. Спасович был одним из самых деятельных участников кружка, на квартире которого нередко устраивались его заседания. Мережковские активно их посещали. В отзыве на книгу очерков М.М. Винавера «Недавнее» (второе издание — Париж, 1926), озаглавленном «Лик человеческий и лик времени» (1926), Гиппиус дополнила портрет Спасовича характерными штрихами: «Грузный, живой, общительный, остроумный и авторитетный — он показан М. Винавером во всем его блеске. Спасовича мне доводилось встречать лишь среди литературы. У него, на Кабинетской, в созданном им “шекспировском кружке”, собирались все видные писатели того времени, да почти и все адвокаты. Там читал свой доклад Урусов о Ницше, — восходящей звезде, — и его “смеющихся львах”. Ранее — Боборыкин об Оскаре Уайльде… Спасович был очень тонкий литературный критик. Говорил на этих вечерах постоянно, и речь его, с заметным польским акцентом и с неожиданными оборотами, придававшими ей силу, неизменно была увлекательна. […] М.М. Винавер подметил очень важную его черту: свойство охватить предмет сразу, в полноте и цельности, и сразу давать его окончательный отпечаток. […] Спасович был разносторонен, резко индивидуален и глубок, — но глубиной *своего* времени. […] Он носил в себе, в своей метафизике, то, что называлось “болезнью века”. Перед ним, как перед многими современниками его, с новой ясностью вставали вопросы, старые решения которых уже не удовлетворяли, а для новых — не исполнились времена». (*Гиппиус З.* Неизвестная проза. С. 157–158).

2. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Ранее 27 октября 1893. СПб.[1]

Драгоценный Петр Исаевич, знаю, что вы заняты, знаю, что вы в хлопотах, знаю, что устали, — и все-таки умоляю прийти к нам [в] среду (27 Окт[ября]) на Толстого, прийти *вопреки*. Статья эта новая, у нас явилась случайно и на короткий срок. Напечатана она нигде не будет, ибо крайне, крайне… свободная[2].

Если она вам еще неизвестна (меня уверяют, что она непосредственно от Толстого), то непременно приходите: есть места сильные, да и во всяком случае — вещь замечательная.

Если вы не придете — увидите, как надолго и как сильно я огорчусь и погружусь в такую мрачность, что даже не буду в состоянии идти на обед Григоровича[3], а мне очень хочется.

Ваша

Зина Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 42–43.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 2–3. Соотношение числа, месяца и дня недели также указывает на 1893 г.

[2] Гиппиус имеет в виду трактат Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри нас», длительная работа над которым была завершена в Ясной Поляне 13 мая 1893 г.. (см.: *Горбачев Н.В.* Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.:

В 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 28. С. 362). Толстой изначально планировал издать трактат за границей. Первое заграничное издание вышло на французском языке в Париже в октябре 1893 г. Чуть позднее появились итальянское, немецкое и английское издания (Там же. С. 366–368). Однако еще до первых заграничных публикаций трактат широко распространялся в рукописи и обсуждался в кружках русской интеллигенции. Вероятно, упомянутое в письме чтение происходило незадолго до парижского издания трактата (или в одно время с ним), в октябре 1893 г.

[3] Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — прозаик, мемуарист. Имеется в виду обед, устроенный Григоровичем 27 октября 1893 г. по случаю 50-летнего юбилея своей литературной деятельности. В частности, известно приветственное письмо Л.Н. Толстого юбиляру по этому поводу (см.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52. С. 292. Коммент. А.С. Петровского). Как раз на это число («27 октября», «среда») Гиппиус и приглашает Вейнберга на чтение «крайне …смелой» статьи Л.Н. Толстого, после чего они вместе и собираются посетить юбилейное мероприятие.

3. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

18 января 1894. СПб.[1]

18 янв.

О, Петр Исаевич!

В знак вашего *прежнего* (!) ко мне расположения (давно, увы, позабыли вы обо мне) очень прошу вас, нельзя ли как-нибудь добыть два билета на ваше Дворянское Гнездо в бенефис Савиной?[2] Страшно хочется пойти, а знаю, что без вашей протекции все равно не попадешь. Пожалуйста, дорогой Петр Исаевич! Я же всегда ваша

Зинаида.

Слышала, что вы были больны, и хотела писать вам сочувственное письмо в стихах — но вы успели выздороветь раньше, чем я придумала все рифмы.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 59.

[1] Год устанавливается по содержанию. См. примеч. 2.

[2] «Дворянское гнездо» — драма в четырех действиях П.И. Вейнберга по одноименному роману И.С. Тургенева. Премьера состоялась 27 января 1894 г. в бенефис М.Г. Савиной на сцене Императорского Александринского театра. Савина исполняла роль Лизы (см.: *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М.: Искусство, 1956. С. 372). Бенефис был приурочен к 20-летию работы Савиной на Императорской сцене; репетиции спектакля проходили в нервозной обстановке, сценическая трактовка образа Лизы была признана большинством рецензентов малоудачной (см.: Там же. С. 174–176). Как отнеслась З. Гиппиус к исполнению Савиной роли Лизы — неизвестно. В своих позднейших воспоминаниях, в целом тепло отзываясь о личности и актерском даровании актрисы, она обошла молчанием эту постановку. (См.: *Гиппиус З.* Встречи с М.Г. Савиной // Возрождение. Париж, 1950. № 7. С. 97–100; перепечатано: Театральная жизнь. 1990. № 19. С. 18–19.)

4. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

17 февраля 1895. СПб.

17 Февраля 95 г.
Вечером

Дорогой Петр Исаевич, простите великодушно, я вас так часто беспокою! Но есть важные соображения, которые мы (Зинаида Афанасьевна Венгерова[1] и я) непременно должны высказать вам лично. Мы искали вас сегодня в Неофилологическом[2] (З[инаида] А[фанасьевна] клятвенно уверила меня, что вы не можете там не быть) — однако вы предпочли Соляной Городок![3]

Очень прошу вас, укажите день и минуту, когда мы можем прийти к вам. Я решительно не хочу, чтобы вы опять, из-за моей дамской неосновательности, беспокоились и терпели мою злую лестницу[4]. Тем менее хочет вас тревожить Зинаида Афанасьевна, ибо ее лестница еще жесточе — да и вообще жилище ее не для визитов.

Будьте же обольстительны, о, единственный из немногих, Петр Исаевич моего сердца! Назначьте мгновенье и день. З[инаиду] А[фанасьев]ну я извещу немедля.

Посланная ждет ответа

Ваша

Зин. Мережковская-Гиппиус.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–3.

[1] Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — критик, переводчик, историк литературы; близкий друг П.И. Вейнберга. См. ее статью о нем: *Венгерова З.* П.И. Вейнберг (к 50-летию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 93–101.

[2] Неофилологическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете — авторитетное научное собрание ученых-филологов, в основном, из числа представителей Отделения романо-германской филологии, историков западноевропейской литературы и переводчиков. Среди них — А.Н. Веселовский, Ф.Д. Батюшков, Ф.А. Браун, С.А. Венгеров, З.А. Венгерова, П.И. Вейнберг, Я.К. Грот, А.И. Кирпичников, Л.Н. Майков, П.О. Морозов, Д.С. Мережковский, Н.И. Стороженко, А.И. Урусов и др. Образовано в 1889 г. из Отделения романо-германской филологии Филологического общества Петербургского университета. Общество публиковало «Записки», содержащие реферативное, как правило, изложение основных тезисов прослушанных докладов и прений участников заседаний. П.И. Вейнберг часто выступал с докладами на собраниях общества (см.: Записки Нео-филологического общества. Вып. III. № 1. СПб., 1894. С. 22–23; 30–31; 45 и др.). Протоколы заседаний за 1895 г. в «Записках» не отражены.

[3] Речь идет о двух публичных лекциях Вейнберга о «Гамлете», которые он прочел в Педагогическом музее Соляного городка (комплекс исторических зданий в центре Петербурга; квартал, сформированный набережной Фонтанки, Соляным переулком, а также улицами Гангутской и Пантелеймо-

новской; ныне — улица Пестеля). Первая лекция состоялась 17 февраля 1895 г. «Новое время» в хронике поместило ее программу: «Шекспир как автор психологических драм. — Роль человека в драматическом творчестве Шекспира. — Трагическое в изображении человека. — Место, занимаемое “Гамлетом” в ряду психологических драм. — Литература “Гамлета”, английская и иностранная. — Воззрения главнейших европейских критиков на эту трагедию. — Особенности ее исполнения знаменитыми актерами». (Новое время. 1895, 17 февраля. С. 3.)

[4] Гиппиус привела в мемуарах экспромт Вейнберга, сочиненный по этому поводу:

Хоть у вас седьмой этаж,
Но любовь моя все та ж,
Как была бы, если б вы
Жили ниже дна Невы.
Справьтесь в сердце вы любом,
Чувства нет нигде такого,
Как в дарящем сей альбом
Старом
Гейне из Тамбова.
(*Гиппиус З.* Живые лица. С. 170)

5. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Первая половина 20-х чисел ноября 1895. СПб.[1]

Дорогой Петр Исаевич, в первых строках сего письма изъявляю радость, что вы поправились. Засим извещаю, что к величайшему моему сожалению, на нынешней неделе мы никак не можем явиться к вам. Очень желали бы прийти *на будущей в среду*, если только это вас конвинирует[2]. Известите, ежели нет, тогда можно избрать заблаговременно другой вечер. — Относительно моего чтения — благодарю за честь и соглашаюсь с удовольствием. У меня есть два ненапечатанных стихотворения, я вам их предложу в среду, если же вы мне их читать не посоветуете — то придется выбрать из напечатанных. Только не прозу! Скука. В среду не поздно? Жду извещенья.

Ваша Зин. Мережковская

А каков будет вечер?[3] Исключительно «женский»?[4]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 48.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 4.

[2] Галлицизм: устраивает. От фр. *convenir*.

[3] Речь идет о литературном вечере в пользу Общества нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), который был назначен на 4 декабря, но, как сообщалось в хронике «Нового времени», «вследствие болезни нескольких участвующих, отложен до конца декабря» (Новое время. 1895, 1 дек. С. 4). Вечер состоялся 30 декабря в зале городского Кредитного общества. (Новое время. 1895, 30 дек. С. 1).

[4] Содержание этого письма корреспондирует с пп. № 6, 7 от второй половины 20-х чисел ноября 1895 г. Ср.: «Вы видели, я сразу согласилась, так же, как и в прошлом году. Я думала, что этот вечер будет вроде милого и простого прошлогоднего вечера, без чуждых элементов» (№ 7). Таким образом, Гиппиус изначально предполагала, что литературные чтения, на которые ее приглашал Вейнберг, будут носить камерный характер и потому дала согласие выступить. Однако последующие письма Гиппиус свидетельствуют о том, что она, получив более подробные разъяснения Вейнберга относительно формата предстоящего мероприятия, поняла, что ошиблась в своих ожиданиях, и спешно взяла назад свое согласие. Если наша реконструкция верна, то на ее основании возможно приобщить данное письмо Гиппиус к двум последующим письмам к Вейнбергу, где обсуждаются проблемы, связанные с возможностью ее участия в предстоящем вечере, и гипотетически датировать его первой половиной 20-х чисел ноября.

6. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

26 ноября 1895. СПб.

Воскр[есенье]
26 Ноября[1]

Дорогой Петр Исаевич, я просмотрела все мои стихотворения и убедилась, что ни одно из них не годится для чтения. То же самое говорит и Дмитрий Сергеевич, с которым я советовалась. Читать прозу для меня совершенно невозможно, ибо, во-первых, и отрывков у меня таких нет, а во-вторых — хронический катар горла не позволяет мне читать что-либо, кроме стихов.

Меня утешает мысль, что я моим отказом ничему не врежу, никого ничего не лишаю. В самом деле, нас, писательниц, была бы слишком большая толпа, что затруднило бы и вас, и публику. Литературное имя у меня крошечное, читаю я очень посредственно, так что Вы с полной справедливостью должны воскликнуть: кума с возу — куму легче! У Вас остаются и Шапир[2], и Чумина[3], и Виницкая[4], которые все известны более меня, а что касается сбора — то та же Яворская[5], которую Вы пригласили, даст Вам его больше, чем десять таких, как я. Признаюсь, упорство Екатерины Павловны[6] подействовало на меня; она, пожалуй, права.

Мое женское сердце немного скорбит о заказанном платье, но благоразумие берет верх и не оставляет места даже для колебаний.

Не сердитесь, дорогой Петр Исаевич. Лучше мы с Вами, если Вы еще захотите меня, где-нибудь и когда-нибудь в другой раз почитаем, в менее обширном обществе. А в том месте афиши, где стою я — поставьте опять Яворскую: она наверно согласится, и это будет гораздо интереснее.

Еще раз — простите, дорогой друг. Решение мое, я думаю, для Вас не неожиданно. Супруг мой по-прежнему к Вашим услугам[7].

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 25–26.

[1] Год устанавливается по совокупности указанных фактических данных: числа, месяца и дня недели.

[2] Шапир Ольга Андреевна (1850–1916) — прозаик, поэтесса. Вспоминая о своем участии в публичных чтениях Литературного фонда, Гиппиус весьма иронически отзывается о Шапир. Так, готовясь к выходу на сцену, она замечает: «Времени много, потому что читает Ольга Шапир — “О любви”, Вейнберг только что заглядывал в залу и объявил:

— Все пока прекрасно. Спит только один. Она еще не дошла до середины» (*Гиппиус З.* Живые лица. С. 169).

[3] Чюмина Ольга Николаевна (1864–1909) — поэтесса, переводчица, непременная участница чтений, проводимых Литературным Фондом. См. ее переписку с Е.П. Летковой-Султановой (РГАЛИ.Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 316).

[4] Виницкая Александра Александровна (настоящая фамилия — Будзианик; 184–1914) — прозаик, мемуарист.

[5] Яворская Лидия Борисовна (урожденная Гюббенет, по первому браку — Борисова, по второму — княгиня Барятинская, по третьему — Полок; 1871–1921) — драматическая актриса. Выступала в московском театре Ф.А. Корша. По рекомендации А.П. Чехова в 1895 г. приглашена А.С. Сувориным в петербургский Театр Литературно-артистического кружка. В 1896 г. выходит замуж за князя В.В. Барятинского и в 1903 г. вместе с ним открывает Новый театр, известный как Театр Яворской. Гиппиус весьма саркастически относилась к актерскому дарованию Яворской, считая ее посредственной актрисой и пустой, тщеславной женщиной, склонной к скандальной саморекламе: «Яворская, думающая про себя “Я — style moderne!”» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. Т. 1. С. 286).

[6] Леткова Екатерина Павловна (в замужестве — Султанова; 1856–1937) — прозаик, переводчица. Активно участвовала в деятельности Литературного фонда. Главный организатор литературных чтений, что отражается в ее переписке с Вейнбергом. См.: РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 96.

[7] Из объявления в «Новом времени» следует, что на этом литературном вечере предполагалось участие: К.С. Баранцевича, В.Л. Величко, П.П. Гнедича, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, И.Н. Потапенко и «нескольких известных декламаторов, которые прочтут отрывки из классических произведений» (Новое время. 1895, 30 декабря. С. 1). Таким образом, после всех переговоров, вечер по составу участников был спланирован как исключительно «мужской».

7. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Вторая половина 20-х чисел ноября 1895. СПб.[1]

Дорогой Петр Исаевич,

я Вам скажу прямо, просто, короткими словами, от всей души — почему я не хочу и не могу читать — и я уверена, что Вы меня поймете, если в Вас действительно есть непосредственное и тонкое доброжелательство ко мне. Я буду говорить, не щадя себя и не скрывая своих слабостей, которых не умею победить.

Причины моего отказа таковы. Их две, обе одинаково важны (только уж верьте мне безусловно). Первая — мое женское самолюбие. Я не могу выйти на эстраду с Яворской, которая и прочтет лучше меня, и красивее меня, и будет иметь настоящий успех, какого мы, литераторы, никогда не видим и который всегда наши скромные дебюты делает особенно жалкими и ненужными — рядом. Уверяю Вас, я не страдаю самообожанием, менее всего, — но идти сознательно на чуть-чуть смешную, чуть-чуть неприятную роль — я не в силах. У меня есть серьезные друзья — и серьезные враги. И этим врагам я не хочу дать повода для лишней улыбки — и предпочитаю скромно ретироваться, уступая добровольно всем все публичные успехи и неуспехи. Теперь *вторая* причина, связанная с первой, и не менее, если не более ее важная. Яворская — это значит Сигма и Буренин[2]. Если бы видели их в театре, вы поняли бы, до какой степени эта троица (и еще Куперник, «женский муж»[3]) — неразлучны. Было бы странно, если бы артистическая комната обошлась в этот вечер без Буренина и Сигмы. Сигма — мой личный враг[4], кроме всего другого. И я, право, не могу минуты тратить на опасения, на мелкий страх видеть себя на другой день в «Новом Времени» в комическом или пасквильном виде. М.б., это и не случится — но один страх унизителен. Дм[итрий] Серг[еевич] уже испытал на себе удобство и прелесть встреч с Сигмой, особенно столь тесных[5]. Я никогда не ломаюсь, Петр Исаевич. Вы видели, я сразу согласилась, так же, как и в прошлом году. Я думала, что этот вечер будет вроде милого и простого прошлогоднего вечера[6], без чуждых элементов. А эта компания мне просто не по душе. (Скажите, отчего не читает *настоящая* писательница — Марья Всеволодовна?[7] Ведь, действительно, Щепкина и Чумина сомнительные писатели…). Таким образом, — вот две неодолимые причины: женское и литераторское самолюбие — и чувство страха… отнюдь не из-за каких-либо политических убеждений, а просто внешнее чувство — ужаса и самосохранения. Без малейших задних мыслей, без тени «rancune»[8], говорю Вам, что я истинно не сознаю себя нужной, Яворская для публики очень интересна, сделает вам хороший сбор, а я принесу Фонду неизмеримо больше пользы, если просто возьму два билета 1-го ряда, о чем и прошу Вас заранее. Милый знаток женского сердца — и опытный человек во всех литературных горя́х! Поймите душой, простите, не осуждайте Вашу

Зин. Гиппиус

[на верхнем поле первого листа:]

Боюсь, что Дм[итрий] Серг[еевич] тоже будет умолять Вас отпустить его… Он что-то расхварывается[9].

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 22–22а.

[1] Датируется по тесной связи с содержанием двух предыдущих писем (№№ 5–6).

[2] Сигма — псевдоним Сергея Николаевича Сыромятникова (1864–1934), прозаика и публициста, постоянного сотрудника газеты «Новое время». Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — ведущий литературный критик «Нового времени», поэт, фельетонист, сатирик, пользовавшийся скандальной репутацией.

[3] Имеется в виду Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) — поэтесса, переводчица, мемуаристка, правнучка знаменитого актера М.С. Щепкина. Подруга Л.Б. Яворской, находившаяся с ней в весьма двусмысленных отношениях, на что, вероятно, и намекает саркастическая формула Гиппиус — «женский муж».

[4] Вероятно, Гиппиус напоминает Вейнбергу о той грубой и злопыхательской критике, которой подвергалась на страницах «Нового времени» новая редакция «Северного вестника» во главе с А. Волынским в статьях Сигмы и Буренина. См., например: *Сигма.* Обо всём // Новое время. 1895, 8 октября. С. 2; *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1896, 9 февраля. С. 3. В последней статье, подхватывая и развивая известное сравнение новой редакции «Северного вестника» с палатой умалишенных, принадлежащее Б. Глинскому, Буренин язвительно заключает: «И сколько теперь у нас литературных маньяков, подходящих […] к типу г. Волынского, Мережковского, г-ж Гуревич и Гиппиус. Пишут эти господа и госпожи, пишут, обнаруживают в своих писаниях кто наглость, кто ограниченность, кто невежественность, кто истеричность и чепуху, а литература-то наша все процветает, все улучшается, в литературе все прибывает философской глубины мысли и новой красоты! Весело за нашу литературу, радостно!»

[5] Личных выпадов против Мережковского в нововременских статьях Сигмы конца 1895 — начала 1896 гг. обнаружить не удалось. Вероятно, Гиппиус имеет в виду какой-то инцидент, случившийся во время их личного общения. В целом же поэзия и личность Мережковского в «Новом времени» оценивались резко отрицательно. Вот, например, выдержки из рецензии на «Новые стихотворения» Мережковского (СПб., 1896), принадлежащей перу Ф. Ш[перка]. Рецензент называет их «имитациями» и резюмирует: «Что-то неподлинное есть в них». Рассуждая о «живой двойственности» внутреннего мира лирического «я» Мережковского («что радость и печаль, и жизнь и смерть — одно и то же»), Шперк отказывает ей в «жизненной подлинности чувства». «Душа его слаба и разъедена рефлексией. И поэзия его представляется нам искусственным и вымученным творчеством» (Новое время. 1896, 18 февраля. С. 4).

[6] О каком литературном вечере 1894 г. идет речь — установить не удалось.

[7] Мария Всеволодовна Крестовская (в замужестве — Картавцева; 1862–1910) — прозаик. Дочь писателя В.В. Крестовского. В романах и повестях «Ранние грозы» (1886), «Ревность» (1892), «Сын» (1893), «Артистка» (1896) и др. отразилась волновавшая Крестовскую феминистская проблематика, стремление женщины найти свое место в жизни.

[8] Злопамятства, злобы (фр.)

[9] Мережковский все же принял участие в литературном вечере. См. примеч. 7 к п. № 6.

8. З. Гиппиус — П. Вейнбергу
[Не позднее конца марта 1896. СПб.][1]

Посылаю вам, дорогой Петр Исаевич, мою Чехову[2]. Приютите ее, если окажется возможным.

Всегда ваша
Зин. Мереж[ковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 45. На визитной карточке «Зинаида Николаевна Мережковская-Гиппиус».

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

[2] Гиппиус называет имя переводчицы Людмилы Александровны Чеховой, ее протеже. См. примеч. 4 к п. № 9. Записка, скорее всего, написана в Петербурге, до отъезда Мережковских в Италию в конце марта 1896 г. (см.: *Зобнин Ю.* Хроника. С. 402); в таком случае записку можно условно датировать не позднее конца марта 1896 г.

9. З. Гиппиус — П. Вейнбергу
10 апреля 1896. Флоренция

10/21 Апреля, 96 г.
Флоренция, Hôtel Milan

Дорогой Петр Исаевич! Все покинули нас на чужбине[1], никто не пишет мне, даже ветреный Андреевский[2], и я совершенно не знаю, что делается в Петербурге и как поживаете вы, мой единственно-верный и неизменный дружественный человек.

Как идет «Иллюстрация»?[3] Супруг все собирается что-то писать, да мы столько ходим по музеям, устаем — и времени не замечаем. Кстати: я вам перед отъездом дала перевод, небольшую вещицу с итальянского; перевод я сама редактировала и ручаюсь за него. Переводчица, Людм[ила] Александр[овна] Чехова (ваша ученица)[4], ужасно желала бы знать, может ли это быть напечатано во «Вс[емирной] Ил[люстрации]» — или нет? Вы, верно, уже просмотрели тетрадку. По-моему — рассказ милый. Живет Чехова в нашей квартире (Литейн[ый] 24, 26), но она может и зайти к вам с моей карточкой, я ей напишу.

Ездили ли вы «на гастроли»?[5] Хорошо ли было? Мы возвращаемся скорее, чем думали, ибо «в дороге слегка поиздержались»[6]. Что это опять с баронессой?[7] Не могу поверить, чтобы она подурнела.

Когда будете чувствовать себя особенно хорошо, когда вспомните ту, которой столько раз обещали дать «все земное»[8], — черкните ей одну единственную строчку (буквально одну) в город Милан, poste restante.

Ваша душой
Зина Мережковская.

От супруга всяческие приветы.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4–5.

[1] В апреле–мае 1896 г. Мережковские в сопровождении А.Л. Волынского совершали путешествие по городам Италии, посещая места, связанные с жизнью и творчеством Леонардо да Винчи. Воспоминания об этом путешествии Гиппиус оставила в своих поздних мемуарах. См.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 70–72. Во Флоренции Волынский оставил Мережковских и вернулся в Россию.

[2] Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) — поэт, литературный критик, мемуарист. Ему посвящен поздний очерк Гиппиус «Все непонятно (О Сергее Аркадьевиче Андреевском)» (1926). См.: *Гиппиус З.* Неизвестная проза. С. 118–134.

[3] Имеется в виду еженедельный иллюстрированный журнал «Всемирная иллюстрация», один из самых популярных среди столичных еженедельников. Издавался с 1869 по 1898 г. в книгоиздательстве Германа Гоппе общим тиражом до 10 тыс. экземпляров. П.И. Вейнберг время от времени публиковал на его страницах свои оригинальные стихи и переводы.

[4] Установить автора и название переведенного Л. Чеховой рассказа не представляется возможным. Большинство переводов публиковалось во «Всемирной иллюстрации» без указания имени переводчика (исключение делалось только для «маститых» литераторов, к числу которых Чехова явно не принадлежала). За 1896 г. в журнале были помещены два рассказа, перевод которых сопровождался пометой «с итальянского»: 1) Тетя Северина. Рассказ Нэры // Всемирная иллюстрация. 1986. № 1416. С. 309–313. В конце текста стоит подпись «О.Р.» 2) Годар де Винчи. Хильда // Всемирная иллюстрация. 1896. №№ 1435–1437.

[5] Имеются в виду публичные лекции П.И. Вейнберга по истории западноевропейских литератур, с которыми его, как приват-доцента Санкт-Петербургского университета, ежегодно приглашали к себе различные университеты России. Характеристику Вейнберга-лектора см. в статье: *Венгерова З.А.* П.И. Вейнберг (к 50-тилетию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 96.

[6] Неоднократно повторяющиеся слова Хлестакова из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Ср.: «Я, знаете, в дороге издержался: то да се…» (д. IV, явл. III); «Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался» (д. IV, явл. IV); «Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался» (д. IV, явл. V) и т.д.

[7] Речь идет о петербургском салоне Варвары Ивановны Икскуль фон Гильдебрандт (Гильденбандт, Гилленбанд) (1850 (по другим источникам — 1852) — 1928), прозаика, издательницы, много занимавшейся благотворительной деятельностью. Здесь и далее — «баронесса». В середине 1880-х открыла в своем петербургском доме (сначала на Екатерининском канале, у Аларчина моста, а потом на Кирочной улице) литературно-общественный салон, просуществовавший с перерывами почти тридцать лет, вплоть до октября 1917 г. Салон посещала едва ли не вся литературная элита Петербурга 1890-х гг., в том числе Н.К. Михайловский, Вл. Соловьев, Н.М. Минский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.М. Фофанов, К.К. Случевский, кн. А.И. Урусов, М.В. Нестеров, И.Е.Репин (написавший портрет баронессы) и мн. др. Здесь встречались люди самых разных положений, взглядов и занятий, помимо художест-

венной интеллигенции — врачи, юристы, генералы, министры, в том числе И.Л. Горемыкин и П.Н. Дурново (подробнее см.: *Бокова В.* Баронесса Икскуль // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Вып. 4. С. 98–99). Характеристику салона дает П.П. Перцов в «Воспоминаниях»: «Я застал баронессу в полном расцвете ее редкой красоты. Хотя ей было уже около сорока лет и у нее были взрослые дети […], она была еще совсем молода и, стоя рядом со своей двадцатилетней дочерью, казалось моложе ее. […] К красоте присоединялись столь же редкий ум и широкое развитие, увлекавшее Варвару Ивановну к самым разнообразным сторонам культурной жизни». (*Перцов П.П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 78.) На Гиппиус, бывшей частой гостьей салона, личность Икскуль производила, скорее, отталкивающее впечатление. См. характеристику в письме к Минскому от 6 декабря [1892]: «…баронесса — делец, совершенно неинтересная личность» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 205б. Л. 172). Впрочем, позднее, в книге воспоминаний «Живые лица», Гиппиус с исторической дистанции смогла дать ей более объективную и взвешенную оценку: «В этой прелестной светской женщине кипела особая сила жизни, деятельная и пытливая. Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего, — мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то по-своему не разберется. […] Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех “пытала”, и ко всем, в сущности, оставалась ровна. Но чутье к значительности — даже не человека, а его успеха — было у нее изумительное» (*Гиппиус З.* Живые лица. С. 70–71).

[8] Слова Демона из одноименной поэмы М.Ю. Лермонтова, обращенные к Тамаре: «Я опущусь на дно морское, // Я полечу за облака, // Я дам тебе все, все земное — // Люби меня!..» (Ч. II, гл. X).

10. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

9 сентября 1897. СПб.

9 Сентября[1]

Дорогой Петр Исаевич, что же? Когда же исполнение обещания? У нас прелестно, погода чудная, посетите наше полное одиночество! Мы теперь в Шевине[2] вдвоем. Я прилетела на один день[3] — Д[митрий] С[ергеевич] по горло в Леонардо[4] — и завтра опять на лоно природы. Ждем вас, милый Петр Исаевич!

З. Мережковская

[конверт:]

Его Превосходительству Петру Исаевичу Вейнбергу

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 32.

[1] Год устанавливается по содержанию. См. примеч. 2–3.

[2] Имеется в виду имение Борисовской в 16 верстах от станции Преображенская Варшавской железной дороги, где Мережковские отдыхали в июне–сентябре 1897 г.

[3] По контексту письма — в Петербург.

[4] Именно в Шевине в 1897 г. Мережковский интенсивно работал над романом «Леонардо да Винчи».

11. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Первая половина декабря 1897. СПб.[1]

Дорогой Петр Исаевич!

Простили ли вы меня?[2] Заступилась ли за меня Мария Всеволодовна, как обещала? Прежнее ли чувство у вас ко мне, или… все рухнуло навеки? А я чуть за это время к праотцам не отправились, да и теперь еще гляжу в ту сторону[3]. Примите мою книгу[4], священный дар дружбы. Позволяю вам ее не читать, я знаю, что вам некогда. А, может быть, кое-что и прочтете, стихи, например.

Забудьте же мои прегрешения, дорогой Петр Исаевич.

> «Будь со мною, как прежде бывал,
> О, утешь меня словом одним…»[5]

Как дальше — не помню, но тут все ясно.

Желаю вам встретить Новый Год более веселым и здоровым, чем ваша покорная слуга. Не сердитесь же!

Зина Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 60.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 4.

[2] Какой инцидент имеется в виду — установить не удалось.

[3] Очередной острый приступ плеврита.

[4] Речь идет о книге: Зеркала. Вторая книга рассказов. СПб., 1898. В этом сборнике есть и стихи. «Зеркала» вышли в ноябре 1897 г. 27 декабря Гиппиус участвовала в литературном вечере, посвященном памяти Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева (см. вступит. статью). Поскольку данный вечер в письме не упоминается, то письмо можно датировать: первой половиной декабря 1897 г.

[5] Перифраз строк стихотворения М.Ю. Лермонтова «Будь со мной, как прежде бывала…».

12. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Не позднее марта 1898. СПб.[1]

Четверг

Петр Исаевич! Отравление мое прошло, я здорова по всей возможности моей — и буду ликовать, если вы нас позовете завтра обедать. Только вы все-таки дайте нам знать, быть сему или не быть, ибо вдруг вам станет неудобно, а мы явимся. Жду известий с открытым сердцем и —

> Провались все Таормины![2]
> Плачет сердце нежной Зины!

Ей не будет там добра —
Нет там Вейнберга Петра![3]

[Подпись]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 31.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 3.

[2] Речь идет о предстоящем путешествии на Сицилию, где Мережковские планировали проживать в курортном городке Таормина, на вилле супругов Рейф.

[3] Финальную строчку этого экспромта Гиппиус цитирует в следующем письме к Вейнбергу от 12 июня 1898 г. (№ 13). Экспромт, как и записка Гиппиус, написаны в Петербурге, перед самым отъездом Мережковских на Сицилию в марте 1898 г. (*Зобнин Ю.* Хроника С. 403) и на этом основании условно датируются не позднее марта 1898 г. Вероятно, является ответом на экспромт, написанный Вейнбергом по случаю отъезда Мережковских в Таормину — «Экспромт взволнованной души»:

В Таормину, в Таормину
Провожают дивно-Зину
Все ее друзья.
Провожают в горьком плаче,
Но меж ними наипаче
Горько плачу я. […]

К Таормине, к Таормине
Будем мы в тоске-кручине
Обращая взгляд,
Восклицать: загладь обиду,
Зинаиду, Зинаиду
Возврати назад!
Петр.
(*Фидлер Ф.* С. 269)

13. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

12 июня 1898. Вена

Goldene Ente[1]
(ваша)
12 Июня, 1898
Суббота

Ветреный и легкомысленный, но все-таки милый Петр Исаевич!

Прослышана я, что вы ждали от меня письма; я виновата, сознаюсь, — но желание написать вечно было, только в последнюю минуту охватывало отчаяние, ведь я знаю по опыту, что вы все приемлете все письма — и никогда на них ответа не шлете. Да и это, в сущности, меня бы не остановило, но вы знаете, какие с нами случались перетурбации [так!], я была больна, в каждом городе мы

сидели, как в плену, и дамы различных национальностей ухаживали за мною, причем Дмитрий Сергеевич в них влюблялся, но безнадежно. Последняя добрая душа, принявшая во мне участие, кутавшая меня в пледы и т.д., — была итальянка, статная пьемонтезка, с лицом не то очень некрасивым, не то чрезвычайно привлекательным. Последнее, впрочем, утверждает супруг. Скажите ему при встрече одно слово: «Матильда», — и вы увидите, что с ним сделается. «Charme»[2] удесятерен еще тем обстоятельством, что Матильда живет в Винчи, в деревушке, где родился Леонардо да Винчи[3], — она belle-soeur[4] тамошнего синдика.

Недаром писала я, что в Таормине мне не будет добра без Вейнберга Петра[5]. Так оно и вышло! Там чуть-чуть мне не отрезали необходимейшего украшения — верхней губы. И спасло ее лишь присутствие духа моего супруга[6]. Во всех других отношениях Таормина место прекрасное, разве ветреное. В Сицилию очень бы хорошо вернуться, только не в Таормину, которою мы сыты, а в Палермо, где гораздо более похоже на юг.

Как-то вы поживаете, дорогой и драгоценный Петр Исаевич? Где будете летом? Мы сидим в Вене, в горьком положении, и ждем денег, которые моя мама должна была выслать давно и которые еще не пришли. Адская жара. Россия так близко, что чувствую уже ее запах. В четверг или в пятницу будем в Петербурге, на один день. Зашли бы вас повидать с удовольствием, но неизвестно, где вы, и помешать вам легко. Остановимся, за неимением собственной, на маминой квартире (В[асильевский] О[стров] 4 л[иния]. д. 45, кв. 38), а затем едем в Елизаветино (Балт[ийская] ж[елезная] дор[ога] им[ение] Трубецкой)[7], где я и буду стряпать усиленно свои повести[8]. Надо надеяться, что больше не заболею, уж слишком это скучно и невыгодно.

Написала вам бесконечно длинное письмо, Петр Исаевич, и так разошлась, что не могу кончить. За все это время мы не видали никаких газет и только смутно слышали, будто Гладстон[9] умер. Еще говорят, что в Италии была революция[10]. Мы ее целыми днями ходили искать по всем городам, но нигде не могли найти. Как грустно возвращаться в Россию! Одно утешение — петербургские друзья, которые у меня, могу похвастаться, и верные, и милые. Из них же первый есть вы. До свиданья, друг, надеюсь, до скорого. Напомните меня [так!] Батюшкову[11] и Андреевскому, давно им не писала. Супруг вам шлет нежнейший привет.

З. Мережков[ская]

[по верхнему полю первого листа:]

Я слышала, что вы написали стих: «о нет, вы женщина, о да, вы не мужчина!»[12] Очень верно и зло. А я-то, бедная, еще сомневалась![13]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 6–7.

[1] Золотая утка *(нем.)*.

[2] Шарм *(фр.)*.

[3] В селении Винчи Мережковские побывали еще во время своего итальянского турне 1896 г. По данным Ю. Зобнина, это произошло 5 апреля (*Зобнин Ю.* Хроника. С. 402). Впечатления от поездки нашли отражение в очерке Д.С. Мережковского «Селение Винчи» (Cosmopolis. 1897. T. V. № 2. С.94–106). В нем есть описание безымянной девушки, чей облик запомнился путешественникам. Возможно, именно на эту девушку иронически намекает Гиппиус, именуя ее, скорее всего, условным именем «Матильда». «Молодой флорентийский нотариус» здесь — синьор Мартелли, сопровождавший Мережковских в Винчи.

[4] Свояченица *(фр.)*.

[5] Строка из стихотворного экспромта Гиппиус. См. п. № 12.

[6] Данное обстоятельство подтверждается и в письме С.А. Андреевского к В.Д. Комаровой от 1 мая 1898 г. (РГАЛИ. Ф. 238. Оп.1. Ед. хр. 78. Л. 1.)

[7] Имеется в виду предстоящий отдых на даче «Аврора» в имении Дылица под Петербургом, близ станции Елизаветино Балтийской железной дороги. Впечатления об этом отдыхе найдут отражение в «Contes d'amur». См.: *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. М.: Интелвак, 1999. Т. 1. С. 59.

[8] Речь идет о повестях, впоследствии вошедших в «Третью книгу рассказов» (1902): «Кабан», «Комета», «Слишком ранние», «Святая плоть». Какие из них будут написаны летом 1898 г. в Елизаветино, установить не удалось.

[9] Уильям Юарт Гладстон (William Ewart Gladstone; 1809–1898) — английский государственный деятель и писатель, четырежды за свою политическую карьеру занимавший пост премьер-министра Великобритании. Умер 19 мая 1898 г.

[10] Вероятно, Гиппиус имеет в виду народные волнения апреля–мая 1898 г. Начавшись в Сицилии, они постепенно охватили всю Италию, достигнув кульминации в Милане 6–9 мая. Миланское восстание рабочих и городской бедноты было жестоко подавлено кабинетом Луиджи Пеллу, исполнявшим в то время должность министра внутренних дел.

[11] Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) — филолог и педагог. Специалист по литературе романо-германского средневековья и истории западноевропейских литератур, ближайший ученик А.Н. Веселовского. Коллега П.И. Вейнберга по кафедре всеобщей литературы Санкт-Петербургского университета; их связывали тесные узы делового и творческого сотрудничества. К 50-летию литературной деятельности Вейнберга Батюшков написал очерк о нем (см.: Мир Божий. 1901. № 12. Отдел II. С. 13–20). Д.С. Мережковский еще студентом познакомился с Батюшковым, когда тот читал курс по истории романо-германских литератур. С тех пор они часто встречались на заседаниях Неофилологического общества. В 1897–1898 гг. Батюшков привлек Мережковских к сотрудничеству в русской версии международного журнала «Cosmopolis», которую он редактировал (см. недатированное письмо Гиппиус к Батюшкову // РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 1), вероятно, по этой причине Гиппиус и просит Вейнберга в этом письме «напомнить ее» Батюшкову. В послании «П.И. Вейнбергу» от 25 июля [18]98 г. Гиппиус, в связи с прекращением издания, еще раз проявила интерес к этой теме: «Космополис, как слышно, опочил; // В подробностях не знаете ли дела?..» (*Гиппиус З.* Стихотворения.

СПб.: Академический проект, 1999. С. 290). Наконец, важной сферой общего сотрудничества будет участие Мережковского в работе Театрально-литературного комитета при Дирекции Императорских театров, членом которого он стал в 1900 г. по рекомендации Батюшкова (см.: письма Д. Мережковского к Ф. Батюшкову // ИРЛИ. Ед. хр. 15166).

[12] Источник цитаты не найден.

[13] Самоирония: вероятно, завуалированный намек на собственные неудачные «гендерные эксперименты» в контексте отношений с Э. Овербек. См.: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Заветный вензель: К биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331.

14. П. Вейнберг — З. Гиппиус

24 июня 1898. СПб.

Петербург, Среда, 24 июня[1]

Завтра, о непокоряющаяся покорительница, в 11¼ ч. *ночи* я буду в Меррекюле[2]. По дороге не заеду в Аврору[3] потому, что буду проезжать в те часы, когда авроры *уже* нет и *еще* нет на небе. Памятуя всеми уголками моего юного сердца, что Вы — по-видимому, серьезно — хотели сделать экскурсию в тот самый Меррекюль в моем сообществе (о чем я мечтаю, как о рае Магомета, с тою только разницею, что с *одною* гуриею вместо многих), — итак, памятуя это, и спрашиваю нижеследующее:

1) Немедленно по получении настоящего послания, написать мне, адресуя в *Меррекюль, Кургауз*, действительно ли Вы намерены осуществить для меня вышеупомянутый Магометов рай или это была только легкомысленная мечта Вашего легкомысленного существа. 2) В первом случае я приготовлю для Вас помещение, если не совсем царское, то к таковому подходящее, — на тот день, который Вы укажете, немедленно донесу Вам, и Вы, избрав один из часов отхода поезда (их много), поместите Вашу победоносно очаровательную фигуру в вагоне и прибудете на *станцию Корф*, где в назначенный Вами час (сообразно времени Вашего выезда из Авроры) я буду находиться для приема вашей хрупкой, но твердой особы, с трепетным ожиданием и трепещущим (вернее, дребезжащим) экипажем, который и примчит нас в Меррекюль. — Прошу иметь в виду, что я пребуду в Меррекюле до *1го июля* включительно; следовательно, если Вы приедете с таким расчетом, чтобы уехать 1го, то я лично провожу Вас до самого Елисаветино. В противном случае доставлю сокровище, т.е. Вас, на ту же станцию Корф, откуда Вы и проследуете на родину. Расстояние от Елисаветино до Корфа около 3^х^ с минутами часов. Для Вас было бы самое удобное ехать с тем поездом, который проходит через Елисаветино в *11 ч. 37 минут дня*; кроме того, Вы могли бы ехать [*нрзб.*].

ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1039. Л. 1.

[1] Год определяется на основании ответного письма З. Гиппиус. См. п. № 15.

[2] Меррекюль — курорт в Эстляндской губернии на берегу Финского залива.

[3] Название дачи в имении Дылицы под Петербургом, где Мережковские отдыхали летом 1898 г.

15. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

26 июня 1898. Дылицы

Аврора.
26 Июня, 98

Драгоценный Петр Исаевич!

Пишу вам, в ответ на ваши строки, письмо тяжелое и великое, как моя грусть, — (видите, даже две марки на нем, по требованию почтового начальства). Поверьте, намерение мое поехать в Меррекюль было чрезвычайно серьезно[1], и если теперь я должна от него отказаться, то тому есть важные причины. А именно: я опять чувствую себя скверно, не хожу даже гулять целую неделю и, вероятно, через несколько дней поеду в СПб., к своему доктору[2], если он вернется, или к Шершевскому[3]. Это, вероятно, случайное нездоровье, я знаю, где я простудилась. Немудрено и простудиться в такую подлую погоду. И поехали же вы в Меррекюль под столь неприветным небом! Я верю, конечно, что хотя «небеса унылы и низки — но ваш дух вечно высок»[4] — однако немного утешаюсь, из себялюбия, дурной погодой; не так завидно и не чересчур досадно, что не удалось с вами провести эти несколько дней. Видно, уж надо подождать с путешествиями до зимы, когда я еще не теряю надежды — вы меня увезете наконец в Монте-Карло[5].

«Я хочу того, чего не бывало,
Никогда не бывало…»[6]

А это наверно бывало, что вы ездили с кем-нибудь в Меррекюль, что же касается Монте-Карло… то даже если вы уже и увозили туда других — молчите! молчите! Я хочу верить, что этого «никогда не бывало».

Напишите, где же вы будете после первого июля? Опять в Петербурге? И на Итальянской, или уже на родном пепелище?[7] Спрашиваю я вас потому, что мы с супругом часто будем в городе, хотим непременно повидать вас и еще надеемся уговорить превосходительного поэта совершить специальное путешествие в Аврору, нарочное, а не попутное. Наш друг Сергей Аркадьевич, кажется, совсем пал духом перед операцией[8]. Я даже и не увижу его в городе. Надо надеяться, что он воспрянет, когда все кончится. Дайте же

весточку, единственный мой Петр Исаевич, а не то подумаю, что вы рассердились. И без того мало добрых друзей, надо уж хорошенько держаться вместе. — Читаю Гейне; никогда его не знала раньше!

Супруг шлет самые сердечные приветы. Я же всегда ваша

Zina von Hippius

[по левому полю оборота последнего листа:]

И откуда у вас только рифмы?[9]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 8–9.

[1] См. п. № 14.

[2] Сабинский Зиновий Юлианович. Правда, с середины 1890-х гг. Гиппиус за медицинскими консультациями стала обращаться и к Михаилу Владимировичу Яновскому (1854–1927) — видному петербургскому терапевту, ученику и последователю С.П. Боткина, в 1892–1925 гг. профессору кафедры диагностики и общей терапии Военно-медицинской академии.

[3] Сведений об этом лечащем враче Гиппиус разыскать не удалось.

[4] Перифраз из стихотворения З. Гиппиус «Посвящение» (1894).

[5] Монте-Карло — аристократический курорт, недалеко от Ниццы; в конце XIX в. славился не только своими грязями и лечебными ваннами, но и фешенебельным казино, основанным в 1865 г. Карлом III, а также своим оперным театром, получившим мировую известность. Вейнберг неоднократно бывал в Монте-Карло. Само пожелание Гиппиус увезти ее в Монте-Карло, выраженное ироническим тоном, возможно — спонтанная болезненная реакция на воспоминания о ее запутанных и напряженных отношениях с Минским и А. Волынским осени–зимы 1894–1895 гг., когда Минский находился на лечении в южной Франции.

[6] Перифраз из «Песни» З. Гиппиус (1893), ср.: «О, пусть будет то, чего не бывает, // Никогда не бывает…».

[7] См. примеч. 9, где приводятся два экспромта Вейнберга, адресованных Гиппиус. Во втором из них он в шуточной форме объясняет временную смену петербургских адресов своего жительства.

[8] Речь о С.А. Андреевском. Что за операцию ему должны были делать в 1898 г. — установить не удалось.

[9] На это письмо последовал ответ Вейнберга в виде стихотворного письма-экспромта, написанного из Меррекюля 30 июня 1898 г.:

Давно уж мистером Шекспиром
Ваш пол «прекрасный» перед миром
Как пол «коварный» заклеймен;
И, вторя мистеру Шекспиру,
На тот же тон настроить лиру
Я Зинаидой принужден. […]

и т.д.

(Полностью экспромт опубликован в кн.: *Фидлер Ф.* С. 270).

Наконец, 4 июля уже из Петербурга и вновь в жанре стихотворного экспромта Вейнберг шлет Гиппиус приглашение навестить его дома:

Спешу до сведенья прелестной сицильянки
Довесть, что временно меня с брегов Фонтанки

Ремонт прогнал — и нынче адрес мой:
По Малой Итальянской, пятьдесят седьмой. […] и т.д.

(Полностью текст опубликован в кн.: *Фидлер Ф.* С. 269–270).

16. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Начало июля 1898. СПб.[1]

Дорогой Петр Исаевич, пусть мы живем на седьмом этаже[2] — неужели это остановит вас и заставит отказать мне — а я прошу вас прийти к нам в среду. В эту среду, седьмого. Пожалуйста, пожалуйста, придите! А то я буду думать, что вы боитесь перспективы путешествия в Монте-Карло…[3]

Зин. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 52.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 3.

[2] Эта фраза — отзвук экспромта Вейнберга «Хоть у вас седьмой этаж…» и т.д. (см. примеч. 4 к п. № 4). Этаж, на котором жили в то время Мережковские в доме Мурузи, на самом деле был пятым.

[3] О «путешествии в Монте-Карло» заходит речь в письме Гиппиус от 26 июня 1898 г. (п. № 15). По связи с содержанием этого письма записку можно условно датировать 1898 г. Написана она, вероятно, в один из кратковременных приездов Мережковских в Петербург из Елизаветина, где они жили на даче «Аврора». Всё в том же письме от 26 июня Гиппиус и договаривается с Вейнбергом о встрече, планируя свой приезд на начало июля. В этом случае фразу «В эту среду, седьмого» следует понимать как «7 июля».

17. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

18 октября 1898. СПб.

Воскресенье, 18 окт. 98
Литейный, 24

Дорогой Петр Исаевич!

С плачем покинув Аврору, мы, наконец, водворились в жарком и тесном доме Мурузи. Случилось это недавно, несколько дней тому назад. Немцы (жильцы нашей квартиры) оставили ее в плачевном виде, и вот только теперь Бог и воля помогли нам устроиться по-прежнему.

Душа моя горит желанием вас видеть… хотя не скрою, что сердита немного на вас. Сколько я трудилась над длиннейшим стихотворным письмом, единственным в моей жизни![1] Ведь «я, увы, не вы, а вы — не я»[2], мне это не легко… а вы и не ответили!

Но жажду видеть вас, пусть вы коварны! (Это ничему не мешает.) Где же, когда же, скоро ли?[3]

Ваша З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 18–19.

[1] «Длиннейшее стихотворное письмо», написанное Гиппиус в жанре иронического послания «П.И. Вейнбергу» («Вы задали мне трудную задачу!..»), с датой «Суббота, 25 июля [18]98. Аврора», опубликовано и прокомментировано А.В. Лавровым в кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 288–290; 526–527.

[2] Цитата из вышеупомянутого послания.

[3] Одна из таких вечеринок у Мережковских с участием Вейнберга описана в дневнике Фидлера в записи, датированной 2 апреля 1899 г. (См.: *Фидлер Ф.* С. 268–271).

18. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

7 ноября 1898 г. СПб.[1]

Суббота
7 Н[оября]

Дорогой Петр Исаевич! Носились смутные слухи, что вы хотите нас позвать обедать во вторник. Я не удовлетворена слухами, есть у меня необходимость знать твердо, да или нет? Потому что на вторник у меня имеется ангажемент, который я, в случае утвердительного ответа, должна заранее перенести на другой день. И непременно заранее!

Поэтому не сердитесь на меня и черкните строчку до завтрашнего дня.

Вечно ваша

З. Мережковская

Эпиграф к письму (это ничего, что в конце)

«Я безумна, но постоянна…»
Лохвицкая[2]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 35–36.

[1] Год устанавливается по соотношению даты и дня недели.

[2] Лохвицкая Мария Александровна (псевдоним — Мирра Лохвицкая; 1869–1905) — поэтесса. Приведенная Гиппиус цитата взята из стихотворения «Лучистым роем несутся мимо…»: «Вдали безвестно, вдали туманно, // И безотрадно ожидание. // Да, я безумна, но постоянна // И в наслажденье, и в страдании». Этот же мотив повторяется и в финале: «... Да, я безумна, но постоянна, // Я верю, близкий! Я жду, единственный!». См.: *Лохвицкая М.А.* Стихотворения. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1900. Том III: 1898–1900. С. 78. В составе цикла «В лучах восточных звезд». Строчка, вырванная Гиппиус из контекста, явно заключает в себе ироническую оценку личности и творчества «русской Сафо», как прозвали Лохвицкую современники. Знакомство поэтесс, скорее всего, состоялось на «пятницах» К.К. Случевского, которые обе начали посещать с 1898 г. Тогда же современники стали замечать и первые признаки плохо скрываемой ревности Гиппиус к автору скандального «Кольчатого змея» и других подобных стихов, пользовавшихся популярностью среди окружения В. Брюсова и К. Бальмонта из-за смело-откровенной трак-

товки эротической темы. Это, в частности, зафиксировали П.П. Перцов в мемуарах (см.: *Перцов П.П.* Литературные воспоминания / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 177–178) и Фидлер в дневниках (см.: *Фидлер Ф.* С. 235).

19. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

22 декабря 1900 — 2 февраля 1901. СПб.[1]

Пятница

О, великолепнейший Петр Исаевич! Только вернувшись со Строгановской выставки[2], пять минут седьмого, я получила Вашу записку. Увы! Было поздно! Ведь следовало переменить платье! Печалилась, как Ниобея. Она потеряла много детей, а я много друзей и много удовольствия. Когда же увидимся?

Ваша Зина Гиппиус-Мережковск[ая]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 49.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

[2] Речь идет о Международной Художественно-промышленной выставке керамических изделий, открывшейся в Петербурге 17 декабря 1900 г. в стенах вновь отстроенного здания Пассажа на Невском проспекте (См.: Торгово-промышленная газета. 1900, 19 декабря. С. 2), где, наряду с крупнейшими художественно-промышленными фирмами Европы и России, выставляли свои работы преподаватели и учащиеся Строгановского училища (Москва). 4 февраля 1901 г. они удостоились Почетного диплома (см.: *Шульгина Е.Н., Пронина И.А.* История Строгановского училища. 1825–1918. М.: Русское слово, 2002. С. 171). 8 февраля (четверг) состоялось награждение победителей главными призами и торжественное закрытие выставки (см.: Торгово-промышленная газета. 1901, 9 февраля. С. 3). Соответственно, первая «пятница», когда Гиппиус могла посетить выставку, приходится на 22 декабря 1900 г., а последняя — на 2 февраля 1901 г. Рецензенты, в целом весьма скептически оценивая изделия прославленных отечественных фарфоровых заводов, сочувственно выделяли на их фоне экспонаты «Строгановки». Так, рецензент «Мира искусства» отмечал: «Лучше других витрина Строгановского училища в Москве. Экспонаты красивы по тонам. Кой-где заметны также и стремления к “национально-самобытным” формам. Чувствуется, что работы Абрамцевского завода оценены по достоинству преподавателями училища» (*Бежаницкий Д.* Выставка керамических изделий // Мир искусства. 1901. Т. 5. № 1. С. 51). Возможно, эта рецензия и побудила Гиппиус, являвшуюся автором «Мира искусства», посетить именно экспозицию Строгановского училища, представленную на выставке.

20. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 февраля 1903. СПб.

Пусть проходят дни и годы,
Вечно та же сердцем я!

Жадно рвусь под Ваши своды,
И со мной — мои друзья.

Но… живу я наизнанку,
Как подняться спозаранку?
Разболится голова…
Мы приедем на Фонтанку
В среду, *в среду*, ровно в 2[1].

[Подпись]
5.2.[19]03[2]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 16.

[1] Опубликовано А.В. Лавровым в кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 325.

[2] Согласно комментарию А.В. Лаврова, имеется в виду 7 февраля 1901 г. (Там же. С. 528).

21. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

16 марта 1903 г. СПб.

Литейный 24.
16.3.[19]03. СПб

Добрый, милый, потерянный и невозвращенный
Петр Исаевич!

Очевидно, нет надежды… «Что было — то не будет вновь…»[1] И ваши слова, при встрече у Крестовской, — о том, что вы собираетесь к нам, и хотите к нам, и т.д. — очевидно, лишь «слова, слова!»[2] Но я, поскольку я женщина, *не желаю* верить очевидностям; и — признаюсь! — верю, до сих пор верю, что «все вернется», что вы еще придете к нам, и мы поговорим, и даже договоримся до чего-нибудь хорошего.

А пока — присылаем к вам три письма Надсона с просьбой о скорейшей помощи! Цензура требует (придираясь) разрешения «наследников»[3]. Наследник — Фонд, это, конечно, формальность и зложелательство цензуры, но делать нечего! Не можете ли вы подписать, что Фонд согласен? иначе письма не попадут в апрельскую книжку Нового Пути (который вы знать не хотите, какие умильные улыбки он вам ни строит, — да простит вам Бог!). — Письма эти писаны к Д[митрию] С[ергеевичу], оригиналы у нас.

Очень просим быстрого ответа… разрешения и — для меня лично — нескольких слов для подкрепления веры и надежды!!!

Зинаида Гиппиус-Мережковская

[по верхнему и левому полю последнего листа:]

PS. Не пришли, не пришли на наш «вечер»! Не верите еще в наш «либерализм»! Сколь сие несправедливо!!!

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 12–13.

[1] Строчка из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы». См. монолог старого цыгана, обращенный к Алеко:

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

[2] Строчка из трагедии «Гамлет» В. Шекспира (д. II, сцена 1), ставшая крылатым выражением, высмеивающим многословие, пустые обещания и т.п.

[3] Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) — поэт, литературный критик, поэтический кумир молодежи 1880-х гг. Завещал посмертное издание своих сочинений Литературному фонду. Комментарий неприятного инцидента, связанного с публикацией писем Надсона в «Новом пути», см. во вступит. статье.

22. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

22 марта 1903. СПб.

22.3.[19]03.
Лит[ейный] 24

Дорогой Петр Исаевич!

Разрешение *наследников* для печатания *писем* умершего писателя — формальность, которая никогда не применяется и никаким цензорам не требуется, кроме нашего, это его индивидуальная особенность. Во всех журналах каждый день печатаются письма без испрашивания этих согласий. К *литературному* наследству письма личные не относятся. Да оно и понятно. Таким образом, если это лишь цензурная — и случайная — формальность, может ли *формальность* относиться к *нравственности*, и необходимо ли тут искать помимо законных — еще «нравственных» наследников? В данном случае, я, вполне признавая за Марьей Валентиновной[1] право на нравственное литературное наследство Надсона, — не могу думать, чтобы это право простиралось на те дружеские письма, которые Надсон писал Дм[итрию] С[ергееви]чу задолго *до* знакомства с нею[2]. Печатание этих писем никоим образом нейдет также против общечеловеческих понятий о нравственности, а потому вопрос о том, могут ли эти письма быть напечатаны в «Новом Пути», — сведется к вопросу, достаточно ли нравственен наш журнал для имени Надсона. И вы понимаете, милый Петр Исаевич, что мы *нравственно* не можем признать за глубокоуважаемой Марьей Валентиновной права судить и осуждать нас с этой точки зрения.

Впрочем, я надеюсь, что формальность так и останется формальностью, не будет перенесена в другие сферы, и все окончится благополучно[3]. Надеюсь также, что и вы со временем снимете с нас

грустное и незаслуженное проклятие, вспомните, как когда-то мы с вами любили друг друга

«И пламенно, и нежно…»[4] —

и придете к нам, дадите на себя посмотреть!

Ваша

Зин. Гиппиус-Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10–11.

[1] Ватсон Мария Валентиновна (1848–1932) — поэтесса, переводчица (с испанского и португальского), близкий друг и доверенное лицо С.Я. Надсона, издательница его произведений. Гиппиус познакомилась с ней в редакции еще «народнического» «Северного вестника». (См.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 46.)

[2] В 1887 г. М.В. Ватсон запрашивала Мережковского о надсоновских письмах и 17 апреля 1887 г. получила от адресата уклончивый ответ: «Искал, рылся в бумагах, но ничего кроме незначительных записок не нашел. Нашел *одно* большое письмо, но его я *целиком* не дам по личным соображениям» (цит. по вступит. статье А.В. Лаврова: Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 177).

[3] В итоге в «Новом пути» (1903. № 4. С.151–154) было опубликовано не 3, как планировалось, а 2 письма Надсона к Мережковскому (1883). Уже в новейшее время 8 писем Мережковского к Надсону были опубликованы и прокомментированы А.В. Лавровым. См.: Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 178–192.

[4] Цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Сашка»: «Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын, // Как русский, — сильно, пламенно и нежно!...»

23. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 июля 1904 г. Берхтесгаден

5/18 Июля [19]04.
Allemagne Baviere
Berchtesgaden[1]
Villa *Shönfeldspitze*

Милый Петр Исаевич! Только что получили вашу открытку[2] — и вне себя от ужаса. «Presse»[3] не видали, в вашей открытке не могли разобрать одного слова — *где* умер Чехов?[4] В мае мы слышали, когда были в Москве, что он очень сильно болен. Он, ведь, уж очень давно был болен, прошлым летом совсем умирал. Черкните еще строчку сюда, какие знаете подробности, мы живем отшельниками и даже в забвении, ибо нам из России совсем перестали писать. Если б я знала, что вы так долго еще останетесь в Зальцбурге, я бы вам давно написала. Мы только третьего дня устроились, в дивных комнатах, в дивном пансионе среди полей и лесов, а то все мучились без пристанища, мыкались по жаре. Уедем в Россию дней через 10–12. Ах, Боже мой, да где же умер Чехов??[5]

Приветствуем вас от сердца, кланяемся Екатерине Дмитриевне[6].
Ваша З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. XX.

[1] Германия. Бавария (*итал.*). Берхтесгаден (*нем.*) — курортный город в Баварии.

[2] Местонахождение этой открытки неизвестно.

[3] Прессы, газет (*фр.*)

[4] 2 июля на немецком курорте Баденвейлере.

[5] В своих воспоминаниях Гиппиус так описывает этот эпизод: «…Мы раз случайно встретились с ним в Германии [Вейнберг находился там на лечении. — *С.С.*]. Тогда умер Чехов, — помню, как огорчился, даже возмутился этой смертью П.И.: высоко его ценил. Впрочем, раньше как-то сознавался, что в Чехове ему чужд подход к жизни “уж очень мелочной, хмурой, без положительного… А ведь талант-то какой, тургеневский!” Я еще поддразниваю: “Положительного! Вы привыкли к писателям с “идеалами”! Теперь другие песни!”» (*Гиппиус З.* Живые лица. С. 171). Эта оценка подтверждается письмом Вейнберга к Е.П. Летковой-Султановой от 2 (15) августа 1904 г.: «Смерть Чехова подействовала на меня очень удручающе, хотя его *восторженным* поклонником я не был никогда, и посмертные панегирики, назвавшие его «великим» писателем и почти приравнявшие его даже к великому из беллетристов Толстому, — нелепы и лишены всякого такта. Но, тем не менее, его жаль, бесконечно жаль, и как человека, и как литератора» (РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 6 об.). В свою очередь, отношение самой Гиппиус к личности и творчеству Чехова тоже было далеко не однозначно. Подробнее см.: *Ничипоров И.Б.* Зинаида Гиппиус о творчестве А.П. Чехова // Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 84–88; *Капустин Н.В.* З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре Серебряного века) // Чеховиана: Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 176–188; *Сапожков С.В.* Гиппиус З.Н. // А.П. Чехов. Энциклопедия / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Просвещение, 2011. С. 482–483.

[6] Вероятно, имеется в виду Куломзина Екатерина Дмитриевна (1842–1918), в девичестве — Замятина, дочь министра юстиции Д.Н. Замятина. С 1865 г. — жена А.Н. Куломзина, в будущем видного государственного деятеля, много сделавшего для хозяйственного и культурного освоения Сибири.

24. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Не позднее марта 1906 г. СПб.[1]

Четверг

Друг моего верного сердца, коварный Петр Исаевич! Не прибудете ли к нам в сие воскресенье вечером? Скоро, скоро мы исчезаем с петербургского горизонта! Дайте же мне удовольствие полюбоваться на вас перед долгой разлукой[2]. Для *вашего* удовольствия позову вашу пламенную поклонницу (к которой и вы чувствуете нежность) ех-Махову[3].

Ваша
Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 20–21.

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

[2] Поскольку речь о «долгой разлуке», скорее всего, записка пишется накануне отъезда Мережковских в Париж в марте 1906 г.

[3] Возможно, имеется в виду девичья фамилия Натальи Ивановны Манасеиной (1869–1930), известной детской писательницы, в 1898 г. вышедшей замуж за Михаила Петровича Манасеина (1860–1917?) — приват-доцента Военно-медицинской академии, известного врача-венеролога, искусствоведа. Петербургский дом Манасеиных был известен салоном, который посещали символисты.

Письма с неустановленной датой

25. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Нет, дорогой Петр Исаевич, приезжайте хоть поздно, мы все-таки будем ждать. Бедный Сергей Аркадьевич! (не говоря уже о нас). Он избрал *лишь 4-х* человек[1], и вот вы уже отпадаете! Вы должны были главным образом присутствовать. Спасович и вы. Если б мы знали, что вы измените, мы бы с Серг[еем] Арк[адьевичем] назначили другой день!! Сколь печально! Но все-таки, может, и освободитесь как-нибудь.

Ваша З. Мереж[ковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 17.

[1] Речь идет о чтении С.А. Андреевским своей мемуарной «Книги о смерти», на которое он приглашал немногих доверенных лиц. Одно из таких чтений состоялось на квартире Мережковских и описано в письме Гиппиус к Минскому от [5 февраля 1893]: «Теперь четыре часа, у меня сильнейшая мигрень, и я пишу вам два слова. Только что ушли от нас Андреевский, Урусов и Кавос. Андреевский читал мне и Урусову (Д[митрий] С[ергеевич] и К[авос] были у Полонского) книгу о смерти. Я не знаю, настроение ли у меня такое, или его воспоминания и чувства странно совпали с моими, — но эпизод с сестрой произвел на меня глубокое впечатление. Необъяснимо задело меня что-то. Хорошо, хорошо, и томительно, как жизнь, и отрадно, как смерть. Я не думала, чтоб Андр[еевский] мог так написать. Хорошо, что не надо думать, рассуждать, обобщать, постигать: как журчит ручей — бегут тихие, грустные воспоминания, тонкие, острые, — и знакомое что-то слышу я, знакомые слезы, знакомые голоса. Мне были неприятны неверные похвалы Урусова, я сердилась, бранилась; но это меня расшевелило […]» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 205. Л. 73–75).

26. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой друг Петр Исаевич! Увы! увы! увы! Наше министерство финансов в таком невозможно печальном состоянии (это уж всегда у бедных литераторов), что мы и думать не смеем об обедах

у Донона[1]. Ни я, ни он! Зная меня, вы можете себе легко представить, как я огорчена. С горя поеду завтра на реку Волхов, к Новгороду.

Когда увидимся? Я о вас необыкновенно соскучилась, и все это потому, что у меня верное сердце, вы же известный ветреник и не умеете этого ценить.

Ваша

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 27–28.

[1] Речь идет о так называемых «Обедах беллетристов», проводимых в дорогом ресторане «Донон» под председательством Д.Л. Мордовцева. На них собирался весь литературно-артистический Петербург. Участники обедов вели свой юмористический журнал, в который записывали шуточные тосты, экспромты, эпиграммы («благоглупости»), рисовали дружеские шаржи. Первый обед состоялся 12 января 1893 г. Последний — 27 января 1901 г. Подробнее см.: *Сапожков С.В.* «Пятницы» К.К. Случевского (По новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 268. О Вейнберге как об устроителе «литературных обедов» см.: *Морозов Ю.П.* Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155–156.

27. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота

Дорогой Петр Исаевич, вы, кажется, забыли пригласить на воскресенье Зинаиду Афанасьевну? Она ждет официального извещения. Адрес ее: Невский, 59.

Я приеду к одиннадцати, ибо Дм[итрий] С[ергеевич] стесняется читать[1] все при мне. Главным образом, радуюсь, что увижу вас!

Верная вам

З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 29.

[1] О чтении какого произведения Мережковского на квартире у Вейнберга идет речь, из контекста письма неясно. Судя по содержанию следующего недатированного письма (№ 28), предполагалось чтение романа «Юлиан Отступник».

28. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота.

Дорогой Петр Исаевич,

могу сказать, крайне прискорбно, что у баронессы[1] флюс, и мы, таким образом, все лишились приятной возможности собраться у вас. И безотраднее всего то, что неизвестно, когда вновь представится эта возможность, ибо в следующую субботу мы несвободны,

да и на неделе мало удобных дней. Жаль, право жаль: мы все были так хорошо настроены. Сергей Аркадьевич, получив ваше извещение, очень был удивлен и пришел к нам спрашивать, что случилось, — ибо он думал, что отмена идет от Дмитрия Сергеевича[2].

Кстати, как это вы не известили А.Л. Флексера[3] о том, что вечер отложен? Он узнал это только случайно — и готов был явиться к вашей двери в положенное время, где его и ждало огорчительное разочарование. Сие было бы весьма неприятно, и я вполне понимаю, что он чувствует некоторую обиду.

Затем, свидетельствуя вам мое нижайшее почтение, позволяю себе надеяться, что все-таки, когда-нибудь, наступят счастливые времена, когда баронесса будет свободна от флюса и от других досадных помех — и мы соберемся вместе. Надежды не следует терять ни в каких случаях жизни.

Ваша Зинаида
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 23–24.

[1] Возможно, В.И. Икскуль. См. примеч. 7 к п. № 9.

[2] Из контекста письма можно предположить, что речь, вероятно, опять (см. п. № 27) идет об отмененном вечере на квартире Вейнберга, где Мережковский должен был читать своего «Юлиана Отступника».

[3] Флексер Аким Львович (псевдоним — Волынский; 1861–1926) — ведущий литературный критик журнала «Северный вестник» после перехода его в 1890 г. в руки Б.Б. Глинского и Л.Я. Гуревич. Присутствие Волынского на чтении «Юлина Отступника» было крайне важно Мережковским, поскольку от его решения полностью зависела судьба публикации романа в журнале.

29. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич! Вы не требовали красоты и особого смысла. Вот вам 12 строк, придуманных нами вдвоем, за обедом. Решительно отказываюсь и я, и Д[митрий] С[ергеевич] — создать что-нибудь более возможное на эту кантатную тему.

Стихи — на третьей странице[1]. Всего хорошего. Думаю все-таки быть на вашей лекции в пятницу, если рано кончу итальянский урок.

Ваша Зин. Мережков[ская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 30.

[1] Эта страница в письме отсутствует. Какие стихи на «кантатную тему» прислали Вейнбергу Мережковские — судить трудно. Можно осторожно предположить, что это были стихи, написанные для юбилейного вечера Литературного фонда, посвященного 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина. См. вступит. статью.

30. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Воскресенье

Дорогой Петр Исаевич, приходите к нам в четверг, хоть ненадолго! Пожалуйста! Просим также оставить нам ложу в 20 р., кого-нибудь с собой захватим.

Всегда ваша

Зинаида М[ережковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 33–34.

31. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич!

Я приду к Вашим дверям и буду стоять, пока меня не впустят, а когда увижу Вас — не уйду, пока не выпрошу отпущения грехов. Меня мучает мысль, что я доставила Вам неприятность[1]. Я бы еще вчера пришла успокоить свою совесть — но совсем больна.

Нет, нет, приеду непременно — и сумею получить прощенье.

З. Гиппиус

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 37–38.

[1] Возможно, речь идет о скандальном поведении Гиппиус на Пушкинском вечере в Мариинском театре, состоявшемся 3 апреля 1899 г. Подробнее см. вступит. статью.

32. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

СПб.

Четверг

После дороги, увы! муза покинула меня, мой неоцененный друг, и могу отвечать вам лишь презренной прозой: прибудем к вам на беседу завтра вечерком, пораньше.

До сладкого свиданья!

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 39–40.

33. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Вторник

Дорогой Петр Исаевич,

пятница — ваш трудный день, но вы у баронессы[1] бываете по пятницам, значит, и к нам можете постараться — и прийти. А ежели не придете, о Петр Исаевич, то я буду знать, что вы меня не немножко

меньше баронессы любите (как думаю теперь), а гораздо, несравнимо меньше. И сама немедля изменю вам и полюблю… Герсеванова[2].

Чтения никакого не будет. Итак — до пятницы (3-го) вечером.

Страшно хочу вас и жду вас

Зин. Мережковская

[конверт:]

Его Превосходительству Петру Исаевичу Вейнбергу. Фонтанка, 25.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 41.

[1] В.И. Икскуль. См. примеч.7 к п. № 9.

[2] Возможно, имеется в виду С.А. Андреевский. Девичья фамилия его матери — Герсеванова.

34. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич,

я забыла вам сказать, что мы живем на квартире, подъезд последний по Басковой[1], в третьем этаже.

Могу прибавить, однако,

Что этаж хотя и низкий —
Не по-прежнему мы близки,
И «любовь» не та уже,
Как в десятом этаже!

До субботы!

Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 46.

[1] Ныне — улица Короленко.

35. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич,

вы, надеюсь, не забыли дать мне карточку на вечер или, если это неудобно, один или два дешевых билета? Жду известий насчет этого из вашего дома. Здоровье мое довольно скверно, я еще не выходила и хриплю, но для вас изо всех сил постараюсь выздороветь; и, хоть больная, приеду.

Ваша

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 47.

36. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич!

Мы уезжаем во вторник. Может быть — в четверг, но гораздо вернее, что во вторник. Портрет[1] я вам пришлю комментировать, — хотя других не заказала.

Неужели мы не увидимся?

Ваша Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 50.

[1] Имеется в виду фотография.

37. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич! Хотя я чувствую, что вы отняли у меня вашу прежнюю благосклонность — я беру на себя дерзновенье прибегнуть к вам с просьбой: нет ли у вас Мюрже?[1] Во всем Петербурге его нельзя достать, если у вас нет — так и нигде нет. Но Чумина говорит, что у вас есть. А нам так нужно!!

Огорченная вашим холодом

Зинаида Мережковск[ая]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 51.

[1] Анри Мюрже (1822–1861) — французский прозаик и поэт, автор романа «Сцены из жизни богемы» (1851). На его сюжет Дж. Пуччини написал в 1885 г. оперу «Богема». Зачем Мережковским понадобился роман Мюрже — установить не удалось.

38. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой и единственный Петр Исаевич! Приходите к нам в четверг на той неделе, 14-го числа. Пишу вам нарочно раньше, потому что мои письма часто запаздывают. Пожалуйста, приходите! Во что бы то ни стало, приходите! У нас будет скромнейший из фестивалей.

Ваша Зина
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 53–54.

39. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич, простите за беспокойство, это супруг самовольно напутал, не присылайте за мной никаких карет, ибо я приехать могу *не раньше 9 часов* — и не хочу заставлять себя ждать.

З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 55–56.

40. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Голубчик Петр Исаевич, я искренно хотела прийти сегодня к вам и даже отказала англичанке[1], но, должно быть, я простудилась на вчерашнем дожде: чувствую лихорадку и головную боль. Лежу и тоскую.

Ваша Зин. Мер[ежковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 57.

[1] Имеется в виду репетитор З. Гиппиус по английскому языку, г-жа Краун.

41. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Среда

Драгоценный Петр Исаевич.

Так как я не буду иметь счастья видеть вас в пятницу в шекспировском кружке[1] — то этим посланием напоминаю вам о субботе. Приходите, хотя бы на самое краткое мгновенье, после лекции!

Ваша Зинаида
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 58.

[1] О «Шекспировском кружке» см. примеч. 3 к письму № 1. Также см. вступит. статью.

42. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота

Петр Исаевич!

Чудовищные обстоятельства помешали нам прийти сегодня: вы это легко поймете, ибо сами часто многому изменяете. Мы придем завтра, в воскресенье, в 2 часа дня. Если вам нельзя, — не придем, но тогда назначьте другую минуту, уже нерушимую.

Надеюсь — до свиданья!

Ваша Зин. Мережковская.

ИРЛИ. Разряд III. Оп. 2. Ед. хр. 260. Л. 1.

Литература

Богомолов Н.А., Соболев А.Л. Заветный вензель: к биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331.

Бокова В. Баронесса Икскуль // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Вып. 4. С. 95–123.

Венгерова З.А. П.И. Вейнберг: (к 50-летию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 93–101.

Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. 160 с.

Гиппиус З. Дневники: В 2 т. / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. 736 + 720 с.

Гиппиус З. Живые лица / Изд. подгот. А. Николюкин. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с.

Гиппиус З.Н. Письма к П.П. Перцову / Публ. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–158.

Гиппиус З. Стихотворения / Публ. А.Л. Соболева // Русская литература. 1991. № 2. С. 181–190.

Гиппиус З. Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. (Новая Библиотека поэта. Большая серия). 592 с.

Гиппиус З. Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Под ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002. 592 с.

Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. 312 с.

Зобнин Ю. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 448 с. («ЖЗЛ»)

Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре Серебряного века) // Чеховиана: Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С.176–188.

Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 300 с.

Лохвицкая М.А. Стихотворения. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1900. Том III: 1898–1900. 208 с.

Мережковский Д.С. Письма к С.Я. Надсону / Публ. А.В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1994. № 8. С. 174–193.

Морозов Ю.П. Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155–156.

Ничипоров И.Б. Зинаида Гиппиус о творчестве А.П. Чехова // Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 84–88.

Перцов П.П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с. (Россия в мемуарах)

Сапожков С.В. Гиппиус З.Н. // А.П. Чехов. Энциклопедия / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Просвещение, 2011. С. 482–483.

Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам). Альбом «пятниц» / Публ. С.В. Сапожкова // Новое лит. обозрение. 1996. № 18. С. 232–376.

Тиандер К.Ф. Петр Исаевич Вейнберг // Известия Отделения русс. яз. и словесн. Имп. Академии Наук. 1909. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 132–151.

Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 864 с. («Россия в мемуарах»).

Шекспир: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / Сост. И.М. Левидова. М.: Книга, 1964. 712 с.

Шнейдерман И. Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М.: Искусство, 1956. 420 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 448 с.

Шульгина Е.Н., Пронина И.А. История Строгановского училища. 1825–1918. М.: Русское слово, 2002. 336 с.

References

Bogomolov, N.A.; Sobolev, A.L. “Zavetnyi venzel': k biografii E. Overbek”. *Literaturnyi fakt*. 2016. № 1–2. P. 311–331.

Bokova, V. “Baronessa Ikskul'”. *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. Moscow; St.-Petersburg: Fenix; Atheneum, 1994. Issue. 4. P. 95–123.

Fidler, F.F. “Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia”, ed. K.M. Azadovskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2008. 864 p. (ser.”Rossiia v memuarakh”).

Gekhtman, M.V. *Bibliografiia prizhiznennykh izdanii i publikatsii Z.N. Gippius*. Moscow: Intelvak publ., 2007. 160 pp.

Gippius, Z. *Chego ne bylo i chto bylo: Neizvestnaia proza 1926–1930 godov*, ed. A.N. Nikoliukin. St. Petersburg: Rostok publ., 2002. 592 pp.

Gippius Z. *Dnevniki*: in 2 vols., ed. A.N. Nikoliukin. Moscow: Intelvak publ., 1999. 736 + 720 pp.

Gippius, Z. *Stikhotvoreniia,* ed., comm., introd A.V. Lavrov. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. (ser.”Novaia Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia”). 592 pp.

Gippius, Z. *Stikhotvoreniia*, ed. A.L. Sobolev. *Russkaia literatura*. 1991. № 2. P. 181–190.

Gippius, Z. *Zhivye litsa*, ed. A. Nikoliukin. Moscow: Olma-Press, 2002. 448 pp.

Gippius, Z.N. *Pis'ma k P.P. Pertsovu*, ed. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*. 1991. № 4. P. 124–158.

Gippius-Merezhkovskaya, Z. *Dmitrii Merezhkovskii*. Paris: YMCA-Press, 1951. 312 pp.

Kapustin, N.V. “Z. Gippius o Chekhove (K voprosu ob antichekhovskikh nastroeniiakh v kul'ture Serebrianogo veka)”. *Chekhoviana: Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniia*. Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 176–188.

Levin, Iu.D. *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda*. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 300 pp.

Lokhvitskaya, M.A. *Stikhotvoreniia*. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina publ., 1900. Vol. III: 1898–1900. 208 pp.

Merezhkovskii, D.S. “Pis'ma k S.Ia. Nadsonu”, ed. A.V. Lavrov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994. № 8. P. 174–193.

Morozov, Yu.P. “Literaturnaia zhizn'”. *Istoricheskii vestnik*. 1908. № 10. P. 155–156.

Nichiporov, I.B. ”Zinaida Gippius o tvorchestve A.P. Chekhova”. *Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti*. Nizhnii Novgorod: NGPU Publ., 2007. P. 84–88.

Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia: 1890–1902*, ed. A.V. Lavrov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2002. 496 pp. (ser. “Rossiia v memuarakh”).

Sapozhkov, S.V. “ ‘Piatnitsy’ K.K. Sluchevskogo (po novym materialam). Al'bom ‘piatnits’“, ed. S.V. Sapozhkov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. № 18. P. 232–376.

Sapozhkov, S.V. “Gippius Z.N.” *A.P. Chekhov. Entsiklopediia*, ed. V.B. Kataev. Moscow: Prosveshchenie publ., 2011. P. 482–483.

Shekspir: bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke. 1748–1962, comp. I.M. Levidova. Moscow: Kniga, 1964. 712 pp.

Shneiderman, I. *Mariia Gavrilovna Savina. 1854–1915*. Leningrad; Moscow: Iskusstvo publ., 1956. 420 pp.

Shruba, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'.* Moscow: Novoe literaturnie obozrenie, 2004. 448 pp.

Shul'gina, E.N.; Pronina, I.A. *Istoriia Stroganovskogo uchilishcha. 1825–1918.* Moscow: Russkoe slovo publ., 2002. 336 pp.

Tiander, K.F. “Petr Isaevich Veinberg”. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 1909. V. XIV. Book. 4. St. Petersburg, 1910. P.132–151.

Vengerova, Z.A. P.I. “Veinberg: (k 50-tiletiiu ego literaturnoi deiatel'nosti)”. *Obrazovanie*. 1901. № 12. P. 93–101.

Zobnin, Yu. *Dmitrii Merezhkovskii: Zhizn' i deianiia*. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 2008. 448 pp. (ser. “ZhZL”)

Z.N. Gippius — P.I. Veinberg: Correspondence

Introduction and commentaries by S.V. Sapozhkov
Editors: A.V. Sysoeva, S.V. Sapozhkov

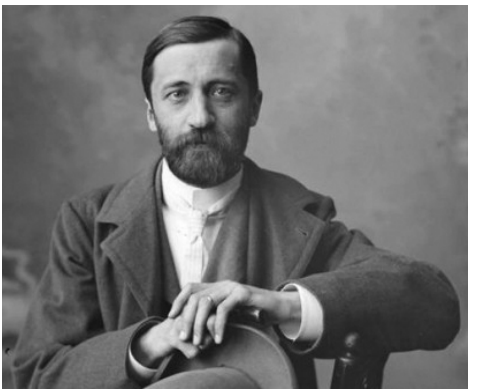
Abstract: It is customary to think of Z.N. Gippius in the context of Modernist writers and the movement for the religious renovation of the Russian Silver Age. Literary and personal contacts of the “decadent Madonna” were not limited, however, to the close environment of her fellow-thinkers and involved representatives of other “parties”, sometimes opposed to the literary Avantgarde or those on the verge of then existing mass literature. The correspondence between of Z. Gippius and P.I. Veinberg, a satirical poet and translator, and a supporter of the democratic ideals of the 1860-ies, published herewith, can be a starting point for making a radically different paradigm of Z. Gippius’ literary and personal contacts and help discover new facets of her personality open to the versatility and diversity of the literary process of the turn of the centuries. Z. Gippius’ letters to P.I. Veiberg constitute a part of the forthcoming volume *From Z.N. Gippius’ Epistolary Heritage* (series *Literaturnoe Nasledstvo*).

Keywords: Z.N. Gippius, P.I. Veinberg, Literary Fund, literary soiree, Shakespearian circle, K.K.Sluchevsky’s “Fridays”, poetic impromptu, bon mot, ironic writing, “culture of laughter”.

Information about the authors: Sergei Veniaminovich Sapozhkov, Doctor Hab. of Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University. E-mail: servensap@yandex.ru

Anastasia Vladimirovna Sysoeva, PhD, Junior Research Associate, Manuscrpit Division of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: sysoevaav@gmail.com

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

8–9 декабря 2016 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Д.С. Мережковский: писатель–критик–мыслитель. К 75-летию со дня смерти». Она была организована Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журналом «Соловьевские исследования» и прошла на двух площадках: первый день в ИМЛИ РАН, второй день — в Доме А.Ф. Лосева на Арбате. (См.: http://www.philol.msu.ru/dcx/Merezhkovsky2016_conf.pdf)

В конференции приняли участие 45 исследователей из девяти стран: России, США, Франции, Великобритании, Японии, Латвии, Польши, Венгрии, Украины.

Прозвучавшие доклады были очень разнообразны по темам: рассматривалась публицистика Д.С. Мережковского, его художественное творчество, философские темы, особенности стихосложения, пародии на него, рецепция и влияния, новые источники и т.д., вплоть до атлантологии и переводческих стратегий.

В заключение был проведен круглый стол «Д.С. Мережковский: история и перспективы изучения», который вели О.А. Коростелев (ИМЛИ) и А.А. Холиков (МГУ). На круглом столе, подводя итоги конференции, выступили Анджей Дудек (Ягеллонский университет, Польша), Олег Клинг (МГУ), Лидия Колобаева (МГУ), Людмила Луцевич (Варшавский университет, Польша), Александр Медведев (Тюменский государственный университет).

В основу большей части статей данного раздела «Литературного факта» легли доклады, прозвучавшие на конференции.

Мы уверены, что это далеко не последнее обращение журнала к наследию Д. Мережковского, учитывая стартовавшие масштабные проекты: подготовка собрания сочинений писателя в 20 томах (вышел т. 14: «Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида—Европа». М.: Дмитрий Сечин, 2017) и начавшаяся работа над «Летописью жизни и творчества Д.С. Мережковского» (проект ведется на базе ИМЛИ РАН, поддержан РФФИ, № 17-04-00553). А в серии «Литературное наследство» задуман том эпистолярия Мережковского, подготовка его должна начаться уже в следующем году.

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-113-132
УДК 882 ББК 83.3(2Рос=Рус)1–8 Мережковский Д.С.

Пореволюционное культурное наследие Д.С. Мережковского во Франции

С.А. Гарциано

Аннотация: В пореволюционный период эмиграции Д.С. Мережковским было опубликовано по-французски 65 различных текстов, переведенных различными переводчиками с русского языка или написанных самим автором на французском языке: романы, рассказы, статьи, эссе, пьесы, сборники, воззвания, открытые письма. На них было опубликовано французскими и эмигрантскими критиками 111 рецензий по-французски, в основном на исторические романы. Во французской межвоенной прессе существует также 70 статей, написанных о творчестве и жизни писателя, или в которых он упоминается вместе с другими авторами. Таким образом, во французской периодике мы можем найти 181 текст о Мережковском. Лингвистический корпус первой волны эмиграции «Мережковский и о Мережковском на французском языке» состоит, как минимум, из 246 различных текстов. В данной статье мы предлагаем развить тему пореволюционного культурного наследия Д.С. Мережковского на французском языке по четырем направлениям: Жан Шюзвиль о Д.С. Мережковском, рецензии о Д.С. Мережковском во французской журналистике, предисловия к переводам Д.С. Мережковского на французский язык и статьи Д.С. Мережковского во французской прессе. В первую очередь, анализируется книга Ж. Шюзвиля «Дмитрий Мережковский: эскиз русской литературы» и его предисловие к сборнику «Европа смотрит на СССР». Далее изучаются французские рецензии о произведениях Мережковского следующих литературных критиков: Ж. Шюзвиля, Б. Шлецера, В. Познера, Жюля Легра, Луи Жалабера, Марселя Тьебо и Андре Пьера. Затем анализируются предисловия к переводам исторических романов Д.С. Мережковского на французский язык, написанных их переводчиками: С.М. Перским, Дени Рошем и Ильей Гальпериным-Каминским. В последнюю очередь, рассматриваются французские статьи Д.С. Мережковского из сборника «Европа смотрит на СССР» («L'Europe face à l'URSS», 1944).

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, эмиграция, эмигрантская литературно-философская критика, французская периодика, французские предисловия к переводам Д.С. Мережковского, Жан Шюзвиль, «Европа смотрит на СССР», лионский документальный фонд Иезуитской славянской библиотеки.

Информация об авторе: Светлана Александровна Гарциано — доктор филологических наук, доцент, научный сотрудник Научно-исследовательского центра французского и сравнительного литературоведения MARGE и междисциплинарного научного проекта «Память», директор Дома иностранных языков. Лионский Университет им. Жана Мулена, ул. Альбер Тома, д. 6, 69006 Лион, Франция. E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

> В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь и там одинаково не понимали моего [9, с. 91].
>
> *Открытое письмо Н.А. Бердяеву*
> (Д.С. Мережковский. *Больная Россия*)

Традиционно философско-литературное творчество Д.С. Мережковского делится на два периода: символистский, которого он являлся своего рода первоначальником, и период эмиграции, период исторических романов и борьбы с большевизмом, в который он как бы исписался[1]; об этом факте неоднократно упоминалось в эмиграции. Например, Г. Адамович в статье «Мережковский» пишет, что его впечатление от писателя больше сложилось из встреч и разговоров нежели из его произведений: «В давних его книгах было, конечно, много ценного, хотя и относятся они к области „исторических заслуг“. В книгах эмигрантского периода ценного меньше, и самое стремление Мережковского соединить в них науку с красотами поэзии не удовлетворит ни подлинных ученых, ни сколько-нибудь требовательных поэтов…» [1, с. 400]. А Михаил Цетлин в статье «Д.С. Мережковский (1865–1941)» добавляет, что «самое замечательное было им уже написано в России, было уже позади» [13, с. 415].

К этим двум периодам целесообразно присоединить третий, протекающий параллельно с двумя этими эпохами: это французский период творчества Мережковского. Заметим, что этот писатель хорошо владел французским языком. Ко времени Октябрьской революции Мережковский эмигрирует не в первый раз. Он проводит три года эмиграции во Франции в начале XX века: он уезжает в Париж 28 февраля 1906 г., во время первой революции,

[1] Два эти периода творчески противопоставляются, причем о литературной ценности автора присуще говорить, применяя ее к первой эпохе, символизма. Если же рассматривать роль, которую Мережковский играл как литератор, философ, политический направитель своего времени, то мы заметим, что до революции он был все-таки на второстепенных ролях в образовании русской культуры, где господствовал дух Толстого, Чехова и других крупных писателей-мыслителей. Совершенно очевидно, что Мережковский, в частности, со своей статьей «О причинах упадка русской литературы» (1892) и книгой «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), был одним из первооткрывателей французского символизма и основателей русского декадентства и раннего символизма, но он был одним из многих, да и литературных течений в эпоху Серебряного века рождалось много. В то время как в период эмиграции на литературном поприще он был одним из двух, дополнением и соперником ему мог считаться только И.А. Бунин.

и возвращается в Петербург 11 июня 1908 г. Он хорошо знает интеллектуальную среду французской столицы, в 1907 г. выходят его книги «Le tsar et la révolution» («Царь и революция») и «L'église russe» («Русская церковь»). Второй период настоящей эмиграции длится с февраля 1920 г. по 1941 г. В книге «Дмитрий Мережковский» З. Гиппиус так объясняет их переезд из Польши в Париж: «Помимо своих собственных работ, он мог выступать публично, мог писать во французских газетах» [4, с. 295]. В главе «Эмиграция. 1920–1941» она упоминает об обеде в Интернациональном Клубе в Париже, устроенном проф. Полем Бойэ зимой 1920–1921 гг. По воспоминаниям автора книги, речи были произнесены Мережковским и Эррио: «Из русских и некому было выступать: Бунин французским языком не владеет и вообще не оратор» [4, с. 305]. После этого замечания Гиппиус уточняет, что после обеда Мережковский и она сама беседовали с французскими журналистами и писателями и что у них завязалось сотрудничество с литературными французскими кругами и издательствами. На банкете же, посвященном 70-летию Мережковского и описанном в «Последних новостях» за 17 декабря 1935 г., присутствовали директор кабинета министра национального воспитания Франции Марс, Дюмениль де Грамон, председатель Французского Союза писателей Гастон Раже, академик Анри Бордо [14].

В пореволюционный период эмиграции по данным, приведенным Л. Ливаком, Мережковским было опубликовано по-французски 65 различных текстов, в основном в переводе: романы, рассказы, статьи, эссе, пьесы, сборники, воззвания, открытые письма. На них было написано французскими и эмигрантскими критиками 111 рецензий по-французски, в основном на исторические романы. Мы также находим во французской межвоенной прессе 70 статей, которые посвящены творчеству и жизни писателя, или в которых он упоминается вместе с другими авторами [26, с. 251–259]. Таким образом, во французской периодике мы можем найти 181 текст о Мережковском. Лингвистический корпус первой волны эмиграции «Мережковский и о Мережковском на французском языке» состоит, как минимум, из 246 различных текстов. Изучая это французское наследие русской культуры, мы попытаемся отметить, на какие факты опираются французские литературные критики, чтобы осмыслить творчество русского мыслителя. В данной статье мы предлагаем развить эту тему по четырем направлениям: Жан Шюзвиль о Д.С. Мережковском, рецензии о Д.С. Мережковском во французской журналистике, предисловия к переводам Д.С. Мережковского на французский язык и статьи Д.С. Мережковского во французской прессе.

Жан Шюзвиль о Д.С. Мережковском

Жан Шюзвиль (1886–1974), французский литературный переводчик с немецкого, русского и итальянского языков, близко знал Мережковского и был одним из его основных переводчиков. В марте 1921 г. в «La Revue hebdomadaire» выходит его статья «Дмитрий Мережковский» [15, с. 258–271][2], в 1922 г. на основе этого текста он выпустил книгу о писателе, которую мы ниже проанализируем, а в 1943 г. он пишет предисловие к книге «Европа смотрит на СССР» (1944).

Книга Жана Шюзвиля «Дмитрий Мережковский: эскиз русской литературы» состоит из 17 коротких глав, написанных в форме эссе. В начале книги Шюзвиль констатирует тот факт, что Мережковский является самым известным русским писателем, которого русская литература дала после Достоевского и Толстого, но и также самым неизвестным. Он цитирует «Литературное завещание» Джакомо Леопарди, в котором говорится, что в связи с политическими событиями русская литература будет быстро развиваться. По мнению автора книги, Европа понимает революцию как политическое явление, в то время как Мережковский в 1907 г. пишет, что это политический и религиозный феномен. Он приводит слова Мережковского, по которым Россия — это Европа наоборот.

В начале второй главы Шюзвиль упоминает о случайном прочтении статьи Эжена Тавернье, переводчика В. Соловьева, во французском журнале «Correspondent». В этом тексте Тавернье дает портрет двух революционеров: Троцкого и Мережковского. Удивившись этому сравнению, Шюзвиль размышляет и приходит к заключению, что контраст только видимый, приводя как аргумент цитату Мережковского, по которой религиозные революционеры — самые опасные [16, с. 13].

В третьей главе Шюзвиль упоминает о коротком визите Мережковского к Достоевскому в возрасте 15-ти лет, во время которого юный писатель получает совет: чтобы хорошо писать — надо страдать, а также о встрече в 1904 г. с Толстым в Ясной Поляне. Литературный критик заключает, что Мережковский духовно и творчески стоит ближе к Толстому, чем к Достоевскому. Автор книги упоминает также об интеллектуальной связи писателя с Шарлем Пеги.

В шестой главе Шюзвиль уверен в том, что предсказания Леопарди сбылись и выразились в развитии русского романа, уточняя, что первые произведения Мережковского совпадают с расцветом символистской поэзии во Франции и что он является пер-

[2] Заметим, что имя и фамилия Мережковского транслитерируются на французский язык по-разному в различных источниках.

вым поэтом плеяды русского символизма. Шюзвиль напоминает, что во французской литературной школе нет особого различия между символизмом и декадентством, и что декадентство играло большую роль в России, чем где-либо еще. Он также считает, что русский символизм больше повлиял на культуру произведениями и деятельностью своих представителей, нежели теоретической разработкой вопроса, и что его основной характеристикой явилось освобождение личности в искусстве и духовности. Шюзвиль приводит цитату из статьи «Революция и религия» Мережковского, вошедшего в сборник «Царь и революция»: «Русская политика съедала русскую культуру, как соленый ветер — тощие растения на морских побережьях» [10, с. 178]. По мнению критика, этот образ является своеобразной метафорой русского романа.

Шюзвиль напоминает французскому читателю, что Мережковский не признает большевистскую революцию и в открытом письме Уэллсу пишет, что единственная помощь, которую можно оказать повешенному — это перерезать веревку, поэтому, по Мережковскому, европейская помощь революционной России причиняет ей только зло [16, с. 46]. Шюзвиль задается вопросом, почему трагический выбор все же пал на Россию, и находит ответ в книге «Царь и революция»: это религиозная и универсальная революция. В заключение уточняется, что русский мыслитель по своим идеям приближается к французским католическим писателям Пеги, Гюисмансу (роман «Собор»), Леону Блуа и Эрнесту Элло.

В 16-ой главе автор книги приходит к выводу, что все романы Мережковского построены по одному образцу. В каждом из них есть действующий персонаж, ведущий дневник, в котором уникальные сны предсказывают исторические события. Французский критик объясняет этот факт тем, что автор не хочет оставлять в тени любой аспект мысли или помешать воображению читателя деформировать тайный замысел произведения. По Шюзвилю, Мережковский не подвержен дефектам, свойственным русским писателям, а именно нехватке построения и множеству деталей, и он знает, что описание должно быть неполным, чтобы впечатление от него оставалось за словами. Этот же метод недосказанности применяется и к действующим лицам исторических романов [16, с. 70]. Поэтому, продолжает Шюзвиль, Мережковский критически относится к персонажам Л. Андреева и хвалит чеховские описания.

Текст «В качестве предисловия» из книги «Европа смотрит на СССР» Жана Шюзвиля является некрологом, произнесенным на могиле Мережковского 5 сентября 1943 г. во время церемонии открытия памятника на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Он выделяет три эпохи в жизни писателя: первая часть жизни начина-

ется в Петербурге в 1865 г., вторая часть — это эпоха изгнания в Париже, с редкими поездками в Германию и Италию, а третья часть начинается 9 декабря 1941 г. с переходом в вечную жизнь.

Шюзвиль отмечает, что в петербургской жизни Мережковский был «принцем словесности» [17, с. 6], первым введшим в русскую литературу французский символизм. В первую эпоху спутниками Мережковского были не святые, а великие люди, а в точности великие писатели: Гете, Пруст, Шекспир, Байрон, Сервантес или Ибсен. В эту эпоху Мережковский — христианский гуманист, но его гуманизм не позволяет ему достичь трехмерной религиозной правды. Он остается на бинарном понимании мира: Христос / Антихрист, борьба добра со злом[3]. Французский критик считает, что к тернарной концепции человек всегда приходит после смерти, по ту сторону жизни.

Во второй период жизни, в изгнании, Мережковский приходит к тернарной концепции и ожидает третье пришествие и царство Святого духа. Эта метаморфоза в восприятии мира и мировоззрения возникла в связи с русской революцией и ее последствиями. Шюзвиль уточняет, что когда Мережковский называет революцию универсальной, то это в том смысле, что она уничтожает все позитивные ценности старой Европы [17, с. 9]. Он цитирует Огюста Конта, который заметил, что основной вопрос мировой цивилизации не что иное, как вопрос религиозный, а именно разложение христианства в европейских нациях. Далее в тексте он останавливается на политической роли Мережковского, перечисляя его открытые письма к Нансену, Герхардту Гауптману, Уэллсу, папе Пию XI и отмечая тот факт, что русский мыслитель рассматривал Вторую мировую войну как возможность уничтожения коммунизма.

Шюзвиль говорит, что в творчестве любого писателя есть малоизученные страницы, плохо известные читающей публике и ценимые его почитателями. Такой книгой у Мережковского, по его мнению, является исторический роман «Тайны Востока» («Les mystères de l'Orient»), вышедший в 1927 г., в котором читатель может попытаться найти ответ на вопрос, почему те или иные события происходят в исторической эволюции мира[4].

---

[3] Вспомним по этому поводу философско-литературоведческие размышления Ю.М. Лотмана из статьи «О русской литературе классического периода. Вводные замечания» [7, с. 594–604].

[4] Иногда французские названия книг Мережковского не соответствуют русским названиям. Вот как, например, Мережковский в предисловии к книге «Тайна Запада. Атлантида–Европа» объясняет смену заголовка книги: «Что значит не быть похожим на читателей, я понял, когда, лет пять назад, написав

Рецензии о Д.С. Мережковском во французской журналистике

Имя Мережковского было хорошо известно образованной французской публике 20–30 гг. XX века. Так как во французской журналистике написано больше 180 статей о Мережковском, то мы предлагаем проанализировать, для первичного изучения проблематики, несколько рецензий, выбранных методом случайной подборки.

В «Mercure de France» за 1 января 1922 г. Жан Шюзвиль рецензирует два произведения Мережковского: «Четырнадцатое декабря» и «Царство Антихриста». В этой рецензии он говорит о том, что еще рано определять место писателя в русской литературе с 1890 г. до наших дней: множественность его разнонаправленных приемов прячет за собой семантическое единство мысли, а такие романы, как «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи», возобновляют жанр русского романа [18, с. 228–232].

В начале рецензии на «14 декабря» в «Nouvelle Revue Française» за 1922 г. Б. Шлецер уточняет, что в Мережковском сосуществуют два начала: интуитивного художника-создателя и догматического теолога-мыслителя. По мнению автора, во всех его исторических романах идет борьба между этими двумя началами, и лучшие страницы, написанные Мережковским, являются тогда, когда художник одерживает верх над мыслителем. Его персонажи являются своего рода марионетками, которые автор дергает за нитки для построения своих собственных философских теорий, из-за того, что он сам хочет быть своим собственным комментатором, боясь, что у читателя не закралась бы тень сомнения по поводу истолкования тех или иных фактов. Шлецер говорит также о дуальности восприятия мира и о противопоставлении несхожестей у Мережковского, который уничтожает тем самым живую действительность [35, с. 247]. Почти что та же самая идея высказывается Владимиром Познером в главе «Дмитрий Мережковский» из книги «Панорама современной русской литературы». Автор отмечает, что Мережковский воплотил мировую историю

книгу „Тайна Трех“, получил от ее французского издателя добрый совет изменить заглавие, чтобы не было похоже на “детективный роман”.

В IV–V веке, на христианском Востоке, „Тайна Трех“ прозвучала бы: „Тайна Божественной Троицы“, а в XX веке, на христианском Западе, звучит: „Тайна трех мошенников, которых ловит Шерлок Холмс“. По одному этому анекдоту-атому видно, как опустилось за эти века солнце христианства.

Доброго совета я послушался, озаглавил книгу „Тайны Востока“. „Тайны Востока“ привели меня к „Тайне Запада“, многие — к одной. Запад — закат, конец дня; день человечества — всемирная история; тайна Запада — тайна Конца» [8, с. 5–6].

в тезисы и антитезисы, и что то же самое он сделал и со своими идеями, героями и словарем, заменяя героев чистыми идеями или комбинациями идей [33, с. 70]. Как в калейдоскопе, писатель представляет бесконечную множественность человеческих характеров десятком идейных ассоциаций [33, с. 74], тем самым отдаляясь от жизни [33, с. 72].

В рецензии на «14 декабря. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» из «Le monde slave» за 1926 г. Жюль Легра уточняет, что у Мережковского идеи не воплощаются в персонажах. Сравнивая эти две книги с «Войной и миром» Л. Толстого, он приходит к выводу, что Мережковский не может выявить главную идею своих размышлений через героев своих произведений, как это делает великий русский писатель [25, с. 479]. Мы можем сопоставить это мнение с тем, что пишет Г. Адамович в «Последних новостях» за 8 декабря 1938 г.: «Книга Д.С. Мережковского о Жанне д'Арк представляет собой нечто очень личное, до крайности „субъективное", говорящее и свидетельствующее, в сущности, больше об авторе, чем о предмете его»[5]. Жюль Легра заключает, что он восхищается литературным мастерством Мережковского как критика и не ценит его романы, предназначенные для широкой публики. В другой рецензии на роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» Жюль Легра, цитируя книгу о Толстом и Достоевском, возвращается к идее, что Мережковский-критик стоит выше Мережковского-романиста, т.к. этому мыслителю не хватает аффективности в художественном воспроизведении исторических персонажей [24, с. 316].

В начале рецензии «Воскресшие боги или Леонардо да Винчи» в апрельском номере католического журнала «Étude» за 1928 г., Луи Жалабер задается вопросом о жанровом содержании этого произведения: относить ли его к истории или к литературе? Он пишет, что ему известно мало книг, которые производили бы впечатление такого беспорядка и силы. По его мнению, это не «история» человека, но колоссальная импрессионистическая фреска [23, с. 254–255]. В рецензии на «Юлиана Отступника» в том же журнале за август 1928 г. Луи Жалабер уточняет, что данное произведение превосходно восстанавливает прошлое по сравнению с сухими фактами истории Поля Аллара или с традиционными историческими романами [22, с. 504–505].

В рецензии на «Рождение богов. Мессия» из «Revue de Paris» за июль–август 1928 г. Марсель Тьебо, главный секретарь этого журнала, отмечает, что Мережковский не придерживается исторической точности (например, путешествие Тутанхамона на о. Крит).

[5] Цит. по: *Коростелев О.А.* Философская трилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Лица святых от Иисуса к нам. М.: Республика, 1997 [6, с. 362].

В некрологе в память писателя Марк Алданов так объясняет эту историческую неточность: «Как исторический романист Д.С. вольно обращается с историей, но (в отличие от некоторых других исторических романистов) никак не потому, что не знал ее, а потому, что его религиозная идея была ему дороже и исторической правды, и художественной ценности романа. Она вообще была ему дороже всего» [2, с. 406]. А Н. Бердяев в статье «Новое христианство (Д.С. Мережковский)» отмечает: «Он живет в литературных отражениях религиозных тем, не может мыслить о религии и писать о ней иначе, как исходя из явлений литературных, от писателей. Прямо о жизни Мережковский не может писать, не может и думать. Он — литератор до мозга костей, более чем кто-либо. И из литературы, из своей родной стихии, вечно убегает Мережковский к жизни и к сокрытым в ней религиозным тайнам, к действию» [3, с. 488]. В заключение Марсель Тьебо отмечает, что в разных исторических сценах своего романа Мережковский удачно обходит трудности, связанные со спецификой исторического романа как литературного жанра [37, с. 716]. Он сравнивает данный роман с другим французским историческим романом «Фараон Тутанхамон, его жизнь и его время», написанным Г.-Р. Табуи. А в библиографической хронике о Наполеоне из «Revue de Paris» за январь–февраль 1930 г. Марсель Тьебо анализирует 10 произведений о Наполеоне, особенно подчеркивая главу о работоспособности Наполеона в историческом романе Мережковского, т. к. это одна из важных черт из жизни французского императора, который никогда не знал чувства усталости, работал 15 часов и спал 4 часа в день. В заключение, отмечая, что иностранные писатели настаивают на европейскости Наполеона, а не на его национальном характере, его французскости, Тьебо с удивлением замечает, что для Мережковского, как и для других, великий французский исторический деятель был человеком без языка, народа и родины [36, с. 473].

В «La Quinzaine critiquedes livres et des revues» за 10 ноября 1929 г. Андре Пьер публикует рецензию на книгу «Наполеон. Человек» Мережковского. По мнению французского критика, литературный интерес к Наполеону возвышает его славу. Тот факт, что три писателя, немец (Эмиль Людвиг), русский (Д. Мережковский) и английский профессор (Ж. Олланд Роуз) обращаются к жизни писателя, доказывает, что Наполеон принадлежит всей Европе. Мережковский же, считающий, что этот герой незаконно был покрыт клеветой, реабилитировал французского императора в своем историческом романе. По мнению Андре Пьера, это произведение напоминает по своему настрою другой текст, посвященный маршалу Пилсудскому, спасшему Польшу от большевиков, и, таким образом, мыслитель своеобразно отвечает Ипполиту Тэну и Льву

Толстому. Литературный критик называет стиль Мережковского апокалиптическим и заключает, что его персональная христианская философия опирается на солидную документацию, а также на исторические анекдоты. Он заканчивает свою короткую рецензию хиазмом: за Наполеона умерли миллионы, в то время как Наполеон умер, выполнив веления судьбы [32, с. 32].

Отметим, что во французских рецензиях и статьях Д.С. Мережковский всегда сравнивается со значительными представителями европейской культуры и его произведения высоко оцениваются французскими литературными критиками.

Предисловия к переводам Д.С. Мережковского на французский язык

Д.С. Мережковского переводили следующие французские переводчики: С.М. Перский, Жак Соррез, Дюмениль де Грамон, Жан Шюзвиль, Морис Парижанин (псевдоним Мориса Донзеля), Илья Гальперин-Каминский, Дени Рош, Анри Монго, Жорж Глоба, Константин Андроников. Иногда они писали предисловия и послесловия к переводам. Напомним, что в самом начале «Бесполезного предисловия» из исторического романа «Тайна Запада. Атлантида–Европа» уточняется: «Все предисловия бесполезны» [8, с. 5]. Несмотря на это предостережение Мережковского, мы попытаемся проанализировать те из них, которые мы нашли в документальном фонде Иезуитской славянской библиотеки г. Лиона (Франция).

В предисловии к дореволюционному переводу «Воскресших богов» (Париж, 1902) переводчик С.М. Перский уточняет, что самый главный недостаток романов Мережковского находится в построении произведений. Традиционно в исторических романах действие и второстепенные персонажи группируются вокруг главного героя, в то время как в романах Мережковского доминируют детальные описания в ущерб главным историческим событиям, и очень часто второстепенные персонажи описаны более детально и живо, чем главный герой. Вместо главного исторического сюжета читателю предлагается серия мастерски выполненных зарисовок, мало связанных с центральным драматическим действием [31, с. VIII–IX]. В предисловии к «Грядущему хаму» (Париж, 1922) Дени Роша анализирует употребление слов у Мережковского: *хам, мещанин, интеллигенция* и возможные их переводы и эквиваленты на французском языке [34, с. 7–9].

Роман «Александр I» выходит по-французски в двух книгах: «Тайна Александра I» («Mystère d'Alexandre I») и «Конец Александра I» («La fin d'Alexandre Ier»). В предисловии к переводу «Тайна Александра I» И. Гальперин-Каминский замечает, что внима-

нию читателя представляется книга известного русского писателя во Франции: Мережковский стал известен в Европе, благодаря своему историческому роману о Леонардо да Винчи, который был буквально бестселлером, и его можно было найти почти что в любом книжном магазине Западной Европы. Гальперин-Каминский уточняет, что, хотя это роман об эпохе Александра I, в нем проведены параллели с актуальной эпохой, а именно с царствием Николая II. Оба императора были подвержены мистицизму и окружены мистиками (императрица Елизавета / императрица Александра, фанатичный мужик-монах Фотий / Распутин, истоки большевизма в секретном обществе декабристов, полковник Пестель / Ленин). Заявляя, что этот роман представляет собой изображение русской души, Гальперин-Каминский перечисляет ее главных описателей: Тургенева, Толстого, показавших ее гармонические стороны, и Достоевского, остановившегося на ее девиантных проявлениях. Переводчик уточняет, что книга была написана по-русски в 1910 г. и что, исследуя прошлое, Мережковский предсказал историческое будущее своей страны [21, с. I–IV].

В 1926 г. выходит перевод «Конец Алекандра I» И. Гальперина-Каминского. В предисловии переводчик уточняет, что читатели поймут и прочитают с удовольствием этот роман, даже если они и не читали книгу «Тайна Александра I». Он пишет, что тайна Александра I заключается в том, что царь знал о существовании Северного и Южного секретных революционных обществ и считал себя даже их покровителем. Гальперин-Каминский объясняет французскому читателю ход исторических событий, приведших к созданию секретных обществ (конец правления Павла I, либеральное правление Александра I до 1812 г., реакция, связанная с именем Аракчеева) и уточняет, что движение секретных обществ, созданное в 1816 г., является началом русской революции, которая в марте 1917 г. будет основана на политических принципах декабристов: уничтожение самодержавия, введение конституционной монархии, отмена сословий и регулярной армии [20, с. I–VIII]. Переводчик также пишет эпилог к роману, под заголовком «Загадочный Федор Кузьмич», в котором он оправдывает историческое предположение о превращении Александра I в странника Федора Кузьмича[6]. Он цитирует мнение историков, изучавших биографию Александра I, в частности, Николая Шильдера, де Вогюе, а также статью великого князя Николая Михайловича, в ко-

[6] Гальперин-Каминский замечает, что к легенде о странной смерти Александра I присоединяется и скоропостижная смерть его жены Елизаветы, в городе Белёве. Заметим, что достаточно интересно, в фиктивной манере, переписывается история правления Алексндра I в «Повести о благоверном Царе и верноподданном Василии» (1938?) «скитника» Б.К. Семенова [12, с. 272–295].

торой он выражает предположение, что Федор Кузьмич — это незаконный первый сын Павла I, Семион Великий [19, с. 323–351].

Некоторые романы делятся французскими издателями на две книги, как в случае с романом «Александр I», и иногда переводы по-французски выходят под измененными заглавиями.

Статьи Д.С. Мережковского во французской прессе

Статьи Д.С. Мережковского вызывали оживленную полемику во французской прессе. Обратимся в данном анализе к сборникам статей, вышедших по-французски. Три книги Мережковского, написанные в соавторстве с З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым, взаимосвязаны: «Царь и революция» («Le Tsar et la Révolution», Париж, 1907), «Царство Антихриста» («Le règne de l'Antichrist», Париж, 1921) и «Европа смотрит на СССР» («L'Europe face à l'URSS», Париж, 1944). В предисловии к книге «Царь и революция», состоящей из статей на русском языке и переведенных с французского, Маргарита Павлова подробно останавливается на дореволюционном периоде эмиграции Мережковского [10]. Этот же период подробно описан Гиппиус в книге «Дмитрий Мережковский». «Царство Антихриста» выходит по-французски в 1921 г. [29] в Париже и в 1922 г. по-русски в Мюнхене [11]. Во французской книге статья В.А. Злобина «Тайна большевиков» не опубликована, вместо нее стоит статья Мережковского «Распятый народ» («Le peuple crucifié»). Переводы сделаны де Грамоном, Монго, Морисом и Шюзвилем.

В сборнике «Европа смотрит на СССР» много полемических статей, опубликованных во французских газетах и журналах и предназначенных для французскоязычной публики. Эта книга подробно проанализирована В.А. Злобиным в статье «Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом», вышедшей в 53-м номере журнала «Возрождение» за 1956 г. [5, с. 460–468].

В статье «Будущее Европы» («L'avenir de l'Europe»), опубликованной в «La Revue de Genève» в январе 1923 г., замечая, что в цивилизованной Европе Первая мировая война была абсурдной, Мережковский предсказывает Вторую мировую войну, которая может перерасти в серьезный гражданский конфликт, сопровожденный каннибализмом. В этой статье постулируется, что христианство создало Европу, ее культуру и науку, что из христианства вытекали спасительные революции и из него возник и «социальный вопрос» [28, с. 67]. По Мережковскому, ужасен тот факт, что европейский народ подвержен антропофагии, но еще ужаснее, что соседние народы спокойно наблюдают за развитием событий

и пытаются найти себе выгоду, подписывая торговые и военные соглашения с большевиками-«каннибалами».

В «Ужасающем письме» («Une lettre terrible», 1921) Мережковский взывает к всему человечеству, полностью приводя анонимное письмо русских матерей, присланное из СССР, напечатанное в «Руле» и просящее вызволить их детей из пореволюционной России. Мыслитель просит не посылать гуманитарную помощь в Советскую Россию, т.к. это только ужесточает существование «жертв» режима и улучшает позицию «палачей».

Писатель публикует во французской прессе три открытых письма, представленных в этом сборнике: Герберту Уэллсу, Нансену и Герхарту Гауптману. В «Открытом письме Уэллсу» («La Revue hebdomadaire», 1921) Мережковский уточняет, что Уэллс наблюдал за Россией в течение 16 дней, в то время как он сам в течение 50 лет. Он приводит следующее трагическое свидетельство, дошедшее из Советской России: подростки убили и съели часть своего товарища. Один из обвиняемых, десятилетний мальчик, ответил при судебном разбирательстве, что человеческое мясо вначале хорошее на вкус, но затем плохо пахнет. Мережковский метафорически переносит это заключение на перемирие с большевиками, к которому взывает Уэллс, и, обращаясь к творчеству английского писателя, сравнивает власть большевиков с пришествием на Землю марсиан [28, с. 84].

В «Открытом письме к Герхарту Гауптману» («L'Avenir», 1921) Мережковский объясняет немецкому писателю, что означает оказывать помощь большевистской России, которую просит Максим Горький, т.к. за планетарными тривиальными слезами последнего проступает спокойная и хитрая улыбка Ленина. По мнению Мережковского, Европа должна отказаться помогать большевикам, в чьих руках голод является своеобразным оружием, т.к. эта помощь не дойдет до народа.

В «Открытом письме французскому другу», напечатанном в «L'Avenir» в 1927 г., Мережковский не называет своего адресата. Он обращается к анонимному для читателя французскому другу, говоря, что он уже потратил шесть лет, чтобы открыть правду Европе о большевистской России, и настаивает на том факте, что европейское вмешательство в дела Российского государства превращается в помощь большевикам. Мы находим это же заключение в вышеприведенной статье «Ужасающее письмо».

Статью «Андре Жид и СССР» («André Gide et l'URSS») Мережковский начинает со следующего заявления: если бы эмиграции сказали, что к тридцатым годам русские коммунисты станут баловнями для Европы, они бы ответили, что мир сошел с ума. Но, по его словам, это как раз и происходит, т.к. многие европейские мыс-

лители, такие как, например, Бернард Шоу, Эйнштейн, Андре Жид, прославляют большевизм. Мережковский прибегает к хиазму, чтобы объяснить сложнейшие политические процессы, происходящие в Европе: русская социалистическая революция — это рабство, которого никогда не знала Европа, худшее, чем оно было в Древнем Египте, но это тотальное рабство в СССР представляется европейской буржуазии раем на земле. Критик использует также ольфактивную метафору в построении своих доказательств: он предлагает вспомнить, как Бодлер предлагал своей собаке понюхать духи, объясняя, что хороший запах предпочтительнее дурному. Вспомним также другую выше цитированную ольфактивную метафору из открытого письма Уэллсу. Мережковский предлагает читателю представить А. Жиду мертвый запах русского коммунизма, например, пятилетки. Далее он цитирует слова Ивана Карамазова, по которому «один гад съедает другую гадину», и замечает, что в данную историческую эпоху человечество находится между двумя рептилиями: буржуазией и коммунизмом. Коммунистическая рептилия хочет быть красной, а буржуазная — белой, но они настолько смешались, что покрыты белыми и красными пятнами.

В начале статьи «Мольер и Россия» («Molière et la Russie», 1922) Мережковский приводит некоторые отрывки из мольеровских пьес, иллюстрирующие актуальные общественные события. Он заявляет, что находится в тяжбе с Лениным и его приближенными из-за того, что они погубили Мать-Россию. Эта статья, конечно же, вызвала полемику во французской прессе. В статье «Мережковский не любит коммунизм» из «L'Humanité» за 2 февраля 1922 г. анонимный автор критически относится к идеям русского писателя, обозначенным в его статье о Мольере. Читателю советуется пренебречь мнением этого автора, и, как аргумент противоположного мнения, цитируются свидетельства о Советском Союзе Айседоры Дункан, Максима Горького и Шаляпина [30, с. 1].

В статье «Французские Керенские» («Les Kerensky français»), вышедшей в «L'Éclair» за 1925г., Мережковский пишет о том, что во Франции он много наслышан о французских Керенских. Он задается вопросом: есть ли правда в этом сравнении? Его аргументация состоит в следующем: революция превратила обычного адвоката в министра и диктатора, она его ослепила, и он потерял равновесие, а французские Керенские действуют в стране со стабильной политической ситуацией, в которой нация знает, что означают понятия отечества и свободы [28, с. 123].

В статье «Французы, откройте глаза и будьте осторожными» («Français, ouvrez les yeux et prenez garde!»), опубликованной также в «L'Éclair» за 1925 г. и раскритикованной за ложную информацию анонимным автором в «L'Humanité» за 20 мая 1925 г. [27,

с. 2], Мережковский пишет, что в Европе, к сожалению, не замечают ни эмигрантскую, ни советскую прессу. Он предостерегает французов о том, что СССР, имеющий очень тесные связи с Коминтерном, хочет возглавить мировую революцию. В газете «L'Humanité» мы можем найти несколько статей, рьяно опровергающих общественно-политические взгляды Мережковского.

В данной статье была проанализирована небольшая часть франкофонного наследия Д.С. Мережковского в период первой волны эмиграции. Публичные выступления этого автора по-французски преследуют прежде всего политические цели, а его идеи вносят неисчерпаемый вклад в общественное наследие французско-русских отношений. Литературная, политическая, общественная роль Мережковского во французской культуре 20–30-х гг. XX в. несопоставима ни с каким другим писателем эмиграции в это время. Для французской прессы 20–30-х гг. прошлого века Д.С. Мережковский — это самый талантливый русский писатель после Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, писатель-мистик, автор исторических романов, самый важный представитель общественно-политической мысли первой волны русской эмиграции.

Литература

1. *Адамович Г.В.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2011. С. 389–401.

2. *Алданов М.А.*, Д.С. Мережковский. Некролог // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2011. С. 402–407.

3. *Бердяев Н.А.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Собрание сочинений 3. Типы религиозной мысли в России. Париж: ИМКА-пресс, 1989. С. 487–515.

4. *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. Париж: ИМКА-пресс, 1951. 307 с.

5. *Злобин В.А.* Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2011. С. 460–468.

6. *Коростелев О.А.* Философская трилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Лица святых от Иисуса к нам. М.: Республика, 1997. С. 360–365.

7. *Лотман Ю.М.* О русской литературе классического периода. Вводные замечания // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 594–604.

8. *Мережковский Д.С.* Бесполезное предисловие // Мережковский Д.С. Тайна Запада. Атлантида–Европа. Белград: Русская типография, 1930. С. 5–22.

9. *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1991. С. 91–110.

10. *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В.* Царь и революция. М.: ОГИ, 1999. 219 с.

11. *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А.* Царство Антихриста. München: Drei Masken Verlag, 1922. 255 с.

12. *Семенов Б.К.* Повесть о благоверном Царе и верноподданном Василии // «Скит». Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы. М.: Русский путь, 2006. С. 272–295.

13. *Цетлин М.О.* Д.С. Мережковский (1865–1941) // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2011. С. 408–416.

14. Чествование Д.С. Мережковского // Последние новости. 1935. 17 декабря.

15. *Chuzeville J.* Dmitri Mérejkowsky // La Revue hebdomadaire. III: 3, III.1921. С. 258–271.

16. *Chuzeville J.* Dmitri Mérejkowsky: esquisse de littérature russe. Paris: Bossard, 1922. 75 с.

17. *Chuzeville J.* En guise de préface // L'Europe face à l'URSS. Paris: Mercure de France, 1944. С. 5–12.

18. *Chuzeville J.* Lettres russes. Merejkowsky: Quatorze Décembre. Mercure de France. 1 janvier 1922. С. 228–232.

19. *Halpérine-Kaminsky E.* Post-face (L'énigmatique Féodor Kozmitch) // Merejkovsky D. La fin d'Alexandre Ier. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris: Calmann-Lévy éditeurs, 1926. С. 323–351.

20. *Halpérine-Kaminsky E.* Préface du tracteur // Merejkovsky D. La fin d'Alexandre Ier. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris: Calmann-Lévy éditeurs, 1926. С. I–VIII.

21. *Halpérine-Kaminsky E.* Préface (Roman prophétique de Merejkowski) // Merejkovsky D. Le Mystère d'Alexandre I. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris: Calmann-Lévy éditeurs, 1922. С. I–IV.

22. *Jalabert L.* Dmitri Mérejkovski. Julien l'Apostat. La mort des Dieux // Études. Revue catholique d'intérêt général. 20 août 1928. № 196. С. 504–505.

23. *Jalabert L.* Dmitri Mérejkovski. Le Roman de Léonard de Vinci // Études. Revue catholique d'intérêt général. 20 avril 1928. № 195. С. 254–255.

24. *Legras J.* Dmitri Mérejkovsky. Julien l'Apostat. La mort des dieux // Le monde slave. Paris. Février 1928. № 2. С. 315–316.

25. *Legras J.* Dmitri Mérejkovsky. Quatorze Décembre. Le roman de Léonard de Vinci, la résurrection des Dieux // Le monde slave. Paris. septembre 1926. № 9. С. 478–479.

26. *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 542 с.

27. M. Dymitr Merejkovski, romancier mystique russe, mystificateur et faussaire // L'Humanité. 20 mai 1925. С. 2.

28. *Merejkovsky D., Guippius Z.* L'Europe face à l'URSS. Traduit par J. Chuzeville. Paris: Mercure de France, 1944. 223 c.

29. *Merejkovsky D., Gippius Z., Filosofov D.* Le règne de l'Antéchrist. Traduit par M. Dumesnil de Gramont, Paris: Éditions Bossard, 1921. 261 c.

30. M. Merejkowsky n'aime pas le communisme // L'Humanité. 2 février 1922. C. 1.

31. *Persky S.M.* Avant-propos du traducteur // Merejkovsky D. La résurrection des dieux. Paris: Perrin 1902. C. I–X.

32. *Pierre A.* Napoléon // Quinzaine critique des livres et des revues. 10 novembre 1929. № 1. C. 32.

33. *Pozner W.* D. Mérejkowski // Panorama de la littérature russe contemporaine. Paris: Éditions Kra, 1929. C. 66–75.

34. *Roche D.* Avant-propos (Observations sur quelques mots fréquemment employés par l'auteur) // Mérejkowsky D. Le mufle-roi: l'avènement du Cham. Traduit du russe par Denis Roche. Paris: Ed. Bossard, 1922. C. 7–9.

35. *Schloezer B.* Quatorze décembre, par Dmitri Mérejkowsky. Traduit par Michel de Gramont (Bossard) // Nouvelle Revue Française. 1 février 1922. XVIII6 101. C. 246–247.

36. *Thiébaut M.* Chronique bibliographique. Autour de Napoléon // La Revue de Paris. janvier-février 1930. № 1. C. 467–480.

37. *Thiébaut M.* La naissance des Dieux. Akhenaton Joie-du-Soleil. L'ombre de celui qui vient par Dmitri Merejkowsky // La Revue de Paris. juillet-août 1928. № 4. C. 714–716.

References

1. Adamovich G.V. Merezhkovskii [Merezhkovsky]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Dmitriia Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov. Antologiia* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Dmitry Merezhkovsky's personality and creativity in the evaluation of his contemporaries. Anthology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2011, pp. 389–401. (In Russ.)

2. Aldanov M.A., D.S. Merezhkovskii. Nekrolog [D.S. Merezhkovsky. Obituary]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Dmitriia Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov. Antologiia* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Dmitry Merezhkovsky's personality and creativity in the evaluation of his contemporaries. Anthology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2011, pp. 402–407. (In Russ.)

3. Berdiaev N.A. Novoe khristianstvo (D.S. Merezhkovskii) [New Christianity (D.S. Merezhkovsky)], *Sobranie sochinenii 3. Tipy religioznoi mysli v Rossii* [Collected Works 3. Types of religious thought in Russia]. Parizh, IMKA-press Publ., 1989, pp. 487–515. (In Russ.)

4. Gippius Z.N. *Dmitrii Merezhkovskii* [Dmitry Merezhkovsky]. Paris, IMKA-press Publ., 1951. 307 p. (In Russ.)

5. Zlobin V.A. D.S. Merezhkovskii i ego bor'ba s bol'shevizmom [D.S. Merezhkovsky and his struggle against Bolshevism]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Dmitriia Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov. Antologiia* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Dmitry Merezhkovsky's personality and creativity in the evaluation of his contemporaries. Anthology]. Saint Petersburg,

Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2011, pp. 460–468. (In Russ.)

6. Korostelev O.A. Filosofskaia trilogiia D.S. Merezhkovskogo [D.S. Merezhkovsky's Philosophical trilogy]. Merezhkovskii D.S. *Sobranie sochinenii. Litsa sviatykh ot Iisusa k nam* [Collected Works. Faces of the saints, from Jesus to us]. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 360–365. (In Russ.)

7. Lotman Iu.M. O russkoi literature klassicheskogo perioda. Vvodnye zamechaniia [About Russian literature of the classical period. Introductory remarks]. *O russkoi literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1997, pp. 594–604. (In Russ.)

8. Merezhkovskii D.S. Bespoleznoe predislovie [An useless preface]. Merezhkovskii D.S. *Taina Zapada. Atlantida–Evropa* [Mystery of the West. Atlantis-Europe]. Belgrade, Russkaia tipografiia Publ., 1930, pp. 5–22. (In Russ.)

9. Merezhkovskii D.S. O novom religioznom deistvii (Otkrytoe pis'mo N.A. Berdiaevu) [A new religious action (Open letter to N.A. Berdyaev)]. Merezhkovskii D.S. *Bol'naia Rossiia* [Sick Russia]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo Universiteta Publ., 1991, pp. 91–110. (In Russ.)

10. Merezhkovckii D.S., Gippius Z.N., Filosofov D.V. *Tsar' i revoliutsiia* [Tsar and the Revolution]. Moscow, OGI Publ., 1999. 219 p. (In Russ.)

11. Merezhkovskii D.S., Gippius Z.N., Filosofov D.V., Zlobin V.A. *Tsarstvo Antikhrista* [The kingdom of the Antichrist]. München, Drei Masken Verlag, 1922. 255 p. (In Russ.)

12. Semenov B.K. Povest' o blagovernom Tsare i vernopoddannom Vasilii [The Tale about a pious Tsar and his loyalists Basil]. «Skit». Praga. 1922–1940. Antologiia. Biografii. Dokumenty [«Skete». Prague. 1922–1940. Anthology. Biographies. Documentation]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, pp. 272–295.

13. Tsetlin M.O. D.S. Merezhkovskii (1865–1941) [D.S. Merezhkovsky (1865–1941)]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Dmitriia Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov. Antologiia* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra. Dmitry Merezhkovsky's personality and creativity in the evaluation of his contemporaries. Anthology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2011, pp. 408–416. (In Russ.)

14. Chestvovanie D.S. Merezhkovskogo [Honoring D.S. Merezhkovsky]. *Poslednie novosti*, 1935, 17 dekabria. (In Russ.)

15. Chuzeville J. Dmitri Mérejkowsky. *La Revue hebdomadaire*, III: 3, III.1921, pp. 258–271.

16. Chuzeville J. *Dmitri Mérejkowsky: esquisse de littérature russe*. Paris, Bossard, 1922. 75 p.

17. Chuzeville J. En guise de préface. *L'Europe face à l'URSS*. Paris, Mercure de France, 1944, pp. 5–12.

18. Chuzeville J. Lettres russes. Merejkowsky: Quatorze Décembre. *Mercure de France*, 1 janvier 1922, pp. 228–232.

19. Halpérine-Kaminsky E. Post-face (L'énigmatique Féodor Kozmitch). Merejkovsky D. *La fin d'Alexandre Ier*. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris, Calmann-Lévy éditeurs, 1926, pp. 323–351.

20. Halpérine-Kaminsky E. Préface du tracteur. Merejkovsky D. *La fin d'Alexandre Ier*. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris, Calmann-Lévy éditeurs, 1926, pp. I–VIII.

21. Halpérine-Kaminsky E. Préface (Roman prophétique de Merejkowski). Merejkovsky D. *Le Mystère d'Alexandre I*. Traduit par Ely Halpérine-Kaminsky. Paris, Calmann-Lévy éditeurs, 1922, pp. I–IV.

22. Jalabert L. Dmitri Mérejkovski. Julien l'Apostat. La mort des Dieux. *Études. Revue catholique d'intérêt général,* 20 août 1928, № 196, pp. 504–505.

23. Jalabert L. Dmitri Mérejkovski. Le Roman de Léonard de Vinci. *Études. Revue catholique d'intérêt général*, 20 avril 1928, № 195, pp. 254–255.

24. Legras J. Dmitri Mérejkovsky. Julien l'Apostat. La mort des dieux. *Le monde slave*. Paris, février 1928, № 2, pp. 315–316.

25. Legras J. Dmitri Mérejkovsky. Quatorze Décembre. Le roman de Léonard de Vinci, la résurrection des Dieux. *Le monde slave*. Paris, septembre 1926, № 9, pp. 478–479.

26. Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

27. M. Dymitr Merejkovski, romancier mystique russe, mystificateur et faussaire. *L'Humanité*. 20 mai 1925, p. 2.

28. Merejkovsky D., Guippius Z. *L'Europe face à l'URSS*. Traduit par J. Chuzeville. Paris, Mercure de France, 1944. 223 p.

29. Merejkovsky D., Gippius Z., Filosofov D. *Le règne de l'Antéchrist*. Traduit par M. Dumesnil de Gramont, Paris, Éditions Bossard, 1921. 261 p.

30. M. Merejkowsky n'aime pas le communisme. *L'Humanité*, 2 février 1922, p. 1.

31. Persky S.M. Avant-propos du traducteur. Merejkovsky D. *La résurrection des dieux*. Paris, Perrin 1902, pp. I–X.

32. Pierre A. Napoléon. *Quinzaine critique des livres et des revues*, 10 novembre 1929. № 1, p. 32.

33. Pozner W. D. Mérejkowski. *Panorama de la littérature russe contemporaine*. Paris, Éditions Kra, 1929, pp. 66–75.

34. Roche D. Avant-propos (Observations sur quelques mots fréquemment employés par l'auteur) // Mérejkowsky D. *Le mufle-roi: l'avènement du Cham*. Traduit du russe par Denis Roche. Paris, Ed. Bossard, 1922, pp. 7–9.

35. Schloezer B. Quatorze décembre, par Dmitri Mérejkowsky. Traduit par Michel de Gramont (Bossard). *Nouvelle Revue Française*, 1 février 1922, XVIII6 101, pp. 246–247.

36. Thiébaut M. Chronique bibliographique. Autour de Napoléon. *La Revue de Paris*, janvier-février 1930, № 1, pp. 467–480.

37. Thiébaut M. La naissance des Dieux. Akhenaton Joie-du-Soleil. L'ombre de celui qui vient par Dmitri Merejkowsky. *La Revue de Paris*, juillet-août 1928, № 4, pp. 714–716.

The post-revolutionary cultural heritage of D.S. Merezhkovsky in French

S. Garziano

Abstract: In the post-revolutionary emigration period, D.S. Merezhkovsky published 65 different texts, originally written in French or versions translated into French. These include texts such as: novels, short stories, articles, essays, plays, collections, appeals, open letters. 111 French reviews, mainly on historical

novels were written by French and émigré critics. In the interwar French press, there are 70 articles written about the writer's life and work or in which he is mentioned along with other authors. Thus, in French periodicals, we can find 181 texts about Merezhkovsky. The linguistic corpus of the first wave of emigration „Merezhkovsky and about Merezhkovsky in French" contains about 246 different texts. In this paper, we propose to develop the theme of the post-revolutionary cultural heritage of D.S. Merezhkovsky in French in four areas: Jean Chuzeville on D.S. Merezhkovsky, reviews on D.S. Merezhkovsky in French journalism, prefaces to translations of D.S. Merezhkovsky's works in French and D.S. Merezhkovsky's articles in the French press. Firstly, the paper analyzes J. Chuzeville's book „Dmitry Merezhkovsky: a Russian literature sketch" and his preface to the book „Europe versus the USSR". As well, some French reviews on Merezhkovsky's work written by the following authors are studied in this scholarly paper: J. Chuzeville, B. Schloezer, V. Pozner, J. Legras, L. Jalabert, M. Thiébaut and A. Pierre. Then the author of the article analyzes some prefaces to translations in French of D.S. Merezhkovsky's historical novels, written by their translators: S.M. Persky, D. Roche and E. Halpérine-Kaminsky. Finally, D.S. Merezhkovsky's French articles from the book „Europe versus the USSR„ („L'Europe face à l'URSS", 1944) are considered.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, emigration, émigré criticism, French periodicals, French translations of the prefaces to Merezhkovsky's works, Jean Chuzeville, „Europe versus the USSR", Jesuit Slavic library's documentary fund.

Information about author: Svetlana Garziano, Ph.D. degree, senior lecturer, researcher at the Research Center of French and Comparative Literature MARGE and at the Memory Project, director of the House of Languages at the Jean Moulin Lyon 3 University. 6 cours Albert Thomas, 69006 Lyon, France, E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-133-147
УДК: 882 ББК: 83.3(2Рос=Рус)1–8 Мережковский Д.С.

Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского

О.А. Блинова

Аннотация: Статья О.А. Блиновой посвящена так называемой научной библиотеке Д.С. Мережковского, проданной в 1950 г. В.А. Злобиным в Национальную библиотеку Франции (НБФ). Она является своеобразным разысканием по следам публикации М.М. Павловой «К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского».

В первой ее части дается описание парижской библиотеки Мережковского. Речь идет, в частности, о количестве единиц, ее составлявших, о языках изданий и наличии рукописных помет ее владельца. Затем упоминается ее судьба после поступления в НБФ и обсуждается проблема датировки момента ее основания. В статье воспроизводятся дарственные надписи, фигурирующие на книгах библиотеки.

Во второй части, построенной по хронологическому принципу, прослеживается связь входивших в библиотеку текстов с литературным наследием Мережковского. Выявляются заимствования из исследования А.И. Незелёнова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785» для драмы «Павел I» (1908). Эти заимствования оказываются особенно важными для формирования масонского пласта произведения. В главке о египетских проектах Мережковского выдвигается гипотеза о роли катализатора творческого процесса, которую сыграло открытие в 1922 г. гробницы Тутанхамона. Свидетельством особого интереса писателя к этой находке служат научные работы египтологов, увидевшие свет в 1923 г. Далее перечисляются некоторые источники, связанные с эссеистическими произведениями Мережковского об Атлантиде (1930) и Паскале (1941). Наконец, отмечается, что самый обширный корпус библиотеки был посвящен Иисусу Христу и проблемам христианства.

В заключении приводятся факты, дающие основания полагать, что библиотека Мережковского была продана Злобиным в неполном виде. Подчеркивается при этом и то, что сохраненное в НБФ полностью подтверждает слова Гиппиус о научности подхода Мережковского к писательскому делу.

Ключевые слова: парижская научная библиотека Д.С. Мережковского, парижский архив З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, Д.С. Мережковский, В.А. Злобин, З.Н. Гиппиус, А.И. Незеленов, Национальная библиотека Франции, Павел I, масонство, Тутанхамон, Атлантида, Блез Паскаль, Иисус Христос, эмиграция.

Информация об авторе: Ольга Александровна Блинова, к.ф.н., преподаватель университета Париж-8, член научно-исследовательской группы EA 1340 Страсбургского университета, Париж, Страсбург, Франция. E-mail: blinova @unistra.fr

Судьба парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, «содержащего первостепенные по значению материалы для изучения русского символизма и литературы „первой волны“ эмиграции» [6, с. 207], не перестает возбуждать интерес исследователей. Настоящая статья — своеобразное разыскание по следам публикации М.М. Павловой, посвященной истории этого архива [6]. Речь в ней пойдет о так называемой научной библиотеке Д.С. Мережковского, проданной в 1950 г. В.А. Злобиным в Национальную библиотеку Франции (НБФ).

Задача статьи — описать в общих чертах парижскую библиотеку Д.С. Мережковского, дать обзорный анализ более чем семидесяти печатным изданиям, некогда ее составлявшим, а также наметить связь этих изданий с литературным наследием ее владельца.

Во избежание неточностей, отметим определенную долю условности в использовании названия «библиотека Д.С. Мережковского», т.к. среди книг, проданных В.А. Злобиным, есть и подаренные их авторами супругам Мережковским, либо одной З.Н. Гиппиус, либо Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову.

Начну с момента продажи библиотеки в НБФ. Мне удалось разыскать инвентарную опись приобретенных французской библиотекой у В.А. Злобина печатных изданий, представленных 76 названиями, в количестве 85 единиц — некоторые произведения изданы в нескольких томах, плюс периодика, представленная в нескольких книжках[1]. Судя по описи, в библиотеку Д.С. Мережковского входили книги на пяти языках, а именно: на немецком, английском, русском, итальянском и французском. Большинство печатных изданий — 49 названий — на немецком языке, и, как ни странно, лишь одно произведение на французском[2]. Самое раннее по дате публикации печатное издание — брошюра на немецком языке Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга «Божества острова Самос»[3], вышедшая в свет в 1815 г. Самое позднее — статья итальянского автора Анджелы Цуккони «Дмитрий Мережковский и судьбы Данта в России»[4], опубликованная в 1937 г. Многие пе-

[1] При обработке вновь поступивших в НБФ печатных изданий на них были проставлены овальные штампы с номерами, соответствующими инвентарной описи, что значительно облегчает идентификацию экземпляров, входивших в состав библиотеки Д.С. Мережковского.

[2] На русском языке 14 названий, на английском — 9, на итальянском — 3.

[3] *Schelling Fr.W.J.* Über die Gottheiten von Samothrace. Stuttgart: J.B. Cotta, 1815. 124 p.

[4] *Zucconi A.* Demetrio Merezkovski e la fortuna di Dante in Russia // Scuola e cultura, annali della istruzione media. 1937. № XV. P. 171–187.

чатные издания носят рукописные пометы и комментарии Д.С. Мережковского.

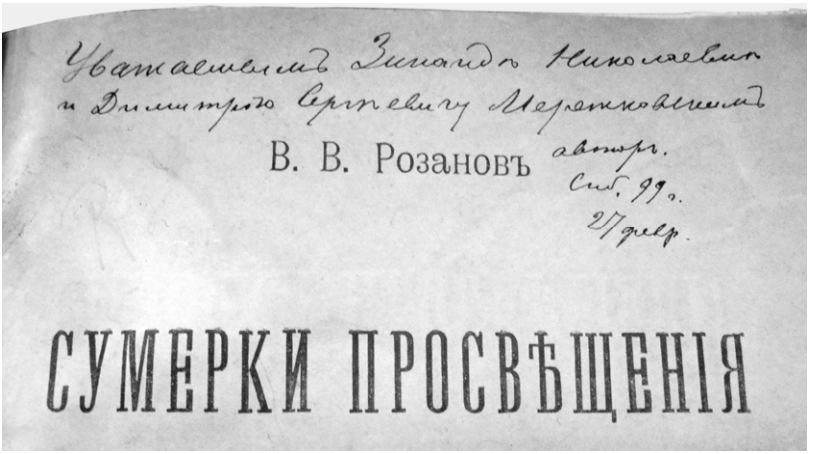
Инвентарная опись[5] приобретенных НБФ печатных изданий датирована 24 февраля 1950 г. Они были оценены в 31.200 франков, но выплате В.А. Злобину подлежало лишь 30.000 франков. Что представляла из себя эта сумма? Приведу несколько среднегодовых цифр. В 1950 г. цена одного проезда в метро составляла 14 франков (при покупке книжечки на 10 поездок), сеанс кино в парижских кинотеатрах стоил 70 франков. В 1953 г. медицинская консультация обходилась в 462 франка. В 1954 г. килограмм хлеба стоил 26, а килограмм говядины 685 франков [12]. На полученную В.А. Злобиным сумму можно было, например, пользоваться метро в течение, приблизительно, 3 лет, совершая по две поездки в день, — как говорится, при таких доходах далеко не уедешь!

А какова же дальнейшая судьба самой библиотеки? На сегодняшний день библиотека Д.С. Мережковского как единое целое, к сожалению, не существует. Книги, некогда ее составлявшие, разрознены: часть находится в отделе восточной литературы, часть — в историко-философском отделе, часть — в отделе редких книг и т.д. Такая незавидная участь может быть объяснена двумя причинами. Во-первых, сам акт продажи и, по всей видимости, продажи срочной не позволял В.А. Злобину выдвигать требования по хранению и использованию передаваемых им в НБФ за денежное вознаграждение печатных изданий. Во-вторых, хранитель НБФ Monsieur André Martin, скорее всего, не счел научную ценность приобретенной библиотеки достаточной для того, чтобы выделить ее в отдельный фонд.

Вопрос о том, когда Мережковский начал собирать свою парижскую библиотеку, пока остается открытым. Среди проданных Злобиным книг есть, например, сборник статей В.В. Розанова «Сумерки просвещения»[6] с дарственной надписью «Уважаемым Зинаиде Николаевне и Димитрию Сергеевичу Мережковским автор. СПб. <18>99 г. 27 февр<аля>». Возможно, что супруги «захватили» с собой подаренный сборник, уезжая в октябре 1899 года

[5] Регистр приобретений отдела печатных изданий № 39–40 (Приобретения 1949–1950 гг.), приобретения с 308730 по 308805. В начале списка фигурирует номер 30.468 и запись: «M. Wladimir Zlobine, 14, rue Nicolo, Paris». Список датирован 24 февраля 1950 г. и подписан хранителем отдела печатных изданий БНФ Андре Мартэном.

[6] *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования. СПб.: Издание П. Перцова. Типография Меркушева, 1899. 240 с.

Дарственная надпись В.В. Розанова Мережковским на книге «Сумерки просвещения»

за границу, где они провели примерно год (октябрь 1899 г. — 14 сентября 1900 г.[7]).

Но, вероятнее всего, по-настоящему библиотека начала разрастаться в 1906–1908 гг., когда Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов провели более двух лет за границей[8], сняв в Париже квартиру в доме *15 bis* на улице *Théophile Gautier*. Вот как описывает З.Н. Гиппиус их обустройство в этой квартире:

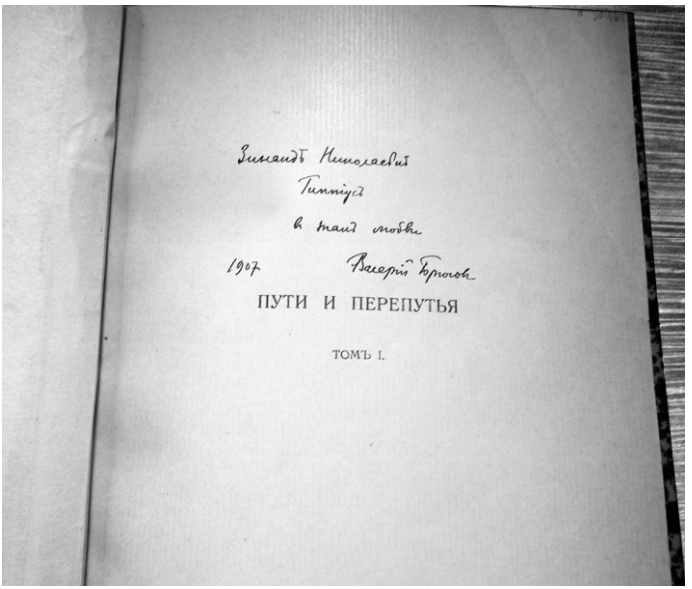
> Прежде всего купили три письменных стола. Затем уж постели. А затем... ну, затем остальное можно было приобретать понемногу, постепенно, и самое дешевое. Так появилась у нас соломенная мебель, стоившая тогда гроши. *Сколько книг перечитал Д.С. на своей «дачной» кушетке!* [курсив наш. — *О.Б.*] А сколько написал на письменном столе <...>! [1, с. 313].

Можно с большой долей уверенности предположить, что к этому периоду относится приобретение труда Н.А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность»[9], изданного Пирож-

[7] По поводу датировки путешествия см.: [1, с. 253], [2, с. 52–53, 70–71]. В своей книге о Мережковском [1, с. 250] Гиппиус упоминает также заграничное путешествие, состоявшееся весной 1899 г., но нам пока не удалось найти подтверждений этому факту. Еще одна проблема заключается в том, что в указанных текстах Гиппиус ведет речь об Италии, о Германии, и ни слова не говорит ни о Париже, ни о Франции.

[8] По поводу датировки см.: [2, с. 106, 109], [1, с. 338].

[9] *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. 235 с. Не исключено, что книга эта была приобретена «тройственным союзом» после получения письма Бердяева от 22 апреля 1907 г., адресованного Д.В. Философову. В письме Бердяев корит

Книга В.Я. Брюсова «Пути и перепутья» с дарственной надписью З.Н. Гиппиус

ковым в 1907 г. К этому же периоду явно относится собрание стихов В.Я. Брюсова «Пути и перепутья»[10] с лаконичным и интригующим автографом на авантитуле «Зинаиде Николаевне Гиппиус в знак любви 1907 <г.> Валерий Брюсов» (на титульном листе значится 1908 г.), а также отправленный за границу К.И. Чуковским экземпляр его книги «От Чехова до наших дней»[11], вышедшей в 1908 г. На ее форзаце дарственная надпись:

Дмитрию Сергеевичу Мережковскому
Только что прочитал чу́дную, чу́дную, чу́дную[12] статью Д.В. Философова[13] — решаюсь послать Вам (и ему?) эту недоделанную книж-

Философова за то, что тот судит о книге «Новое религиозное сознание и общественность», прочитав из нее лишь «вырванные куски» [9, с. 305]. О журнальной публикации книги Бердяева в 1906–1907 гг. см.: [9, с. 316, примеч. 2].

[10] *Брюсов В.Я.* Пути и перепутья. Собрание стихов. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1908. Т. 1. 213 с.

[11] *Чуковский К.И.* От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики. СПб.: Т-во Издательское бюро, 1908. 183 с.

[12] Ударения расставлены К.И. Чуковским.

[13] Возможно, что Чуковский упоминает напечатанную в 231 номере «Столичной почты» за 7 (20) февраля 1908 г. статью-отзыв Д.В. Философова «Дневник журналиста. II» (С. 3), в которой речь идет о нем самом и о К.Д. Бальмонте [11]. Судя по отзывам, книга Чуковского «От Чехова до наших дней: Литера-

ку, с извинением, что она разрезана — это последний экземпляр — авторский.

Привет!
Чуковский

P.S. Утром написал Вам глупое пись<мо>[14].
Не сердитесь.

Уезжая из Парижа весной 1908 г., члены «тройственного союза» сдают на хранение со всем домашним скарбом и библиотеку, что отмечено З.Н. Гиппиус в ее мемуарах о Д.С. Мережковском:

> В апреле мы с печалью покинули нашу просторную квартиру, отдав в склад незамысловатую мебель, книги, бумаги, кое-какие письма, и уехали из Парижа. [1, с. 338].

Возможно, так они поступали и позже (а может быть, и раньше[15]), до тех пор пока не сняли квартиру в *Passy* на улице *Colonel Bonnet*, за которую Гиппиус продолжала платить из России во время Первой мировой войны и куда супруги приехали уже эмигрантами в ноябре 1920 г. в сопровождении В.А. Злобина.

ТРИЛОГИЯ «ЦАРСТВО ЗВЕРЯ» (1908–1918)

Библиотека пополнялась в основном в соответствии с творческими проектами ее владельца. Первым в хронологическом порядке творческим планом, для которого в парижской библиотеке сохранился один из научных источников, является трилогия «Царство Зверя». З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях о супруге относит начало работы над ней к зиме 1904–1905 гг.:

> Дм. Серг. в это время задумывал новую трилогию, занимался эпохой Екатерины — Павла — Александра I. Два последние его особенно интересовали. [1, с. 296].

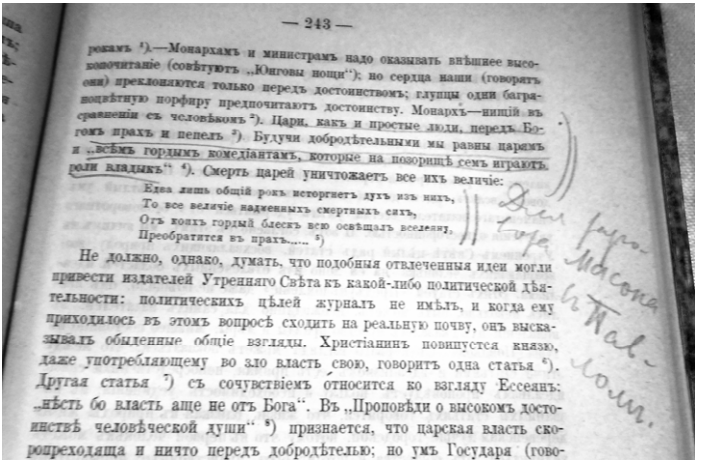
Первую часть трилогии «Павел I» Мережковский заканчивал в Париже[16]. Драма была опубликована в 1908 г.

турные портреты. Характеристики» вышла в январе–феврале 1908 г. Благодарю О.А. Коростелева за ценную информацию.

[14] Край листа сильно потрепан. Окончание слова и следующий за ним знак препинания восстановлены по смыслу.

[15] В марте 1904 г. Мережковские уезжают на несколько месяцев за границу [2, с. 104; 7, с. 203–205; 8, с. 312–318]. В Париже они снимают квартиру, о чем З.Н. Гиппиус упоминает в своем письме от 25 марта 1904 г., адресованном В.Ф. Нувелю из Франции: «Париж я полюбила. Мы наняли квартиру, — Дима вам писал?» [8, с. 313].

[16] «Дмитрий Серг. был при конце своей трудной работы — трагедии Павла I, — когда моя статья „О насилии“ <…> была кончена. <…> Д.С. даже

— 243 —

рокамъ [1])—Монархамъ и министрамъ надо оказывать внѣшнее высокопочитаніе (совѣтуютъ „Юговы нощи“); но сердца наши (говорятъ они) преклоняются только передъ достоинствомъ; глупцы одни багряницѣ и порфиру предпочитаютъ достоинству. Монархъ—нищій въ сравненіи съ человѣкомъ [2]). Цари, какъ и простые люди, передъ Богомъ прахъ и пепелъ [3]). Будучи добродѣтельными мы равны царямъ и „всѣмъ гордымъ комедіантамъ, которые на позорищѣ семъ играютъ роли владыкъ“ [4]). Смерть царей уничтожаетъ все ихъ величіе:

Елиа лишь общій рокъ исторгнетъ духъ изъ нихъ,
То все величіе надменныхъ смертныхъ сихъ,
Отъ коихъ гордый блескъ всю освѣщалъ вселенну,
Преобратится въ прахъ..... [5])

Не должно, однако, думать, что подобныя отвлеченныя идеи могли привести издателей Утренняго Свѣта къ какой-либо политической дѣятельности: политическихъ цѣлей журналъ не имѣлъ, и когда ему приходилось въ этомъ вопросѣ сходить на реальную почву, онъ высказывалъ обыденные общіе взгляды. Христіанинъ повинуется князю, даже употребляющему во зло власть свою, говоритъ одна статья [6]). Другая статья [7]) съ сочувствіемъ относится ко взгляду Ессеянъ: „нѣсть бо власть аще не отъ Бога“. Въ „Проповѣди о высокомъ достоинствѣ человѣческой души“ [8]) признается, что царская власть скоропреходяща и ничто передъ добродѣтелью; но умъ Государя (гово-

Рукописная помета Д.С. Мережковского на полях книги А.И. Незеленова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг.»

Вышеупомянутый научный источник, имеющий связь с этим замыслом, — исследование Александра Ильича Незеленова «Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг.», вышедшее в свет в 1875 г. в Санкт-Петербурге [5]. Книга эта, как и многие другие, носит многочисленные рукописные пометы Д.С. Мережковского. Среди них две связаны эксплицитно с «Павлом I». На страницах 251–252 Мережковский подчеркивает цитату из «Мыслей» Блеза Паскаля и приписывает на полях: «Для мыслей Павла о <одно слово нрзб.> и пр.» Отмеченная цитата появляется с небольшими изменениями во второй картине четвертого действия драмы, во время беседы Павла с княгиней Гагариной, буквально за несколько часов до его смерти:

> Павел. Да, страшно. Все страшно, — о чем ни подумаешь, как в яму провалишься... Никто ничего не знает... Паскаль говаривал, что *вещь наималейшая такая для него есть бездна темноты, что рассудку на то не достанет*[17]... Так вот и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... [4, с. 70].

Опираясь на исследование Незеленова, Мережковский формирует также масонский пласт своего «Павла I». Так, в четвертой главе исследования, где речь идет о журнале Новикова «Утренний

решил сделать из этой статьи свою лекцию, первую в Париже» [1, с. 326]. Лекция, о которой ведет речь З.Н. Гиппиус, состоялась 21 февраля 1907 г.

[17] Курсив наш. Цитата у Незеленого выглядит следующим образом: «Токмо наималейшая вещь такая для него [для человека. — *О.Б.*] бездна темноты, что рассудку его на то не достанет» [5, с. 251–252].

Свет», Мережковский сопровождает комментарием «Для разговора масона с Павлом» [5, с. 243] следующие прозаические и стихотворные изречения:

> Цари, как и простые люди, перед Богом *прах и пепел* [курсив наш. — *О.Б.*]. Будучи добродетельными мы равны царям и «всем гордым комедиантам, которые на позорище сем играют роли владык». <...>
>
> Едва лишь общий рок исторгнет дух из них,
> То все величие надменных смертных сих,
> От коих гордый блеск всю освещал вселенну,
> Преобратится в прах...

Возможно, по цензурным соображениям из всего этого отрывка в драме оставлена лишь идея о том, что все «прах и пепел». В драме она вложена в уста Мансурова, который трижды повторяет во время собрания заговорщиков (IV, 1): «Все прах, все тлен, все тень: умрем, и ничего не останется!» [4, с. 57, 58, 59].

Нелестный отзыв Татаринова, данный им во время того же собрания заговорщиков (IV, 1) о «фармазоне» Ефимовиче и присных: «Просто — мошенники: в мутной воде рыбу ловят»[18] [4, с. 57], — цитата из статьи Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) «Встреча с мартинистами», приведенная Незеленовым и отмеченная Мережковским в парижском экземпляре исследования.

Из параграфа, посвященного Незеленовым Авиньонскому мистическому обществу (1780), Мережковский «выкраивает» реплики персонажей «Павла I», которыми они обмениваются на концертном вечере в Михайловском замке (действие II). «Общество это, — пишет Незеленов по поводу авиньонцев, — занималось алхимией, кабалистикой, магией, вызыванием духов, сообщением с небом, видениями, пророчествами. *Братья общества вызывали даже Иисуса Христа*[19]» [5, с. 109]. Далее, задаваясь вопросом: «Были ли все эти „вызывания духов“ и проникновения в „сверхестественный мир“ простым только шарлатанством и обманом?» [5, с. 111] — исследователь разворачивает следующее рассуждение:

> Обман, конечно, мог играть тут большую роль, и Калиостро, напр., был, по всей вероятности, простой ловкий фокусник; но едва ли все здесь может быть объяснено обманом. «Вызывания духов» и пришествие в «экстатическое» состояние тесно связаны с магнетизмом. В одном из документов московского розенкрейцерства <...> сказано про мартинизм, что начальник его Виллермоз «сначала основал свою собствен-

[18] Цитата у Незеленого выглядит следующим образом: «…между масонами были „такие, которые в мутной воде рыбу ловят...“». По словам С.Т. Аксакова, это высказывание принадлежит его крестному отцу Д.Б. Мертвому [5, с. 127].

[19] Подчеркнуто Д.С. Мережковским.

ную масонскую систему, потом *учение и практику Месмерова магнетизма со оною соединил*[20], а наконец присовокупил к тому и полученное им от Калиостро». [5, с. 111].

У Мережковского действие происходит в зале, погруженном из-за густого тумана в полумрак, что мотивирует появление в разговоре персонажей пьесы темы о привидениях, обитающих в Михайловском замке. Реплика обер-гофмаршала Нарышкина выводит разговор на «масоно-авиньонскую» тему:

> Нарышкин. О привидениях спросить бы Кушелева: он фармазон — с духами водится. Давеча отменно изъяснил нам о достижении к сверхнатуральному состоянию через пупок...
>
> Голицын. Какой пупок?
>
> Нарышкин. А ежели, говорит, на собственный пуп глядеть да твердить: Господи помилуй! — то узришь свет Фаворийский.
>
> Голицын. Чудеса!
>
> Щербатова. Не чудеса, а магнетизм. В Париже господин Месмер втыкает иголки в сомнамбулу, а та не чувствует и все угадывает. [4, с. 25].

И далее, когда на сцене появляется Патер Грубер:

> Мария Федоровна. Какое лицо!..
>
> Пален. Да, рожа скверная: как его не встретишь — быть худу.
>
> Нарышкин. Зато на все руки мастер: шоколад варит, зубы лечит, фарфор склеивает, церкви соединяет...
>
> Голицын. Новый Калиостро!
>
> Головкин. Черт в рясе. [4, с. 32].

Любопытно, что к этим достаточно комичным и игривым отрывкам Мережковский дает совершенно серьезный, в духе Незеленова, комментарий выражения «Свет Фаворийский», перекликающийся с выделенной им у исследователя фразой *«Братья общества вызывали даже Иисуса Христа»*:

> На горе Фавор было Преображение Господне: «...и просияло лицо Его [Христа], как солнце, ризы же Его сделались белыми, как свет». (Евангелие от Матфея, XVII, 2). [4, с. 25].

Прежде чем перейти к другим источникам, сделаю небольшое отступление по поводу того, что больше всего интересовало Д.С. Мережковского в исследовании Незеленова безотносительно, по-видимому, его собственно творческих планов. Большее количество помет Мережковского приходится на предисловие и вторую главу «Русское масонство второй половины прошедшего столетия». О том, что именно проблемы масонства в России XVIII в.

[20] Выделено А.И. Незеленовым. Фрагмент «*учение и практику Месмерова магнетизма со оною соединил*, а наконец присовокупил к тому и полученное им от Калиостро» подчеркнут Д.С. Мережковским.

интересовали Мережковского, свидетельствует также перечень литературы, составленный им на основании цитируемых Незеленовым источников. Перечень помещен на форзаце. Ему предшествует надпись: «Достать».

ДИЛОГИЯ О ПРИМОРДИАЛЬНОМ ХРИСТИАНСТВЕ (1924–1927) И «ТАЙНА ТРЕХ: ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН» (1925)

Уже в эмиграции Мережковский реализует свой египетский замысел[21]. В 1924 г. издана первая часть дилогии «Рождение богов. Тутанкамон на Крите», в 1925 — первая часть трилогии «Тайна трех», «Тайна Трех: Египет и Вавилон», и в 1927 г. завершается публикация являющегося второй частью египетской дилогии романа «Мессия».

По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, в осуществлении этого проекта Мережковскому «помогла Германия, где ему из специальной библиотеки привозили на тачках (буквально) громадные фолианты» [1, с. 240]. Но несмотря на финансовые трудности, так знакомые каждому эмигранту, книги о Египте также приобретались. Инвентарная опись НБФ насчитывает ни много ни мало 12 печатных изданий, относящихся непосредственно к египетскому корпусу: 5 на немецком и 7 на английском языках. Из них 4 связаны с именем фараона Тутанхатона-Тутанхамона.

Его гробница была обнаружена в ноябре 1922 г. британским археологом Говардом Картером при поддержке лорда Карнарвона. Возможно, именно это открытие послужило для Мережковского своего рода катализатором творческого процесса. Начиная с 1923 г. в печати появляются первые научные исследования, посвященные находке Картера. Среди них работы Элиота Смиса, Самуила А.Б. Мерсера, Эрнеста С. Доуделла и Л. Эккенштейна, входящие в состав парижской библиотеки Мережковского, что свидетельствует о том, как пристально он следил за открытиями в области египтологии — известно, что он порывался даже поехать в Египет, но не смог осуществить свою мечту [1, с. 240].

Помимо перечисленных исследований Мережковским были приобретены также труды маститых египтологов: Уильяма Мэтью Питри, профессора Лондонского университета (среди его учеников

[21] Интерес к египетской теме у Мережковского возник еще до бегства из большевистской России. 9 (22) ноября 1919 г. в страшных условях бесправия, голода, холода и разрухи З.Н. Гиппиус записывает в своем «Сером блокноте»: «Мы большею частью сидим при крошечных ночниках, ибо керосин последний. Дмитрию зажигается на полчаса лампа — лежит в шубе на своем диванчике, читает о Вавилоне и Египте» [3, с. 68]. Об этом см. также ее воспоминания о муже [1, с. 383].

числился Говард Картер), Адольфа Эрмана, основателя берлинской египтологической школы, и его ученика Фридриха Вильгельма фон Биссинга.

«ТАЙНА ЗАПАДА: АТЛАНТИДА — ЕВРОПА» (1930)

Работоспособность и творческая продуктивность Д.С. Мережковского воистину удивительны. Уже в 1930 г. он публикует вторую часть своей художественно-философской эссеистической трилогии «Тайна Трех» — «Тайна Запада: Атлантида — Европа», охарактеризованную поэтом Борисом Поплавским как «опыт непрерывного интеллектуального экстаза» [10, с. 162].

В парижской библиотеке с Атлантидой напрямую связано 4 источника (3 на немецком и 1 на английском языках):

— самый ранний из датированных — «Атлантида, потерянный континент, урок настоящему»[22] Карла Вахтельборна за 1907 г. (второе издание, Лейпциг);

— самый поздний — «Проблема Атлантиды»[23] Льюиса Спенса за 1925 г. (Лондон).

Два печатных издания недатированы — это:

— «Загадка Атлантиды»[24] Рихарда Хеннига (Берлин);

— «Атлантида, затонувший мир. Правда или поэзия?»[25] Йозефа Петера (Вюртенберг).

12 источников на четырех языках связаны с историей и культурой древней Греции и Фракии, а также с их мифами и религиозными верованиями.

«ИИСУС НЕИЗВЕСТНЫЙ» (1932–1934)

Но безусловно самый обширный корпус парижской библиотеки посвящен Иисусу Христу и проблемам христианства. Он насчитывает 32 печатных издания, из них подавляющее большинство на немецком языке. Судя по датам публикаций, охватывающим период с 1864 по 1927 гг., они были использованы Мережковским для трилогии «Тайна Трех», и особенно для ее заключительной части «Иисус Неизвестный», опубликованной в 1932–1934 гг.

---

[22] *Wachtelborn K.* Atlantis, ein untergegangener Erdteil, eine Belehrung für die Gegenwart. Leipzig: Theosophisches Verlagshaus, 1907. 79 p.

[23] *Spence L.* The problem of Atlantis. London: W.R. Rider and son, 1925. 232 p.

[24] *Hennig R.* Das Rätsel der Atlantis. Berlin: E.S. Mittler und Sohn. 29 p.

[25] *Peter J.* Atlantis, die versunkene Welt. Wahrheit oder Dichtung? Württemberg: J. Baum. 34 p. Предисловие датировано 1922 г.

«ПАСКАЛЬ» (1941)

И, наконец, один из последних проектов, осуществленных Мережковским перед смертью, — это эссе, посвященное Блезу Паскалю[26] (1623–1662) и завершающее трилогию «Реформаторы».

В дневнике З.Н. Гиппиус за 1939 г. в записи от 6 июля отмечено: «Читаю его <Д.С. Мережковского> Паскаля. Ну уж и Паскаль, какие мучения» [3, с. 223].

В парижской библиотеке сохранились два исследования, связанные тематически с этим эссе Мережковского:

— единственная книга на французском языке («Героическая жизнь Блеза Паскаля»[27]) Виктора Жиро (1869–1953), вышедшая в свет в Париже 1923 г.;

— книга Льва Шестова «На весах Иова»[28], изданная в 1929 г. в Париже, а именно, ее глава о философии Паскаля «Гефсиманская ночь».

Труд Льва Шестова среди многочисленных источников, на которые ссылается Д.С. Мережковский в своем эссе, не указан. Все остальные источники, по всей видимости, доставлялись любившему работать исключительно «в своем скромном кабинете» [1, с. 240] Мережковскому из НБФ на дом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В залючение замечу, во-первых, что в инвентарной описи проданной Злобиным библиотеки имеются книги, которые мне разыскать в НБФ пока не удалось. Это, например, принадлежавший Мережковскому экземпляр «Евангелия от Марка» с комментариями Эриха Клостермана. Не нашла я также принадлежавших Мережковскому экземпляров «„Азии“: Афины, Константинополь, Баальбек, Дамаск, Назарет, Иерусалим, Каир, Неаполь» Фридриха Наумана и «Блаженного Августина» Владимира Ивановича Герье.

Во-вторых, есть некоторые основания полагать, что библиотека Мережковского (или, вернее, Мережковских) была продана Злобиным в неполном виде. В своих воспоминаниях о В.В. Розанове «Задумчивый странник», опубликованных в 1923 г., З.Н. Гиппиус сетует:

---

[26] Впервые опубликовано во французском переводе Константина Андроникова: *Merejkovski D.* Pascal. Paris: Grasset, 1941. 258 p.

[27] *Giraud V.* La Vie héroïque de Blaise Pascal. Paris: G. Crès, 1923. 263 p. За эту книгу НБФ была назначена к выплате самая высокая сумма в 3000 франков, в инвентарной описи к ней единственной была сделана приписка: «с многочисленными пометами Дм. Мережковского».

[28] *Шестов Л.* На весах Иова. Странствования по душам. Париж: Издательство «Современные записки», 1929. 376 с.

> Жаль, нет у меня здесь ни писем его [Розанова. — *О.Б.*], ни ранних, ни предсмертных; и даже из книг его (воистину «рукописных» <...>) всего лишь две: «Уединенное» и I том «Опавших листьев». [1, с. 105].

Именно из этих двух розановских произведений Гиппиус подбирает эпиграфы и цитаты к своему тексту, «конструируя» из них заглавие «Задумчивый странник». Однако названные Гиппиус книги в инвентарной описи НБФ не указаны.

Но даже и то, что сохранилось на данный момент в НБФ, полностью подтверждает характеристику, данную З.Н. Гиппиус научному подходу Д.С. Мережковского к творческой работе:

> Он был очень далек от типа русского писателя, наиболее часто встречающегося. <...> Ко всякой задуманной работе он относился с серьезностью... я бы сказала — ученого. Он исследовал предмет, свою тему со всей возможной широтой, и эрудиция его была довольно замечательна. <...> Повторяю, более всестороннего и тщательного исследования темы, будь то роман или не роман, — трудно было у кого-нибудь встретить. [1, с. 239].

Список литературы

1. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2002. Т. 6: Живые лица. 704 с.
2. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. Т. 8: Дневники 1893–1919. 576 с.
3. *Гиппиус З.Н.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2005. Т. 9: Дневники 1919–1941. 560 с.
4. *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, Огонек, 1990. Т. 3. 559 с.
5. *Незеленов А.И.* Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. 447 с.
6. *Павлова М.М.* К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Русская литература. 2009. № 2. С. 207–223.
7. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; комм. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 200–226.
8. Письма З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Богомолова // Диаспора. Вып. II. Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. С. 303–348.
9. Письма Николая Бердяева / Вступ. ст., публ. и примеч. В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. М. СПб.: Atheneum — Феникс, 1989. Т. 9. С. 294–325.
10. *Поплавский Б.Ю.* По поводу... «Атлантиды — Европы» // Числа. 1930–1931. Кн. 4. С. 161–165.
11. Статьи и заметки Д.В. Философова на литературные темы (1899–1917): Материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев // Философов Д.В. Крити-

ческие статьи и заметки (1899–1916) / Пред., сост. и примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 644–658.

12. Gilles C., Fauvin F. Du blocage des prix vers la déréglementation. 50 ans de prix à la consommation // Insee première. 1996. № 483.

References

1. Gippius Z.N. Sobranie sochinenij [Collected Works]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2002. T. 6: Zhivye lica [The Living Faces]. 704 p. (In Russ.)

2. Gippius Z.N. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2003. T. 8: *Dnevniki 1893–1919* [Diary 1893–1919]. 576 p. (In Russ.)

3. Gippius Z.N. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2005. T. 9: *Dnevniki 1919–1941* [Diary 1919–1941]. 560 p. (In Russ.)

4. Merezhkovskij D.S. *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah* [Collected Works in four volumes]. Moscow, Pravda, Ogonek Publ., 1990. T. 3. 559 p. (In Russ.)

5. Nezelenov A.I. *Nikolaj Ivanovich Novikov, izdatel' zhurnalov 1769–1785 gg.* [Nicolai Ivanovich Novikov, Press Editor 1769–1785]. Saint Petersburg, Tipografija V.S. Balasheva Publ., 1875. 447 p. (In Russ.)

6. Pavlova M.M. K istorii parizhskogo arhiva Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo [A Contribution to the History of the Paris Archives of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2009. № 2, pp. 207–223. (In Russ.)

7. Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ja. Brjusovym (1904–1906) [The Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, and D.V. Filosofov with V.Y. Bryusov], publ. i podg. teksta M.V. Tolmacheva; komm. T.V. Voroncovoj. *Rossijskij literaturovedcheskij zhurnal* [Journal of Russian Literary Studies]. 1996. № 7, pp. 200–226. (In Russ.)

8. Pis'ma Z.N. Gippius k V.F. Nuvelju [Z.N. Gippius's Letters to V.F. Nuvel], vstup. st., publ. i primech. N.A. Bogomolova. *Diaspora* [Diaspora]. Vyp. II. Novye materialy [New material]. Saint Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 303–348. (In Russ.)

9. Pis'ma Nikolaja Berdjaeva [Letters of Nicolaï Berdiaev], vstup. st., publ. i primech. V. Alloja. *Minuvshee. Istoricheskij al'manah* [*The Past. Historical almanach*]. Moscow, Saint Petersburg, Atheneum — Feniks Publ., 1989. T. 9, pp. 294–325. (In Russ.)

10. Poplavskij B.Ju. Po povodu... «Atlantidy — Evropy» [On the subject of «Atlantis — Europe»]. *Chisla* [Numbers]. 1930–1931. Kn. 4, pp. 161–165. (In Russ.)

11. Stat'i i zametki D.V. Filosofova na literaturnye temy (1899–1917): Materialy k bibliografii [Articles and Observations on Literary Themes by D.V. Filosofov (1899–1917): Bibliographical Material], sost. O.A. Korostelev. *Filosofov D.V. Kriticheskie stat'i i zametki (1899–1916)* [*Filosofov, D.V. Critical Articles and Observations (1899–1916)*], pred., sost. i prim. O.A. Korosteleva. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010 pp. 644–658. (In Russ.)

12. Gilles C., Fauvin F. Du blocage des prix vers la déréglementation. 50 ans de prix à la consommation. *Insee première*. 1996. № 483.

D.S. Merezhkovsky's Paris collection of scientific works

Olga A. Blinova

Abstract: Olga Blinova's article focuses on the collection of allegedly scientific works owned by D.S. Merezhkovsky and sold by V.A. Zlobin to the National Library of France in 1950. Following in the footsteps of M.M. Pavlova's «Contribution to the history of the Paris archives of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky», it contributes original research to the field.

The article starts off by describing the collection of works owned by Merezhkovsky in Paris, giving the number of items it contained, the languages of publication and mentioning the owner's handwritten annotations. It then goes on mentioning what became of the works after they were bought by the National Library of France, discussing the problems related to dating the foundation of the collection. Some of the dedications figuring on the works in Merezhkovsky's collection are also presented in the course of the argument.

The second part, structured in chronological order, is concerned with the connexions between the texts integrated into the collection and Merezhkovsky's literary heritage. Elements borrowed from A.I. Nezelionov's *Nicolai Ivanovich Novikov, press editor 1769–1785* in Merezhkovsky's play *Pavel I* (1908) are brought to the fore. Those borrowings were particularly important in forming the Masonic aspects of this play. In the part on Merezhkovsky's Egyptian projects, Olga Blinova suggests that the discovery of Tutankhamun's tomb in 1922 propelled his creative process. Scientific works written by Egyptologists in 1923 testify to the special interest Merezhkovsky felt for this discovery. There are also some more sources relating to the author's essays on Atlantis (1930) and on Pascal (1941). But the collection's greatest bulk of works is devoted to Christ and to problems related to Christianity.

The article concludes on facts allowing us to assume that Zlobin did not sell Merezhkovsky's whole collection. However, those works which are now in the National Library of France support Gippius's words on the scientific approach used by Merezhkovsky in his writing.

Keywords: D.S. Merezhkovsky's collection of scientific works in Paris; archives of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky in Paris, D.S. Merezhkovsky, V.A. Zlobin, Z.N. Gippius, A.I. Nezelionov, National Library of France, Pavel I, Freemasonry, Tutankhamun, Atlantis, Blaise Pascal, Jesus Christ, Christianity, emigration

Information about author: Olga A. Blinova, Ph.D., teaches at University Paris 8, member of the Research Unit EA 1340 of the University of Strasbourg, Paris, Strasbourg, France. E-mail: blinova@unistra.fr

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-148-163
УДК 82 (09) ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Д.С. Мережковский и его посмертная борьба с большевизмом: сборник статей «Европа лицом к лицу с СССР» (1944)

В.Э. Молодяков

Аннотация: Посмертный сборник антибольшевистской публицистики Д.С. Мережковского «Европа лицом к лицу с СССР» (1944) на французском языке является большой редкостью на книжном рынке и практически не исследован. Составленная и переведенная другом автора, переводчиком и эссеистом Жаном Шюзвилем (1886–1974), убежденным противником большевизма, книга включает как тексты, ранее опубликованные по-русски, так и известные в печати только во французском переводе. Книгу открывают предисловия Шюзвиля и Зинаиды Гиппиус (второе также не публиковалось по-русски). В настоящей статье дана краткая характеристика текстов, не публиковавшихся на русском языке, поставлен вопрос о поиске их русских оригиналов и сделана попытка восстановить обстоятельства издания сборника в оккупированном нацистами Париже. После Второй мировой войны книга была запрещена во Франции, и большая часть ее тиража уничтожена.

Ключевые слова: Мережковский, публицистика, эмиграция, политика, Франция, большевизм, перевод

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Заглавие данного сообщения отсылает к статье В.А. Злобина «Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом»[1], опубликованной в журнале «Возрождение» в 1956 г. Содержание ее хорошо известно, поэтому остановлюсь лишь на одном эпизоде из числа наименее изученных — посмертном издании сборника антибольшевистской публицистики Мережковского «Европа лицом к лицу с СССР»[2], ныне являющемся большой редкостью на книжном рынке (я использовал экземпляр из своего собрания).

[1] В настоящей работе цитируется без дополнительных сносок по: *Злобин В.* Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 19–29.

[2] *Merejkowsky D.* L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

В феврале 1944 г. парижское издательство «Mercure de France» выпустило этот сборник, составленный и переведенный другом автора Жаном Шюзвилем (Jean Chuzeville; 1886–1974)[3], поэтом, критиком, переводчиком русской, немецкой и итальянской литературы (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, «Разговоры с Гёте» И.П. Эккермана, антологии русской и итальянской поэзии, сборники «Немецкие мистики» и «Итальянские мистики»). Шюзвиль перевел на французский язык три книги Мережковского: «Пророк русской революции», «Данте», «Лики святых. От Иисуса к нам» и написал этюды «Дмитрий Мережковский. Русская душа и мы» (1922) и «Рим и Интернационал. Пророчество Достоевского» (1927). Антология его переводов «Испанские мистики» (1952), возможно, обязана своим появлением влиянию Мережковского.

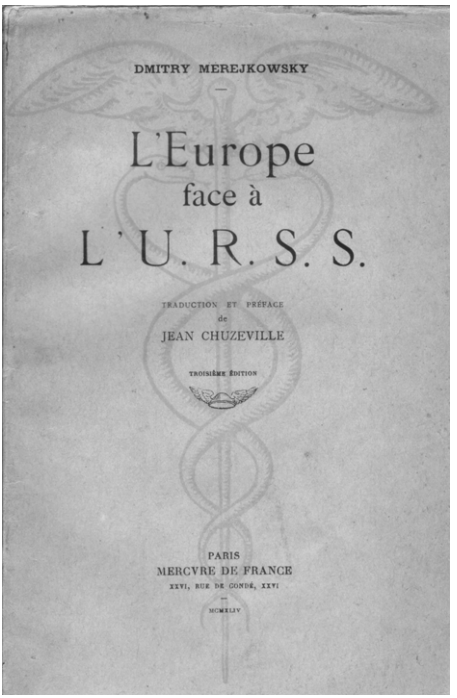
Как и его друг, Шюзвиль был убежденным антикоммунистом и противником большевиков, переводил «белоэмигрантов», а не советских писателей, хотя в «довоенной, большевизанствующей Европе» (определение Злобина) это было выгодно. По заказу итальянского правительства — которое по указанию Муссолини обеспечило Мережковскому условия для работы над книгой о Данте — он перевел на французский язык том работ Муссолини и «Историю фашистского движения» Дж. Вольпе, изданные в Италии. Видимо, поэтому сведения о Шюзвиле в отечественных публикациях отличались лаконизмом, особенно в советское время[4].

Основу сборника «Европа лицом к лицу с СССР» составила книга «Царство антихриста», включавшая также тексты Гиппиус, Философова и Злобина; в 1921 г. она вышла по-русски в Германии и в том же году была переведена на немецкий и французский языки. В новом издании перепечатаны: «Большевизм, Европа и Россия», «Крест и пентаграмма», «Записная книжка» Мережковского; «История моего дневника», «Черная книжка», «Серый блокнот» Гиппиус. Переводчиком «Царства антихриста» в 1921 г. был Анри Монго, хотя на титульном листе его фамилия не указана; сверку переводов двух изданий я не производил.

В сборник «Европа лицом к лицу с СССР» включены и более поздние тексты. Статья Мережковского «Страшное письмо» и «открытые письма» Г. Уэллсу, Ф. Нансену, Г. Гауптману, папе Пию XI и Э. Бюре печатались и по-французски, и по-русски — они есть в сборнике «Царство антихриста. Статьи периода эмиграции» (2001). Статьи (в порядке следования в сборнике 1944 г.) «Будущее Евро-

[3] О нем подробнее: *Молодяков В.Э.* «Призрачный набат»: Валерий Брюсов, Жан Шюзвиль и русские символисты по-японски // Невский библиофил. Альманах. Вып. XXI. СПб., 2016. С. 112–124.

[4] Пример — вступительная заметка Т.Г. Динесман к подготовленной ей публикации: Предисловие В.Я. Брюсова к французской «Антологии русских поэтов» // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 200–201.

пы» («Revue de Genève», январь 1922), «Андре Жид и СССР», «Мольер и Россия», «Французские Керенские» («L'Éclair», 1925), «Французы, откройте глаза и будьте начеку!» («L'Éclair», 1925) и открытое письмо Гиппиус левому французскому политику Э. Эррио («Le Gaulois», 1922) по-русски не публиковались ни при жизни, ни после смерти авторов (благодарю за справку О.А. Коростелева).

Надеюсь, оригиналы этих статей найдутся, и мы увидим их в печати. Пока же коротко представлю их.

«Будущее Европы» в одноименной статье Мережковский прямо связывал с ее реакцией на происходящее в России. «Ужасен тот факт (хотя мы к нему уже привыкли), что европейский народ превратился в людоедов. Однако стократ ужаснее тот факт, что соседние народы спокойно взирают на этот ужас и думают лишь о своей выгоде, о заключении торговых и военных договоров с новыми каннибалами» (P. 69). Это прямая отсылка к известным словам британского премьера Дэвида Ллойд Джорджа — главного антигероя статьи — «торговать можно и с людоедами». Напомнив, что Россия принадлежит к европейской культуре, автор одновременно отверг утверждение о том, что большевизм — сугубо русское явление, назвав его порождением европейского хаоса. Статья — характерный для Мережковского призыв к благоразумию Европы, если уж ее совесть молчит.

Статья «Андре Жид и СССР» (без даты, первая публикация не указана), судя по содержанию, написана в первой половине 1930-х годов, когда Жид занял видное место среди «большевизанствующих» буржуазных литераторов, но до его поездки в СССР и разочарования в «коммунистическом рае». По мнению Мережковского, большевики и современные европейские буржуа почти неотличимы друг от друга: их сближают «отрицание личности» и «воля к небытию (ничтожеству)» (volonté du néant). Имеет смысл в будущем

сопоставить эту статью с критикой «большевизанства» Жида в те же годы у французского консервативного критика и публициста Анри Массиса[5].

Эссе «Мольер и Россия» (без даты, первая публикация не указана), судя по словам о «поднятом бокале», является речью на банкете. Мережковский использовал слова Альцеста из «Мизантропа» для характеристики отношения Европы к большевикам — несправедливого и пагубного для нее самой.

Памфлет «Французские Керенские» вызван официальным признанием СССР правительством «Левого блока» во главе с Эррио, с которым Мережковские были знакомы (политик благожелательно упомянул их в мемуарах «Из прошлого»[6]). Автор предупреждал об опасности, которая грозит Франции с открытием советского полпредства и легализацией большевистской пропаганды. Сравнив деятелей «Левого блока» с Керенским — своим бывшим другом — Мережковский заметил, что в отличие от русского «прототипа», «французские Керенские», похоже, поступают обдуманно, знают, что делают. Статья начинается словами: «Разве пророкам кто-нибудь внимает или хотя бы слушает их? Но как можно оставаться глухим к голосу тех, кто, ни о чем не пророчествуя, рассказывает другим о пережитых им опасностях? Стало быть, чужой опыт ничему не служит. Глухота Европы, когда ей говорят о коммунизме, стала чрезмерной» (Р. 120).

К этой теме писатель вернулся в статье «Французы, откройте глаза и будьте начеку!» — отклике на решения XIV Всесоюзной конференции РКП(б) в конце апреля 1925 г. и предшествовавшего ей Пятого расширенного пленума Исполкома Коминтерна о расширении революционной пропаганды в Европе. Обращая внимание на откровенный характер этих *официальных* заявлений, Мережковский апеллировал уже не к правительству, а к народу Франции.

Гиппиус в резком открытом письме к Эррио, назвавшему ее в мемуарах «горячим другом Франции», оценила его восторженные впечатления от посещения Советской России в 1922 г. как большевистскую пропаганду: «Вы увидели только то, что большевики позволили вам увидеть, и узнали только то, что они позволили вам узнать. […] Большевики открыто посмеялись над вами» (Р. 101–102).

Сборник «Европа лицом к лицу с СССР» открывают два предисловия. Первое — речь Шюзвиля 5 сентября 1943 г. на кладбище Сен-Женевьев-де Буа при открытии памятника на могиле Мережковского, поставленного на средства французских издателей. Говоря в основном о его значении как мыслителя, оратор отметил борь-

[5] *Massis H.* Petite histoire des variations (1933; P.S. 1934) // Massis H. Débats. I. Paris, 1934. P. 51–70.

[6] *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 141–142.

бу покойного против большевизма как «отрицания всех положительных ценностей старой Европы» и упомянул, что с нападением Германии на СССР «в душе Мережковского пробудилась последняя надежда» на то, что «Европа, страна “святых чудес”, будет спасена и русский народ освободится от ненавистного режима» (P. 11).

Предисловие Гиппиус «Европа лицом к лицу с СССР» напоминало о неуслышанных предупреждениях Мережковского, основанных, подчеркивала она, на собственном опыте. «Как повезло Европе, отупевшей от собственной беззаботности, что нашлись отважная страна и “единая воля” дабы в последний момент расстроить планы Советов, очевидные для любого разумного человека» (P. 15). Но прямо «отважную страну» Гиппиус не назвала. Текст не публиковался по-русски; местонахождение его оригинала неизвестно.

История подготовки и издания сборника 1944 г. в литературе не описана. Полагаю, что его инициатором был Шюзвиль, желавший материально помочь Гиппиус. Вероятно, в подготовке книги принимал участие Злобин, который ограничился беглым упоминанием, что издательство «каким-то чудом умудрилось [ее] выпустить»; в книге «Тяжелая душа» сборник вообще не упомянут. Учитывая роль Злобина в жизни Мережковских, Василий Яновский, мемуарист пристрастный и не всегда точный, назвал его «злым духом их дома», «ответственным за все безобразия последнего периода [их] жизни»[7]. О его участии в организации известного прогерманского выступления Мережковского по радио вспоминал и Юрий Терапиано, правда, не усматривавший в поступках Злобина идеологических мотивов[8]. Возможно ли, что в написании предисловия Гиппиус принимали участие Злобин и Шюзвиль? Ответы на этот и другие вопросы можно найти только в архивах Шюзвиля и издательства «Mercure de France» за тот период, если таковые сохранились.

«Ныне это издание — библиографическая редкость, — сообщил Злобин в 1956 г. — Не оттого, однако, что оно распродано, а исключительно благодаря усердию французских коммунистов, целиком его уничтоживших после освобождения Парижа от немцев». Такая судьба постигла книги многих авторов. В марте 1945 г. сборник статей Мережковского попал в список изданий, официально запрещенных властями по представлению прокоммунистического Национального комитета писателей[9]. Позднее он не переиздавался и очень редко встречается на букинистическом рынке даже во Франции.

---

[7] *Яновский В.* Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 124.

[8] *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 95.

[9] *Cardot C.-A.* Guidargus du livre politique pendant l’Occupation (1940–1944). [Veyre-Monton], 2006. P. 479.

«Расправа — не менее решительная — ждала и автора, — продолжал Злобин. — К нему […] явилось несколько вооруженных пулеметами мрачного вида личностей, перепугавших насмерть консьержку. Но Мережковского в живых уже не было, и “мстители” ретировались несолоно хлебавши». Прокатившиеся по Франции после освобождения и продолжавшиеся несколько лет репрессии против «коллаборантов» велись не только голлистами, но социалистами и коммунистами, а те использовали их для расправы с политическими противниками, включая ярых германофобов. «Чистка» (l’Épuration) могла коснуться и антикоммуниста Шюзвиля, публиковавшегося в оккупированном Париже. Достоверно этого мы не знаем, но его послевоенный переезд в Италию и длительное пребывание в Риме (где он жил еще до войны) похожи на спасение от преследований.

Тексты Мережковского и Гиппиус из сборника «Европа лицом к лицу с СССР» заслуживают републикации и дальнейшего изучения, как и история их отношений с Жаном Шюзвилем, чья деятельность по пропаганде русской литературы и мысли во Франции остается малоизвестной и недооцененной в России.

Литература

Злобин В. Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М.: Интелвак, 2004. 624 с.

Молодяков В.Э. «Призрачный набат»: Валерий Брюсов, Жан Шюзвиль и русские символисты по-японски // Невский библиофил. Альманах. Вып. XXI. СПб.: Северная звезда, 2016. С. 112–124.

Предисловие В.Я. Брюсова к французской «Антологии русских поэтов» / Публ. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 200–204.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Париж: Альбатрос; Нью-Йорк: Третья волна, 1987. 352 с.

Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 772 с.

Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.

Cardot C.-A. Guidargus du livre politique pendant l’Occupation (1940–1944). [Veyre-Monton], 2006. 488 p.

Massis H. Débats. I. Paris: Plon, 1934. 260 p.

Merejkowsky D. L’Europe face à l’U.R.S.S. Paris: Mercure de France, 1944. 224 p.

References

Herriot E. *Iz proshlogo. Mezhdy dvumya voinami. 1914–1936* [From the Past. Between Two Wars. 1914–1936]. Moscow, Inostrannaja literatura Publ., 1958. 772 p (In Russ.).

Molodiakov V.E. *"Prizrachnyi nabat": Valeryi Bryusov, Zhan Shyuzvil' i russkiye simvolisty po-yaponsky* ["Ghost Tocsin": Valery Bryusov, Jean Chuzeville and Russian Symbolists in Japanese translation]. *Nevskyi Bibliofil. Al'mahakh* [Petersburg Bibliophile. Almanach], vyp. XXI. Saint-Petersburg, Severnaya Zvezda Publ., 2016, pp. 112–124. (In Russ.)

Predislovie V.Ya. Bryusova k frantsuzskoi "Antologii russkih poetov" [V.Ya. Bryusov's Introduction to French "Antology of Russian Poets"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. T. 85. *Valeryi Bryusov* [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 200–204. (In Russ.)

Terapiano Yu. *Literaturnaya zhizh' russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, stat'yi* [Half-a-Century of the Literary Life of Russian Paris (1924–1974). Essays, Memories, Artciles]. Paris, Albatros Publ.; New York, Tret'ya volna Publ., 1987. 352 p.

Yanovskyi V. *Polya Eliseisskiye. Kniga pamyati.* [Elysian Fields. Book of Memories]. Saint-Petersburg, Pushkinskyi Fond Publ., 1993. 278 p.

Zlobin V. *Tyazhelaya dusha. Literaturnyi dnevnik. Vospominaniya. Stat'yi. Stihotvoreniya* [The Difficult Soul. Literary Diary. Memoirs. Articles. Poems]. Moscow, Intelvak Publ., 2004. 624 p. (In Russ.)

Cardot C.-A. *Guidargus du livre politique pendant l'Occupation (1940–1944).* [Veyre-Monton], 2006. 488 p.

Massis H. *Débats. I.* Paris: Plon, 1934. 260 p.

Merejkowsky D. *L'Europe face à l'U.R.S.S.* Paris: Mercure de France, 1944. 224 p.

D.S. Merezhkowsky and His Posthumous Fight Against Bolshevism: Articles' Collection "Europe Faces the USSR" (1944)

Vassili E. Molodiakov

Abstract: Posthumous French-language collection of D.S. Merezhkowsky's anti-Bolshevist essays "Europe Faces the USSR" (1944) is very scarce in book market and remains almost unstudied. Edited and translated by the author's friend Jean Shuzeville (1886–1974), essayist, translator and ardent anti-Bolshevik, this collection includes texts previously published in Russian language as well as ones known only in French translation. The book also contains two prefaces, one by Shuzeville himself and one by Zinaida Hippius (this also not published in Russian). The present article gives a brief description of texts not published in Russian, raises question of finding out its Russian language originals, and tries to reconstruct whereabouts of this collection's publishing in Nazi-occupied Paris. After the Second World War the book was banished and remained stock destroyed.

Keywords: Merezhkowsky, essays, emigration (exile), politics, France, Bolshevism, translation.

Information about author: Vassili E. Molodiakov, LLD, PhD, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore68@mail.ru

Приложение

Зинаида Гиппиус

Европа лицом к лицу с СССР

(перевод Василия Молодякова с французского перевода Жана Шюзвиля)

Некоторые главы этой книги появились в сборнике, озаглавленном «Царство антихриста» и вышедшем в 1920 г. [следует: в 1921 г.] по-русски, по-немецки и по-французски. Принадлежащие Д. Мережковскому страницы написаны после нашего бегства из большевистской России. В течение десяти месяцев в Польше мы много выступали, но уехали из этой страны в Париж, когда она подписала мир с большевиками. Нам, уже знавшим истинную сущность Советов, этот мир не позволял сомневаться, что «Польшу рано или поздно постигнет новая кровавая катастрофа», как я написала в предисловии ко второму изданию нашей книги.

Ее мысли и утверждения просты и ясны. «Война не окончена, — говорили мы. — Европа обманывается, если верит, что, подписав мир с большевистской Россией, сможет избежать катастрофы, в которую рано или поздно рухнет. Большевики никогда (мы это знаем по опыту и проникли в самую их суть) не откажутся от своей главной идеи: мировой революции. Они могут скрывать ее, терпеливо выжидать, лавировать, но воспользуются первой же представившейся возможностью».

У нас не было иной цели, кроме как показать правду европейским народам, подчеркнув, что речь идет о них самих. «Французы, откройте глаза и будьте бдительны!» — писал Д. Мережковский в 1922 г. С твердой уверенностью, что Европа грешит только невежеством, что ей удастся открыть глаза, мы принялись за дело. Разве не для этого мы предприняли столь опасный побег?

Труд оказался тяжелым и неблагодарным. В «открытом письме французскому другу» [Э. Бюре], включенном в настоящий сборник, автор подробно рассказал о своих безнадежных попытках заставить услышать его, перечисляя имена самых известных людей, к которым мы взывали, вплоть до Его Святейшества Пия XI, к которому Д. Мережковский обратился (в момент Рапалло), — но Европа осталась глухой и немой. Не то чтобы она не видела правду: доказательств, предъявленных не только нами, потрясающих свидетельств о коварстве большевиков, об их лжи, об угрозе, которую они представляют для жизни Европы, таких доказательств и свидетельств было предостаточно. Но Европа не хотела ничего видеть, погрязнув в беспечности и отупении, которые заставляли вспомнить знаменитую пословицу: кого боги хотят наказать, того они лишают разума.

По страницам этой книги легко почувствовать удушающую, тяжкую атмосферу, царившую повсюду в Европе — но прежде всего во Франции — в последнюю четверть века.

Предсказывая войну, утверждая, что большевики готовят ее и не упустят случая воспользоваться всем, чем можно, чтобы распространить свою власть за счет европейских народов, что их цель (мировая революция) остается и останется, как и они сами, неизменной, мы нисколько не претендовали на роль пророков: это были чисто логические умозаключения. На деле, поняв один раз главный смысл происходящего, нетрудно выявить внутреннюю логику событий и в общих чертах предвидеть их ход. Можно было предсказать, что случится в Европе, не указывая, конечно, конкретных дат, поскольку время не принадлежит к сфере логики, тем более что в жизни порой случаются непредвиденные вещи и открываются неожиданные возможности.

Как повезло Европе, отупевшей от собственной беззаботности, что нашлись отважная страна и «единая воля», дабы в последний момент расстроить планы Советов, очевидные для любого разумного человека, и начать с ними эту колоссальную борьбу. Говорю: колоссальную, потому что приготовления большевиков к захвату Европы были столь же колоссальны, как внешние, так и внутренние. Разве не говорили одно время, что Франция уже на 40% коммунистическая?

Готовясь обрушиться на Европу всей своей военной мощью, они рассчитывали сохранить ее в целости, поскольку государства, у которых еще есть армии, заняты другим, а население прочих стран, обработанное за многие годы советскими агентами, должно было оказать им самый теплый прием. Эти агенты все время находились здесь, прежде всего в нейтральных государствах, но, к счастью, у Советов было слишком много домашних забот, чтобы устроить увеселительную прогулку по Европе.

Многие годы мы призывали страны Европы к интервенции, уверенные, что только она в сочетании с «единой волей» (как я отметила в «Черной книжке») может спасти Европу, человеческую жизнь европейских народов и сокровища цивилизации.

«Европа не может считать свою жизнь в безопасности, пока большевистская угроза не устранена с континента. Delenda Carthago. Необходимо разрушить СССР. Угроза полного уничтожения висит сегодня над Европой, неминуемая, поскольку ее не представляет никто из отказывающихся слушать наш призыв».

Те же слова, которые мы повторяли на протяжении 20 лет и которые не были услышаны, произносятся в этот час теми, кто ведет борьбу. Можно ли на этот раз остаться глухими к их призывам? Надо ли говорить снова и снова: «Французы, откройте глаза!».

Будем надеяться, что глаза европейцев, в особенности французов, даже если они еще не открыты широко, не останутся закрытыми, как это было в последние 25 лет. Мережковский утверждает, что множество зол постигает людей из-за недостатка воображения. Поэтому я призываю французов, особенно жалующихся на нынешнюю жизнь, проглядеть страницы этой книги и представить, что уготовано им в случае водворения Советов во Франции.

Перевод выполнен по: *Merejkowsky D.* L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 13–16. В квадратных скобках — конъектуры переводчика.

Жан Шюзвиль

Речь, произнесенная 5 сентября 1943 г. на открытии надгробного памятника Мережковскому на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

(перевод Василия Молодякова)

Когда несколько недель назад меня попросили высказаться о характере этой церемонии, первым желанием было отказаться. Кто я такой, чтобы говорить от имени множества современников, имевших возможность читать, как и я, первые книги великого русского романиста во всей свежести новизны? Я всего лишь свидетель второй части жизни Мережковского — точнее сказать, его второй жизни. Мы так распределили роли и время [церемонии], что я именно в качестве свидетеля коротко скажу о том, что Мережковский значил для нас, что он сделал для литературы своей страны, что из сделанного им имеет шанс остаться во всемирной истории идей и словесности.

Первая часть этой жизни прошла в Санкт-Петербурге, где он родился в 1865 г. Вторая, время парижского изгнания, прошла на французской земле, за исключением редких поездок в Германию и в Италию. Третья началась 7 декабря 1942 г. [следует: 1941 г.], в день, когда душа Мережковского вернулась в жизнь вечную, а тело упокоилось на этом маленьком кладбище, одновременно русском и французском, Сен-Женевьев-де-Буа.

Первая фаза — петербургская жизнь — может интересовать нас, французов, лишь в той мере, в какой она послужила подготовкой к двум другим. Мы знаем, что это была жизнь князя словесности, талант которого проявился в самых разных жанрах: поэзия, критика, драматургия и, особенно в ту эпоху, роман. Целый цикл великолепных творений: «Смерть богов» и «Воскресшие бо-

ги», за которыми по времени последовали египетские романы, предваряющие их в реальности, — можно сказать, идеально. Вместе с Зинаидой Гиппиус, но в меньшей степени, Мережковский познакомил Россию с первыми французскими символистами. Образованный и талантливый, наделенный вкусом к грандиозным построениям, даром чувствовать тончайшие связи, даром плодотворных посылок и выводов, он в то же время начал работу над серией книг, от «Гоголя», одной из первых, до посмертного «Данте»[10], не являющегося последним трудом, потому что за ним последуют другие, о святых, мистиках и героях, о тех, кого он называл «вечными спутниками».

Однако в первой фазе жизни спутниками Мережковского были не святые, а великие люди, прежде всего великие писатели: Гёте, Пушкин, Шекспир, Байрон, Сервантес или Ибсен. В ту пору Мережковский проявил себя прежде всего как гуманист — гуманист, несомненно, христианский, но ограниченный человеческим, слишком человеческим, что не позволяло ему видеть мир религиозной правды в трех измерениях. Пока он ограничивался двумя [измерениями], вдохновлявшими и двигавшими его творчество: идущая на протяжении веков борьба Христа и антихриста, в которой проявились все превратности человеческой истории, с ее взлетами и падениями. Будет ли так вечно? Битва Иеговы и сатаны, Христа и антихриста, не продолжается ли она на наших глазах, в других обличьях и символах, под невинными на первый взгляд философскими ярлыками тезиса и антитезиса из гегельянской прихожей марксизма? А открытие третьего понятия, которое объединит первые два, разве оно происходит не по другую сторону нашей жизни, в смерти — не на земле, но на небе?

Откровение калабрийского монаха Иоахима Флорского о Вечном Евангелии метафизически разрубило гордиев узел этой дилеммы. Более зрелые размышления позволили Мережковскому понять без всякого аллегорического покрова смысл слов «на земле как на небе». Тогда все прояснилось, и трагедия, или загадка, нашего времени получила объяснение. История мира больше не казалась роковой цепью катастроф и бессмысленных возобновлений. Закон прогресса покоился на прочной основе: во времени — на справедливости Божией, в вечности — на славе Божией. В результате позиция автора трилогии изменилась: если в настоящем есть основания для политического пессимизма, то будущее может донести до нас отблески приближающегося Третьего Завета, который завершит дело нашего спасения, поскольку Иисус возвестил приход и наступление Царства Святого Духа «на земле как на небе».

[10] «Данте» в переводе Шюзвиля вышел в 1940 г., при жизни автора.

Вся вторая фаза жизни Мережковского омыта этими сияющими предчувствиями. У него даже в самых яростных диатрибах есть вспышки, напоминающие пророческий тон [Эрнеста] Элло или [Леона] Блуа, которые прославляют пришествие Параклета. Однажды всё, наконец, возродится в Духе Святом, прежде всего и отныне — религия и наука. Таковы, в очень общих чертах, рамки, в которых вызревала верховная мысль Мережковского, одновременно метафизическая и религиозная. Она неотделима от творчества, озаренного ей, как творчество неотделимо от жизни, преображенной им… поскольку жизнь в изгнании часто была суровой, и многие из нас видели в нем лишь эмигранта, то есть человека, лишенного корней, беспокойного, даже озлобленного, непримиримого к режиму, который установился в его стране, человека, ничего не понимающего во времени, в котором он живет, и непонятного более этому времени.

Правда совсем в другом… Но положение таково, что писатель должен чаще спускаться со своих вершин, чтобы его услышали, чаще напрягать голос в справедливом негодовании. Теперь-то мы слишком хорошо знаем, что речь идет о самом существовании нашей цивилизации.

Мережковский покинул Россию вскоре после революции, в разгар большевистского террора. Вместе с женой Зинаидой Гиппиус, секретарем Владимиром Злобиным и давним другом, писателем Дмитрием Философовым он смог добраться до польской границы ледяной зимней ночью 1919 г.

Подробности жизни в СССР и бегства [оттуда] рассказаны в «Записной книжке» Мережковского и в «Черной книжке» Зинаиды Гиппиус, ставших двумя главами книги «Царство антихриста». Каков бы ни был фактический интерес этих страниц, он меркнет перед объективным анализом событий и их последствий, ближних или отдаленных. Мережковский не хуже Ленина знал, почему большевистская революция не остановится в России. Когда она объявила себя мировой, мы должны были понять, что это есть отрицание всех позитивных ценностей старой Европы. Именно в этом смысле она тоже является религией. За пятьдесят лет до Мережковского мыслитель Огюст Конт уже понял, что единственной великой проблемой современности является разложение христианства в европейских народах, то есть проблема религиозная. Наша общественная жизнь, настолько изъеденная снаружи, и в глубине своей уже не основывается на принципе личности — фундаменте христианства.

Европейский «буржуй с большевиками согласился в главном, — пишет Мережковский, — в ниспровержении того, на чем построена вся восходящая лестница культурных ценностей. И вот, взобравшись на верхнюю ступень, он вдруг почувствовал, что под

ним шатается вся лестница. “Провалишься”, — кричат большевики; а буржуй все еще храбрится, делает вид, что крепко держится, но про себя уже знает, что весь провалился. Весь буржуй — собственник. А что такое собственность? Если не экономическая проекция метафизического понятия личности — “где я, там и мое”, — то грабеж — и тогда: “грабь награбленное”, — буржую на это по существу возразить нечего: он провалился весь»[11].

Желающим узнать, что такое взаимные уступки, которые стороны вынуждены делать друг другу, Мережковский ответил поучительной аллегорией: «“Один гад съест другую гадину”, — говорит [Иван Федорович] Карамазов о лакее Смердякове, отцеубийце. Мы все сейчас, как [Иван] Карамазов — между двумя гадами, буржуйным и большевистским. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Большевистский — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами… Какой же это зверь?»[12].

Я не собираюсь шаг за шагом прослеживать политическую роль Мережковского. Каждое слово должно быть делом, или оно ничто. Действием, разворачивающимся на огромной невидимой сцене, со сменой многочисленных воплощений. Нетерпение, которое Мережковский порой проявлял в отношении интеллектуальной глухоты слишком многих своих современников, оставалось неизменным: никто так не осознавал свою миссию, как он. Уже в 1907 г., когда царский режим был на подъеме, он заявил европейцам: «Вам кажется, что мы переживаем естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; кончим тем же, чем вы, остепенимся, внуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся буржуазно-демократической лавочкою, вместо града Божьего: так было везде, так будет и у нас. Пожалуй, и действительно, было бы так, если бы мы не были вы “наизнанку”… Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас»[13].

«Царство антихриста», «Грядущий хам» — не просто книги, но предостережения современникам. Без устали, с упорством человека, который прав вопреки всем и знает это, Мережковский старался рассеять колебания одних и пробудить ото сна других.

---

[11] «Царство антихриста». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 24.

[12] Там же. С. 25–26.

[13] «Предисловие к одной книге», приведено в «Записной книжке. 1919–1920». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. С. 54–55.

В открытых письмах Нансену, Гергарту Гауптману, Уэллсу, обращении к Его Святейшеству Пию XI, в многочисленных статьях и выступлениях он не переставал предупреждать прежде всего французов, затем европейцев, затем весь мир: «[Я не пугаю вас, но] вспомните, что было у нас; вообразите, что может быть и у вас. Ничего не может быть до войны, говорите вы? Но так ли вы уверены, что войны не будет? А что если дождетесь?»[14].

Каков бы ни был исход, апокалипсис ужасен. Горе поколениям, оказавшимся в роли шарнира при тех роковых рывках истории, что зовутся «революциями»: они рискуют быть и стертыми в прах. Многие принимают неизбежность такой судьбы. Мережковский не принимал: он знал, что рывки могут быть вызваны темными силами, гибельными по своей сущности. Когда Германия, разоблачив игру Сталина, бросилась к оказавшимся под угрозой границам, в душе Мережковского пробудилась последняя надежда: Европа, страна «святых чудес», будет спасена — и русский народ освободится от ненавистного режима, который на протяжении двадцати пяти лет уродовал его душу, уничтожая в ней не только всё благочестие, но любую способность к поэзии и к песне.

Для Мережковского борьба пришла к концу: отныне дело доверено оружию. Труд, который он задумал, когда смерть вырвала перо из его рук, был посвящен человеку, максимально далекому от политики своего времени, да и любого другого, — книга о Гёте.

Многие справедливо сожалеют, что он не оставил нам такую книгу. Многие — может быть, с меньшими основаниями — сожалеют, что Мережковский не занимался «несвоевременными размышлениями», если воспользоваться языком Ницше. Произведение, интерес к которому основан на случайностях момента, обречено на неизбежную смерть. Не участвуя непосредственно в драме своего времени, Мережковский, пожалуй, был, не скажу самым плодовитым и искусным романистом, но самым органичным мыслителем — не мог не быть таким мыслителем. «Я прикасаюсь к совершенству и к смерти», — сказал автор «Стансов» Жан Мореас в предчувствии близкого конца.

Для мысли, сообразной с душой мира, который развивается циклически, совершенство остается недостижимым пределом. Но если верно, что у каждого писателя есть страница или книга, которая обычно неизвестна широкой публике, но особенно ценима поклонниками — а они всегда чувствуют себя немного «посвященными», — я думаю, что у Мережковского таким произведением

[14] «De profundis clamavi. Открытое письмо Эмилю Бюре». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. С. 243. Заключенные в угловые скобки слова отсутствуют в русском оригинале и во французском переводе, но есть в предисловии Шюзвиля.

являются «Тайны Востока» [в русском оригинале «Тайна Трех»], появившиеся в 1927 г. [во французском переводе], ключ к его творчеству. Ответ на наши многочисленные «почему?» написан на каждой ее странице и, без сомнения, нигде лучше, как в этих словах: «Трагедия есть непонятая мистерия».

По-моему, эта книга есть итог величайшего усилия, которое когда-либо было сделано в самом центре величайшей из пережитых нами трагедий, чтобы проникнуть в нее и объяснить ее как мистерию.

Перевод выполнен по: J.C. En guise de préface // Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 5–12. В квадратных скобках — конъектуры переводчика, включая слова, пропущенные Шюзвилем в цитатах из Мережковского. Иногда Шюзвиль цитирует Мережковского с сокращениями, не обозначая их; переводчик поступил так же.

ЖАН ШЮЗВИЛЬ (1886–1974) — французский поэт, критик, переводчик. В конце 1900-х и начале 1910-х бывал в России. Автор двухтомного собрания стихов «Странник и его душа» (1944), критического этюда «Дмитрий Мережковский. Русская душа и мы» (1922), памфлета «Рим и Интернационал. Пророчество Достоевского» (1927), предисловий к выполненным им переводам и журнальных статей, в том числе о русской литературе. «Статья Шюзвиля, — писал об одной из них Г. Адамович, — приятно удивляет полным отсутствием разглагольствований о тайнах славянской души, редкой трезвостью взгляда и довольно большой осведомленностью» (*Адамович Г.* Литературные беседы. СПб., 1998. Кн. 1. С. 292).

Основные переводы. *С русского:* «Поэтические произведения» А.С. Пушкина в двух книгах; письма Н.В. Гоголя и его «Авторская исповедь» (на итальянский язык); «Кроткая», «Скверный анекдот» (вместе с А.М. Ремизовым), «Преступление и наказание», «Бесы» и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского; дневники Л.Н. Толстого за 1853–1865 гг. (вместе с В.С. Познером); «Пророк русской революции», «Данте», «Лики святых. От Иисуса к нам» и «Европа лицом к лицу с СССР» Д.С. Мережковского; «Антология русских поэтов»; «Византийская живопись» и «Фра Анджелико» П.П. Муратова; сборник сказок

«Предания гор и степей». *С немецкого:* «Разговоры с Гёте» И.П. Эккермана; «Гёте» Ф. Гундольфа в трех томах; антология «Немецкие мистики XIII–XIX веков». *С итальянского:* «Антология итальянской поэзии от начала до наших дней»; антология «Итальянские мистики»; серия монографий о художниках эпохи Возрождения; «Корпоративное государство» Б. Муссолини; «История фашистского движения» Дж. Вольпе. *С испанского:* антология «Испанские мистики».

Переводы Шюзвиля из русской поэзии высоко оценены В. Брюсовым («прекрасно передают русские ритмы»), Г. Адамовичем («чрезвычайно удачные», «в них было передано не всё, что было в русском тексте, но в них почти отсутствовала “отсебятина”») и Ж. Нива («Панорама, которую дает Шюзвиль, богата и хорошо представляет век символизма в России»). — *В.М.*

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-164-180
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Андре Жид — друг СССР. Рождение репутации (К переводу статьи Дм. Мережковского)

Наталия Харитонова

Аннотация: В статье рассматривается, как зародилась и сформировалась репутация Андре Жида — друга СССР. В 1928 г. советская литературная печать заинтересовалась его «Путешествием в Конго», но писатель все же оставался для нее буржуазным интеллигентом. Публикация дневниковых записей Жида в июне 1932 г., которые были поняты как просоветские, обозначила рубеж в его восприятии как во Франции, так и в СССР. Советская пресса незамедлительно объявила его другом СССР и стала последовательно поддерживать этот образ. Оценки французских литераторов также исходили из того, что писатель стал приверженцем коммунистической идеологии. Русская эмиграция с непониманием отнеслась к жесту Жида. Тогда же Д. Мережковский выступил с открытым письмом, в котором в русле своих антибольшевистских идей упрекал европейцев в симпатиях к Советской России.

Ключевые слова: Андре Жид, СССР, писательская репутация, Д.С. Мережковский.

Информация об авторе: Наталия Юрьевна Харитонова, Doctora en Filología Hispánica, старший научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки новейшего времени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, Россия. E-mail: barrocorggu@mail.ru

Громкий разрыв отношений советских культурных и писательских организаций с Андре Жидом, последовавший в декабре 1936 г. за публикацией его «Возвращения из СССР», хорошо известен. Принято считать, что во время поездки в СССР писатель изменил свой взгляд на страну Советов и результатом критического переосмысления советского опыта стала его книга: «А. Жиду за два месяца поездки по СССР удалось разглядеть и сформулировать многое»[1].

Трактовка этого сюжета настолько общепринята, что, кажется, и необходимость подробного критического анализа истории отношений французского писателя с его советскими коллегами и изменений его позиции давно отпала. Однако процесс имиджмейкерства, конструирования международной репутации «друга Со-

[1] *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. М.: Эллис-Лак, 2008. С. 432.

ветского Союза», очень многим обязанной именно советской печати, причем того времени, когда писатель впервые был публично причислен к когорте поддерживающих советский строй западных интеллектуалов, заслуживает гораздо большего внимания. Зададимся вопросом: что же было у истоков «дружбы» Советского Союза и Андре Жида? Как отнеслись во Франции к просоветским высказываниям писателя?

Не отличавшиеся оригинальностью советские приемы тенденциозного информирования были суммой опыта пропагандистских кампаний прошлых лет, да и случай Жида был далеко не уникален. История ренегатства «балканского Горького», как называли румынского писателя Панаита Истрати, сначала канонизированного советской публицистикой, но затем ей же превращенного из революционера в предателя, уже успела в 1929 г. несколько омрачить историю советских литературных связей с Западом[2]. После своего долгого пребывания в СССР П. Истрати вернулся во Францию, выступал в печати с интервью, где критиковал советский режим, и, наконец, опубликовал книгу об СССР «К другому пламени» (1929). После публичного развенчания и поругания в советской печати Истрати, ранее ею же вознесенный на литературный Олимп, был с него низвергнут и предан забвению: модель была создана. Тем не менее, при всей популярности П. Истрати, А. Жид был писателем совсем другого масштаба. Жид был не просто известен, он обладал огромным моральным авторитетом и влиянием на современников, называвших его своим «учителем», а его советский травелог, в отличие от книги Истрати, вызвал во всем мире несомненно больший резонанс, и это лишь отчасти можно объяснить изменением исторического и политического контекста Франции в предвоенный период.

Русская революция и появление на карте мира Советской России стали событиями, вызвавшими не только негативную реакцию, но и живой интерес на Западе. Паломничество в большевистскую Россию было массовым[3], и речь шла не только об интеллектуалах: это были политики и ученые, инженеры и предприниматели, рабочие и учителя, общественные деятели и обыватели, совершенно не обязательно левого толка. Далеко не все, но многие из тех, кто побывал в Стране Советов, становились адептами коммунистического режима, а информация о социальных, эконо-

[2] Об этом подробнее см.: *Харитонова Н.Ю.* От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых — начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10.

[3] См., например: *Дэвид-Фокс Майкл.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015; о поездке А. Жида в СССР см. с. 438–449.

мических и культурных преобразованиях часто появлялась на страницах газет и журналов самой разной политической ориентации. Поэтому сам по себе факт, что А. Жид проявил интерес к происходящему в СССР, не являлся чем-то исключительным. Однако примечательно, что писатель, славившийся своей аполитичностью и не принимавший участия в общественно-политической деятельности, в течение долгих лет сохраняя нейтралитет и индивидуализм, наконец публично высказался о своем отношении к происходящему в СССР, причем высказался весьма доброжелательно. А это, безусловно, не могло остаться незамеченным ни у него на родине, ни в самом Союзе, который вел тогда дипломатические переговоры с французским правительством и был крайне заинтересован в потеплении общественного мнения.

Первые положительные отзывы А. Жида о СССР относятся к 1931–1932 гг.[4] В январе 1932 г. Жид осторожно дистанцировался от так называемого «дела Арагона», когда после публикации в конце 1931 г. во французской версии издававшегося в Москве журнала «Литература мировой революции» стихотворения «Красный фронт» поэта обвинили в подстрекательстве военных к неподчинению и анархистской пропаганде[5]. Однако 1 июня 1932 г. Жид начал печатать в «La Nouvelle Revue Française» страницы из своего дневника, написанные в январе того же года, где он рассуждал о своем желании увидеть успех пятилетнего плана. В сущности, эти записи не содержали апологии коммунизма и советского режима, но их сразу интерпретировали как обращение в большевизм, обсуждали «справа и слева, в городах и провинции, во Франции, а вскоре и за границей»[6], то есть в Москве.

На первой полосе «Литературной газеты» от 23 июля 1932 г. появилась публикация перевода страницы из дневника Андре Жида, напечатанного в июльском номере «La Nouvelle Revue Française», в котором писатель рассуждал о пятилетнем плане Советского Союза: «Сейчас мне особенно хочется еще достаточно прожить, чтобы иметь возможность увидеть, как восторжествует план новой России»[7]. Именно эта публикация стала поворотной в создании репутации Жида — друга СССР.

До этого Жида русскоязычные читатели и критики, безусловно, уже знали. Первые произведения Жида были переведены на русский язык еще до революции[8]. Затем в течение ряда лет его

[4] *Coeuré Sophie, Mazuy Rachel*. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. Paris: CNR Séditions, 2012. P. 140.

[5] *Lestringant F.* André Gide l'inquiéteur. Le sel de la terre ou l'inquiétude assumée. 1919–1951. Paris: Flammarion, 2011. P. 536–549.

[6] Там же. P. 571.

[7] Литературная газета. 1932, 23 июля. № 33. С. 1.

[8] Эссе «Памяти Оскара Уайльда» в издании сочинений Оскара Уайлда: De profundis. Письма; Афоризмы; Стихотворения в прозе. М.: Товарищество

творчество не привлекало внимания советских книгоиздателей. В 1923 г. петроградское издательство «Мысль» в серии Библиотека иностранной литературы выпускает роман «Безнравственный»[9] в переводе А.Г. Мовшенсона, а три года спустя издательство «Academia» опубликовало собрание сочинений Жида под общей редакцией М. Лозинского, А.А. Смирнова и А. Франковского[10], в котором, в частности, вышли романы «Подземелья Ватикана», «Фальшивомонетчики» и «Имморалист».

В 1928 г. журнал «Вестник иностранной литературы» предложил своим читателям отрывки из «Путешествия в Конго» в переводе З. Вершининой[11]. Надо заметить, что именно это сочинение писателя привлекло к себе дополнительное внимание советской критики. И. Анисимов в том же номере журнала с удовольствием признал, что «Путешествие в Конго» — «потрясающая книга». Писателю, по его мнению, удалось распознать «колониальную трагедию» во время своего путешествия. Но одного этого критику было не достаточно, потому что «африканский опыт не опрокинул взглядов Жида на капиталистическую цивилизацию, не сделал его революционным отрицателем». Анисимов поэтому пришел к выводу о буржуазности сознания Жида: «Книга остается великолепным документом, разоблачающим не только колониальную политику современной Франции, но и психологию интеллигента, неспособного разобраться в социальных противоречиях». Выделяя африканский травелог в творчестве писателя, самого его критик упрекнул в том, что он не достиг подлинного марксистского восприятия мира, так и оставшись интеллигентом, тесно связанным «со всем строем буржуазной культуры»[12].

Африканский травелог Жида вышел также в 1931 г. в издательстве «Федерация»[13]. И в ноябре 1931 г. это переведенное на русский язык сочинение стало объектом критики на страницах «Литературной газеты», и даже не само по себе, а как продукция издательства, которое печатало «явно-вредные» книги, по мнению авторов статьи. Книгу А. Жида критики назвали «допустимой»,

---

«Печатня С.П. Яковлева», 1905; *Ремизов А.М.* Переводы. Любовь. А. Штеенбух. Продавец солнца. Рашильд. Филоктет или Трактат о трех добродетелях. Санкт-Петербург: журнал «Театр и искусство», 1908. 76 с.

[9] *Жид А.* Безнравственный. Пг.: Мысль, 1923. 135 с.

[10] *Жид А.*Собрание сочинений. Л.: Academia, 1926–1927.

[11] *Жид А.* Путешествие в Конго // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 96–115. Отдельное изд.: М.: Федерация, 1931.

[12] *Анисимов Ив.* Французские заметки // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 150. Ср. статью И.И. Анисимова об А. Жиде в «Литературной энциклопедии» (М., 1930. Т. 4. Стб. 168–171).

[13] См. рецензию: *Риза-Заде Ф.* Новинки французского романа // Вестник иностранной литературы. 1930. № 3. С. 190–200.

однако немедленно задались вопросом, «почему именно на ней при отборе переводной литературы остановило свой взор издательство, чем она значительная?»[14]

В январе 1932 г. та же «Литературная газета» в рубрике «За ленинский этап в литературоведении», чей лозунг предлагал оказать «Беспощадный отпор всем буржуазным, антимарксистским, контрреволюционно-троцкистским теориям!», опубликовала статью Т. Мотылевой «Невыполненные обязательства» о неудовлетворительном выполнении международных обязательств РАПП. И здесь основной темой статьи является не творчество А. Жида, и не он сам. Но критик упомянула его как писателя «буржуазного», иными словами, вредного, который случайно и без специальных комментариев попал в «дезориентирующий список», рекомендуемый рабочему-читателю массовым журналом РАПП «Рост»[15].

Дневниковая запись Жида о пятилетнем плане не только придала значительность творчеству писателя и исключила его книги из «дезориентирующих списков», но и стала залогом чудесной трансформации его репутации. Перевод страницы из дневника сопровождало краткое предисловие, в котором признавалось, что Жид обладает «большим влиянием и авторитетом среди современных французских писателей»[16].

Тема дружественности Жида немедленно подхватывается в других статьях газеты, причем публикации появляются в нескольких номерах подряд. В конце июля его новое высказывание уже помещается в подборку цитат и писем других зарубежных писателей (А. Барбюса, Г. Манна, Р. Роллана, В. Маргерита, Ш. Вильдрака и других) под рубрикой, вносящей полную ясность в отношение советского издания к Жиду: «Друзья СССР — враги войны!». Редакторы подчеркивают особый статус писателя, поэтому перевод письма Р. Роллану, в котором Жид объявляет о своем присоединении к инициативной группе антивоенного конгресса в Амстердаме[17], печатается самым первым[18].

Из следующего номера «Литературной газеты» становится известно, что редакция обратилась с письмом к Жиду и он вступил с ней в переписку. 5 августа на первой полосе под заголовком «Лучшие писатели уходят от капитализма» печатается «новое

---

[14] *В. 3-ий, Мих. Ц.* Случайные прорывы или система ошибок? О продукции издательства «Федерация» // Литературная газета. 1931, 2 ноября. № 59. С. 4.

[15] *Мотылева Т.* Невыполненные обязательства // Лит. газета. 1932, 16 января. № 3. С. 2.

[16] Лит. газета. 1932, 26 июля. № 33. С. 2.

[17] Конгресс состоялся 27–29 августа 1932 г. Основной темой обсуждений стала защита СССР.

[18] Лит. газета. 1932, 29 июля. № 34. С. 2.

письмо Андре Жида», которое пришло на имя тов. Ромова, заведующего иностранным отделом газеты: «Я очень рад, что моя страница из дневника предшествовала вашему письму; таким образом, никто не сможет сказать, что мое заявление было этим письмом вызвано. Я считаю, что настало время, когда уже нельзя хранить в секрете свои мнения и убеждения. [...] Я хотел бы громко прокричать о своей симпатии к СССР и чтобы крик мой был услышан и чтобы он приобрел определенное значение. Я хотел бы достаточно прожить, чтобы увидеть успешное проведение плана Сталина. Для его успеха, которого я желаю от всей души, я хотел бы иметь возможность что-нибудь сделать»[19]. В этом письме Жид, по сути, не говорит ничего принципиально нового, обыгрывая вновь уже упоминавшуюся дневниковую запись, где он выражал свое желание увидеть успешное завершение пятилетки. Но этот жест писателя, теперь называемого «лучшим», вызвал эйфорию советской печати, которая увлеченно и убежденно писала о переходе Жида в лагерь сторонников и друзей СССР.

И. Эренбург на страницах все той же «Литературной газеты» в конце августа 1932 г. рассказывал о своей встрече с Жидом, совершенно неожиданно обрисованным пылким и искренним неофитом с юным сердцем, и о его новом статусе адепта коммунизма, при этом существенное значение имеет понятие «сдвига сознания», которое испытал, по его словам, французский романист: «Последние годы принесли глубокий сдвиг сознания многих французских писателей. Наиболее показательным является последний этап Андре Жида (этап, ярко отраженный в его письме в “Литературной газете”). Я недавно встретился с ним в Париже, и он мне говорил о принципах коммунизма с жаром юного пионера. Я, конечно, несколько сомневаюсь в экономических познаниях как Андре Жида, так и многих других дружественных нам писателей. Но их искренность и убежденность не подлежат никаким сомнениям»[20]. Слова Эренбурга, имеющие, кроме всего прочего, характер личного свидетельства, дополнительно легитимизировали новый образ Жида: они должны были убедить в том, что просоветские высказывания писателя не случайны, что за ними действительно стоит искренняя вера в коммунизм, пусть и наивная. Отметим, что портретная зарисовка Жида, созданная Эренбургом, очень далека от реальности: скорее это был холодный, рассудительный, осторожный и сомневающийся, не имеющий привычки к публичности интеллектуал. Но советскому читателю, не имевше-

[19] Лит. газета. 1932, 5 августа. № 35. С. 1.

[20] Опустошенность буржуазной литературы. Интерес к произведениям советских писателей возрастает. Беседа с И. Эренбургом // Лит. газета. 1932, 29 августа. № 39. С. 3.

му представления о писателе, необходимо было донести мысль о страстной увлеченности Жида коммунистическими идеями, его убежденности в них.

В течение всего 1932 г. в советской печати регулярно продолжали появляться статьи, в которых вновь и вновь подчеркивался новый статус Жида. При этом взбудоражившее советских литературных деятелей признание Жида приобретало все более грандиозное измерение. И. Анисимов в статье об антивоенном конгрессе в Амстердаме с характерным заголовком «Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом» писал: «Даже среди писателей Запада, находящихся в капиталистическом лагере, далеком от революционности, находятся люди, благородно и смело возвышающие свой голос для того, чтобы признать неизбежность гибели загнивающего капиталистического мира и приветствовать мир социализма. Таковы, например, последние выступления Андре Жида, заявляющего о своем сочувствии СССР. Это — исторические заявления»[21]. Кроме того что Анисимов придает высказываниям Жида характер исторических, хотя это очевидное манипулятивное преувеличение, он формулирует тут существенную мысль, которая будет неоднократно повторяться в более поздних текстах о писателе: Жид порвал с капитализмом. Таков кумулятивный пропагандистский эффект небольшого фрагмента из дневниковых записей писателя о пятилетнем плане.

На волне хвалебных статьей о разорвавшем со своей буржуазной средой писателе наконец появляются материалы о его творчестве: теперь его называют «мастером слова» и, признавая, что Жид почти неизвестен в СССР, предлагают советскому читателю восполнить свое «незнание», ознакомившись с переводом статьи французского литературного критика Б. Фейя, которая содержит сведения о жизненном пути Жида и, что примечательно, поэтике его произведений. Критик признает, что это «наиболее талантливый и мудрый писатель современной Франции», отмечает особенности его образности, особую музыкальность его стиля[22]. Дополняют публикацию страницы из дневника Жида от января 1931 — апреля 1932 г., где писатель размышляет о смерти, прогрессе и литературе, о разуме и вере, не уделяя политике или идеологии особого внимания.

Дневниковые записи Жида продолжали публиковаться в СССР. В ноябре 1932 г. в «Литературной газете» было напечатано очередное письмо писателя, из которого можно узнать, что он попрежнему состоял в переписке с редакцией, на сей раз выславшей

[21] *Анисимов Ив.* Лучшие писатели Запада порывают с капитализмом // Лит. газета. 1932, 11 сентября. № 41. С. 2.

[22] Андре Жид — мастер слова // Лит. газета. 1932, 5 октября. № 45. С. 2.

ему анкету с просьбой о скорейших ответах. Интересно, что Жид не стал утруждать себя, а предоставил редакторам свободу выбрать самостоятельно фрагменты из своего дневника: «Я получил ваше письмо и приложенные к нему вопросы. Позвольте мне выразить свои симпатии к вашей газете и просить вас вместо нового ответа на поставленные вопросы опубликовать по вашему выбору те страницы из моего дневника, напечатанного в “Нувель ревю франсез”, которые покажутся вам наиболее интересными»[23]. Немедленно воспользовавшись удобным случаем, редакция выбрала те строки из дневника, где речь шла о Советском Союзе и религии, — для очередного подтверждения просоветской позиции Жида. Выбор пал на запись от 30 января, где Жид делился впечатлениями от чтения антисоветского номера журнала «Je suis partout», на его размышления о вере в записи от 23 апреля. Дополняли их запись об отношении к советской власти во Франции, от 8 июня, и рассуждение о моде на обращение в коммунизм, от 13 июня.

В конце ноября того же года в «Литературной газете» вышла статья И. Анисимова, до сих пор в основном писавшего о Жиде в обзорных работах, целиком посвященная писателю. Критик подвел итог предыдущим публикациям о столь желанном для СССР и во многом гиперболизированном приобщении Жида к коммунизму. Это уже был не тот интеллигент, неспособный на революционный бунт, о котором писал Анисимов в 1928 г. И хотя критик назвал Жида поэтом «безобразия капиталистического мира», по его мнению, он проделал большой путь к «отрыву» от капитализма и, став уже новым «замечательным представителем» западной интеллигенции, вступил в ряд «лучших писателей буржуазного мира [...], связавших свою судьбу с революцией, с борьбой за социализм»[24].

Во Франции реакция на признания Жида в просоветских симпатиях напрямую зависела от политических убеждений пишущих, однако любопытно, что многие сосредотачивались именно на строках о пятилетнем плане, ставших своего рода клише в рассуждениях о писателе. Робер Франсис в «La Revue française» от 25 октября 1932 г. высмеял шестидесятипятилетнего Жида, доведя до асбурда лишенный логики дневниковый поток сознания писателя, в котором смешивались мистицизм и пятилетний план, и предложил причислить его к допотопным ветхозаветным патриархам: «Пора набросить на состарившегося господина Жида одежды Ноя»[25].

[23] Из дневника Андре Жида // Лит. газета. 1932, 17 ноября. № 52. С. 1.

[24] *Анисимов Ив.* Андрэ Жид и капитализм // Лит. газета. 1932, 29 ноября. № 54. С. 2.

[25] *Lestringant F.* Op. cit. P. 52.

Андре Жид с советскими пионерами, 1936 (РГАКФД)

Правый католический романист Франсуа Мориак выступил на страницах газеты «L'Ėcho de Paris» 10 сентября того же года, обвиняя Жида в опасном лицемерии: «Москва, от которой французские рабочие отворачиваются, находит огромное утешение среди элиты. Москва привлекает многих писателей, столь нежных и утонченных, — в первую очередь, Андре Жида, которого пятилетний план погружает в прелюбопытный бред»[26]. Мориак назвал сближение французской интеллектуальной элиты и, прежде всего, Жида, с СССР «странной авантюрой», и упрекнул его в попрании «морального закона», в том, что он выбрал прогресс в ущерб христианской вере, подобострастно рассыпаясь в комплементах «большевистскому людоеду».

16 сентября поэт и художественный критик Камиль Моклер в престижном социалистическом издании «La Dépêche de Toulouse» посвятил Жиду статью «От Оскара Уайлда к Ленину». Моклер не просто назвал писателя «прирожденным растлителем», двусмысленно обыгрывая его влияние на молодежь, но и заявил, что, если Жида признают советские власти, он будет потерян для французской литературы и культурного общества[27].

10 ноября в националистическом журнале «L'Action française» появилась статья Тьерри Молньера, посвященная Жиду. Как и другие французские литераторы, в свое хлесткое рассуждение он включил упоминание пятилетнего плана из дневников Жида.

[26] Цит. по: *Lestringant F.* Op. cit. P. 573.
[27] *Lestringant F.* Op. cit. P. 575.

Объясняя интерес Жида к марксизму потребностью омолодить старую кровь, Молньер усмотрел в действиях писателя корысть и ожидание вознаграждения за оказанную Советам пропагандистскую услугу[28].

Во французской печати, отнесшейся критически к признаниям Жида, писатель представлен лицемерным, расчетливым и безнравственным снобом, затеявшим на старости лет игры с опасным режимом. И наряду с теми, кто предлагал не воспринимать всерьез постаревшего кумира, были и те, кто призывал объявить писателю бойкот.

24 декабря 1932 г. масла в огонь общественной дискуссии по поводу «советизации» Жида подлила публикация в «Les Nouvelles littéraires» фрагмента из уже упоминавшейся статьи И.Анисимова «Андрэ Жид и капитализм», который снабдили заголовком «Москва отвечает на переход Жида в другую веру»[29]. Таким образом, пропагандистский цикл был завершен и в СССР, и во Франции, а марксистская риторика советского критика, в свою очередь, продемонстрировала французскому обществу, что СССР принял Жида в ряды своих друзей.

Интерес А. Жида к СССР представлялся как минимум экстравагантным не только французским правым, но и представителям русской белой эмиграции во Франции. Т.В. Балашова отмечала, что «русские писатели, потерявшие Россию, которых приняла Франция, могли лишь с крайним недоумением отнестись к “странным” переменам в настроениях Андре Жида»[30]. О резонансе, который вызвали в среде эмиграции высказывания Жида и дискуссия вокруг него, свидетельствует, в частности, письмо А. Жиду Г. Адамовича (март 1933), который сообщал французскому интеллектуалу о собрании в редакции журнала «Числа» на тему «Андре Жид и СССР», и просил его не подумать, что оно «организовано специально против» него. Упоминая письма Жида, опубликованные в «московских газетах», Адамович также пишет о реакции русских эмигрантов на его просоветские высказывания: «При чтении “Страниц из дневника” мы пришли в удивление, мы пытаемся понять»[31].

Д. Мережковский также принял участие в дискуссии, выступив с открытым письмом «Андре Жид и СССР». Его, начавшего страстную борьбу с большевистским режимом еще в 1920-е, не могли оставить равнодушным дневниковые записи Жида. Еще десятилетие назад Мережковский выступал в Польше, а затем в Париже с антибольшевистскими лекциями, которые задумывались

[28] *Lestringant F.* Op. cit. Там же.
[29] *Lestringant F.* Op. cit. С. 576–577.
[30] Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 356.
[31] Диалог писателей. С. 359.

им как агитационный ход в кампании против признания Советской России западными странами. Как писал В. Злобин, 16 декабря 1920 г. Мережковский, впервые обращаясь к парижской публике, сказал: «Народам иногда прощается глупость, а иногда и подлость. Но глупость и подлость вместе — никогда. То, что вы с нами делаете, подло и глупо вместе. Это вам никогда не простится»[32]. Другим ярким эпизодом его противостояния Советам стало обращение к Папе Римскому Пию XI, когда в 1922 г. в печати появились сообщения об успешном завершении переговоров между Ватиканом и советским правительством, в результате которых якобы был подписан договор. В письме понтифику Мережковский не смог «скрыть своего возмущения»[33].

В подобном антисоветском ключе написана статья «Царство Антихриста. Большевизм, Европа и Россия» (1921), многие мысли и даже фрагменты которой Мережковский включил в письмо «Андре Жид и СССР». Так, десять лет спустя он вновь вернулся к теме невиданного рабства в России и отрицания Христа «буржуем» и большевиками[34]. Выразительным и по-прежнему актуальным ему представлялся образ из «Братьев Карамазовых» — «гадин», пожирающих друг друга[35], и он включил его в свой новый текст. Но целый ряд реалий указывает на то, что письмо написано во второй половине — конце 1932 г. Об этом красноречиво свидетельствует упоминание пятилетнего плана, которое было ключевым в обсуждении дневниковых записей Жида, причем как в СССР, так и во Франции. Мережковский прочил провал пятилетки и с горечью упоминал подписанные мировыми державами договоры о ненападении с Россией. Войдя в посмертный сборник статей Мережковского 1944 г. «Европа лицом к лицу с СССР», письмо, безусловно, иначе зазвучало в новом историческом контексте, прежде всего, потому, что Жид уже давно «реабилитировался», опубликовав свое «Возвращение из СССР» и «Поправки» к нему. Но тогда, в 1932 г., оно стало частью широкой дискуссии, похвал и осуждения прокоммунистических заявлений Жида, за которым практически сразу закрепился статус «друга СССР».

Литература

Анисимов Ив. Французские заметки // Вестник иностранной литературы. 1928. № 3. С. 147–150.

[32] *Злобин В.* Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М.: Республика, 1994. С. 118.

[33] Там же. С. 121.

[34] *Мережковский Д.С.* Царство антихриста. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 10.

[35] Там же. С. 25.

Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 960 с.

Дэвид-Фокс Майкл. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015. 566 с.

Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М.: Эллис-Лак, 2008. 672 с.

Харитонова Н.Ю. От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых — начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. (http://www.nrgumis.ru/articles/1960/)

Coeuré Sophie, Mazuy Rachel. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. Paris: CNRS éditions, 2012. 380 p.

Lestringant F. André Gide l'inquiéteur. Le sel de la terre ou l'inquiétude assumée. 1919–1951. Paris: Flammarion, 2011. 1165 p.

References

Anisimov Iv. "Frantsuzskie zametki". *Vestnik inostrannoi literatury*. 1928. № 3. P. 147–150.

Coeuré Sophie, Mazuy Rachel. *Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique.* Paris: CNRS éditions, 2012. 380 p.

David-Fox Michael. *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941.* Moscow: NLO Publ., 2015. 566 p. (In Russ.)

Dialog pisatelei. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh sviazei XX veka. 1920–1970. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002. 960 p.

Frezinskii B. *Pisateli i sovetskie vozhdi.* Moscow: Ellis-Lak Publ., 2008. 672 p.

Kharitonova N. Iu. "Ot revoliutsionera k renegatu. Transformatsiia obraza Panaita Istrati v tsentral'noi sovetskoi pechati kontsa dvadtsatykh — nachala tridtsatykh godov". *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*. 2015. № 10. Online at http://www.nrgumis.ru/articles/1960/

Lestringant F. *André Gide l'inquiéteur. Le sel de la terre ou l'inquiétude assumée. 1919–1951.* Paris: Flammarion, 2011. 1165 p.

André Gide as a 'friend of the Soviet Union': Origins of the reputation

Natalia Kharitonova

Abstract: The article considers origins and genesis of André Gide's reputation as a "friend of the Soviet Union." In 1928 Soviet literary press took interest in Gide's book *Travels in the Congo*, its author still being regarded as a bourgeois intellectual. Publication of Gide's journal entries, interpreted as pro-Soviet, in June 1932 marked a border line in his perception both in France and in the USSR. Soviet press declared him a 'friend of the Soviet Union' and began to persistently cultivate this image. Opinions of French literary critics and intellectuals also re-

lied on the assumption that Gide had become a follower of the Communist ideology. Russian immigration circles failed to understand Gide's action. Thus, Dmitry Merezhkovsky wrote an open letter to Gide in the spirit of his own anti-bolshevist ideas where he accused European intellectuals of sympathizing with the Soviet regime.

Keywords: André Gide, USSR, writers' reputation, Dmitry Merezhkovsky.

Information about the author: Natalia Kharitonova, PhD in Hispanic Studies, Researcher at the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: barrocorggu@mail.ru

Приложение

Дмитрий Мережковский

Андре Жид и СССР

(Перевод Н.Ю. Харитоновой)

Смог ли бы европеец, пресыщенный искусственным раем капитализма, удовлетворить свою жажду истинного рая в коммунизме Советов? Возможно, чтобы ответить на этот вопрос, вызванный случаем господина Жида, было бы полезно перевести его с уровня абстрактных рассуждений, как его обычно рассматривают, в исключительно практическую область.

Мы, русские эмигранты, знаем лучше всякого другого, как бессильно человеческое слово доказать реальность опыта тем, кто с ним незнаком. Мы были достаточно наивны, не поверив в это бессилие в начале нашей эмиграции. Если бы нам сказали тогда, что к тридцатым годам русские коммунисты станут «баловнями» Европы[1], мы бы сказали, что, раз так случилось, вероятно, мир сошел с ума. Тем не менее, факт налицо. Уже нет счета европейским буржуа, соблазненным русским коммунизмом — Бернард Шоу, Эйнштейн[2], Андре Жид и т.д. Было бы напрасно пытаться убедить свободную Европу — да, несмотря на все ужасы капитализма, милитаризма, Европа еще свободна — в том, что самый спелый плод того, что здесь столь легко и невежественно называют «русской социальной революцией», это такое рабство, которого не знают не только нынешние европейцы, но даже не могли себе представить и древние египтяне эпохи пирамид.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на земле не бывало[3]. Доныне всякое человеческое насилие, порабощение было только частичным, условным и относительным, именно потому,

что было только человеческим. Всякий поработитель знал, что делает зло; русские коммунисты этого совсем не знают. Так извратили понятия, что зло считают добром, добро злом, «по совести». И впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское.

Таков рай, обретенный современным европейским буржуа, коллективным Андре Жидом.

Давно излечившиеся от наших наивных надежд, нашей веры в силу человеческого слова, мы пытаемся по крайней мере найти хоть какое-то рациональное объяснение этому трагическому безумию.

Помните ли вы, как Бодлер предлагал своей собаке флакон духов[4], но был бессилен ей доказать, что приятный запах лучше дурного[5]? Предъявите господину Жиду хоть самые неоспоримые доказательства могильного запаха русского коммунизма, к примеру, пятилетнего плана, этого не хватит, чтобы опровергнуть саму очевидность. Не оттого ли, чтоб не пустить себе пулю в лоб, если этот план, как все на то указывает, потерпит крах? Вовсе нет, но оттого, что он прельщен ароматами СССР, и потому что выбор между запахами, в конце концов, вовсе не вопрос анализа, а по сути, вопрос первичного, элементарного, бесспорного опыта, не требующего обоснований, — то есть вопрос обоняния и вкуса. А разве тоска по скверным запахам не является симптомом неизлечимой болезни?

Для того чтобы дать отчет в симптоматическом значении случаев, подобных случаю господина Жида, — желании покончить с собой, духе Не-бытия, парящем над нашей агонизирующей цивилизацией, — следовало бы хорошо разобраться в самой таинственной евангельской притче о добром семени и о плевелах, растущих на одном поле и столь неразрывно переплетенных, что когда рабы домовладыки пожелали вырвать плевела, «нет, ответил им Господь, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою»[6].

Доброе семя — сыны царствия — «того, кто есть», а плевелы — сыны лукавого, духа Небытия: таков, кажется, смысл этой притчи. В жизненном поле неразрывно переплетены, как добрые семена и плевелы, сущие люди, те, которые есть (когда «я» и «Личность» являются единственной сущностью человеческого бытия), с не-сущими, с теми, кто не существует, с призраками, с ларвами человека, воплощением Небытия. Разве не является выбор между Бытием и Не-бытием, между подлинным человеческим лицом и фантастическим ларвом, вопросом первичного опыта?

Меня не было — меня не стало[7].
Non fui — non sum.

Разве не выражает восхитительным образом этот девиз, начертанный на могиле мудреца или же безумца агонизирующего язычества, глубокую волю тех, кто подобен господину Жиду, и имя которым — «легион»? Буржуй пришел к согласию с коммунистами по основному вопросу — отрицанию личности — абсолютной, божественной свободы, он согласен с господином Жидом и во всем остальном. Но сколь наивным бы он ни был (хотя он скорее наивен, чем наделен животной хитростью), наш буржуй предчувствует, более или менее туманно, что в конце концов коммунисты его поглотят. Так зачем же ему самому бросаться в их пасть? Возможно, он желает быть сожранным? Возможно, он устал и желает отказаться от бытия? Да, вот конечная тайна коммунистов и буржуя: воля к небытию. Тщетны были бы наши усилия, если бы мы пытались им доказать превосходство Бытия над Не-бытием, личности над безличием. Необходимо позволить им получить свой опыт небытия в коммунистическом раю. Пусть они разыграют там свое блаженство наоборот.

Блаженны те, кого нет, ибо войдут они в царство Сатаны.

Блаженны те, кто испытывает голод и жажду лжи, ибо ждет их та же судьба.

Блаженны нечистые сердцем, ибо узреют они лик Сатаны.

«Один гад съест другую гадину»[8], говорит Карамазов[9]. Мы сейчас между двумя гадами, буржуйным и коммунистическим. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Коммунистический гад — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пестрые, пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами. И сплетаются в противоестественной похоти — во «всемирной революции», или всемирном мошенничестве пактов о «не нападении»[10], тоже не различишь. Кто буржуй, а кто коммунист? Они сами этого более не знают. Сплелись, свились в чудовищном спазме; ласкаются, кусаются. Но из двух гадов будет один, — один Зверь: он-то и пожрет нас всех.

Возможно ли объяснить метафизическую суть «жидизма», этой проказы современного духа, буржуазного, коммунистического, обратившись к математической теории Лейбница о «бесконечно малых величинах», но переиначив ее, то есть заменив их на «бесконечно великие» или даже «грандиозные» ничтожества, ведь именно таковым является это смехотворное и неизлечимое безумие не-сущих, которые хотят выдать себя за саму сущность, ничтожнейших, которые желают казаться великими, термитов-титанов. Их безумие — в надежде, что чудовищная мордочка насеко-

мого, увеличенная, помноженная на бесконечность, могла бы стать ликом божьим. Полутермиты, охваченные жаждой абсолютной термитности — таковы буржуи, влюбленные в интегральный коммунизм, — неисчислимые Жиды наших дней. Да будет им пухом Земля обетованная Советов!

Перевод выполнен по изданию: *Merejkowsky D.* L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 112–116. С франц. перевода Ж. Шюзвиля.

[1] Вл. Злобин в своей статье «Мережковский и его борьба с большевизмом» (1956) прибегает к неявной цитации Мережковского. Ср.: «В начале тридцатых годов всеми признанные большевики становятся "баловнями" Европы» (Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. М.: Республика, 1994. С. 122).

[2] Бернард Шоу побывал в СССР в 1931 г. и по возвращении в статьях и интервью не скупился на восторженные оценки советских перспектив и личности Сталина, с которым имел трехчасовую беседу. Три его текста включены в пропагандистский сборник «Глазами иностранцев. 1917–1932» (М.: ГИХЛ, 1932). Альберт Эйнштейн СССР не посещал, но открыто поддерживал антивоенные и социалистические европейские «фронты», с 1920-х гг. сотрудничал с «Обществом друзей Новой России», выступал с высокими оценками Ленина и т.д.

[3] Фрагмент, начиная со слов «Да, воистину, такого рабства..» и заканчивая словами «нечеловеческое, дьявольское», Мережковский заимствует из своей собственной статьи «Царство антихриста» (1921) (*Мережковский Д.С.* Царство антихриста. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 10). Замены заключаются в том, что вместо «большевики» здесь читаем «русские коммунисты»; в данной статье опущена часть фразы, в «Царстве антихриста» читаем «"по совести", по своей нечеловеческой, дьявольской совести».

[4] Речь идет о стихотворении Шарля Бодлера «Пес и флакон» (1862; из цикла «Стихотворения в прозе (Парижский сплин)»).

[5] Ср. у Вл. Злобина: «Но, подобно Бодлеру, тщетно пытавшемуся доказывать своей собаке, давая ей нюхать флакон с духами, что хороший запах приятнее дурного, Мережковский был бессилен удержать Европу в ее влечении к большевизму. Ей нравится "аромат Сталина"» (Дальние берега. С. 120).

[6] Мф 13: 24-30. Эту «одну из глубочайших и таинственнейших Евангельских притч» Мережковский в аналогичном ключе трактует в книге «Кальвин» (1938) (трилогия «Реформаторы»).

[7] Мережковский имеет в виду фразу, приписываемую Эпикуру. Однако тут латинская цитата неточная: должно быть «Non fui, fui, non sum» («Меня не было, я был, меня не стало»). Мережковский же подчеркивает здесь идею небытия не-сущих.

[8] Иван Карамазов об отце и брате Дмитрии (ч. 1, кн. 3, гл 9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 129).

[9] Мережковский возвращается к статье «Царство антихриста», заменяя политические реалии 20-х гг. на реалии 30-х. В «Царстве антихриста» этот фрагмент полностью выглядит так: «"Один гад съест другую гадину", — говорит Иван Федорович Карамазов о лакее Смердякове, отцеубийце, и об отце

своем Федоре Павловиче. Мы все сейчас, как Иван Карамазов, — между двумя гадами, буржуйным и большевистским. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Большевистский — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пестрые, пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами. И сплетаются в противоестественной похоти — во "всемирной революции", или всемирном мошенничестве, "вандерлиповых концессиях", — тоже не различишь. Сплелись, свились; ласкаются, кусаются. Кто кого пожрет? Никто. Но из двух гадов будет один, — один Зверь: он-то и пожрет нас всех. Какой же это зверь? Я мог бы сказать, какой, но вы все равно не поверите» (*Мережковский Д.С.* Царство антихриста. С. 25–26).

[10] В 1931–1932 гг. СССР подписал ряд пактов о ненападении, а в ноябре 1932 г. был подписан и советско-французский пакт, которому предшествовали длительные переговоры.

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-181-200
УДК 821.161.1 ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Пародии на Д. Мережковского в русской юмористической журналистике 1880-х — 1890-х гг.

Е.В. Хворостьянова

Аннотация: Статья посвящена анализу пародий на раннее творчество Д.С. Мережковского, которые были опубликованы в петербургских и московских юмористических журналах второй половины 1880-х — первой половины 1890-х гг. Большинство этих пародийных текстов ориентировано (т.е. используют в качестве текстов-источников) на первые (журнальные) публикации стихотворений автора. Этот факт заставляет пересмотреть общепринятое представление о том, что настоящую известность Мережковский обретает лишь в конце 1890-х — 1910-е гг., а также поставить текстологический вопрос о неустановленных до настоящего времени первых публикациях стихотворений поэта. В отличие от критического дискурса, дискурс пародийный стремится выделить то, что отличает Мережковского от поэтов «предшествующего этапа». Не случайно (начиная с 1885 г.) пародисты причисляют поэта к так называемым «новым поэтам», позднее — поэтам-декадентам, в ряду которых — Н.М. Минский, К.М. Фофанов, С.Г. Фруг, К.К. Случевский, С.А. Андреевский (и большинство пародий на Мережковского включены в циклы пародий на «новых поэтов»). «Исключительность» лирического героя, амбивалентность героинь, сочетающих в себе ангельское и демоническое начала, наконец, стремление соединить и «примирить» христианство с язычеством — все это заставляет пародистов видеть в стихах поэта не связь с традицией (в первую очередь народнической поэзией), а, напротив, отрыв от нее. Пародийный дискурс улавливает то новое, что еще окончательно не сформировалось как характерные приметы авторского стиля (в широком смысле) намного раньше, чем дискурс критический. С середины 1890-х гг. циклы, включающие пародии на разных авторов, сменяются «синтетическими» пародиями на декадентов. Но во многих из них, «синтезирующих» характерные черты нового направления, остаются вполне узнаваемы цитаты, аллюзии, реминисценции (иногда — отдельные образы) из ранней поэзии Мережковского. Несколько из таких текстов (для демонстрации их стилистического и жанрового разнообразия) приводятся в Приложении.

Ключевые слова: история русской литературы, теория литературы, поэтика, литературная пародия, юмористическая журналистика, Д.С. Мережковский.

Информация об авторе: Елена Викторовна Хворостьянова, д.ф.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия. E-mail: ekhvorost@mail.ru

Творческое наследие Д.С. Мережковского сегодня довольно широко изучено, однако за пределами исследовательского интереса тем не менее остается ряд важных тем и предметов изучения. В частности, до настоящего времени не полностью выявлены первые публикации автора, не установлены точные даты создания текстов, влияния, оказавшие решающую роль в становлении его поэтической и мировоззренческой системы. На наш взгляд, современное мережковсковедение также не освободилось еще и от тех легенд, которые сформировались в прижизненной критике и отчасти были поддержаны самим писателем в письмах и автобиографии. Это касается в первую очередь истории становления и развития его поэтической индивидуальности, а также эволюции репутации писателя в сознании русской читающей публики.

Нередко в обзорных работах о Мережковском все еще встречается тезис о том, что первая книга поэта «Стихотворения (1883–1887)» (СПб., 1888) в значительной мере является ученической, подражательной, воплотившей юношеские увлечения народническими идеями и не отличавшейся оригинальностью стиховой формы. Лишь во второй книге — «Символы. (Песни и поэмы)» (СПб., 1892) — намечается переход к той сложной поэтической системе амбивалентных образов, противоречивых эмоций и динамичных интенций стиха, которая воплотится более отчетливо в критических и религиозно-философских текстах Мережковского. Так, по словам А.В. Лаврова, первая книга «была выдержана в тематической и стилевой тональности творчества восьмидесятников, с характерными для нее народническими и надсоновскими мотивами» [14, с. 18][1]. В отличие от нее, вторая книга отмечена «решительным поворотом от позитивистского к религиозному миросозерцанию, ощущению мистической тайны бытия» [Там же], а «„Новые стихотворения. 1891–1895“ (СПб., 1896) […] воплощают те же особенности мироощущения и взгляды на современную эпоху; открывающее сборник стихотворение „Дети ночи“ было воспринято как манифест декадентского искусства. […] Превращение Мережковского в „печального приспешника клики декадентов“ […], похвалы язычеству, греху, „дерзости преступления“ встретили единодушную отповедь в литературной среде» [14, с. 19]. Иными словами, лишь после публикации лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893) и воплощения этой рефлексии в стихотворениях третьего сборника окончательно формируется образ Мережковского как поэта «нового направления», поэта-декадента.

[1] См. также: [13, с. 344]. Несколько точнее этот тезис сформулирован А.В. Успенской [23, с. 14], уточняющей непосредственный его источник — прижизненная критика.

Расцвет таланта и обретение автором репутации современного писателя первого ряда исследователи традиционно датируют 1900–1910 гг. Обращаясь к пародиям на Мережковского, созданным в эти годы, В.Н. Крылов устанавливает непосредственную зависимость между популярностью произведений писателя и пародийными откликами на его тексты, поскольку «пародии могут восприниматься, когда исходное явление живо в памяти, и читатель способен сопоставить пародию с пародируемым текстом» [10, с. 2]. В поле зрения Крылова естественным образом не попадают более ранние, а уж тем более разбросанные по многочисленным юмористическим журналам пародии на стихи Мережковского, поскольку он рассматривает пародию исключительно как разновидность литературной критики [там же].

Однако это далеко не единственная и, на наш взгляд, далеко не самая главная функция пародии. В истории литературы пародия неизменно выступает как наиболее мобильная форма автометаописания литературы, во многом отличная от критико-публицистического дискурса и дискурса историко-литературного[2]. Подобно музыкальному антифону, пародия предполагает особое пространственное положение слушателя, делающее возможным реализацию механизма пародийного смыслообразования в зоне контакта двух текстов (пародийного и пародируемого)[3]. При этом далеко не всегда подобный контакт возникает в том случае, когда автор обретает успех, либо, напротив, становится постоянным объектом критических статей. История литературной пародии демонстрирует, что нередко — особенно в периоды литературной стагнации, эпохи девальвации слова — пародия выполняет «витальную функцию» (термин Й. Хейзинги), «как бы восполняя собой недостаток „прямых жанров“ или „прямых слов“» [27, с. 442]. Именно такой эпохой в истории русской литературы стали 1880-е — начало 1890-х гг. — период «безвременья», когда толстые журналы уже перестают быть идеологическими органами враждебных лагерей, когда расцветают тонкие юмористические журналы, переполненные не только комическими рассказами и сценками, но также перепевами и пародиями (стихотворными, прозаическими и даже драматическими).

Для пародий на Мережковского особенно показательны, на наш взгляд, два обстоятельства. Во-первых, ранние пародии на стихи начинающего поэта опубликованы в наиболее популярных петербургских и московских юмористических журналах, рассчитанных на **массовую** аудиторию (самые многотиражные среди них — «Стрекоза», «Осколки», «Развлечение»), что свидетельствует как минимум о поверхностном знакомстве читателя с творчеством па-

[2] См.: [25, с. 99–113].

[3] Подробнее об этом см.: [26, с. 206–208].

Карикатура на Д.С. Мережковского в «Новом журнале для всех» (1909. № 4). Художник Сергей Чехонин

родируемого автора. Во-вторых, все обнаруженные нами пародии в качестве текста-источника использовали первые — журнальные — публикации, иными словами, были моментальными откликами на новые стихи Мережковского. Таким образом, с пародийными текстами читатель знакомился задолго до того, как автор представлял свою новую книгу стихов, в которую они были включены.

Пародии на стихи Мережковского, предшествующие выходу в свет его поэтических книг, как правило, входили в циклы, пародирующие так называемых «новых поэтов». В отличие от литературной критики, ориентированной в значительной степени на установление «влияний» и «традиций», обусловливающих появление новой поэтической индивидуальности, пародийная рефлексия над текстом-источником, напротив, видит в стихах разрыв автора с традицией. Отметим также, что пародии на С.Я. Надсона и А.Н. Плещеева — по признанию самого Мережковского и по мнению критики — оказавших влияние на начинающего поэта, встречаются в это время на страницах юмористических журналов, но они, как правило, лишь используют хорошо знакомую читателю поэтическую форму, представляя собой перепев на традиционные для массовой журналистики бытовые темы.

В ряд «новых поэтов», решительно разрывающих с традицией, пародисты наряду с Мережковским включают Н.М. Минского, К.М. Фофанова, иногда — С.Г. Фруга, К.К. Случевского и С.А. Андреевского. Так, если не в первом, то в одном из первых пародийных циклов под характерным заглавием «Переводы с русского на рус-

ский» объединены Случевский и Мережковский; пародия на стихи последнего озаглавлена «Вопль»:

Ты зрела ли сердце в зияющей щели
Истерзанной страшно груди?
Могла ли обедать в тот день ты, ужели,
В виду столь кровавой беды?!
Зачем же ты плачешь? Зачем не хохочешь?
Зачем же, злой дух красоты,
Меня ты слезой крокодиловой мочишь?
О, дева коварная ты!! [3, с. 6]

Очевидно, что эта одна из первых пародий на Мережковского явно не отсылает ни к народничеству, ни к надсоновской традиции, ни к лирике Плещеева. Напротив, пародийный дискурс актуализирует с одной стороны комическое совмещение низменного (бытового) и высокого (бытийного), с другой — столкновение полярных эмоций: слез (искренне/неискренних) и сатанинского хохота. Ближайшими текстами-источниками здесь выступают сразу несколько стихотворений Мережковского, опубликованных в том же году в «Вестнике Европы» («Меня ты, мой друг пожалела…», «Все грезы юности и все мои желанья…») и «Русской мысли» («Потух мой гнев, безумный детский гнев…»); перед тем, как включить их в книгу стихов, автор счел необходимым два последних текста существенно сократить и переработать. Само заглавие пародии — «Вопль» — очевидным образом иронически переосмысляет частотные в поэзии Мережковского мотивы пения, молитвы, криков, экстатических восклицаний, хохота, пения.

Характерно, что в отличие от критики, пародии русских юмористических журналов вовсе не замечают «надсоновских» «мотивов скорби» и «гражданского пессимизма». В лирике Мережковского пародия выделяет исключительно любовные мотивы, причем лирическая героиня здесь неизменно предстает в амбивалентном образе ангела/демона (хотя всегда это несколько «сниженный» вариант). Яркий тому пример — «осколочная» пародия 1887 г., также включенная в цикл, объединяющий пародии на Фруга, Минского и Случевского:

Вот это женщина, она
Прекрасна так, как двести фей,
Но в злости даже Сатана
Всегда спасует перед ней.
В ней чара все и все любовь,
Хватай, целуй ее взасос,
Она ж тебе иссушит кровь
И, хохоча, откусит нос. [15, с. 4]

Текстом-источником этой пародии стало стихотворение «Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный…», опубликованное не-

задолго до этого в «Русской Мысли». Вероятно, именно заключительная его часть подсказала пародисту не только свести в едином образе героини ангельское и дьявольское начала, но при этом ввести «внешнюю» мотивировку проявления этих начал. Но если у Мережковского возможность осознания всей глубины содеянного в потенциале способна изменить героиню, то в пародии «ангельское» связано исключительно с внешностью героини, «дьявольское» — с ее по сути неизменном характером.[4] Сравн.:

О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнева моего, поверь, не заслужила, —
Но если б ты могла понять, какая сила
Была у ног твоих, когда со мной, шутя,
Играла ты в любовь, и все потом разбила, —
Тогда лицо твое зарделось бы стыдом,
И над поруганной любовью, над мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты в отчаяньи немом
Рыдала бы теперь горючими слезами! [17, с. 114]

Любопытно, что именно это стремление к слиянию (но пока невозможность его реализации) как инвариант более позднего и рационалистически сформулированного самим Мережковским соединения христианского и языческого, замечают на уровне сюжета именно пародисты, но не критики. Тем самым пародийный дискурс улавливает то новое, что еще окончательно не сформировалось как отличительные приметы авторского стиля (в широком смысле) много раньше, чем дискурс критический.

Во многом схожа с приведенной ранее и пародия В.М. Дорошевича, опубликованная в том же году, но не в петербургских «Осколках», а в московском «Развлечении». Она интересна в двух отношениях. Прежде всего, это единственная пародия на Мережковского, в которой воспроизводятся формальные стиховые характеристики текста-источника: стихотворный размер (4-стопный хорей), схема рифмовки (причем, в 4 строках сохранены даже рифменные слова претекста), и объем (2 четверостишия). Во-вторых, тот факт, что пародия появилась в печати до публикации стихотворения Мережковского в первой книге стихов, позволяет с большой долей уверенности предположить, что произведение это увидело свет не в 1888 г. [см.: 17, с. 647], а ранее в одном из периодических изданий:

«О, дитя, живое сердце
Ты за мячик приняла».

О, дитя, живое сердце
Ты за грушу приняла…

[4] В этом отношении пародия оказывается в одном ряду с популярными в юмористических журналах перепевами из классиков русской литературы, сценками и анекдотами, одной из излюбленных тем которых являются злые жены.

Эту грушу ты кусаешь,
Беззаботно весела…

Ты резвясь кусаешь сердце…
Мне ужасно больно… Ах!
Сколько соли, сколько перца
В сих пленительных стихах. [16, с. 11]

Здесь использованы два вполне традиционных пародийных приема. Первый получил распространение еще в фольклоре и остается популярным до наших дней: мена имен (существительных, прилагательных или глаголов), меняющих интенцию высказывания; второй стал популярным в литературе как прием «подмены» субъекта высказывания: лицо лирического героя становится лицом автора, приправляющего солью и перцем свое поэтическое «варево».

Наконец, еще одна пародия на Мережковского, предшествующая выходу в свет первой книги стихов, по нашим предположениям, принадлежащая перу А.Н. Будищева, которому позднее как бы по иронии судьбы окажутся близки мистические настроения Мережковского. Она также включена в цикл пародий на «новых поэтов», среди которых Фофанов, Ясинский и Минский. Этому циклу предпослано развернутое «Преуведомление»:

«Пишущий эти скромные строки далеко не разделяет общераспространенного мнения, якобы современные поэты наши никуда не годятся. Еще в 60-х годах стали отрицать чистую поэзию, и ныне укоренившаяся в скептических умах мысль, что поэзия выеденного яйца не стоит, есть ни больше, ни меньше, как отрыжка того беспощадного времени. Поэзия годится на многое. Без поэзии книжка журнала суха, без поэзии любовь становится гражданским договором, человек без поэзии — это г. Михайловский. Поэзия вечна, и доказательством тому может служить возрождающаяся в обществе наклонность к стихам, а также нарождение новых поэтов. Уже барышни заводят альбомы в подражание своим бабушкам, уже молодые люди чаще прежнего обращают взоры к звездам и луне, уже критики пространно и кратко пишут о стихах, уже редакции изнемогают под бременем присылаемых им отовсюду стихотворений, уже даже г. Стюсалевич изъясняется в думе стихами (пока белыми). Все это глубоко занимательно, все это трогательно и все это доказывает, что поэзия выше яйца, в особенности выеденного яйца. Я полагаю поэтому, что мои подражания новым поэтам найдут радушный прием у читателей, любящих поэзию. Да, не самобытны мои песни, да, несамостоятелен мой гений, но велика любовь моя к поэзии, и поэты наши не поставят мне в вину мои невинные перепевы. Так соловьи не сердятся на чижика, когда он начинает им подражать» [7, с. 6].

Текстом-источником пародии на Мережковского здесь становится его перевод (который, вероятно, точнее было бы назвать поэтическим переложением) фрагмента драмы Калидаса — «Орваси»:

Хохочут обезьяны,
В лесах молчат слоны,

И алые тюльпаны
В павлинов влюблены.

И Брама Боклю внемлет,
И клонит к Миллю слух,
И над Льюисом дремлет,
В его вникая слух. [7, с. 7]

Характерно, что именно в пародии впервые отчетливо выявлены те отличительные черты стиля Мережковского, о которых критика начинает говорить лишь с середины 1890-х гг., и они не вполне очевидны в ранней лирике поэта: идейный эклектизм, призванный продемонстрировать исключительную эрудицию автора, а также стремление к оригинальности, которое нередко выражается в парадоксальности отдельных образов и внешне алогичном их сочетании (своего рода параллель компиляции идей — нередко встречающейся не только в поэзии, но также в прозе и критических эссе автора).

Особое место в указанном ряду занимает пародия на поэму Мережковского «Вера». Как и все предшествующие, она была написана после журнальной публикации и до включения во вторую книгу стихов «Символы». Показательна и случайная ошибка пародиста, который в подзаголовке отсылает читателя к «Северному Вестнику», в то время как поэма была опубликована в «Русской Мысли». В «Северном вестнике» печатался «Сильвио» («Возвращение к природе»). Эта пародия представляет собой комический парафраз (переложение сюжета поэмы прозой, но с использованием коротких цитатных включений) — форма, крайне редко встречающаяся в этот период в русских юмористических журналах. Автор пародии — Константин Арсеньевич Михайлов (1868–1919) — в 1890-е — 1910-е годы будет неизменно пародировать произведения декадентов, причем не только в стихотворной и прозаической, но и в драматической форме):

«Сергей, герой поэмы, был очень умный молодой человек с усиками; по временам, от нечего делать, он впадал в мерлехлюндию и хандроманию, вставал по ночам и начинал кричать филином… Доктор потому послал его на Кавказ. Небо благодатного юга подействовало на Сергея благотворно и он снова стал интересным кавалером, так что, когда зацвели розовым цветом миндали, наш герой пустился миндальничать с розовою барышнею Верою.

Все шло очень хорошо по порядку, а порядок — известный. Вдруг Сергея укусил тарантул в ноздрю…

— Зачем, размышлял Сергей, — я женюсь? Жена будет пахнуть котлетами, пойдут ребята, надо заботу иметь, работать, а я — скучающий интеллигент, я работать не могу! Все мои идеалы разбиты!.. Тьфу! Провались ты! Уеду!..

Воспользовавшись случаем, он приревновал Веру к тринадцатилетнему курносому кадету с насморком. Она „не унизилась до объясне-

ПОДЪ МЕРЕЖКОВСКАГО.

... Я стою, какъ равный, предъ тобою,
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
— Обвинитель строгій! Ты не правъ!
Чтобы жить безпечно и красиво,
Чтобы ключъ здоровья не изсякъ,—
Нужно пить не Мюнхенское пиво,
А прелестный Шустовскій коньякъ!..

«Синий журнал». 1912. № 32

ний“… Когда он уезжал — она плакала, он плакал, лошади, ямщики, почтосодержатель и речка Боржомка — все плакали… О чем? Никто не понимал.

В Петербурге Сергей продолжал ничего не делать, только пил, спал, плевал в потолок, да опять по ночам кричал филином. Надоело, наконец, и это. Поехал опять к Вере, которая только взглянула на него „бледною улыбкой“ (в подлиннике так) и умерла от маргарина.

Тогда Сергей почему-то принялся за дело, начал заниматься химией и скоро сделался любимым профессором в поваренной школе». [28, с. 5]

Следует отметить также, что имя Мережковского довольно часто появляется на страницах русских юмористических журналов второй половины 1880-х — первой половины 1890-х по самым разным поводам и в контексте различных жанров — сценки, рассказа, анекдота, эпиграммы и т.п., включая «смешанные» (например, карикатуры, сопровождающиеся недвусмысленными подписями)[5]. Так, сразу после выхода в свет второй книги поэта А.В. Амфитеатров печатает в «Осколках» короткую эпиграмму с каламбурной рифмой:

[5] Отметим, что на многих карикатурах, изображающих «поэтов-декадентов» и «поэтов-символистов», вполне отчетливо переданы портретные черты Минского, Мережковского и др. авторов.

Травянисты что-то «Символы»…
Но питаться могут сим волы! [1, с. 5]

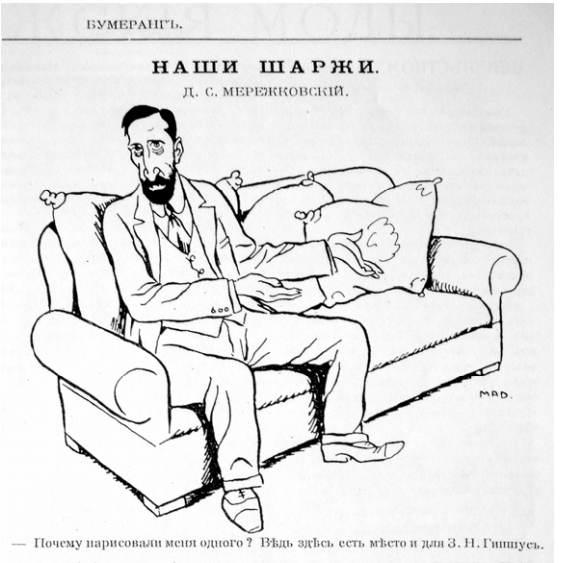
Появляется имя поэта (в ряду с другими «новыми поэтами», издателями, редакторами и популяризаторами либеральных идей О.К. Нотовичем и В.А. Бильбасовым, историком искусства и художественным критиком В.В. Стасовым) и в другой эпиграмме Амфитеатрова — на В.П. Буренина, написанной еще в 1891 г., т.е. до появления второй книги Мережковского:

Свирепой жаждою томим,
Он в «Новом Времени» влачится:
Трепещет Минский перед ним,
Фруг, как огня, его боится!
Поэт под соусом — еда,
Какою тешит вкус бесовский
Он за обедом, господа:
Им съеден даже Мережковский!
Ему Нотович лютый враг,
Как прежде был врагом Бильбасов,
И сединою в волосах
Ему обязан бедный Стасов. [2, с. 4][6]

После выхода в свет «Символов» и книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» мы больше не встречаем пародийных циклов, включающих пародии на Мережковского. На смену им приходят так называемые «синтетические» пародии на декадентов, использующие в качестве претекстов стихотворения разных авторов. Между тем большинство из них неизменно включает точные цитаты либо комически перефразированные строки, отдельные образы и мотивы из стихов Мережковского (см.: Приложение); иногда — реминисценции и аллюзии, отсылающие к его текстам[7], причем в рамках этих пародий нередко объединены формулы, заимствованные не только из

[6] Отметим также, что пародии на критические статьи, газетные передовицы, научно-популярные издания, практические руководства (включая гимназические учебники), календари, рекламные объявления о выходе в свет новых книг и проч. регулярно появляются на страницах юмористических журналов последней четверти XIX в.; а потому утверждение В.Н. Крылова, о том, что «именно в Серебряном веке появляются в полном смысле пародии на критические статьи» [10, с. 5] не соответствует действительности.

[7] В «синтетических» пародиях, включенных в Приложение, мы обнаружили отсылки к целому ряду стихотворений Мережковского. Среди них: «Природа», «Вечер», «Уголино», «С потухшим факелом мой гений отлетает…», «В путь, скорее далекий, неведомый путь!..», цикл «Две песни шута», «Я бы людям не мог рассказать почему…», «Развенчанный лес», «Перед грозой», «Ласточки» и др.

«Иллюстрированная Россия» / «La Russie Illustrée» (Париж). 1925. № 27
Художник Михаил Дризо

поэтических, но и из прозаических и критико-публицистических текстов автора.

Очевидно, что популярность в широкой читательской среде Мережковский — первоначально как поэт — обретает задолго до того, как критика признает его автором, заслужившим серьезного внимания и аналитической рефлексии. Так, по данным А.И. Рейтблата, и первая книга стихов (1888 г.), и вторая (1892 г.), а затем и «Юлиан Отступник», публиковавшийся в 1895 г. в «Северном Вестнике», входят в список широко читавшихся произведений русских писателей [20, с. 196, 198–199]. Нет сомнений в том, что существенную роль в такой востребованности Мережковского уже в первое десятилетие его творческого пути сыграла русская периодика. «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник», «Живописное обозрение» — не просто известные, популярные, но и авторитетные журналы. И все же далеко не последнюю роль в активно возрастающей популярности Мережковского сыграли русские юмористические журналы, более мобильно откликающиеся в пародийной форме на новые произведения автора. А именно они, в отличие от толстых журналов (рассчитанных преимущественно на относительно узкий круг культурных и образованных читателей), были адресованы заинтересованному массовому читателю, который и обеспечил в конечном счете востребованность самых ранних книг Мережковского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I
Современный Пегас

<Пародийная подпись под карикатурой на «новых поэтов»>

Посвящается «молодым русским поэтам», страдающим мировою скорбью, плавающим без снасти по произволу страсти и открывающим железною рукою черные страницы неизведанного человеческого сердца. [5, с. 1]

II
В погоне за фразою

(Посвящается всем поэтам непризнанным,
но несомненно гениальным)

Бездонная бездна безбрежных небес
Полночными блещет огнями
И в темную речку низринулся лес
Бестрепетно кверху ногами.

Сверкает эмалью вдали неба свод,
Откуда-то тени ложатся…
По правде сказать, и сам черт не поймет,
Какие здесь вещи творятся!.. [11, с. 3]

III
Осенние песни

Наши поэты осенью воспевают обыкновенно падающие листья, мечты о теплых краях и проч. Предлагаем им несколько новых сюжетов для песен.

Резиновые шины
(Элегия)

Тут можно написать о грязи, обрызгивающей прохожих, как о грязи нравственной, которою обрызгивают всякого выброшенного на улицу меньшого брата, в образе «вяземца» или «архаровца». Сравнить экипаж на резиновых шинах с огненною колесницею, на которой несется апокалипсическая блудница, а кучера-горлодера с Антихристом. Можно провести параллель между мягкостью резиновых шин и черствостью сердец их владельцев. Вообще выйдет довольно жалостно.

Наводнение

Море можно изобразить в образе грозного вассала, разоряющего ради забав своих крестьян. Недурно также сравнить наводне-

ние с ручьями слез, исторгаемыми самим поэтом из-за того, что люди, неблагодарная толпа, не признает его, пота, гениальности.

Дождь и чулки

Тут очень мило можно разразиться на безнравственность женщин, на упадок семьи и добродетели. Кстати проклянуть фабрикантов, делающих красивые чулки, которыми соблазняются щегольнуть женщины, а за одно всплакнуть и о будущем поколении, которое должно будет иметь таких «безнравственных» матерей.

Простуда

О простуде тоже можно написать недурное стихотворение. Как дождь и холодный ветер заставляет заболеть человека, так заставляют заболеть и поэта ветры людской несправедливости к нему и дожди, окачивающие его, поэта, холодным пренебрежением и сыростью «гнилой» критики. [21, с. 3]

IV
Из песен о Франции

Из Франции два декадента
На русскую почву брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Российской земли:

У самой границы России
Тузил свою бабу мужик,
При этом еще чертыхался
(Ругаться он крепко привык).

Смекнули сие декаденты,
Что это — российский зоил,
И оба весьма испугались,
И каждый домой поспешил. [19, с. 5]

V
Наши декаденты

В редакции.

Нестриженный субъект с траурными ногтями. — Ну, что, мои стихи скоро будут напечатаны?

— Совсем не будут напечатаны…

— Это еще почему?

— Да помилуйте, стихи даже неграмотно написаны, а уж о размере и рифме и говорить нечего…

— Ну, так что же? На то я и декадент… Для нас, декадентов, грамотность не обязательна… А с размером да с рифмами всякий буржуа стихи напишет…

[…]

На улице.

Первый прохожий. — Кто это там так ругается? Верно, пьяный извозчик…

Второй прохожий. — Нет, это декаденты идут… Перейдемтека на другую сторону, от греха…

[…] [8, с. 5]

VI
Лиры наших поэтов

Лира Минского — в виде заунывной бандуры, с дребезжащим и унылым тоном.

Лира Мережковского — семейная подержанная гитара, воспевающая романсы буколического настроения.

Лира Фофанова — в виде балалайки, с тремя струнами, играет страшно однообразно.

Лира Величко — в виде восточного инструмента, напоминающего ковш с длинною ручкой, на котором натянуты струны.

Лира Фруга — в виде скрипки, играет незвучно, но порою сильно хватает за сердце… резкими выходками. [4, с. 11]

VII
Нечто декадентское

Ты шпагами острыми взоров
Мне душу вспахала до дна
И в сердце бурливом проснулась
Зеленых желаний волна;

И в этой волне показалось
Чудовище дикое: страсть…
Готов я, как колос созревший,
К ногам твоим сладим упасть!

Слетели мечты голубые
В поблекшую душу мою —
И эти стихи огневые
Тебе я, чертенок, пою. [22, с. 3]

VIII
Из повестей декадента

…Заложив руки за спину, граф ходил взад и вперед по комнате и сосредоточенно читал газету.

Графиня сидела, облокотившись на свою собственную спину, и мрачно, всем туловищем, следила за своим мужем. Наконец, она не выдержала:

— Граф, тихо завопила она, — когда же вы ответите на мой вопрос?

Граф остановился и в недоумении почесал левой ногой за ухом.

— На какой вопрос, графиня?

— Вы уже изволили забыть? Я спрашиваю вас: когда поправятся ваши обстоятельства? Я желаю жить на широкую ногу.

— Но, mabelle, зачем тебе жить на широкую ногу, когда у тебя такая маленькая ножка?

— Каков голубчик! — громко шепнула графиня и, быстро взлетев с места, она стремительно ударила мужа головой в лоб. У графа из глаз посыпались искры на платье графини — и она вспыхнула…

Графиня, величественно приседая, вышла из комнаты.

Граф в торжественном недоумении разводил ногами. [18, с. 8]

IX
Дачная идиллия
(a la'декадент)

Резвятся в воздухе мушки,
Солнышко светит с небес,
Квакают где-то лягушки,
Спит очарованный лес.
Ткет паучок паутину,
Воздух прозрачен и чист,
Гонят на поле скотину,
Ловит ворон гимназист.
Дачники бродят по парку,
Свищет вдали соловей,
Щиплет Маланью кухарку
Дворник — сосед Пантелей.
Бродят под окнами куры,
С ними петух-кавалер,
Строит им «шуры» и «муры»,
Только на птичий манер…

Барышни две из беседки
Смотрят, хихикают вслух:
«Жалко, что мы не наседки —
Ах, какой душка-петух!»
……
В небе сбираются тучки,
В воздухе пахнет дождем,
Няни детишек за ручки
Спешно уводят всех в дом…
Молния где-то сверкнула,
Гром загремел в небесах,
Кошка с окошка прыгнула,
Где-то вдруг крикнули «ах»!
Листья в лесу зашумели,
Ветер холодный подул,
Стонут березы и ели,
Где-то кричат «караул». [6, с. 10]

X
Тоже стихотворение
(посвящается гг. декадентам)

Как сливки воздух густ,
Бельем повисли тучи,
Шуршит как юбка куст

И спят навоза кучи…
Трава родит росу,
Упорно дятл рифмует,
Лес черен, как в носу —
Все хнычет и тоскует…
Танцует тень канкан,
И лезут в мозг тюльпаны,
И твой — что рюмка стан,
И я, и воздух пьяны… [9, с. 5]

XI
Декадентская картинка

Вечер ненастный дышал лучезарно
Жаркой прохладой небес;
Гады и мнимые люди попарно
Шли, ощущая свой вес.
Лампы фонарные гордо бросали
Вкруг себя черный лишь свет;
Звонко у сторожа зубы стучали
Песню о силе монет.
Темные тучи скрывали прозрачно
Голос незримой луны,
Филин на крыше, мяукая мрачно,
Пел про детей сатаны.
Мутные думы теснятся свободно
В кислой душе пошляка…
Желто-зеленые думы! Бесплодно
Жить вам в мозгах дурака. [12, с. 6]

XII
Декадентские вопли

Голубые чувства зреют
В тайниках немой души,
Зреют, реют, рдеют, веют,
Как виденья хороши…

Звезды глаз пунцовых блещут
Напевая о любви,
В сердце крыльями трепещут
Мысли, словно воробьи!..

Я противлюся напрасно, —
Пламенеет в илах кровь,

И в печенке* ноет страстно
Красножелтая любовь!

* Как известно, последние медицинские исследования определили местонахождение чувств: оказывается, — это печень, а не сердце, как думали до сих пор. [24, с. 3]

Литература

1. *Авантюрьер <Амфитеатров А.В.>* Литературные новинки. 6. Д. Мережковскому («Символы») // Осколки. 1892. № 12. С. 5.
2. *Авантюрьер <Амфитеатров А.В.>* Наши критики // Осколки. 1891. № 41. С. 4.
3. *А.Н. [Нестеров А.К.(?)]* Переводы с русского на русский. II. Вопль (Из Мережковского, надо полагать) // Осколки. 1885. № 51. С. 6.
4. *Б/п.* Лиры наших поэтов // Развлечение. 1893. № 7. С. 11.
5. *Б/п.* Современный Пегас // Стрекоза. 1887. № 48. С. 1.
6. *Граф Нулин <Соколов Н.А.>* Дачная идиллия (a la'декадент) // Развлечение. 1895. № 21. С. 10.
7. *Жером Пересмешников <Будищев А.Н.(?)>* Подражания новым поэтам. Преуведомление // Стрекоза. 1888. № 22. С. 6—7.
8. *И. Грэк*. Наши декаденты // Осколки. 1892. № 41. С. 5.
9. *И-с-а-й Р. <Розенберг И.С.>* Тоже стихотворение (посвящается гг. декадентам) // Осколки. 1895. № 9. С. 5.
10. *Крылов Вяч.* Рецепция критики и публицистики Д.С. Мережковского в пародиях начала XX века // Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор. 150 лет со дня рождения, 75 лет со дня смерти, 95-летие пребывания в Варшаве / Toronto Slavic Quaterly. 2016. № 57. Availableat: http://sites.utoronto.ca/tsq/57/index57.shtml
11. *Кси-пси <Симонов П. Е. (?)>* В погоне за фразою // Стрекоза. 1887. № 44. С. 3.
12. *К.Т. <Бергман С.А.(?)>* Декадентская картинка // Осколки. 1895. № 48. С. 6.
13. *Лавров А.В.* Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б.В. Аверин, Н А. Карпов, С.Д. Титаренко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 344–364.
14. *Лавров А.В.* Мережковский Дмитрий Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4: М–П. М.: Большая Российская энциклопедия; научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ, 1999. С. 17–27.
15. *Л. М–в <Медведев Л.М. (?)>* Из наших поэтов. I. Из Мережковского // Осколки. 1887. № 21. С. 4.
16. *Маркиз Враль и К° <Дорошевич В.М.>* Перлы поэзии. Что ж ты за птица? (Вольное подражание Мережковскому) // Развлечение. 1887. № 48. С. 11.
17. *Мережковский Д.С.* Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. 736 с.
18. *Н-т <Галкин А.К.>* Из повестей декадента // Стрекоза. 1894. № 39. С. 8.
19. *Поэмпо <Попов П.М.>* Из песен о Франции // Осколки. 1892. № 51. С. 5.

20. *Рейтблат А.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МПИ, 1991. 224 с.

21. *Сам не свой <Пастухов Н.И. ?>* Осенние песни // Стрекоза. 1891. № 40. С. 3.

22. *Т. <Петров А.П.>* Нечто декадентское // Стрекоза. 1894. № 36. С. 3.

23. *Успенская А.В.* Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. С. 6–44.

24. *Фиолетовый глаз <Мазуркевич В.А.>* Декадентские вопли // Стрекоза. 1895. № 24. С. 3.

25. *Хворостьянова Е.В.* Пародия — литературная критика (К проблеме разграничения) // Культурно-исторический диалог. Традиция и текст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 99–113.

26. *Хворостьянова Е.В.* Слово vers. пародия // Имя–сюжет–миф. Под ред. Н.М. Герасимовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 195–212.

27. *Хворостьянова Е.В.* Литературная пародия как литература // Subspecietolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 428–438.

28. *Boz <Михайлов К.А.>* Вера (Длинная поэма с коротким содержанием, соч. Мережковского, см. «Сев. Вестн.») // Осколки. 1890. № 23. С. 5.

References

1. Avantjur'er <Amfiteatrov A.V.> *Literaturnye novinki. 6. D. Merezhkovskomu («Simvoly»)* [New in the literature 6. D. Merezhkovsky („Symbols“)] // *Oskolki* [Fragments], 1892, № 12, p. 5. (InRuss.)

2. Avantjur'er <Amfiteatrov A.V.> *Nashi kritiki* [Our critics] // *Oskolki* [Fragments], 1891, № 41, p. 4. (In Russ.)

3. A.N. <Nesterov A.K. (?)> *Perevody s russkogo na russkij. II. Vopl' (Iz Merezhkovskogo, nado polagat')* [Translation from Russian into Russian. II. Cry (Merezhkovsky, presumably)] // *Oskolki* [Fragments], 1885, № 51, p. 6. (In Russ.)

4. B/p. Liry nashih pojetov [Lira our poets] // *Razvlechenie* [Entertainment], 1893, № 7, p. 11. (In Russ.)

5. B/p. Sovremennyj Pegas [Modern Pegasus] // *Strekoza* [Dragonfly], 1887, № 48, p. 1. (In Russ.)

6. Graf Nulin <Sokolov N.A.> Dachnaja idillija (a la'dekadent) [Country idyll (a La decadent)] // *Razvlechenie* [Entertainment], 1895. № 21, p. 10. (In Russ.)

7. Zherom Peresmeshnikov <Budishhev A.N. (?)> Podrazhanija novym pojetam. Preuvedomlenie [True poets. Introduction] // *Strekoza* [Dragonfly], 1888, № 22, p. 6–7. (In Russ.)

8. I. Grjek. Nashi dekadenty [Our decadent] // *Oskolki* [Fragments], 1892, № 41, p. 5. (In Russ.)

9. I-s-a-j R. <Rozenberg I.S.> Tozhe stihotvorenie (posvjashhaetsja gg. dekadentam) [The same poem (dedicated to. the decadents)] // *Oskolki* [Fragments], 1895, № 9, p. 5. (In Russ.)

10. Krylov Vjacheslav. Recepcija kritiki i publicistiki D.S. Merezhkovskogo v parodijah nachala XX veka [Reception criticism and journalism D.S. Merezhkovsky in the parodies beginning of the XX century] // D.S. Merezhkovsky: the writer, religious philosopher, and social experimenter. 150 years since the birth of 75 years from the date of death, the 95th anniversary of the stay in Warsaw / Toronto Slavic Quaterly. 2016. No. 57. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/57/index57.shtml (In Russ.)

11. Ksi-psi. <Simonov P.E. (?)> V pogone za frazoju [In pursuit of the phrase] // *Strekoza* [Dragonfly], 1887, № 44, p. 3. (In Russ.)

12. K.T. <Bergman S.A. (?)> Dekadentskaja kartinka [Decadent picture] // *Oskolki* [Fragments], 1895, № 48, p. 6. (In Russ.)

13. Lavrov A.V. Dmitrij Sergeevich Merezhkovskij (1865–1941) [Dmitry Sergeyevich Merezhkovsky (1865–1941)] // *Literatura russkogo zarubezh'ja (1920–1940): uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoj Federacii* [Russian emigre literature (1920–1940): the textbook for higher educational institutions of the Russian Federation] / ed. Ed. B.V. Averin, N.A. Karpov, S.D. Titarenko. St. Petersburg: Faculty of Philology, SPbSU Publ., 2013. pp. 344–364. (In Russ.)

14. Lavrov A.V. Merezhkovskij Dmitrij Sergeevich [Merezhkovsky Dmitry Sergeyevich] // *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'*. [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 4: M–P]. Moscow, „Great Russian encyclopedia"; nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie FIANIT, 1999. pp. 17–27. (In Russ.)

15. L. M-v. <Medvedev L.M. (?)> Iz nashih pojetov. I. Iz Merezhkovskogo [Of our poets. I. Merezhkovsky] // *Oskolki* [Fragments], 1887, № 21, p. 4. (In Russ.)

16. Markiz Vral' i K <Doroshevich V.M.> Perly pojezii. Chto zh ty za ptica? (Vol'noe podrazhanie Merezhkovskomu) [Pearls of poetry. What's up with you? (A free imitation of Merezhkovsky)] // *Razvlechenie* [Entertainment], 1887, № 48, p. 11. (In Russ.)

17. Merezhkovskij D.S. *Sobranie stihotvorenij*. SPb.: Folio-Press, 2000. 736 p. (In Russ.)

18. N-t <Galkin A.K.> Iz poveste jdekadenta [From stories of decadent] // *Strekoza* [Dragonfly], 1894, № 39, p. 8. (In Russ.)

19. 19 Pojempo <Popov P.M.> Iz pesen o Francii [From songs about France] // *Oskolki* [Fragments], 1892, № 51, p. 5. (In Russ.)

20. Rejtblat A. *Ot Bovy k Bal'montu. Ocherki po istorii chtenija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [From the Bova to Balmont. Essays on the history of reading in Russia in the second half of the nineteenth century]. Moscow, Izd-vo MPI, 1991. 224 p. (In Russ.)

21. Sam ne svoj <Pastuhov N.I. (?)>. Osennie pesni [Autumn songs] // *Strekoza* [Dragonfly], 1891, № 40, p. 3. (In Russ.)

22. T. <Petrov A.P.> Nechto dekadentskoe [Something decadent] // *Strekoza* [Dragonfly], 1894, № 36, p. 3. (In Russ.)

23. Uspenskaja A.V. *D.S. Merezhkovskij* [D.S. Merezhkovsky] // Merezhkovskij D.S. *Sobraniestihotvorenij* [Collection of poems]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 2000, pp. 6–44. (In Russ.)

24. Fioletovyj glaz <Mazurkevich V.A.> Dekadentskie vopli [Decadent cries] // *Strekoza* [Dragonfly], 1895, № 24, p. 3. (In Russ.)

25. Hvorost'janova E.V. Parodija — literaturnaja kritika (K problem razgranichenija) [Parody — literary criticism (the problem of demarcation)] // *Kul'turno-istoricheskij dialog. Tradicijaitekst*. [Cultural-historical dialogue. Tradition and text]. St. Petersburg, Izd-vo St. Petersburg state University, 1993, pp. 99–113. (In Russ.)

26. Hvorost'janova E.V. Slovovers. Parodija [The word vers. Parody] // *Imja — sjuzhet — mif.* [Name — story — myth] / Pod red. N.M. Gerasimovoj. St. Petersburg, Izd-vo SPb GU, 1995, pp. 195–212. (In Russ.)

27. Hvorost'janova E.V. Literaturnaja parodija kak literature [Literary parody as literature] // *Sub specie tolerantiae. Pamjati V.A. Tunimanova* [Under the form of

tolerance. The Memory of V.A. Tunimanov]. St. Petersburg, Izd-vo Nauka, 2008, pp. 428–438. (In Russ.)

28. Boz <Mihajlov K.A.> Vera (Dlinnaja pojema s korotkim soderzhaniem, soch. Merezhkovskogo, sm. «Sev. Vestn.») [Vera (Long poem, short contents, Op. Merezhkovsky, see „the North. Vestn“.)] // *Oskolki* [Fragments], 1890, № 23, p. 5. (In Russ.)

Parody of D. Merezhkovsky in Russian humorous journalism of the 1880s — 1890s

Elena V. Khvorostianova

Abstract: This article analyzes the parodies of the early work of D.S. Merezhkovsky, published in St. Petersburg and Moscow humor magazines of the second half of 1880- the first half of the 1890s the Majority of these parodic texts focused (i.e., used as texts-sources) on the first (journal) publication of poems by the author. This fact forces us to reconsider the conventional idea of what real fame Merezhkovsky finds only in the late 1890s — 1910s, and also supply a textual question about unidentified up to this time the first publications of his poems. In contrast to critical discourse, discourse parody seek to highlight what distinguishes Merezhkovsky from the poets „preceding stage“. Not coincidentally (since 1885), it classifies the poet to the so-called „new poets“, and later poets-decadents, among which — N.M. Minsk, K.M. Fofanov, S.G. Frug, K.K. Sluchevsky, S.A. Andrievsky (and most of the parodies of Merezhkovsky included in the cycles of parodies of the „new poets“). The „exclusivity“ of the lyrical hero, the ambivalence of the heroine, combining angelic and demonic beginning, finally, the desire to connect and to reconcile Christianity with paganism — all this makes the parodist to see the poems do not link with tradition (primarily folk poetry), but rather separation from it. Parodic discourse picks up something new that is not yet finally emerged as the characteristic features of the author's style (in the broad sense) much earlier than a critical discourse. From the mid–1890s cycles, including parodies of various authors, are replaced by „synthetic“ parodies of the decadents. But in many of them, „synthesizing“ the characteristic features of a new direction, are still quite recognizable quotations, allusions, reminiscences (sometimes — scattered images) of the early poetry of Merezhkovsky. Several of these texts (to demonstrate their stylistic and genre diversity) are given in the Appendix.

Keywords: history of Russian literature, theory of literature, poetics, literary parody, humorous journalism, D.S. Merezhkovsky.

Information about author: Khvorostianova Elena Viktorovna — doctor of philological Sciences, professor, St. Petersburg State University, Russia. E-mail: ekhvorost@mail.ru

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-201-214
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796)*

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: Статья посвящена раскрытию псевдонима, который более 220 лет скрывал имя поэта Александра Михайловича Бакунина (1768–1854). Так как небольшое предисловие к двум его стихотворениям написал литератор и архитектор Николай Александрович Львов (1753–1803), то их правомерно рассматривать в контексте других публикаций участников львовско-державинского кружка в журнале «Муза». В статье предложен ряд гипотез и уточнений относительно криптонимов, использовавшихся как в «Музе», так и в изданиях Н.М. Карамзина 1790-х годов.

Ключевые слова: атрибуция, псевдонимы, Н.А. Львов, А.М. Бакунин, львовско-державинский кружок, журнал «Муза».

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Иван Иванович Мартынов — один из тех немногих русских писателей, кто начал вхождение в литературу в 1790-е годы и оставил об этом воспоминания. Из них узнаем, что, не будучи лично знаком с издателями «Санкт-Петербургского Меркурия» И.А. Крыловым и А.И. Клушиным, он в 1793 г. предложил для публикации в нем свои стихотворения «К бардам» и «Взор на протекшие лета» и был крайне обрадован их скорым напечатанием в мартовском номере журнала. Издатели, впрочем, сочли возможным снабдить некоторые строки оценочными примечаниями, что дебютанта нисколько не обидело (сам он через несколько лет стал практиковать то же самое по отношению к начинающим литераторам), и Мартынов продолжил печататься в «Санкт-Петербургском Меркурии», сблизившись с его издателями. Когда в том же году по внешним, не до конца ясным причинам, журнал должен

* Статья написана в рамках работы по проекту «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века», поддержанного грантом РГНФ (№ 16-04-00280).

был прекратить существование, а Крылов и Клушин покинули столицу, именно Мартынову было поручено отредактировать два последних номера.

Этот опыт, несомненно, сыграл определенную роль, когда вскоре Мартынов решил издавать свой журнал «Муза». Женившись к тому времени, он был крайне заинтересован в литературном заработке, и журнал оправдал его расчеты. Остается лишь пожалеть, что его мемуарный рассказ об этом предприятии более чем краток:

> «Вступив в новый род жизни, умноживший мои нужды, я на другой же год (1796) приступил к изданию журнала, под названием: „Муза“. В журнал мой сообщали сочинения свои в прозе и стихах: Державин, Сперанский, Львовы, Николай Александрович и Федор Петрович, Словцов и другие. Журнал пошел недурно, судя по тогдашнему времени. И так моя служба, учительство и издание журнала доставили нам изрядные средства к содержанию»[1].

Работа над «Записками» велась Мартыновым более чем через тридцать лет после описываемых событий, поэтому, как кажется, мемуарист, не вдаваясь в подробности, перечислил имена тех, с кем в наибольшей степени имел дело лично. То, что имя Державина было помещено на первом месте, не нуждается в комментариях — тем самым отдавалось должное его таланту и его значению в литературной жизни конца XVIII столетия[2]. М.М. Сперанский и П.А. Словцов[3] учились вместе с Мартыновым в Александро-Невской духовной семинарии, дружеские отношения с ними сохранились на многие годы. Н.И. Анненский, еще один бывший

---

[1] *Мартынов И.И.* Записки // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. СПб., 1872. Т. 2. С. 95 (2-ая паг). Чуть ниже Мартынов отмечает, что «Муза» стала известна при дворе и что вел. княжна Александра Павловна сообщила ему два своих перевода, которые он и напечатал в журнале.

[2] О благоволении Державина к журналу свидетельствует то, что уже в первой части его имя значится среди особ, подписавшихся на издание; из других активных вкладчиков предприятия здесь значатся Д.И. Хвостов, И.И. Дмитриев, М.М. Сперанский и Н.И. Анненский (Муза. 1796. Ч. I. Март. С. 261, 263). В аналогичном разделе второй части указаны Н.А. Львов и П.А. Слопцов (Словцов) (Там же. 1796. Ч. II. Июнь. С. 265), а в третьей — Е.А. Колычев и А.Т. Болотов (Там же. 1796. Ч. III. Сент. С. 270). Последний из упомянутых писателей, впрочем, в журнале не публиковался, но с интересом его читал и оставил о нем сочувственный отзыв, хотя и сетовал на его высокую цену (*Болотов А.Т.* Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875. Ч. 1. С. 104).

[3] Чуть выше Мартынов указал, какие именно стихотворения в «Музе» принадлежат П.А. Словцову: «К Сибири» и «Материя» (*Мартынов И.И.* Записки. С. 77).

соученик по семинарии, активно печатавшийся в «Музе», в этом абзаце не упомянут, также как и Г.И. Мансветов, «первый» ученик Мартынова «в поэзии, риторике и в греческом языке»[4].

Знакомство Мартынова с Н.А. Львовым состоялось, видимо, около 1793 года, когда тот начинал свою работу над переводами стихов Анакреонта и античных подражаний ему, составивших сборник «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794). Евгений Булгарис, не знавший в достаточной степени русского языка, по всей видимости, рекомендовал Мартынова Львову, когда тому потребовался подстрочник переводимых греческих стихов[5]. Мартынов, судя по всему, именно через Н.А. Львова привлек к участию в «Музе» Г.Р. Державина, а также Ф.П. Львова (двоюродного брата Н.А. Львова), которые в «Санкт-Петербургском Меркурии» Клушина и Крылова своих произведений не публиковали. Исследователи не раз справедливо отмечали карамзинистскую ориентацию «Музы»[6], а при привлечении в журнал московских литераторов, сотрудничавших в изданиях Карамзина, державинское окружение могло оказать Мартынову бесценную помощь.

Упоминание Мартыновым имен лишь пяти литераторов и краткость сведений об их участии в «Музе» вызывают и сожаление, и удивление. А.Н. Неустроев в «Историческом разыскании о русских повременных изданиях и сборниках» из литераторов, поименованных Мартыновым в качестве авторов журнала, назвал лишь Державина и Сперанского, а в росписи содержания привел библиографические сведения об их публикациях в «Музе». То же самое он сделал в отношении выдающихся писателей, Мартыновым не названных, таких, как И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, указав их псевдонимы[7]. В качестве других вкладчиков журнала им перечислены: Н.И. Анненский, А.И. Бухарский, А.П. Елоховский, Е.А. Колычев, А.И. Леванда, П.Ю. Львов, А. Слепецкий, Д.И. Хвостов, А.А. Шаховской и другие[8].

---

[4] Они упоминаются в «Записках» Мартынова по другому поводу: Там же. С. 77, 87.

[5] *Гаврилов А.К.* Евгений Булгарис // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: А–И. С. 134.

[6] *Залдкин А.Н.* Иван Иванович Мартынов (1771–1833), деятель просвещения в начале XIX века. Тифлис, 1902. С. 16.

[7] Среди авторов журнала А.Н. Неустроев вслед за Н.С. Тихонравовым называл также Г.П. Каменева, якобы скрывшегося под псевдонимом «I—* VII—*», что отнюдь не бесспорно (*Петровский Н.М.* Библиографические заметки о русских журналах XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 315. Янв. С. 102–103).

[8] *Неустроев А.Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1874. С. 797. См. также далее роспись содержания журнала. Тот же перечень авторов находим при характери-

Впервые идентифицировать публикации Н.А. Львова в «Музе» удалось З.В. Артамоновой, которая обратила внимание на выписку из этого журнала в рукописном томе сочинений поэта, хранящемся в архиве Г.Р. Державина в Публичной библиотеке[9]. Речь идет о прозаическом обращении «К Доралисе» и последующих «Стихах на розу, сорванную зимою 1796 года и посланную в рисунке к Доралисе», подписанных в «Музе» латинской литерой «N»[10]. Сделанное наблюдение позволило атрибутировать Н.А. Львову еще одно стихотворение и верно раскрыть имя его адресата — это «Отрывок из письма к А.М. Б[акунину], который к сочинителю прислал из деревни стихи на зависть, скуку, на воображение, на праздность», подписанный той же литерой[11]. «Отрывок» написан вольными ямбами и по стилю близок к другим посланиям Н.А. Львова, в то время бытовавшим лишь в рукописном виде.

В ходе работы над «Сводным каталогом книг гражданской печати XVIII века» было установлено, что Мартынов напечатал в первой части «Музы» еще одно, крупное произведение Львова без указания имени автора, а именно: поэму «Зима»[12], которая вышла в свет в 1791 г. в Санкт-Петербурге отдельным анонимным изданием столь малого тиража, что была публике неизвестна[13]. Мартынов снабдил текст поэмы следующим примечанием: «Кого благодарить за эту пиесу? я надеюсь, что всяк будет повторять со мною сей вопрос, прочитав оную»[14]. Возможно, это удивление было деланным, но полностью исключить и то, что издателю «Музы» не было точно известно имя автора, мы не можем.

Обратимся наконец к непосредственному сюжету данной статьи. В третьей части «Музы», в номере за август, с заголовком «К издателю» были опубликованы следующие строки:

> «Я украл* две пиесы у старого приятеля, одного молодого стихотворца, и с именем его. Этот молодец пишет хорошие стихи и прячет. Первая по легкости своего слога по общему признанию ремесленных людей Парнасского исповедания стоит быть известною. Вторая будет при-

---

стике «Музы» в кн.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1966. Т. IV: периодические и продолжающиеся издания. С. 151–152.

[9] РНБ. Ф. 247 (Г.Р. Державин). Т. 37. Л. 70 об.–71. См.: *Артамонова З.* Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. 1933. № 9/10. С. 270.

[10] Муза. 1796. Ч. II. Май. С. 131–132, 132–133.

[11] Там же. 1796. Ч. II. Июнь. С. 192–195.

[12] Там же. 1796. Ч. I. Февр. С. 129–138; Март. С. 175–181. В журнальной публикации опущено посвящение и стихи 251–259.

[13] Об авторстве Н.А. Львова сообщил еще митрополит Евгений Болховитинов в «Словаре русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (М., 1845. Т. 2. С. 38).

[14] Муза. 1796. Ч. I. Февр. С. 129.

ятна, по сердцу многих, которые связаны дружбою с теми самыми людьми, кои писали и к кому писали».

Вместо подписи под этим кратким обращением стояла звездочка, а к слову «украл» Мартыновым внизу страницы было сделано примечание: «А издатель за то покорнейше благодарит»[15].

Далее было помещено стихотворение «К Лизетте. Встреча», подписанное следующим образом: «Александр Слепецкой». А чуть ниже указывалось, что еще одно стихотворение того же автора планируется вскоре напечатать: «другая пиеса помещена будет в следующем месяце».

Приведу текст первого из стихотворений, о которых идет речь:

К ЛИЗЕТТЕ

Встреча

Звезды на небе чуть блещут,
Ждут веселых дней царя;
Сквозь подвижный лист трепещут
Радость утра и заря.
Встань, о Лиза! голосистой
Уже петел возгласил,
И Зефир росой душистой
Кудри Лизы окропил.
Уже небо голубеет,
Аромат цветы лиют,
На ключе туман белеет,
Птички гимн любви поют.
День прекрасный — возвратися!
[Освети лицо полей!]
Лиза милая! проснися,
Из цветов вязанку свей,
Встретим солнце на восходе,
Бог сей примет с высоты,
В жертву чистую Природе,
Нашу радость и цветы.

К солнцу обращаясь

Начало жизни, Царь Природы,
Отец прекрасныя Весны!
Ты освещаешь все народы,
Одушевляешь все страны.
Едва ли смертной заблуждает,
Того равняя Божеству,
Кто все живит, растит, питает,
Дает устав и естеству!

[15] Муза. 1796. Ч. III. Авг. С. 180.

Но ежели для славы вечной
Мир целый — невместимый Храм,
То образ свой в тебе, конечно,
Бог начертал в утеху нам.
Прими от нас цветы простые,
Мы сыплем их перед тобой,
Пошли не горы нам златые —
Любовь, здоровье и покой.[16]

Перелистывая не так давно в очередной раз «Музу», я с бóльшим, видимо, чем ранее, вниманием прочел этот текст и понял, что передо мной стихотворение Александра Михайловича Бакунина (1768–1854), участника львовско-державинского кружка на позднем этапе его существования[17].

В архиве Бакуниных в Пушкинском Доме хранятся многочисленные редакции стихотворения «К Лизетте. Встреча», причем во всех них содержится четырнадцатая строка, рифмующаяся с шестнадцатой; в «Музе» она почему-то заменена отточием. В вышеприведенном тексте эта строка восстановлена мною по рукописям (заключена в прямые скобки [ ]). Одна из редакций этого стихотворения, озаглавленная «Утро», наиболее репрезентативная и более поздняя по отношению к напечатанной в «Музе», была мною опубликована в 1994 г.[18] Стоит отметить и то, что в одной из поздних версий стихотворения поэт обращался уже не к Лизетте, а к Вареньке. К тому времени (а именно с 1810 года) он уже был женат на Варваре Александровне Муравьевой. Заслуживает внимания то, что все редакции этого стихотворения двусоставны: четырехстопный хорей сменяется четырехстопным ямбом в обращении к солнцу. Избранный псевдоним объясняется просто: Бакунин крайне плохо видел, в письмах он неоднократно жаловался на «слепоту», одна из его поздних поэм озаглавлена по первой строке: «О слепота, порок большой…»[19]

Приведу и второе стихотворение, появившееся в следующем, сентябрьском номере «Музы» с указанием «другая пиеса Александра Слепецкого»:

---

[16] Муза. 1796. Ч. III. Авг. С. 180–181.

[17] Наиболее подробную на данный момент биографию А.М. Бакунина см. в кн.: *Сысоев В.И.* Бакунины. Тверь, 2002. С. 57–137 (глава «Александр Михайлович Бакунин — создатель „прямухинской“ гармонии»).

[18] Из литературного наследия А.М. Бакунина / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 104–105.

[19] Впервые опубликована: *Бакунин А.М.* Собрание стихотворений / Изд. подгот. М.В. Строганов. Тверь, 2001. С. 134–144. Ср. также начальную строку «Слепой очима, духом зрячий» «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797» Н.А. Львова.

СОЛОВЕЙ

для Темиры, она же и Танюша

Померкли неба ясны своды,
И сумрак тенью легких крыл
Великолепие Природы
Завесой тонкою покрыл,
Зефирова стыдяся взора —·
Так прячется младая Флора,
Когда резвиться хочет с ним.
И голос соловьиный, чистой
Разлился по струе сребристой,
Прохладным ветерком носим.

*

Прелеста на брегу сидела,
Ей мнилось, что поет Любовь;
Вставала, прочь идти хотела,
На мураве садилась вновь;
Тревожна, млела, восхищалась,
Невольно грудь ея вздымалась,
Катились слезы из очей.
Невинно сердце трепетало,
Чего-то ей не доставало,
Твердил счастливый соловей.

*

В глубокой думе не слыхала,
Что сосны стонут на корнях,
Что молния вдали блистала,
Что месяц скрылся в облаках:
Но вдруг с чела венок душистый
Сорвал вихрь, — дуб ветвистый,
Разбитый вдребезги, упал.
Небесны потряслися своды,
И Похвист к ужасу Природы,
Боряся с лесом, завывал.

*

Прелеста всюду озиралась,
И ужас грудь ее теснил,
Остаться и уйти боялась,
Холодный пот ее покрыл.
Но в виде юноши младого
Лель, с терема сошед святого,
В уста ее поцеловал,
И поцелуй его священный,
Блеснув, как огнь, в ночи возженный,
Прелесты ужас разогнал.

*

Утихло все, гроза минула,
Опять ручей блеснул меж гор;
Опять в ручей Луна взглянула,
Зефир поколебал сыр бор,
Цветы дохнули ароматом,
И с громким соловья раскатом
С востока радость рассвела.
Заря, румянцем обливаясь,
Туманом легким закрываясь,
Улыбкой тьму разогнала[20].

В отличие от первого стихотворения, рукописи «Соловья» среди бумаг А.М. Бакунина не сохранились[21], что, конечно же, никоим образом не дает оснований для сомнения в его авторстве. Выделенная курсивом строка «Чего-то ей не доставало», как и тематика стихотворения (любовное томление девы, желанность неизведанных ласк), явственно указывают на претекст — это «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» Н.А. Львова, впервые анонимно опубликованная в 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова»[22]. Стоит процитировать и пассаж, к которому отсылает Бакунин:

Елмира так же ощущала:
Но что? того сама не знала.
Когда она ложилась спать,
Тогда в ней сердце трепетало,
Покойно не могла лежать,
Чего-то ей недоставало...[23]

Обращает на себя внимание шестой стих третьей строфы («Сорвал вихрь, — дуб ветвистый»), крайне затрудненный и к тому же трехстопный, в отличие от прочих четырехстопных ямбических стихов; это наводит на мысль о том, что и эта строка могла быть по каким-то причинам испорчена переписчиками текста или же наборщиком «Музы».

В связи с изложенным выше, думаю, вряд ли можно усомниться, что именно Н.А. Львов был автором обращения «К изда-

[20] Муза. 1796. Ч. III. Сент. С. 196–198.

[21] В наиболее полном на данный момент собрании стихов поэта его поэтому нет: *Бакунин А.М.* Собрание стихотворений / Изд. подгот. М.В. Строганов. Тверь, 2001.

[22] Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 1. С. 28–32. Как известно, дата в названии этого гривуазного стихотворения отсылает к дню тайного венчания Н.А. Львова. Об этом событии см. следующую итоговую работу (здесь же литература вопроса): *Дзюбанов С.Д.* «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Р. Державин и его время. СПб., 2008. Вып. 4. С. 5–56.

[23] Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 1. С. 30.

телю» в третьей части «Музы», предваряющего стихи А.М. Бакунина. Именно он, как никто другой, имел право именовать «одного молодого стихотворца» своим «старым приятелем»: вскоре после возвращения в 1790 г. А.М. Бакунина из Италии между ними завязываются близкие дружеские отношения, а их литературные интересы играют при этом не последнюю роль.

Весьма существенно упоминание в цитированных выше строках обращения «К издателю» неких «ремесленных людей Парнасского исповедания», одобривших первое стихотворение: тут, конечно же, имелись в виду участники львовско-державинского кружка, творческие узы которых были «подкреплены» узами родственными. Напомню, что матерью сестер Дьяковых, на которых были женаты Н.А. Львов, Капнист и Державин, была Евдокия Петровна Дьякова, урожд. княжна Мышецкая, родная сестра княжны Любови Петровны Мышецкой, матери А.М. Бакунина. Княжны Евдокия Петровна и Любовь Петровна Мышецкие в то же время приходились двоюродными тетками Н.А. Львову, а его жена, урожденная Мария Алексеевна Дьякова, соответственно, была его троюродной сестрой, а А.М. Бакунин — троюродным братом[24]. Под теми, кто «связаны дружбою с теми самыми людьми, кои писали и к кому писали», в обращении «К издателю» подразумевались многочисленные родственники и знакомые участников кружка, которые хотя и не участвовали в обсуждениях их произведений, но которым были внятны аллюзии в них.

Перечислю некоторые, наиболее важные факты творческого взаимодействия Львова и Бакунина. Вскоре после публикаций в «Музе» Львов пишет двучастную «Эпистолу к А.М. Бакунину из Павловского», датированную 14 июня 1797 года; в ней тщете и лицемерию придворной жизни противопоставлен гармоничный сельский уклад; в 1799 г. А.М. Бакунин дарит Львову рукописный сборник, состоящий из шести посвященных ему стихотворений[25], Два года спустя Львов создает послание «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. Б[акунину] 1801 октября 1-го».

Влияние Н.А. Львова на Бакунина было многосторонним, отразившись в стихах, которые создавались, видимо, как при жизни Львова, так и после его смерти, многократно перебеливались и редактировались. Нередко, как и во втором стихотворении, напеча-

[24] О многообразных родственных связях Н.А. Львова через князей Мышецких см.: *Дзюбанов С.Д.* Родственное окружение Львовых: князья Мышецкие // Николай Львов: прошлое и современность. СПб., 2005. С. 22–23.

[25] Сборник воспроизведен в его целостности в кн.: Русская литература — век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н.Д. Кочетковой, Е.Д. Кукушкиной, К.Ю. Лаппо-Данилевского и др. М., 1990. С. 532–536.

танном в «Музе», Бакунин включал в них львовские строки. Еще Б.И. Коплан опубликовал три стихотворных «подражания» Бакунина Львову, написанных, видимо, в конце 1790-х годов: «Сон. Подраж[ание] Ник. Алек. Львову», «Разлука. Подражание мыслям стихов Ник. Алек. Львову», «Ночь. Подраж[ание] Ник. Алек. Львову»[26]. Вскоре после смерти друга, по-видимому, в 1804 г. Бакунин сводит воедино текст своих «Писем к Н.А. Л[ьвову]», цикла из семи писем, касающихся широкого спектра волнующих автора проблем (об этом можно судить хотя бы по названиям первых четырех из них: «О садах», «О климате», «О том же», «О народном характере»; последующие озаглавлены не были)[27]. В конце 1810-х годов А.М. Бакунин собирает в тетради (бумага с водяными знаками 1818 г.) стихи, написанные, как представляется, в 1800-е годы, варьирующие темы стихов Львова и содержащие парафразы и цитаты из них[28].

А.М. Бакунин был человеком скромным, к литературной известности не стремившимся, поэтому не удивительно, что Львов, ценивший талант своего более молодого друга, взял на себя инициативу публикации двух его стихотворений в «Музе» в 1796 году. Подобный случай не был единственным — в 1815 г. в «Чтении в Беседе любителей русского слова», на этот раз уже благодаря Капнисту и Державину, без указания имени автора была напечатана бакунинская «Жатва»[29].

Но вернемся к свидетельству Мартынова о пяти литераторах, печатавшихся в «Музе». На данный момент не выявленными остаются лишь публикации Ф.П. Львова в этом журнале. Просмотр сборника его сочинений «Часы свободы в молодости», вышедшего в 1831 году[30], и его недавнего комментированного переизда-

[26] *Коплан Б.И.* Из литературных исканий конца XVIII — начала XIX в. (А.М. Бакунин и В.В. Капнист). Тверь, 1928. С. 18–19 (отд. оттиск из кн.: Материалы Общества по изучению Тверского края, 1928. Вып. 6). Подлинники этих трех стихотворных подражаний Н.А. Львову хранятся: ИРЛИ. Ф. 16 (Бакунины). Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 1 об.–2 об. В сборник стихов А.М. Бакунина 2001 года, подготовленный М.В. Строгановым, они почему-то не вошли.

[27] Письма А.М. Бакунина к Н.А. Львову / Публ. Л.Г. Агамалян // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 43–95.

[28] Стихи А.М. Бакунина, написанные в подражание Н.А. Львову / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 33–42.

[29] [*Бакунин А.М.*] Жатва // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 18. С. 45–48. См. подробнее: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* О первой публикации «Жатвы» А.М. Бакунина // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 219–221.

[30] *Львов Ф.П.* Часы свободы в молодости. СПб., 1831. Ч. 1–2.

ния[31], а также ряда рукописных материалов не дал положительного результата. Рискну выразить предположение, что Ф.П. Львову принадлежит анонимный «Мадригал. На розу найденную в партере М*** в ноябре месяце (подражание французскому)»[32]; к этому стихотворению сделана отсылка в тексте, несомненно принадлежащем Н.А. Львову. Имеется в виду авторское примечание к следующим строкам отрывка «К Доралисе», предуведомляющее львовские «Стихи на розу, сорванную зимою 1796 года и посланную в рисунке к Доралисе»: «Там весна, где ты живешь, прекрасная Доралиса! А здесь еще морозы. Несмотря на стужу, любовь не перестает однако делать обычные чудеса свои. Кто-то из ее счастливых подданных сорвал розу в саду Пафосском* в ноябре месяце, а мне сама Любовь поднесла розу уже в феврале месяце»[33]. Расшифровать содержащиеся в данном пассаже аллюзии на какие-то известные обоим авторам «Музы» события пока не представляется возможным, но их камерный характер не вызывает сомнений. Близкие дружеские отношения кузенов наводят на мысль о том, что Н.А. Львов мог здесь отсылать к стихотворению, написанному именно Ф.П. Львовым. Но все это только гипотеза. Нельзя исключить и того, что Ф.П. Львов ничего не печатал в «Музе», но исполнял несколько раз чьи-то поручения (к примеру, Державина или же Дмитриева) и доставил Мартынову какие-то литературные сочинения (анонимные или подписанные псевдонимами), а потому и был воспринят тем как их автор.

Что же касается участия Н.А. Львова в «Музе» — засвидетельствованное самим издателем журнала, но при этом принципиально анонимное, оно лишь с течением времени предстало в своем полном объеме (осмелюсь выразиться именно так, хотя, конечно, не могу исключить новых уточнений и дополнений). Именно Н.А. Львов стал тем, кто привнес на страницы «Музы» атмосферу домашности,

[31] *Львов Ф.П.* Часы свободы в молодости / Изд. подгот. Е.Ю. Жаровой и М.В. Строгановым. Тверь, 2006. Нельзя не пожалеть, что составителям этого издания оказался неизвестен наиболее полный рукописный сборник литературных сочинений Ф.П. Львова, содержащий ряд неучтенных стихотворений («Сестре Паше при посылке „Скимнина“», «Шутка Никольского пива…» и др.), а также данные, важные и для текстологов и для комментаторов: РО ИРЛИ. Архив Я.К. Грота. 14384). На л. 139–174 об. здесь находятся произведения, исполнявшиеся на семейных праздниках с 1811 по 1817 год.

[32] [*Аноним*]. Мадригал. На розу, найденную в партере М*** в ноябре месяце (подражание французскому) («Я роз искал везде…») // Муза. 1796. Ч. II. Апр. С. 75–76.

[33] Муза. 1796. Ч. II. Май. С. 131–132. От звездочки после слова «Пафосский» внизу страницы сделано следующее примечание: «Смотри в апреле месяце сего журнала мадригал на с. 75».

дружеского эзотеризма, внятного лишь участникам львовско-державинского кружка и их родственного окружения[34]. Это, с одной стороны, происходило благодаря паратекстам (отрывок «К Доралисе», анонимное предисловие к стихам Слепецкого), с другой — благодаря помещению на страницах журнала текстов дружеского характера, изначально для печати не предназначавшихся (обширный стихотворный пассаж из несохранившегося львовского письма к Бакунину, воспринимающийся как автономное дружеское послание) или же опубликованных ранее крайне малым тиражом для небольшого числа лиц (поэма «Зима»). Мистификация с поэтом Слепецким была явлением того же порядка — на страницах «Музы» по воле Н.А. Львова появились стихи автора, их к печати не предполагавшего и об этом сюрпризе, видимо, до последнего момента не догадывавшегося. И хотя избранный псевдоним надежно хранил от широкой аудитории имя А.М. Бакунина, но аллюзия на его слабое зрение позволяла дружескому и родственному окружению без труда и с точностью определить имя автора опубликованных стихов.

[34] Думается, бóльшая биографическая близость к Мартынову и немалая возрастная разница позволили Н.А. Львову осуществлять кружковую экспансию в «Музе» в куда бóльшей степени, чем в изданиях Карамзина, в которых он в 1790-е годы также печатался. В карамзинских изданиях Львову без сомнения принадлежат лишь четыре произведения: в «Московском журнале» это «Письмо к П.Л. В[ельяминову] из Арпачева от 17 августа 1791» (1791. Ч. IV. Окт. С. 91–101; без подп.); в «Аонидах» — стихотворения «Музыка, или Семитония: Ода» (Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1796. Кн. 1. С. 32–35; подп.: «Н. Л.»), «К Дорализе» (Там же. С. 183–184; подп.: «Н. Л.»), «Отпускная двум чижикам при отъезде в деревню к М[арии] А[лексеевне]» (Там же. С. 262–263; подп.: «Н. Л.»). А.Н. Неустроев в «Указателе к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг.» (1898) неверно атрибутирует Н.А. Львову три стихотворения: «К лире» в «Московском журнале» (1792. Ч. VI. С. 227–234; без подп.; автор Ф.П. Львов), «Прибавление к последней строфе» (Аониды. М., 1796. Кн. 1. С. 260–261; без подп.; автор Н.М. Карамзин) и «Облачок» (Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. 232–233; подп.: NN; автор Ф.П. Львов). В связи с последним стихотворением укажу, что именно так подписаны почти все стихотворения Ф.П. Львова в «Московском журнале» Карамзина: [*Львов Ф.П.*] 1) Стансы («Где ты, мой друг? — Куда ты скрылось...») // Московский журнал. 1791. Ч. III. Июль. С. 4–6; подп.: NN (сообщены из Петербурга); 2) К Талажне («Восторгом сердце упоенно...») // Там же. 1792. Ч. IV. Июнь. С. 124–127; подп.: сочинено в Арпачеве NN; 3) К пеночке («Пеночка моя драгая...») // Там же. 1792. Ч. VII. Кн. 3. Июнь. С. 113–118; подп.: NN (из Петербурга); 4) Цветок («Цветок любимый, ароматный!..») // Там же. 1792. Ч. VIII. Окт. и ноябрь. С. 111–114; подп.: NN (из Петербурга); 5) Доброму человеку («Блажен, кто средь честей блестящих...») // Там же. 1792. Ч. VIII. Дек. С. 202–204; подп.: NN (из Петербурга).

Литература

Артамонова З. Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. 1933. № 9/10. С. 264–284.

Бакунин А.М. Собрание стихотворений / Изд. подгот. М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. 206 с.

Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875. Ч. 1–2.

Гаврилов А.К. Евгений Булгарис // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: А—И. С. 132–136.

Залдкин А.Н. Иван Иванович Мартынов (1771–1833), деятель просвещения в начале XIX века. Тифлис, 1902. (Отт. из Циркуляра по Управлению Кавказским учебным округом. 1902. № 12. Прил. № 18).

Дзюбанов С.Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Р. Державин и его время. СПб., 2008. Вып. 4. С. 5–56.

Дзюбанов С.Д. Родственное окружение Львовых: князья Мышецкие // Николай Львов: прошлое и современность. СПб., 2005. С. 22–23.

Коплан Б.И. Из литературных исканий конца XVIII — начала XIX в. (А.М. Бакунин и В. В. Капнист). Тверь, 1928 (отд. оттиск из кн.: Материалы Общества по изучению Тверского края, 1928. Вып. 6).

Лаппо-Данилевский К.Ю. О первой публикации «Жатвы» А.М. Бакунина // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 219–221.

Львов Ф.П. Часы свободы в молодости: Собр. соч. / Изд. подг. Е.Ю. Жарова и М.В. Строганов. Тверь: Марина, 2006. 384 с.

Мартынов И.И. Записки // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. Т. 2. СПб., 1872. С. 68–182 (2-ая паг.).

Русская литература — век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н.Д. Кочетковой, Е.Д. Кукушкиной, К.Ю. Лаппо-Данилевского и др. Вступ. ст. Н.Д. Кочетковой. М.: Художественная литература, 1990. 736 с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1966. Т. IV: периодические и продолжающиеся издания.

Стихотворение Анакреона Тийского. Перевел **** **** [Н.А. Львов]. СПб., 1794. 44 + 289 с.

Сысоев В.И. Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. 464 с.

References

Artamonova Z. “Neizdannye stikhi N.A. L'vova”. *Literaturnoe nasledstvo*. 1933. № 9/10, pp. 264–284.

Bakunin A.M. *Sobranie stikhotvorenii*, ed. M.V. Stroganov. Tver', 2001. 206 p.

Bolotov A.T. *Pamiatnik protekshikh vremen, ili Kratkie istoricheskie zapiski o byvshikh proisshestviiakh i nosivshikhsia v narode slukhakh*. Moscow, 1875. Ch. 1–2.

Gavrilov A.K. “Evgenii Bulgaris”. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*. Leningrad, 1988. Issue 1: A–I, pp. 132–136.

Zaldkin A.N. *Ivan Ivanovich Martynov (1771–1833), deiatel' prosveshcheniia v nachale XIX veka*. Tiflis, 1902.

Dziubanov S.D. " 'Veruet v Rezon, kak vo Edinogo Boga' (podlinnaia istoriia tainoi zhenit'by N.A. L'vova)". *G.R. Derzhavin i ego vremia*. Saint-Petersburg, 2008. Issue. 4, pp. 5–56.

Dziubanov S.D. "Rodstvennoe okruzhenie L'vovykh: kniaz'ia Myshetskie". *Nikolai L'vov: proshloe i sovremennost'*. Saint-Petersburg, 2005, pp. 22–23.

Koplan B.I. *Iz literaturnykh iskanii kontsa XVIII — nachala XIX v. (A.M. Bakunin i V.V. Kapnist)*. Tver', 1928, from: *Materialy Obshchestva po izucheniiu Tverskogo kraia*, 1928. Issue. 6.

Lappo-Danilevskii K.Iu. "O pervoi publikatsii 'Zhatvy' A.M. Bakunina". *Genii vkusa: N.A. L'vov. Materialy i issledovaniia*. Tver', 2001. Issue 2, pp. 219–221.

L'vov F.P. *Chasy svobody v molodosti*, ed. by E.Iu. Zharova, M.V. Stroganov. Tver', 2006. 384 p.

Martynov I.I. "Zapiski". *Pamiatniki novoi russkoi istorii. Sbornik istoricheskikh statei i materialov*, ed. by V. Kashpirevym. Vol. 2. St.-Petersburg, 1872, pp. 68–182 (2nd paging).

Russkaia literatura — vek XVIII. Lirika, ed., comm. by N.D. Kochetkova, E.D. Kukushkina, K.Iu. Lappo-Danilevsky et al. Preface by N.D. Kochetkova. Moscow, 1990. 736 p.

Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka: 1725–1800. Moscow, 1966. Vol. IV: Periodicheskie i prodolzhaiushchiesia izdaniia.

Stikhotvorenie Anakreona Tiiskogo, transl. **** **** [N. A. L'vov]. St.-Petersburg, 1794. 44 + 289 p.

Sysoev V.I. *Bakuniny*. Tver', 2002. 464 p.

Alexander Slepetskoy, the Poet. A Pseudograph in the journal *Muza* (1796)

K.Yu. Lappo-Danilevsky

Abstract: The article is devoted to the pen-name that for over 220 years concealed the true name of the poet Alexander Mikhailovich Bakunin (1768–1854). Nikolay Alexanrovich L'vov (1753–1803) wrote a small preface to his poems, therefore it is reasonable to consider both of them in the context of other publications by the members of L'vov's and Derzhavin's circle in the journal *Muza*. The article offers several hypotheses and aims at specifying cryptonyms used in *Muza* as well as in N.M. Karamzin's editions of the 1790-ies.

Keywords: attribution, pen-names, N.A. L'vov, A.M. Bakunin, L'vov's and Derzhavin's circle, the journal *Muza*.

Information about the author: Konstantin Yu. Lapo-Danilevsky, Doctor Habil. of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Acadmy of Sciences, Saint-Petersburg. E-mail: litfact@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-215-235
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Булгарин и вокруг
2. Круги по воде, или большие последствия одного письма Ф.В. Булгарина

А.И. Рейтблат

Аннотация: В 1843 г. в ходе ожесточенной полемики с «Отечественными записками» и «Литературной газетой» Ф.В. Булгарин подал главе Петербургского цензурного комитета князю Г.П. Волконскому жалобу на введенный им негласный запрет на публикацию полемических статей в периодических изданиях. В рассмотрение этого конфликта постепенно оказались вовлечены министр народного просвещения граф С.С. Уваров, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и сам император. При этом Уваров выступал за ужесточение цензуры и полное прекращение полемик, а Бенкендорф, напротив, считал возможным не менять существующий порядок. В статье публикуются архивные документы, детально освещающие эту историю, отдаленными последствиями которой были существенное ужесточение цензурного режима в 1848 г. и отставка С.С. Уварова в 1849 г.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, С.С. Уваров, А.Х. Бенкендорф, Николай I, цензура, журнальная полемика.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Журнал «Отечественные записки» в 1839 г. был возобновлен (а по сути — создан заново под старым названием) в значительной степени для борьбы с «Северной пчелой» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, причем в основе этой борьбы лежала критика не столько самой газеты, сколько личностей ее издателей, особенно Булгарина. В союзе с «Отечественными записками» выступала созданная в 1840 г. на основе «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» «Литературная газета» (в 1840 г. ее издателем-редактором, как и «Отечественных записок», был А.А. Краевский, в 1841 г. она перешла к Ф.А. Кони, а с 1844 г. ее опять редактировал Краевский). В этих изданиях постоянно (в журнале из номера в номер) появлялись как негативные характеристики произведений Булгарина, так

и насмешки над ним или намеки на те или иные обстоятельства его жизни. В.Г. Белинский (основной критик «Отечественных записок») не раз писал, что романы Булгарина малохудожественны и кроме «Ивана Выжигина» не имели успеха у читателей, обвинял Булгарина в самохвальстве, меркантильности, в стремлении к монополизму в литературе. Многократно повторялись утверждения, что Булгарин устарел.

Особой остроты эта борьба достигла в 1843 г. Н.А. Некрасов в майском номере «Отечественных записок», рецензируя очередные выпуски булгаринского сочинения «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», не стал разбирать и оценивать их, посвятив заметку разоблачению «проделок» Булгарина: саморекламы и нападок на журналы, которые критически относятся к его творчеству: «Задолго до появления в свет нового “сочинения” г. Булгарина “Северная пчела”, состоящая под его редакцией, с радостным биением сердца спешит довести до сведения почтеннейших читателей, что один из издателей ее изготовляет весьма приятный подарок, долженствующий сделаться украшением русской литературы; тут же вскользь отдается преимущество перед всеми другими тому роду литературных произведений, к которому будет принадлежать новое “сочинение” г. Булгарина, и громко порицаются все сочинения в этом роде, писанные литераторами, которых г. Булгарин считает своими соперниками», и т.п.[1] Редактор «Литературной газеты» Ф.А. Кони пошел еще дальше: 9 мая он поместил статью, в которой утверждал, что Булгарин устарел и что «творения этого великого сочинителя всегда оказывались без всякого творческого достоинства, без жизни, с тупыми остротами, с избитою моралью, проникнутыми одною, ясно высказанною претензиею, сбыть их поскорее почтенной публике», переходя, таким образом, от оценки творчества Булгарина к оценке его личности, что не дозволялось цензурным уставом. Более того, он вспоминал, что Булгарин служил в армии Наполеона, намекал, что Булгарин берет взятки за публикацию хвалебных материалов, писал, что вышедшее под именем Булгарина многотомное издание «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» включало том «Статистика», который составил Н.А. Иванов, а тома исторического содержания Булгарин подготовил на основе «выписок из тетрадей дерптских профессоров», и т.д.[2]

---

[1] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. М., 1989. Т. 11, кн. 1. С. 87–88. Рецензия не была подписана, поскольку тогда в «Отечественных записках» все рецензии печатались без подписи.

[2] *Кони Ф.* Журналистика // Литературная газета. 1843. № 18. 9 мая.

Рассерженный Булгарин решил апеллировать к попечителю Петербургского учебного округа и главе Петербургского цензурного комитета князю Г.П. Волконскому. 11 мая 1843 г. он написал письмо с жалобами на нападки в «Отечественных записках» и «Литературной газете», представляющие собой, как он писал, «одни личности, сплетни, клеветы, высказанные языком, который ныне не употребляют самые бранчливые лакеи и кучера». Причину этих нападок Булгарин видел в следующем: «…думают, что меня можно безнаказанно оскорблять, потому что я поляк, нигде не служу, сильных родных здесь не имею и никогда не жаловался — а между тем Карлово стоит всем костью в горле — и вот составилась партия, чтобы действовать против меня общими силами с цензорами […]»[3]. По-видимому, Волконский, прочитав письмо, дал какое-то распоряжение цензорам. По крайней мере, после мая взаимные выпады Булгарина, с одной стороны, и «Отечественных записок» с «Литературной газетой», с другой, прекратились на несколько месяцев. Булгарин сам вновь затронул эти издания в фельетоне «Журнальная всякая всячина» 18 сентября (Северная пчела. 1843. № 208). После возобновления взаимных нападок[4] Волконский не выдержал и распорядился не пропускать в печать подобные полемические статьи.

7 декабря 1843 г. цензор Петербургского цензурного комитета А.В. Никитенко записал в дневнике: «…в прошедший вторник [31 ноября], в заседании цензурного комитета, положено озаботиться прекращением ругательств, которыми осыпают друг друга журналисты, особенно Булгарин и Краевский. В самом деле, эта так называемая полемика часто доходит до отвратительного цинизма. Так, например, в одном из последних номеров “Северной пчелы” [от 13 ноября] Булгарин объявляет, что Краевский унижает Жуковского, несмотря на то, что Жуковский автор нашего народного гимна “Боже, царя храни”. Что это, как не полицейский донос?

Князь Волконский велел решение комитета сообщить Булгарину не официально, а в виде предостережения, чтобы тот больше не трудился писать таких мерзостей, ибо цензура будет безжалост-

[3] Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложение. С. 58–59. Карлово — имение под Дерптом, которое Булгарин приобрел в 1828 г.

[4] См.: [*Белинский В.Г.*] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1843. № 10. Отд. VIII. С. 123–126; [*Он же*.] Сочинения Зенеиды Р-вой. СПб., 1843 // Там же. № 11. Отд. V. С. 5; [*Он же*.] [Рец. на: Булгарин Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1839–1843. Т. 2–4] // Там же. Отд. VI. С. 23–24; *Кони Ф.* Журнальная амальгама // Литературная газета. 1843. № 38, 43; *Он же*. Журналистика // Там же. № 47; *Ф.Б.* [*Булгарин Ф.*] Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1843. № 214, 232, 244, 250, 256. 25 сент., 16, 30 окт., 6, 13 нояб.

но вымарывать их. Впрочем, это распоряжение касается всех журналистов-ругателей»[5]. Но в начале декабря вышел номер «Отечественных записок» (сданный в печать до запрета попечителя), содержавший резкую критику Булгарина. В.Г. Белинский в напечатанных без подписи «Литературных и журнальных заметках» называл булгаринские сочинения «старым литературным хламом», находил в них «нелепости и бессмыслицу», утверждал, что «“Северная пчела” с дурным умыслом исказила содержание статьи [Белинского о Жуковском] и доносит… читателям не то, что сказано…»[6], и намекал на продажность газеты.

Булгарин не выдержал. У него был очень горячий темперамент, и в момент гнева он не контролировал свои поступки. Н.И. Греч, его многолетний друг, а к концу жизни — враг, вспоминал, что «в самой основе его характера было что-то невольно дикое и зверское. Иногда вдруг, ни с чего или по самому ничтожному поводу, он впадал в какое-то исступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства»[7]. И сам Булгарин в 1828 г. в аналогичном случае (цензор пропустил в печать оскорбительные нападки на него) писал цензору П.И. Гаевскому: «Я не могу писать связно и высказать всего, что бы хотел, ибо память всех тех обид, притеснений и оскорблений, которые я перенес от вас, лишает меня присутствия духа»[8].

Булгарин послал князю Волконскому совершенно нетактичное письмо, идущее вразрез не только со всеми правилами приличия, но и с существующими формами обращения к высокопоставленному официальному лицу:

> Светлейший князь милостивый государь
> князь Григорий Петрович!
>
> Ценсор Корсаков[9] объявил мне, что он получил приказание от Вашей Светлости запрещать в «Северной пчеле» *все*, что ни будет говориться противу «Отечественных записок», и что ценсора «Отечественных записок» также получили приказание исключать все, что будет печа-

[5] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 273–274.

[6] Отечественные записки. 1843. № 12. Отд. VIII. С. 127, 125.

[7] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 692.

[8] Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. С. 65.

[9] Петр Александрович Корсаков (ок. 1787–1844) — писатель, журналист, переводчик; цензор Петербургского цензурного комитета в 1835–1844 гг. Булгарин вспоминал, что «знал его с 1806 года и жил дружно в молодости. Нет человека без слабостей, но он был истинно честный и благородный человек» (письмо к А.В. Никитенко от 14 апреля 1844 г.: ИРЛИ. 18439. Л. 35). Цензурировал «Северную пчелу» в 1840–1843 гг., а также книги Булгарина «Комары» (СПб., 1842), Сочинения (Ч. 1–4. СПб., 1843), «Очерки русских нравов» (СПб., 1843), Полн. собр. соч. (Т. 1–7. СПб., 1839–1842) и др.

таться противу меня. Миролюбиво-отцовские сии попечения простерлись столь далеко, что в декабрьской книжке «Отечественных записок» меня ругают наповал, а мне уже после вооруженного нейтралитета гг. цензоров нельзя за себя вступиться.

Честь имею донести Вашей Светлости, что если эта мера принята Вашею Светлостью или Его Высокопревосходительством г. министром народного просвещения[10], то я решился принести жалобу Его Императорскому Величеству, как за явное нарушение Цензурного устава главы I, ст. 12, 13, 14 и 15[11], с изложением и объяснением причин, именно представив на вид действие партии, стремящейся к одной цели *со времен Новикова*, в Москве. Эта партия могла вовлечь Вашу Светлость или г. министра таким образом, что Вы никак не догадывались, что, прекращая якобы *полемику* журнальную, Вы взнуздали страшного им врага и дали партии простор действовать *усиленно*, на ниспровержение всякого существующего порядка в Отечестве, веры и законов, в чем «Отечественные записки» и не скрываются, сказав 1841 года в № 8 в томе IV, отдел II: «Что не *распадалось* на *противоположности*, в том еще нет жизни, потому что нет любви; *и в народе*, пока он не начинал *отрешаться от природы*, не может быть никакого *движения*, никакой *силы*. *И горе тому народу!* Народы предназначаются для *жизни*, в самый миг появления на свет начинают процесс *движения*, начинают *расторгать свои узы* и поражать еще неокрепшими дланями *воздоившую их грудь*»[12]. Или в № 6,

[10] Имеется в виду С.С. Уваров.

[11] Цензурный устав 1828 г. гласил: «§12. Всякие суждения о предметах, относящихся к наукам, словесности и искусствам, как то: о вновь выходящих книгах (не исключая из того и издаваемых от казенных мест сочинений и статей, когда оные собственно касаются наук, словесности или художеств) […] дозволяются цензурою, если только сии суждения не противны общим ее правилам. §13. Цензура в произведениях изящной словесности должна отличать безвредные шутки от злонамеренного искажения истины и от существенных оскорблений нравственного приличия и не требовать в вымыслах той строгой точности, каковая свойственна описанию предметов высоких и сочинениям важным. §14. Охраняя личную честь каждого от оскорблений и подробности домашней жизни от нескромного и предосудительного обнародования, цензура не препятствует однако же печатанию сочинений, в коих под общими чертами осмеиваются пороки и слабости, свойственные людям в разных возрастах, званиях и обстоятельствах жизни. §15. Цензура не имеет права входить в разбор справедливости иди неосновательности частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим правилам цензуры; не может входить в суждение о том, полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение, буде только оно не вредно; и не должна поправлять слога или замечать ошибок автора в литературном отношении, если только явный смысл речи не подлежит запрещению» (Устав о цензуре. СПб., 1829. С. 8–10).

[12] Булгарин очень неточно цитирует статью М.Н. Каткова «Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Пять частей. Санкт-Петербург, 1838–1839» и неверно указывает год и номер журнала. Правильно: 1839. Т. IV. № 6. Отд. VI. С. 17–18. Выделение в этой и следующей цитатах сделано Булгариным.

1842 года, стр. 25: «Как *внутренние потрясения*, внешние бедствия *укрепляют*, так сказать, *новые* государства, так разрушили они древние»[13].

Не знаю, знаком ли Вашей Светлости этот *язык московских мартинистов* и их *пророка Новикова*[14], но г. министр народного просвещения все это очень хорошо помнит и знает. Но как, по собственному сознанию покойного историографа Карамзина императору Александру Павловичу, очевидно, что *первою целью* Новикова было *старание овладеть общим мнением посредством литературы и журналов*[15], в чем он и успел, так и ныне цель «Отечественных записок» клонится к тому, чтоб *уничтожить все воспоминания, всю прежнюю литературу и водворить свое учение*, для приготовления юношества к *действию и жизни*, говоря их языком. Точно так же *юная* Германия, *юная* Франция и *юная* Италия *стали бесславить своих классиков*[16], как «Отечественные записки» начали низла-

[13] Булгарин неточно цитирует анонимную (предположительно атрибутируемую Белинскому) рецензию на книгу Ф. де Шампаньи «Кесари» (СПб., 1842).

[14] Мартинизм — мистическое эзотерическое учение, созданное в XVIII в. Луи Клодом де Сен-Мартеном. Согласно ему, первый человек совершил падение из божественного в материальное, но у людей есть возможность вернуться в божественное с помощью духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве. В России труды Сен-Мартена переводили и распространяли масоны. Мартинисты занимались благотворительностью, мистическими размышлениями и молитвами. В 1792 г. глава русских мартинистов Н.И. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а многие изданные им книги, в том числе и книга Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», — уничтожены.

[15] В «Записке о Н.И. Новикове», подготовленной для Александра I в 1818 г., после смерти Новикова, Н.М. Карамзин писал, что «около 1785 года он вошел в связь по масонству с берлинскими теософами и сделался в Москве начальником так называемых *мартинистов,* которые *были* (или *суть)* не что иное, как *христианские мистики:* толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю. Их общество, под именем *масонства,* распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались *ложи;* выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками» (Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. I. С. 223–224).

[16] Булгарин смешивает, с одной стороны, революционные подпольные организации «Молодая Италия» (Giovine Italia; 1831–1834 и 1840–1848), «Молодая Германия» (Junges Deutschland; 1834–1836) и «Молодая Франция» (La Jeune-France; 1835–1836) и, с другой, разнородные литературные явления — имевшее сильный политический резонанс движение 1830-х гг. «Молодая Германия» (оппозиционные немецкие писатели Л. Бёрне, Г. Гейне, К. Гуцков и др.) и деятельность французских писателей-романтиков второй половины 1820-х — 1830-х гг. (В. Гюго, О. де Бальзак, Э. Сю, Ж. Жанен и др.), которые хотя и не были политически особо радикальны, в России интерпретировались как французская аморальная «неистовая словесность» и оценивались властями резко негативно (следует учесть и тот факт, что в Париже в первой половине 1830-х гг. существовал носивший чисто эстетический и бытовой характер кружок «Юная

гать Державина, Карамзина, Жуковского и *всех*, а как только «Отечественные записки» *догадались*, что я *постиг их тайну*, то и начали работать в обществе, чрез своих протекторов, чтоб заставить *меня замолчать*! Я буду просить у Государя Императора *комиссии*, пред которою предстану как *доноситель*, потому что Вы пресекаете мои литературные пути, останавливая действия закона — и представлю все выписки из «Отеч[ественных] записок», с письмом ко мне от преосвященников и знатнейших помещиков в губерниях, которые с ужасом спрашивают меня, как может такой журнал издаваться и рекомендоваться в провинциях! Я выписал здесь *нечто* из старых книжек «Отечественных записок», но Ваша Светлость крайне *удивитесь*, когда увидите, что *во время Вашего превосходительства пропущены вещи гораздо* посмелее и почище! Если все власти, все министры, все комиссии в России откажутся представить мою просьбу Государю Императору, я имею случай переслать ее чрез посредничество Его Величества Короля прусского[17], ибо мои близкие родные состоят в его подданстве[18]; но если уже пошло на то, чтобы гибнуть, пусть погибну, но не доживу до того унижения, чтоб на меня, как на *собаку*, цензура клала *намордник*! В законе определены *меры критики* — но не *запрещена критика*, и Ваша Светлость, позволив Кони напечатать в «Литературной газете», что *я беру деньги с сочинителей*[19], когда цензор Никитенко вымарал это, Ваша Светлость теперь воспрещаете мне находить дурное в «Отечественных записках», когда только и защита у авторов от нападения «Отечественных записок», как в одной «Северной пчеле»!!!???

Боже, где твое правосудие и твои громы!

Из выписок из «Отечественных записок» и смысла целых статей, например о Прометее (за что профессор был выгнан из Берлина, а у нас напечатано с восторгом)[20], я утверждал, что «Отечественные записки»

Франция»: Т. Готье, Ж. де Нерваль, П. Борель и др.; см. о нем: *Мильчина В.* «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 560–571), но вряд ли Булгарин имел его в виду. В Италии аналогичного литературного движения не было, но глава «Молодой Италии» Дж. Мадзини был литературным критиком.

[17] Имеется в виду Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861) — король Пруссии с 1840 г.

[18] Мы не располагаем информацией о том, кто конкретно имеется в виду.

[19] Федор Алексеевич Кони (1809–1879) — водевилист, театральный критик, журналист. В 1837–1838 гг. сотрудничал в «Северной пчеле». С 1839 г. Кони перешел в лагерь противников Булгарина; печатался в «Литературных приложениях к “Русскому инвалиду”», с 1840 г. преобразованных в «Литературную газету», редактировал «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840–1841) и, как говорилось выше, «Литературную газету». См. его памфлетную характеристику в романе Булгарина и Н.А. Полевого «Счастье лучше богатырства», где он выведен как Федор Аникиевич Мул (Библиотека для чтения. 1845. Т. 69. С. 149–152). Здесь Булгарин имеет в виду публикацию Кони, упомянутую в примеч. 2.

[20] В записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие», поданной в III отделение в 1846 г., Булгарин писал об этом подроб-

есть не что иное, как *выражение и дух партии, стремящейся медленным, но верным путем* к 1789 году — и если меня приносят теперь в жертву этой партии, по происка ее агентов, чего ни Вы или г. министр не догадываетесь, то пусть же Россия узнает, *кто* и *как* действовал против меня!!! Я болен и не могу лично объясниться с Вашею Светлостью — попрошу всепокорнейшее известить или меня, или ценсора — по Высочайшему ли повелению запрещено мне писать против «Отечественных записок», чтоб я знал, жаловаться ли мне или просить проект *комиссии*.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностью честь имею быть Вашей Светлости покорнейшим слугою

Ф. Булгарин

1 декабря 1843. СПб. [21]

В отличие от первого письма, где шла речь об интригах лично против него (что представителей власти мало интересовало), здесь Булгарин говорит об опасности для государства, а такие заявления игнорировать было нельзя. К тому же он косвенно критикует Волконского, утверждая, что при нем цензура менее бдительна и пропускает опасные тексты.

Волконский ознакомил с этим письмом С.С. Уварова. Через несколько дней он в письме Уварову так кратко характеризовал свои предшествующие действия: «1) […] заметив старания некоторых редакторов периодических изданий обратить литературную полемику в предосудительные личности, я счел долгом напомнить *словесно* гг. цензорам о необходимости при дозволении к печатанию журнальной критики отнюдь не выходить из пределов статьи 12-й

нее: «За статью “Прометей” берлинский профессор был выгнан из университета. Прометей изображает аллегорически народ, ищущий *свободы*, а Юпитер, приковавший его к скале, есть *монархия*. Старый миф, которого применение воспаляет умы. У нас это прошло без внимания в “Отеч[ественных] записках” 1843 года, № 2, стр. 48 — пред и после» (Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 495). Булгарин ссылался на статью В.П. Боткина (подписана: В. Б-тк-н) «Германская литература», в которой, наряду с другими книгами, реферировалось и исследование профессора Лейпцигского университета Б.Г. Вейске, посвященное мифу о Прометее (*Weiske B.G.* Prometheus und sein Mythenkreis. Leipzig, 1842). Однако Вейске трактовал миф отнюдь не в социально-политическом ключе, как утверждает Булгарин. Боткин писал, что «автор видит в мифах Прометея образ нравственной и мыслительной силы духа человеческого […] раскрывает он, как в мифах сих, в стремлении Прометея, в его страдании и наконец в победе — проявляется история духа человеческого — сначала в одном лишь темном предчувствии, потом в постепенно уясняющемся сознании» (Отечественные записки. 1843. № 2. Отд. VII. С. 48). В упомянутой записке Булгарин развил свои обвинения против «Отечественных записок».

[21] Печатается по: ИРЛИ. 19.696.

и пунктом 4-м ст. 3 устава о цензуре назначенных, и на сем основании устранять поводы к личностям; 2) […] с тем вместе я поручил цензорам сообщить *конфиденциально* о сем моем напоминании и издателям газет и журналов, ими рассматриваемых и 3) […] едва я принял сию меру, как получил от издателя «Северной пчелы» Булгарина письмо, в коем многие фразы, относящиеся до предметов, предел прав моих как председателя цензурного комитета превышающих, не могли не заставить меня копию с сего письма представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства. Что же касается до той части письма Булгарина, которая заключает в себе превратное толкование вышеизложенного моего распоряжения, ему сообщенного, то в сем отношении, не считая себя вправе обременять Ваше Высокопревосходительство предметом, в круг моих обязанностей непосредственно включающим, я счел долгом повторить еще раз издателю «Северной пчелы» Булгарину о моем распоряжении, дабы для него не оставалось уже ни малейшего сомнения о необходимости сообразоваться с законами, Высочайше утвержденными»[22].

Уваров, который с самого своего вступления в должность министра народного просвещения настороженно относился к периодическим изданиям, особенно к ведущейся в них полемике, и добился запрещения двух журналов («Московского телеграфа» в 1834 г. и «Телескопа» в 1836 г.), 4 декабря направил Бенкендорфу следующее отношение, в котором предлагал выработать меры для полного прекращения полемики в периодических изданиях:

> Милостивый государь, граф Александр Христофорович!
>
> Несообразное с правилами Устава о цензуре направление политических статей в некоторых повременных изданиях побудило цензурное начальство подтвердить вновь о наблюдении предписанных в сем отношении мер. Это распоряжение было поводом к письменному возражению на оное со стороны издателя газеты «Северная пчела» г. Булгарина, о котором г. исправляющий должность попечителя С.-Петербургского учебного округа вошел ко мне с представлением. Я считал обязанностью сообщить на усмотрение Вашего Сиятельства это представление в подлиннике с приложенною к нему копиею с письма г. Булгарина.
>
> Несмотря на бдительный и беспрерывный надзор за периодическими сочинениями, на неоднократные и строгие меры против неприличной полемики, из коих некоторые приняты были по воле Государя Императора, издатели журналов и газет стараются, при всяком случае, перейти за пределы позволительного и терпимого. — Ежели бы «Северная пчела» не состояла, в некоторых частях своих, под наблюдением

[22] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 18–19. Сердечно благодарю Н.А. Гринченко за предоставленные выписки из хранящихся в РГИА цензурных дел.

III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, то после подобного настоящему сопротивления со стороны издателя этой газеты распоряжениям цензурного начальства я непосредственно приступил бы к решительному прекращению для нее всякой полемики. Впрочем, подобную меру я считаю необходимым сделать общею, распространить силу ее не на одну «Северную пчелу», но и на другие издания, по крайней мере на некоторое время. Беспрестанно повторяющиеся примеры, что допускаемая в журналах литературная критика употребляется издателями во зло, доказывают, что орудие журнальной полемики находится в руках неспособных добросовестно владеть им. Оставлять его еще долее у людей, которые не представляют правительству ручательства в благонадежности (чему настоящий случай служит неопровержимым убеждением), — значило бы сделать журналы ареною неблагородной вражды и личных обид.

Так как мера эта по существу своему входит в общие виды благочиния и внутреннего порядка, то содействие Вашего Сиятельства я считаю необходимым для полного успеха оной. Прежде представления о том Его Императорскому Величеству я желал бы иметь в виду мнение по сему предмету Вашего Сиятельства, почему покорнейше прошу Вас, милостивый государь, почтить меня сообщением мне оного, с возвращением прилагаемых бумаг.

Примите, милостивый государь, уверение в совершеннейшем почтении и преданности.

Уваров. 4 декабря 1843[23].

8 декабря Бенкендорф ответил Уварову:

Милостивый государь Сергей Семенович!

На отношение Вашего Высокопревосходительства от 4 декабря, за № 1530, имею честь ответствовать, что, находя письмо господина Булгарина дерзким и ни с чем не сообразным, я приказал пригласить его к себе и сделать ему должное самое строгое внушение. — Что же касается до неприличия полемики гг. журналистов, то этот предмет давно уже обращал на себя мое внимание, и я нахожу, что меры, которые Ваше Высокопревосходительство намерены предпринять для удержания периодических изданий в должных пределах приличия, и полезны, и необходимы; но вместе с тем полагаю, что совершенное уничтожение журнальной полемики было бы мерою излишне строгою и породило бы много неудобств и жалоб, тогда как беспристрастие и благоразумие цензуры, особенно при настоящих предположениях Ваших, без всякого сомнения удержат журналы в пределах приличия и возможной справедливости. К совершенному же воспрещению полемики можно и должно будет прибегнуть в то время, когда очевидно кроткие распоряжения окажутся недействительными.

Изложив Вашему Высокопревосходительству мое мнение, я, впрочем, представляю предмет сей совершенному Вашему просвещенному

[23] ГАРФ. Ф. 109. 1830. Ед. хр. 446. Ч. 6. Л. 62–63. Далее листы этого архивного дела указываются в скобках в тексте.

решению и пользуюсь случаем, чтоб возобновить уверение в чувствах моего совершенного к Вам уважения и преданности.

Граф Бенкендорф. 8 декабря 1843. (Л. 64–65).

Как видим, министр народного просвещения, который должен стремиться к развитию литературы и журналистики, предлагает ужесточить цензуру, «прижать» журналистов и сузить тем самым сферу действия общественного мнения, а глава III отделения считает, напротив, что следует допускать публичную полемику и что существующий цензурный устав предоставляет достаточно возможностей для контроля. Это, конечно, не случайно, поскольку именно в Николаевское царствование власть осознала (не без советов Булгарина), что душить общественное мнение нецелесообразно, гораздо эффективнее направлять его и, в нужных случаях, имитировать, как это происходило в «Северной пчеле», где нередко материалы, выражающие официальную точку зрения, печатались в качестве частных рассуждений и мнений.

11 декабря 1843 г. состоялось заседание Главного управления цензуры, специально посвященное этому вопросу, на котором присутствовали С.С. Уваров, его заместитель П.А. Ширинский-Шихматов, Л.В. Дубельт, Г.П. Волконский и др. В журнале этого заседания говорилось:

Господин председатель [т.е. Уваров] предложил на рассуждение Главного управления цензуры дело о мерах, принятых по Санкт-Петербургскому цензурному комитету против неприличной полемики. Господин исправляющий должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, заметив в критических журнальных статьях направление, не сообразное с цензурными постановлениями, подтвердил цензорам обязанность на будущее время не дозволять к печатанию личностей и поручил им напомнить всем издателям журналов о необходимости держаться существующих узаконений. Это распоряжение было поводом к письменному возражению на оное со стороны г. Булгарина, о котором г. исправляющий должность попечителя вошел с представлением. Г. министр народного просвещения, убеждаясь из беспрестанного повторяющихся примеров, что допускаемая в журналах литературная критика употребляется издателями во зло и что орудие журнальной полемики находится в руках, не всегда способных добросовестно владеть им, чтобы не оставлять ее долее у людей, которые не представляют правительству ручательства в благонадежности и не делать журналы ареной неблагородной вражды и личных обид, полагал полезным решительно прекратить всякую полемику для «Северной пчелы» и распространить силу этой меры и на другие издания, по крайней мере на некоторое время. Так как мера эта по существу своему входит в виды общественного благочиния и внутреннего порядка, то г. министр относился к г. генерал-лейтенанту графу Бенкендорфу, прося о сообщении его мнения по сему предмету. Отношением от 8 сего декабря за № 3930 граф Бенкен-

дорф отозвался, что признавая письмо г. Булгарина дерзким и ни с чем не сообразным, он сделает ему должное, самое строгое внушение; меры же, которые г. министр народного просвещения предполагает принять, находит полезными и необходимыми.

За сим г. председатель предложил Главному управлению цензуры на обсуждение следующие постановления:

1. Всем частным периодическим изданиям, под каким бы названием они не появлялись в свет, запрещается подвергать критическому рассмотрению другие повременные издания, разбирать содержание и образ издания оных и входить в какие-либо суждения о лицах, занимающихся редакцией журналов и газет.

2. Периодическим изданиям, в состав которых входит литературная критика, дозволяется помещать разборы книг с таким однако ограничением, чтобы в суждениях своих они не касались личных и нравственных качеств сочинителей и чтобы, разбирая только подлежащую критическому рассмотрению книгу, не дозволяли себе порицать других писателей, которых произведения не составляют прямо и непосредственно предмета разбора в критической статье.

3. Сочинитель, коего книга, по его мнению, будет разобрана неосновательно в одном из периодических изданий, имеет право поместить в том же самом издании возражение свое, буде оно не противно смыслу 2-й статьи, в сем случае цензура обязана обращать бдительное внимание на содержание и изложение подобных возражений.

4. Издатель журнала или газеты, поместивший критическую статью, которая Главным управлением цензуры будет признана нарушающею смысл выше изложенных цензурных постановлений, немедленно будет лишен по решению Главного управления цензуры права на издание повременного сочинения; равномерно и цензор, дозволивший такую статью, удаляется от должности.

Главное управление цензуры, признавая эти меры соответствующими смыслу цензурных постановлений и распоряжений, которые принимались неоднократно в прежнее время, отчасти по воле Государя Императора, нашло полезным привести выше показанные правила в действие по крайней мере на некоторое время и предписать их цензуре к точному наблюдению с объяснением оных редакторам повременных изданий. Но как о дозволении журналов и газет вместе с программами оных, равномерно о запрещении их представляется по общему порядку на высочайшее разрешение государя императора, то Главное управление цензуры предоставило г. председателю испросить высочайшее соизволение Его Императорского Величества и на предполагаемые ныне меры ограничения критики и полемики в повременных изданиях[24].

Опираясь на это решение Главного управления цензуры, Уваров подал императору докладную записку, в которой, как он вспо-

[24] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 11–15.

минал впоследствии, «предлагал разделить в периодических изданиях ответственность между авторами и цензорами»[25].

Никитенко записал в дневнике 16 декабря: «Князь Григорий Петрович Волконский вчера в цензурном комитете говорил следующее по поводу дела Булгарина. Министр сделал представление государю о необходимости дополнить и изменить цензурный устав. В нем будто дано мало средств для обуздывания литераторов, особенно журналистов. Он ссылался на попечителя, который будто бы требует его помощи, а министр сам имеет мало возможности делать что-нибудь решительное. Очевидно, Уваров хотел расширить свою власть. Говорят, он просил, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, как скоро в них найдется что-нибудь бранное.

Государь отвечал, что цензурный устав достаточен и что, следовательно, нет никакой надобности дополнять его, а еще менее изменять. “У цензора довольно власти, — сказал он: — у них есть карандаши: это их скипетры”. За испрашивание же помощи велел сделать строгий выговор князю Волконскому, потому что эту помощь он должен бы найти в своих правах.

Тут что-то много темного. Кажется, князь заранее условился с государем дать делу такой оборот, а министра немножко надули. Что хорошего в этом — то, что цензурный устав остается неприкосновенным. В противном случае Бог знает, к каким еще стеснениям мог бы повести пересмотр его в настоящее время.

В заключение, что выиграл или проиграл Булгарин своим доносом — неизвестно. Князь сказал, что тут есть подробности, которых он не может объявить»[26].

14 декабря Бенкендорф направил Уварову новое отношение, учитывающее, видимо, представление министра:

> Милостивый государь Сергей Семенович!
>
> Государь Император, узнав, что гг. издатели газет и журналов часто, вместо того, чтобы помещать в своих изданиях разбор сочинений и критику оных чисто литературную и благонамеренную, осмеливаются превращать эту дозволенную критику в личности непростительные и брань неприличную, Высочайше поручить мне соизволил сообщить Вашему Высокопревосходительству, что Его Величество отныне наистрожайше повелел, дабы Устав ценсурный оставался во всей своей силе и чтобы смысл оного ни под каким предлогом нарушаем не был, тем более что Устав этот достаточен для удержания гг. журналистов в пре-

[25] *Уваров С.С.* О цензуре / Публ. М.М. Шевченко // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 75.

[26] *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 275.

делах общей благопристойности, и чтобы они, разбирая сочинение, не осмеливались касаться личности сочинителя. При этом Его Величество заметить изволил, что неукоснительное исполнение всех предписаний Цензурного устава будет зависеть от строгого внимания и знания своего дела гг. цензоров, как равно и от просвещенного и прозорливого направления, которое Ваше Высокопревосходительство будет давать тем цензорам в исполнении их обязанности.

Примите…[27]

Граф Бенкендорф (Л. 66).

«Высочайшее повеление о том, дабы Устав цензурный оставался во всей своей силе и чтобы смысл оного ни под каким предлогом нарушаем не был»[28], было официально сообщено цензурным инстанциям. Исполняя его, Уваров 15 декабря отдал распоряжение «о неукоснительном исполнении всех предписаний Цензурного устава к воспрепятствованию в журналах и газетах неприличной полемики» (Л. 67). Известив об этом официальным отношением Бенкендорфа, он одновременно направил ему письмо с разъяснением мотивов своих предложений:

Милостивый государь, граф Александр Христофорович!

Приняв Высочайшую волю, в отношении Вашего Сиятельства от 14 сего декабря за № 4008 изображенную, к исполнению, я считаю себя обязанным изложить Вам, милостивый государь, *конфиденциально* побуждения, по коим я полагал необходимым усилить власть цензурного начальства некоторыми временными мерами, как я о сем предварительно объяснял Вашему Сиятельству.

В одиннадцатилетнее мое управление Министерством народного просвещения считал я цензуру печатаемых книг, особенно журналов и газет, одною из самых тяжких, но вместе и самых важных обязанностей моего звания. Во все продолжение этого времени и доныне наблюдая за ходом периодической литературы и замечая постоянный ее упадок, я не мог не заметить и систематического ее уклонения от начал, ей предначертанных. В этой вседневной, неровной борьбе цензоров, обремененных трудами суетливыми и подлежащих нападениям со всех сторон и взысканиям всякого рода, с журналистами, считающими ненаказанность свою прямым следствием ответственности цензора, ими же вовлеченного в ошибку, являлись с одной стороны иногда слабости и недосмотры, с другой обнаруживалось более и более если не открытое сопротивление, как в настоящем случае со стороны Булгарина, то по крайней мере беспрерывное стремление уловить всеми средствами цензора и избегнуть точного исполнения неоднократных предписаний начальства и строжайше определяемых взысканий. Обращаясь к правилам, изложенным в Уставе о цен-

[27] Текст отношения печатается по отпуску, сохранившемуся в делах III отделения, в котором финальная часть со стандартной формулой завершения письма опущена.

[28] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1582. Л. 22 об.

зуре (в составлении коего мы с Вашим Сиятельством участвовали), я дозволяю себе заметить, что подобно всем цензурным установлениям, когда-либо и где-либо составляемым, в Уставе мы не могли предупредить всех случаев или заранее предусмотреть те стороны, с коих будут стараться ослабить его действия. У нас эта сторона явно показывается в периодической литературе, поглотившей все другие отрасли словесности или низведшей оную на низшую степень самобытности. В таком положении я обратил внимание и Вашего Сиятельства и Главного управления цензуры на необходимость не только не ослабить, но и подкрепить хотя временными мерами власть цензурного начальства, недостаточно, по моему разумению, обеспеченную и находящуюся по силе вещей в оборонительном уже положении. Эти предположения, как видно из отношения Вашего Сиятельства, не удостоились Высочайшего одобрения и тем самым положен конец всякому дальнейшему рассуждению. Я не останавливаюсь сказать: заявивши всеподданнейше Его Величеству и ныне чрез Ваше Сиятельство повторяя, что по моему убеждению орудие периодической литературы находится у нас большею частию в руках людей, не заслуживающих доверия правительства, — я в ближайшем смысле исполнил одну из главных обязанностей моего звания. — От сердца желаю, чтобы на опыте мои опасения оказались чрезмерными и не были подтверждены фактами; во всяком случае мое неусыпное наблюдение будет и впредь обращено на сохранение, по мере недостаточных средств и быстро возрастающих затруднений, общего духа от заразы, ему грозящей, и от ухищрений недобросовестных двигателей общего мнения, влияние коих тем более уважительно у нас, что они действуют как будто с разрешения правительства и в кругу его наблюдений.

Что касается до письма Булгарина к кн. Волконскому, то я не доводил до Высочайшего сведения о том обстоятельстве, что это письмо было предварительно сообщено Вашему Сиятельству, потому что не считаю, что подобное конфиденциальное сообщение с представлением Вашему Сиятельству распорядиться по собственному Вашему усмотрению касательно самого Булгарина освобождало меня от обязанности доводить до Высочайшего сведения о таких просьбах, в коих содержится так сказать *апелляция* на Высочайшее усмотрение против распоряжения министерства, мне Высочайше вверенного; каковым правилом я руководствовался в течение 11 лет и до конца службы моей всегда руководствоваться буду. Сверх того я должен был обозначить ясно и точку, с которой я смотрю на положение цензоров и на дух журналистов, а в этом отношении довольно одного этого отзыва редактора «Северной пчелы», чтобы убедиться, как я сказал выше, в том, что орудие периодической литературы находится, к сожалению, большею частию в руках, не имеющих права на уважение начальства и доверие правительства.

Впрочем, так как «Северная пчела» состоит уже в некоторых частях под наблюдением III отделения Собственной канцелярии Его Величества, то не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству подвергнуть на Высочайшее уважение мое всеподданнейшее ходатайство о том, чтобы вообще цензурирование «Северной пчелы» было возложено на III отделение, под управлением Вашего Сиятельства состоящее.

Покорнейше прося Ваше Сиятельство довести о всех сих обстоятельствах до Высочайшего Его Величества сведения, я прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Уваров. 15 декабря 1843 (Л. 68–70)[29].

Спустя три дня Бенкендорф ответил на письмо Уварова:

Милостивый государь Сергей Семенович!

Отношение Вашего Высокопревосходительства, от 15 декабря № 1594, я имел счастие в подлиннике представлять Государю Императору, и Его Императорское Величество, для рассмотрения Цензурного устава, намерен был повелеть учредить комитет из тех самых лиц, которые участвовали в составлении оного[30]. Но как некоторые из особ тех уже скончались, то Государь Император Высочайше повелеть изволил, чтобы Ваше Высокопревосходительство подробно рассмотрели в Главном цензурном управлении действующий ныне Цензурный устав и указали бы те недостатки оного, которые, по приобретенной Вами опытности в течение одиннадцатилетнего управления Министерством народного просвещения, должны быть, по Вашему мнению, исправлены[31].

[29] Подробнее о взглядах Уварова на цензуру см.: *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 128–139.

[30] Не ясно, о каком комитете идет речь. История создания цензурного устава 1828 г. достаточно темна. С ноября 1826 г. по октябрь 1827 г. действовал Временный комитет для рассмотрения проекта цензуры иностранных книг, который дал аргументированную критику цензурного устава 1826 г. и предложил разработать новый (см.: *Гиллельсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 203–215). В него входили И.В. Васильчиков, Д.В. Дашков, Л.Л. Карбоньер, В.С. Ланской, К.В. Нессельроде, С.С. Уваров, А.С. Шишков. О комитете, в рамках которого создавался устав, утвержденный в апреле 1828 г., у историков информации нет. Известно только, что важную роль в подготовке нового устава сыграл Д.В. Дашков и что, по некоторым сведениям, над его текстом работали Н.И. Греч и В.Ф. Одоевский, но последние по своему служебному статусу в подобный комитет входить не могли. На основе слов Уварова в предыдущем письме можно выдвинуть предположение, что членами этого комитета были Уваров и Бенкендорф.

[31] 22 декабря 1843 г. Уваров поручил Волконскому «предложить С.-Петербургскому цензурному комитету рассмотреть подробно существующий ныне цензурный устав в отношении к правилам внутренней цензуры и представить […] соображения свои об изменениях и пополнениях, какие комитет признает полезным сделать по некоторым статьям сего узаконения» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1667. Л. 66). 28 декабря Волконский выполнил это поручение, но никто из членов комитета в дальнейшем ничего не представил. В ноябре 1845 г. Уваров запросил нового попечителя Петербургского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, как продвигается эта работа. Подготовить дополнения было поручено Никитенко. Он в ноябре–декабре сотавил «Проект изменений и дополнений

По окончании сего труда Его Величеству благоугодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство все улучшения Цензурного устава, как равно уничтожение и пополнение некоторых статей оного представили в Комитет гг. министров для обсуждения и представления Его Императорскому Величеству.

Что же касается до предложения Вашего Высокопревосходительства о возложении на обязанность III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии цензуры «Северной пчелы», то Государь Император находит, что этот журнал, как и все прочие *частные газеты*, должен находиться *на общем основании* под непосредственным наблюдением обыкновенной цензуры и что иное распоряжение насчет «Северной пчелы» было бы отступлением от общего закона. Не меняя того, таковое правильное заключение нисколько не препятствует как этому журналу, так и другим быть под некоторым моим влиянием и не лишает меня права посылать в тот или другой, по моему усмотрению, статьи, за которые уже лично я отвечаю, но которые не менее того равномерно должны быть подвергаемы общему закону цензуры.

Примите, милостивый государь, уверение в чувствах моего ответного к Вам уважения и преданности.

Граф Бенкендорф. 18 декабря 1843 (Л. 71–72).

21 декабря Никитенко сделал последнюю дневниковую запись об этом деле: «Неожиданная нелепая мера министра народного просвещения. В цензурном комитете получена от него бумага, в которой он объявляет, что “действительно нашел в журналах статьи, где под видом философских и литературных исследований распространяются вредные идеи”, и потому он предписывает цензорам “быть как можно строже”. Повторяется также приказание бдительнее смотреть за переводами французских повестей и романов.

Я был у князя по этому поводу. Он очень сердит на министра за все эти распоряжения. Министр сказал ему, что “хочет”, чтобы, наконец, русская литература прекратилась.

Тогда по крайней мере будет что-нибудь определенное, а главное, говорил он, “я буду спать спокойно”.

Министр объявил также, что он будет карать цензоров беспощадно. Приятная перспектива!

Самое интересное в этих новых распоряжениях министра то, что они как бы совершенно оправдывают донос Булгарина на него само-

к Цензурному уставу», который был 28 декабря рассмотрен и одобрен цензурным комитетом. Было решено: «Не делать изменений в ныне существующий цензурный устав», «дополнить устав правилами а) об ответственности повременных изданий пред правительством; в) об ответственности периодических изданий пред публикой; с) об ответственности всех наших издателей книг пред публикой» и сделать еще ряд третьестепенных дополнений (там же. Л. 67–68; см. также: *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 296). Этот проект был представлен Уварову, но, судя по всему, Уваров не докладывал о нем императору.

го, на князя Волконского и на всех нас. Говорят, что государь, прочитав письмо Булгарина, отдал его Бенкендорфу со словами: “Сделай так, чтобы я как будто об этом ничего не знал и не знаю”»[32].

Видимо, это имел в виду Булгарин, когда вспоминал в письме Гречу от 15 июня 1844 г.: «[Бенкендорф,] когда Уваров хотел пожрать меня, оказал мне *истинное участие* и сказал даже: “Si le malheur doit arriver — je prierai pour *vous*, comme *pour moi-même*” [“Если суждено случиться несчастью, я буду молиться за вас так же, как молился бы за самого себя” (*фр.*)]»[33].

Подведем итоги. Все началось с вызванного личными амбициями скандального письма Булгарина, запустившего процесс, в котором приняли участие высшие лица государства. Хотя указания на связь с мартинистами носили фантастический характер, но по сути Булгарин был прав, поскольку «Отечественные записки» действительно были оппозиционным журналом и травили Булгарина не столько из-за его устаревших взглядов и меркантильности, сколько из-за официозности его газеты и сотрудничества его с III отделением. Но резкость его выражений и нарушение субординации вроде бы повлекли за собой негативную реакцию властей, однако в конечном счете Булгарин своей цели добился. После января 1844 г. выступления против него в «Отечественных записках» и «Литературной газете» прекращаются, и не только упоминания, но и намеки на Булгарина не появляются до мая 1845 г., т.е. почти полтора года. После этого выпады возобновляются (по-видимому, запрет на полемику отменил новый попечитель Петербургского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, который сменил Волконского в феврале 1845 г.), хотя появляются реже и не столь остры, как ранее; Булгарин вновь на них отвечает[34]. Решив на некоторое время свои проблемы, Булгарин, тем не менее, наряду с другими журналистами, пострадал в дальнейшем. Его письмо подлило масла в огонь. Николай I все с большим подозрением относился к прессе, и в итоге 27 февраля 1848 г. распорядился создать специальный комитет, призванный контролировать действия цензуры (формально он был учрежден 2 апреля и так и назывался Комитетом 2 апреля, или, по имени председателя, Меншиковским). 24 марта 1848 г. Уваров вынужден был написать и передать царю записку «О цензуре», в ко-

[32] *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 276.

[33] Цит. по: *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 399.

[34] Помимо многочисленных его публикаций в «Северной пчеле» см., например, упомянутую в примеч. 20 его записку 1846 г. «Социализм, коммунисм и пантеисм в России, в последнее 25-летие».

торой в очередной раз разъяснял императору свои взгляды на периодическую печать и задачи цензуры: «…осмеливаюсь думать, что Ваше Величество, удостоив трудности цензурного дела снисходительного внимания, изволите признать, что если иногда встречались ошибки цензоров, то это были ошибки неумышленные, неизбежные, потому что, с одной стороны, ошибаться свойственно людям, с другой — постановления, людьми сделанные, всегда имеют свои несовершенства. Неудовлетворительность нынешнего устройства цензуры у нас, конечно, требует исправлений, и она, по моему мнению, заключается, главнейшим образом, в скудости штатов цензурных, от которой происходит недостаточность средств цензуры для ее действия; в неответственности издателей периодических сочинений перед правительством и в столкновении разных ведомств при цензурном деле.

Признавая необходимость некоторых дополнений к цензурным узаконениям, я обязываюсь, однако, сказать откровенно, что прямое прикосновение к целому Уставу о цензуре не принесет никакой пользы»[35].

Цензурный устав изменен не был, но деятельность комитета способствовала резкому ужесточению цензурной практики, а Уваров в 1849 г. был вынужден покинуть свой пост.

Литература

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.

Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Гиллельсон М.И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 203–215.

Мильчина В. «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 560–571.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 11, кн. 1. 471 с.

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Изд. подгот. И.Я. Айзеншток. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1: 1826–1857. XLIV + 542 с.

Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 632 с.

Уваров С.С. О цензуре / Публ. М.М. Шевченко // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 72–77.

[35] *Уваров С.С.* Указ. соч. С. 76.

References

Gillel'son M.I. *Literaturnaia politika tsarizma posle 14 dekabria 1825 g.* // Pushkin: Issledovaniia i materialy. Leningrad: Nauka, 1978. T. 8. P. 203–215.

Mil'china V. *«Poroda v zhenshchinakh» i «Iunaia Frantsiia»: popytka kommentariia* // Mir Lermontova. SPb.: Skriptorium, 2015. P. 560–571.

Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*: V 15 t. Leningrad: Nauka, 1989. T. 11, kn. 1. 471 p.

Nikitenko A.V. *Dnevnik*: V 3 t. / Izd. podgot. I.Ia. Aizenshtok. Moscow: GIKhL, 1955. T. 1: 1826–1857. XLIV + 542 p.

Reitblat A. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politsii: Stat'i i materialy*. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2016. 632 p.

Uvarov S.S. *O tsenzure* / Publ. M.M. Shevchenko // Reka vremen: Kniga istorii i kul'tury. Moscow, 1995. Kn. 1. P. 72–77.

Vidok Figliarin: *Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and undercover notes F.V. Bulgarin in Third Office], izd. podgot. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 703 p.

Witteker Cynthia H. *Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov*. Northern Illinois University Press, 1984. [Russian translation: Saint-Petersburg, 1999] 350 p.

Bulgarin and others
2. Circles on the Water, or, the Great Effect of a Letter by F. Bulgarin

Abram I. Reitblat

Abstract: In 1843 in the course of harsh polemic with the journals *Otechestvennye Zapiski* and *Literaturnaya Gazeta* F. Bulgarin made a complaint to Prince G. Volkonsky, the Chief of St. Petersburg Censorship Committee against his unstated prohibition on publishing polemical essays in periodicals. Count S. Uvarov, A. Benkendorf, the Chief of gendarmerie, and the Emperor himself became involved in the conflict. Count Uvarov advocated tightening of censorship and termination of polemic, while Benkendorf, on the contrary, thought it possible to change nothing in the current state of affairs. Archived documents published herewith clarify in great details the episode in question, its effect being a considerable strengthening of censorship in 1848 and S. Uvarov's retirement in 1849.

Keywords: F. Bulgarin, S. Uvarov, A. Benkendorf, Nikolay I, censorship, polemic in journals.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Russian State Art Library, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-236-254
УДК 1751 ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Реконструкция книги Андрея Белого «О ритмическом жесте»

Д.О. Торшилов

Аннотация: Книга Андрея Белого «О ритмическом жесте» была утеряна в 1921 г. Однако ее можно реконструировать по нескольким сохранившимся черновикам и сделанным автором сокращениям. Основной источник текста — единица хранения ОР РГБ — содержит перепутанные фрагменты двух разных редакций книги. Фрагмент, сохранившийся в РГАЛИ, близок к первой редакции. Сравнение их друг с другом, с позднейшей книгой Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник” Пушкина», с письмами Р.В. Иванову-Разумнику и С.М. Алянскому, другими источниками и свидетельствами, дает возможность восстановить утраченную книгу почти целиком, а также и датировать первую редакцию из РГБ февралем — мартом 1917 года, фрагмент из РГАЛИ (к которому можно присоединить еще некоторые документы) — апрелем 1917 г., краткий пересказ, названный автором «Ритм и смысл» — не позже весны 1918 г., вторую редакцию из РГБ — 1919–1921 гг.

Ключевые слова: Андрей Белый, реконструкция, филология, текстология, поэтика, изучение стиха, русская поэзия, русская революция

Информация об авторе: Торшилов Дмитрий Олегович, к.ф.н, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. Москва. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Андрей Белый известен не только как поэт, прозаик и теоретик символизма, но и как крупнейший представитель (или даже основатель) русской науки о стихе. При этом одна из его книг о стихе, которую он пытался издать много лет, — книга «О ритмическом жесте», которую он писал зимой и весной революционного 1917 г., — до сих пор не издана. Ее законченный вариант потерян, но по сохранившимся черновикам, разрозненным по четырем единицам хранения в разных архивах (три из которых неверно охарактеризованы в описях), можно составить реконструкцию, которая будет отражать ее с достаточной полнотой.

Суммируя сведения о наследии Белого, К.Н. Бугаева, как видно, специально наводившая справки о «Ритмическом жесте», писала:

> «Ритмический жест» был закончен в 1921 году — для издателя Григор<ия> Борис<овича> Городецкого. Перед отъездом за границу Б.Н. передал машинопись (около 120 стр.) В.О. Нилендеру для корректурных исправлений. В декабре 1921 г. В.О., прокорректировав, передал машинопись Г.Б. Городецкому, у которого она и находится ныне. <...> Сведения о «Ритмическом жесте» записаны со слов В.О. Нилендера в августе 1935 года[1].

Г.Б. Городецкий руководил московским издательством «Северные дни», которое открыл в 1921 г. вместе с В.Г. Лидиным; до этого они издавали одноименный альманах (см. о нем, например [20]). Свел Белого с издательством, вероятно, Лидин, с которым Белый был знаком как минимум со времени деятельности Клуба московских писателей 1917–1918 гг.[2] Издательство прекратило деятельность в 1922 г.

«На сегодняшний день этот машинописный авторизованный текст книги “О ритмическом жесте” не выявлен», — констатирует А.В. Лавров [13, с. 101, прим. 6]. Через десять лет Белый написал приблизительно на ту же тему книгу «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» ([2]; первоначально она называлась «О ритмическом жесте и “Медный всадник” Пушкина»[3]). Однако сам Белый в списке «Написанных и ненапечатанных рукописей» [8, с. 770] отмечал, что рукопись 1917 г. у него сохранилась (как мы увидим ниже, неполная и перепутанная).

Свидетельства Белого о работе над «Ритмическим жестом» многочисленны. Он принимается за эту работу в феврале 1917 г., как говорится в «Жизни без Аси» [8, с. 668]:

> «Февраль, 17–26. Царское. <...> Работаю над главой “О ритмическом жесте”. Забастовка. Начало революции».

То же самое в «Работе и чтении»:

> «1917. Февраль. Читаю главным образом поэтов Тютчева, Пушкина, Боратынского <...> Работаю над главами книги “Кризис сознания”. Работаю над собиранием материала по ритмическому жесту. Революция. *Написано:* Набросок вчерне, о ритмическом жесте» [8, с. 658].

Как другие свои работы этого времени, так и «О ритмическом жесте» Белый тогда считал «главами» для книги «Кризис сознания». Замысел этой книги или цикла сам автор считал центральным

---

[1] РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 1. Ср. [14, с. 624].

[2] Протоколы клуба хранятся в: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 315. Оп. 1. Ед. 1. Записки Лидина, обращенные к Белому, хранятся в: ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 18. Ед. хр. 17. Л. 1–4. Белый вспоминает о Лидине в «Характеристиках современников» [17, с. 425–429], Лидин о Белом в воспоминаниях [18, с. 182–187].

[3] См. об истории ее создания: [7, с. 307–318, 336–339].

для своей работы лет революции и гражданской войны, называя их «годами моих ”Кризисов”»[4].

В марте он заканчивает работу:

> «Март, 9–12. Москва. Работаю над “Ритмическим жестом”. <...> Март, 12–16. Сергиев Посад. Работаю над “Ритмическим жестом”. <...> Март, 19–30. Посад. Кончаю главу “О ритмическом жесте”» [8, с. 668].

> «1917. Март. Работаю над ритмическим жестом. *Написано*: “О ритмическом жесте” (глава из “Кризиса сознания”)» [8, с. 658][5].

Стоящая под торжественным финалом первой редакции «Ритмического жеста» дата «1917 год. Сергиев Посад» (см. ниже), надо полагать, поставлена как раз во время этого «завершения работы над главой», в конце марта. Однако в апреле работа продолжается: 4 апреля Белый пишет Иванову-Разумнику:

> «...Остаток энергии поглощает книга, которую, весьма некстати, принялся переделывать» [13, с. 98].

«Книга» — это «Кризис сознания»; в том же письме Белый просит у Иванова-Разумника гранки «Скифов», потому что «для книги» (для «Кризиса сознания») ему нужен текст «Жезла Аарона». Эта работа упоминается в «Работе и чтении» (об апреле):

> «Работаю над переделкой и архитектоникой “Кризиса сознания”. Переделываю его главы».

Об ней же в «Жизни без Аси»:

> «Апрель, 11–22. С утра до ночи работаю над частью книги “Кризис сознания”».

21 апреля Белый приписывает сохранившееся в рукописи «Ритмического жеста» «Предисловие» (см. ниже), начинающееся «я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте». Это предисловие относится именно к неосуществленной книге «Кризис сознания».

Из писем Иванову-Разумнику ясно, что у Белого была два плана относительно «Ритмического жеста». Один — опубликовать во втором выпуске «Скифов» (потому в одной из редакций самого сочинения он называет его «статьей»). 25 апреля Белый пишет Иванову-Разумнику:

---

[4] См. [6, вкладка] (оригинал схемы рукой Белого хранится в: ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 39. Ед. хр. 11). Ср. характеристики всего периода через «тему кризисов» в «автобиографическом письме» Иванову-Разумнику [13, с. 485]. Подробнее о творческой истории «Кризисов» см. [23].

[5] О том же в «автобиографическом письме» Иванову-Разумнику: «“*Ритмический жест*” пишется у Вас и доделывается у С.М. Соловьева (в Посаде): февраль–март» [13, с. 514].

«Книга моя ”Кризис сознания” разрослась; я как-то последнее время отдал ей много души; и — никому-то она не будет нужна.

Статью “*Александрия*” и “*Жест”* не пересылаю Вам, потому что: 1) не знаю, выйдут ли “*Скифы”*, 2) мысль о том, что надо их переписывать, лично потрясает меня (в них до 180 страниц)...» [13, с. 100].

29 апреля Разумник отвечал ему:

«“Александрия” опоздала для второго “Скифа” — особенно если она пойдет в Ваш сборник “Кризис сознания”. Если “Жест” пойдет туда же — и он пропал для “Скифа”; если нет — с удовольствием отвожу ему место в “Скифе”-втором» [13, с. 102].

Выход «Ритмического жеста» во втором альманахе «Скифов» обещает и авторское примечание в публикации «Жезла Аарона» в первом альманахе [21, с. 204]. Однако во втором выпуске «Скифов» в конце концов была опубликована только «Песнь Солнценосца».

Другой план — сделать «Ритмический жест» частью книги «Кризис сознания», который мыслился тогда как сборник статей. Сохранился листок, который, судя по всему, является авторским планом именно этого «Кризиса сознания». В нем перечисляются написанные и ненаписанные «статьи», которые должны в него войти, с указанием числа листов. Приведем его полностью[6]:

Материал

“Творчество мира”	1½ печ. листа (не готово: есть черновик)
“Александрия и мы в проблеме востока и запада”[7]	2 печ. листа
“Лев Толстой и культура”[8]	1½ печ. листа
“Кризис сознания”	2½ печ. листа
Символизм Круговое движение Нечто о мистике[9]	1½ печ. листа
Жезл Аарона	4 печ. листа
О ритмическом жесте (остаток не написан)	2½ печ. листа

1½ + 2 + 1½ + 2½ + 1½ + 4 + 2½ = *15½ печ. листов.*

[6] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 44 об.

[7] Доклад, который Белый написал в октябре 1916 г. (см.: [8, с. 666, 709]) и прочитал в Московском религиозно-философском обществе 30 ноября, а в Петербургском 12 февраля 1917 г. Текст доклада сохранился, издан: [4], перепечатан: [5].

[8] Напечатано в: [1].

[9] Белый объединяет фигурной скобкой довоенные статьи из «Трудов и дней». «Круговое движение» напечатано в: № 4–5, июль–октябрь 1912 г.

Из них на лицо:
2 + 1½ + 2½ + 1½ + 4 + 1½ = *12 печ. листов.*

Заголовок «материал», конечно, значит «имеющийся материал для книги».

План можно датировать, потому что трактат «О ритмическом жесте» обозначен на нем как незаконченный, а таким он был в марте 1917 г.; «Ритмический жест» стоит в последним (ср. начало «предисловия»: «Я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте...»[10]). Наброски самой статьи «Кризис сознания» из этого плана сохранились[11]; это ранний вариант части «Кризиса мысли». Сюда же, по-видимому, относятся и материалы, озаглавленные «Кризис знания»[12] (в составе которых, кстати, сохранился и сам план); они являются ранним вариантом части «Кризиса жизни».

Часть рукописей «О ритмическом жесте» сохранилась, а часть сохранившегося издана (см.: [3]). Ситуация с сохранившимися рукописями, однако, много запутанней, чем это отражено в указанной публикации. Хранящаяся в Отделе рукописей РГБ папка с названием «О ритмическом жесте. Разрозненные листы»[13] на самом деле содержит в себе перемешанные остатки *двух* редакций сочинения с таким названием; сам Белый в «Ритме как диалектике» говорит: «*Работа “О ритмическом жесте”, написанная в первой редакции еще в 1917 году»* [7, с. 198]; соответственно, вторая редакция — это, повидимому, та, которую потерял Городецкий.

К сожалению, фрагменты двух редакций не всегда можно различить по бумаге и почерку — они написаны на одинаковых больших листах, тем почерком Белого, который предназначался для «внешнего читателя» — машинистки или наборщика. Впрочем, некоторое различие все-таки есть: листы одной часто несколько потрепанней и почерк мельче (а исправлений — больше), но не настолько, чтобы этим можно было руководствоваться для надежного разграничения. Зато есть другой несомненный критерий: в одной редакции, которую мы считаем (и далее называем) ранней, первой, главки работы озаглавлены словами (например, «Стопа и диподия»), а схемы пронумерованы латинскими буквами (например, «рис. “а”»). Во второй редакции и главки, и схемы

С. 51–73; «Нечто о мистике» в: № 2, март–апрель 1912 г. С. 46–52. «Символизм» — по всей вероятности, открывающая тот же номер журнала статья «О символизме» (с. 1–7), а не но нельзя исключать, что статья с тем же названием из предыдущего номера (№ 1, январь–февраль 1912 г. С. 10–24).

[10] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. II.

[11] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 16.

[12] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 6.

[13] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 4. Ед. хр. 1.

просто пронумерованы арабскими цифрами; кроме того, все графики второй редакции[14] аккуратно начерчены отдельно, заранее, вырезаны и вклеены на листы рукописи (а текст без помарок «обтекает» их). Иногда правка позволяет проследить переход от первой редакции ко второй. Первая редакция свободней по стилю и затрагивает более широкий круг тем — от упоминания «толп на улицах Петрограда» до философско-мистических спекуляций. Второй редакции Белый явно хотел придать больше научной, стиховедческой строгости.

Первая редакция сохранилась почти целиком (во всяком случае, она имеет начало и конец). К ней относятся: первые два листа (л. II–III) с «Предисловием», описывающим «ритмический жест» современной автору истории и датированным «Сергиев Посад. 1917 год. 21 апреля». По сути это «предисловие» (в котором и говорится «Я кончал свою книгу работой о ритмическом жесте») относится не к собственно к «Ритмическому жесту», а именно к «Кризису сознания». После этих двух вводных листов Белый (или кто-то другой) подложил начало и несколько разрозненных листов второй редакции (листы 1–11; один лист, 72, пропущен и лежит в конце). Именно это — «Предисловие» и начальная главка второй редакции — было опубликовано С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым под заглавием «О ритмическом жесте» [3, с. 132–139]. С 12 листа начинается собственно текст первой редакции и последовательно продолжается (с двумя пропусками неизвестного объема) до листа 51 включительно. Этот лист содержит торжественный финал сочинения, подпись и дату: «1917 год. Сергиев Посад» (как мы знаем из писем к Иванову-Разумнику и «Жизни без Аси», конец марта). К одному из пропусков — между листами 32 и 33 — относятся (по соображениям содержания, а также по наличию на одном из них словесного подзаголовка) оказавшиеся в конце папки листы 83 и 81. Листы последней главки, «Ритм и смысл», 41–51, имеют также более раннюю нумерацию, 111–121; возможно, это указывает на значительный объем пропусков нашей редакции. Вероятно, в них, в главке «Линия ритма», располагались разборы ритмических кривых конкретных стихотворений, которые сейчас есть только в составе второй редакции.

Порядок листов первой редакции таков:

> II (начинается «Предисловие»), III, 12 (общее заглавие: «О ритмическом жесте»; начинается главка «Ритм есть жест»), 13–14 (начинается главка

[14] Кроме «рис. 5» на л. 52 (это не график, построенный на цифрах, а просто свободная фигура «смыслового жеста»), и последней (сложной и явно перечерченной откуда-то сводной таблице нескольких стихотворений Пушкина; она сама имеет то же происхождение, что схемы-наклейки на других, просто Белый не стал ее наклеивать, потому что она и так занимает целый лист).

«Атомизм нашей метрики»), 15–20 (главка «Стопа и диподия»), 21–25 (главка «Метод ‘Символизма’ и ритм»), 26, 27 (главка «Динамическая диподия [первая] и паузная [вторая] диметра»), 28–32 — [пропуск] — 83 — [пропуск] — 81 (главка «Линия ритма») — [пропуск] — 33–40 — [пропуск] — 41 (главка «Ритм и смысл»), 42–51.

Вопросы может вызывать только расположение листов 83 и 81, содержащих критику злоупотребления фигурами и рассуждение о qualitas и quantitas ритма; они подводят к описанию ритмической кривой (тезисом «вариации ямба нужно не употреблять не так, чтоб их было больше, а так, чтоб они поддерживали выразительность целого»).

Остальные листы в папке (52–80, 82) — совершенно перепутанные (возможно, отложенные за ненадобностью?) листы второй редакции. В восстановленном виде (реконструкция производится по прямым стыкам текста, а также по номерам главок и схем, в крайнем случае по смысловому соответствию порядка частей с другой редакцией) вторая редакция имеет не менее четырех лакун неизвестного объема (т. е., возможно, превосходящего сохранившиеся части) и не имеет конца (и нельзя утверждать, что она была доведена до конца).

Порядок листов второй редакции:

1 (заголовок: «О ритмическом жесте», главка 1), 72, 2–6 (главка 2), 56, 73, 57, 55, 80, 79, 78 (главка 3), 66 — [пропуск] — 9 (главка 4), 8, 59, 7, 74 (главка 5), 77, 76, 10, 75 (главка 6) — [пропуск] — 64, 65, 52, 53, 82, 60–63, 71, 11 — [пропуск] — 67, 68, 54, 69, 58 — [нет окончания].

Однако существует еще один обширный фрагмент черновиков «Ритмического жеста». Он хранится в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59) и озаглавлен «О непрерывной кривой» — хотя по рукописи ясно, что это заглавие шестой главки сочинения, с которой начинается фрагмент. Так будем называть его и мы (условно — ведь оно есть результат оплошности). Подзаголовок единицы хранения восходит к автору[15] и гласит «первая редакция книги “Диалектика ритма”». «Диалектика ритма» — это название книги «Ритм как диалектика», которым Белый пользовался уже после ее выхода, в начале 30-х гг.; оно имеется на титульном листе рукописи этой книги, сделанном, по-видимому, тогда же, для сдачи в архив в 1932 году (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 1), а также в «Ракурсе к дневнику» ([8, с. 505]; записи о ноябре–декабре 1927 года; де-

[15] Первая опись фонда Белого в РГАЛИ — материалы, сданные в архив им самим в 1932 году, нередко с его «титульными листами», описаниями (например, специально отсортированные и описанные черновые материалы по ритму — Ед. хр. 49–51), обращениями к будущим исследователям (таковое сопровождает, например, рукопись «Кризиса сознания» — Ед. хр. 65. Л. 4).

лались, надо полагать, в начале 30-х) и в книге «Между двух революций» (глава V, главка «Ритмический кружок»), законченной в 1933 году. Обозначая часть рукописи «О ритмическом жесте» как «первую редакцию книги “Диалектика ритма”», Белый имел в виду, что «Ритм как диалектика», вначале называвшаяся «О ритмическом жесте и “Медный всадник”» — последняя версия «Ритмического жеста» (см. выше).

Текст фрагмента не перепутан, но есть лакуны. На листах сначала три, потом четыре нумерации: две архивные и две авторские[16]. Авторские свидетельствуют о сокращении, произведенном между ними.

Строго говоря, эта редакция является *отдельной* от обеих редакций РГБ и писалась *между* ними. Об этом свидетельствует то, что главки имеют и словесные заголовки (как в ранней редакции), и номера (в поздней останутся только они), и то, что рисунки здесь именуются «чертежами» и нумеруются цифрами; наконец, на совпадающих фрагментах текста по правке можно показать, что «поздняя редакция» — это сокращение сохранившейся под названием «О непрерывной кривой».

Листы из этой редакции (условно «О непрерывной кривой») хранятся еще в двух папках ОР РГБ. В одной из них (содержащей также разрозненные листы машинописи первой редакции «Ритма как диалектики», — Ф. 25. Оп. 43. Ед. хр. 8.) обнаруживаются четыре листа с сохранившимися номерами (обозначены ниже в таблице *ргб*); из еще трех, относящихся к начальной части трактата, причем дающих понять, что критика злоупотребления фигурами и рассуждение о qualitas и quantitas ритма были переставлены между «первой редакцией» и «О непрерывной кривой». Кроме того, обороты 11 листов «Непрерывной кривой» были использованы для машинописи «Начала века», где и сохранились[17] (обозначены ниже в таблице *нв*). К сожалению, листы эти обрезаны и по краям и сверху; на обрезанное место попали не только две или три строки текста, но и номера листов. Тем не менее содержание и прямые стыки текста дают возможность расположить эти листы почти без проблем (это 9 листов разбора стихотворения А. Толстого, один лист, предшествующий сохранившейся части перед началом главки «Аритмия», — но не вполне совпадающий, немного переработанный).

[16] Происхождение двух архивных нумераций таково: после листа 8 случайно вложен лист с цитатами из «Евгения Онегина», не имеющий отношения к данной рукописи. В первой архивной нумерации он был пропущен, затем его пронумеровали (9). После него, начиная с 10, листы имеют и новый архивный номер, и старый (отстающий от него на единицу).

[17] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 42. Ед. хр. 1.

Общее состояние фрагмента (условно «О непрерывной кривой») таково:

основная архивная нумерация	поздняя авторская нумерация	ранняя авторская нумерация	начала главок
ргб 1		7	(критика злоупотребления фигурами; возможно, отсутствовала в первой редакции)
ргб 2		7 (sic)	
...			
ргб 3	13	19	(вариант текста из 5-ой главки первой редакции «Динамическая диподия...»)
...			
нк 1	23		VI. О непрерывной кривой
пропуск 2 лл.			‹VII. ...›
нк 2	25		
нк 3	26		
перебой (стыковка двух редакций)			
нк 4	27	42	VIII. Исчисление пауз
пропуск 5 лл.			
нк 5	33	48	
нк 6	34	49	
нк 7	35	50	‹IX.› Пример вычисления жеста
нк 8[18]	36	51	
нк 10	37	52	
нк 11	38	53	
нк 12	39	54	
пропуск 1 л.			
нк 13	41	56	
нк 14	42	57	
пропуск 15 лл.			
нк 15	58	73	
нк 16	59	74	
нк 17	60	75	
нк 18	61	76	
нк 19	62	77	
ргб 4	63	78	
нк 20	64	79	
нк 21	65	80	
нк 22	66	81	
нк 23	67	82	
нк 24	68	83	
нк 25	69	84	
нк 26	70	85	
нк 27	71	86	
нк 28	72	87	
нк 29	73	88	
нк 30	74	89	
ргб 5	75	90	

[18] О листе девять см. выше, прим. 20.

ргб 6	76	91	
пропуск 6 лл. (нв 319об)	сокращены 3 лл.		‹Х. ...› (теоретическое отступление?)
нк 31	80	98	XI. Аритмия
нк 32	81	99	
нв 328об	‹82›		
нв 327об	‹83›		
нв 326об	‹84›		
нк 33	85	102	
нв 325об	‹86›	‹103›	
нв 324об	‹87›	‹104›	
нв 323об	‹88›	‹105›	
нв 322об	‹89›	‹106›	
нв 321об	‹90›	‹107›	
ргб 8	91	108	
нв 320об	‹92›	‹109›	

Однажды Белый сделал еще одну, сокращенную переработку всего «Ритмического жеста», озаглавив ее «Ритм и смысл»[19] (как в первой редакции называется последняя глава «Ритмического жеста»)[20]; она опубликована [3, с. 140–146]. «Ритм и смысл» незакончен (текст обрывается на пересказе как раз последней главы). К нему, возможно, имеет смысл прибавить случайно сохранившуюся переработку отсутствующей там части заключения первой редакции, хранящуюся в ОР РГБ[21].

О том, что «Ритм и смысл» является сокращением «Ритмического жеста», говорит общий план и правка на листах ранней редакции, дающая текст «Ритма и смысла». Оно, повидимому, было предпринято для какого-то не осуществившегося издательского проекта, что ясно из авторского примечания в конце § 2: «Этого вопроса подробно касаюсь я в невышедшей книге моей “Кризис сознания” (см. глава “О ритмическом жесте”)»[22].

---

[19] Хранится в: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 84.

[20] В «Ракурсе к дневнику», через 14 лет, Белый ошибочно называет «Ритмом и смыслом» *все* сочинение, над которым он работал весной 1917 г. (хотя в той же строке говорит, что выступал с докладом «О ритмическом жесте»): «Февраль. Детское (Царское). Весь месяц собираю материал и пишу книжечку под заглавием “Ритм и смысл”» ([8, с. 433]); «Март. Сергиев Посад. <…> оканчиваю свой “Ритм и смысл”» ([8, с. 434]). Доклад же, о котором там говорится (в семинарии Венгерова), на самом деле он состоялся 14 октября 1917 г. и упомянут в письмах многочисленных присутствующих – К. Мочульского [19, с. 65; письмо от 16 октября], Б.М. Эйхенбаума [15, с. 293; письмо от 25 октября], А.А. Смирнова и Ю.Г. Оксмана [15, с. 327]. Таким образом, в этой заметке сразу две ошибки.

[21] ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 46. Ед. хр. 10; на листе авторский номер «99» и зачеркнутый «140». На обороте листа подсчет расходов, согласно пометке К.Н. Бугаевой — 1932 года.

[22] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 9.

Из этого же примечания следует, что «Ритм и смысл» писался, когда замысел «Кризиса сознания» еще не был забыт Белым и он еще считал трактат «О ритмическом жесте» частью сборника «Кризис сознания». Таким образом, «Ритм и смысл» был написан не позже весны 1918 года, потому что летом Белый отказался от первоначального замысла «Кризиса сознания» и начал формировать четырехчастный цикл «На перевале» из четырех «Кризисов», в частности, сделав из дававшей сборнику название статьи «Кризис сознания» книгу «Кризис мысли» (см. выше), и о плане «Кризиса сознания» 1917 г. больше никогда не вспоминал.

По содержанию три редакции «Ритмического жеста» и его сокращение, «Ритм и смысл», соотносятся так:

	Ранняя редакция	«О непрерывной кривой»	«Ритм и смысл»	Поздняя редакция
Предисловие (для «Кризиса сознания»)	лл. II–III		отсутствует	
Теоретическая часть: «интеграция элементов в целостность[23]»	пять главок (названия см. выше)	не сохранилось (не переделывалось для этой редакции?)	§ 1–2	гл. 1–3
«Практическая» часть: построение кривой Рема	шестая главка, «Линия ритма»	VI. О непрерывной кривой ‹VII.› VIII. Исчисление пауз	§ 2 (конец, краткое упоминание)	гл. 4 (о самой кривой), 5 (о «паузах»)
и примеры анализа стихотворений с ее помощью	не сохранились (не были написаны?)	‹IX.› Пример вычисления жеста ‹X.› *(теоретическое отступление)* XI. Аритмия	опущены	гл. 6 и далее
Заключение	главка «Ритм и смысл»	сохранился один лист переработки	§ 3–5	не сохранилось (не планировалось в этой редакции?)

Собственно «Ритмический жест» начинается с краткой манифестации основной темы: ритм — не отклонения от метра, но выразительность стихотворения как целого в неделимости формы и содержания (1 главка трех редакций — кроме средней). Дальнейшие главки излагают закономерный подъем мысли от минимального элемента — слога — через стопу, диподию, строку к целому стихотворению (единую ритмическую фигуру которого и фиксирует кривая Рема); это рассуждение подробней всего в первой редак-

[23] Выражение из самого «Ритмического жеста», ранняя редакция, л. 12.

ции, где занимает 4 главки; оно сокращено до двух главок в поздней редакции и до неполной главки в «Ритме и смысле». Его мысли в принципе изложены и в первой части «Ритма как диалектики», но уже в совсем другом виде, осложненном как бурной полемикой с коллегами по цеху, так и другим обстоятельством: начало «Ритма как диалектики» написано как ответ не только Томашевскому [22] и Шенгели [24], но и самому себе времен «Ритмического жеста», и логика автокоррективы делает изложение менее доходчивым. Начало же «Ритмического жеста» написано как независимый трактат. При этом становится яснее, что кривая Рема, как бы она не увлекала автора, является только иллюстрацией и доказательством его теоретических положений в области метрики, поэтики, теории символа и теории познания, вырастая из постепенного укрупнения всегда имеющих асимметричную ритмическую вершину единиц метрического анализа (слово-стопа, словосочетание-диподия, колон-строка, строфа, высказывание-стихотворение).

Существенный вопрос — соотношение ранней редакции и «О непрерывной кривой». О том, что это разные редакции, говорит различие способа нумерации главок и повтор в обеих рукописях одного отрывка (объяснения построения кривой Рема на примере начала «Евгения Онегина»; конец л. 1 «Непрерывной кривой» — сокращение л. 33 ранней редакции[24], л. 2 «Непрерывной кривой» — листов 39–40). Но об их близости говорит следующее:

а) одинаковая стилистика, свободная и эмоциональная, отличная от поздней редакции и «Ритма и смысла»; в рассуждение вставляются цитаты из стихов автора или из стихов Н. Клюева (которые отмечают патетические пики рассуждения в «Жезле Аарона» и в «Глоссолалии», так же писавшихся в 1917 г. и близких к «Ритмическому жесту» по теме); в обеих редакциях проходит лейтмотивом и сам образ жезла Аарона; не ретушируется ни интерес автора к теории знания (которой в конечном счете и посвящался «Кризис сознания»), ни его мистический опыт; в ранней редакции происхождение ритма приписывается антропософским иерархиям духовных существ, а в «Непрерывной кривой» к этому добавляется гимн ритмическому исследованию стиха, сказанный словами св. Симеона Нового Богослова;

б) имеется только упомянутые выше несколько листов с пересекающимся текстом (переделывал ли Белый остальные части?); очень похоже, что после них Белый взял лист из ранней редакции и прямо на нем стал писать продолжение «Непрерывной кривой» (сейчас это ее л. 4, зачеркнутая первая половина которого — непо-

[24] Предшествующий ее лист или листы, соответствовавшие самому началу «Непрерывной кривой», не сохранились.

средственное продолжение л. 40 ранней редакции); на нем, номером 42, начинается первая авторская нумерация «О непрерывной кривой», заставляя нас предполагать, что в «ранней редакции» до этого был 41 лист (31 из них цел, в них очевидны три пропуска);

в) вторая авторская нумерация «О непрерывной кривой» начинается таким образом (с номера 23), что отрывок может быть подложен как продолжение к первым 5 главкам первой редакции (сейчас они занимают 21 лист);

г) обе авторские нумерации «О непрерывной кривой» оставляют место для того, чтобы за ними шла авторская нумерация, имеющаяся на листах последней главы первой редакции; общее число листов, 121, тогда не противоречит тому, о котором Белый говорит в письме Иванову-Разумнику.

д) из первой редакции пронумерованы только листы последней главы, «Ритм и смысл», причем так, что они точно стыкуются с сохранившимся частями «О непрерывной кривой».

О датировке «Непрерывной кривой» говорит также следующее место: «*С 1912 года до 1917 года, т. е. целых 5 лет я внимательно проверял развиваемый тезис мой*»[25], — т. е. она пишется в 1917 г.

Не остается сомнений, что «О непрерывной кривой» — это остатки той переделки, за которую Белый взялся в апреле 1917 г., после того, как в марте уже счел книгу законченной, и о которой писал Иванову-Разумнику 4 апреля 1917 г. («...Остаток энергии поглощает книга, которую, весьма некстати, принялся переделывать» [13, с. 98]).

Можно предложить такой вариант реконструкции хода работы Белого. Ранняя редакция была доведена до «Линии ритма», а финальная глава «Ритм и смысл» написана отдельно. Следует отметить, что метод Рема сам по себе не предусматривает учета паузных форм — тогда как Белому они принципиально важны и в предшествующем изложении на них часто делается акцент. Много о них говорится и в «Линии ритма» — но не дается правила их учета в построении кривой. После какого-то перебоя в работе Белый начал с «Исчисления пауз», взяв для этой цели лист ранней редакции (можно предполагать, что здесь она обрывалась), и поставил первую нумерацию. Затем, обратив внимание, что в «Линии ритма» рассуждения о паузных формах теперь неуместны, он написал «VI. О непрерывной кривой» и, решив заменить на нее «Линию ритма», поставил вторую нумерацию.

В любом случае ясно, что эти две редакции близки хронологически, стилистически и содержательно и, будучи скомбинированы, демонстрируют хоть и не законченный вид сочинения «О ритмиче-

[25] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 16.

ском жесте», но все же его замысел и план, выраженный авторским текстом примерно одного времени с несущественными для смысла лакунами. Этот план остается неизменным и в сокращенной и сдвинутой в другой жанрово-стилистический регистр поздней редакции, и в напоминающем резюме «Ритме и смысле»; тот же план просматривается и в «Ритме как диалектике». Потому в публикации мы совмещаем их, получая практически целый и последовательный трактат.

Анализ конкретных стихотворений сохранился в «О непрерывной кривой» и в поздней редакции (если наши гипотезы верны, ранняя не была до него доведена). Список анализируемых стихотворений Пушкина, Лермонтова, Тютчева схож, а сравнение говорит о небольших сокращениях. В «О непрерывной кривой» после этой серии анализов следовала главка «Аритмия» с примерами неудачных стихотворений (пример взят из А.К. Толстого). Где-то в составе первой редакции (вероятно, перед описанием кривой Рема, демонстрирующей единство ритма хорошего стихотворения со смыслом), находился пример неудачного сознательного использования результатов ритмических исследований. Они взяты стихов В.Я. Брюсова (первая редакция) и Н.В. Недоброво (редакция «О непрерывной кривой»); в поздней редакции таковым остается стихотворение Н.В. Недоброво, и эта полемическая посылка вынесена в самое начало сочинения (то же в «Ритме и смысле»). Эти примеры — доказательство ценности кривой Рема, и естественно, что они выносятся на первое место по мере роста ее значимости в книге.

В поздней редакции не сохранилось следов заключительной главы ранней редакции; трудно сказать, что должно было там ему соответствовать, — ведь из предшествующего изложения там устранены моменты, подготавливающие его. Ему почти целиком посвящен «Ритм и смысл», в котором зато вынесена за скобки кривая Рема и штейнеровское учение о трех ступенях духовного познания. Таким образом, практико-стиховедческая и философская стороны «Ритмического жеста» оказались в работе Белого почти разведены; мы не знаем, каковы были теоретические экскурсы в законченной редакции, отправленной в 1921 г. в издательство (от нее не сохранилось конца). Неочевидны и причины, по которым главки «О непрерывной кривой» оказались хранящимися отдельно: вероятно, с тех пор как Белый начал писать эту часть отдельно, она так и оставалась, тогда как переделка целого, «поздняя редакция», была подложена к ранней редакции целого (возможно, эти листы с разборами конкретных стихотворений были извлечены при работе над «Ритмом как диалектикой»).

Весной 1918 г. Белый знакомится с молодым С.М. Алянским, организующем издательство «Алконост», получает от него заман-

чивые издательские предложения и летом — осенью 1918 г. пишет три «Кризиса» — «жизни», «мысли» и «культуры», изданные Алконостом [9; 10; 11]; он забывает о плане «Кризиса сознания» 1917 г., и о книге «О ритмическом жесте» (хотя постоянно читает лекции по ритмике).

Весной 1919 г. Белого охватывает лихорадка творческих планах, о которой можно судить по переписке с Алянским [12, с. 83–101]. Тогда он вспоминает и о «Ритмическом жесте». 7 мая 1919 г. Белый пишет Алянскому:

> «У меня есть статья о ритмич‹еском› жесте, которую не могу обнаружить уже 2 года; между тем она — до крайности нужна; Сакулин, проф. Розанов[26] и прочие *“университетские”* пристают, говоря, что мои работы о ритме им нужны для студенческих семинариев. Напишите, если нужна, то я — пришлю» [12, с. 92].

«Не могу обнаружить» следует понимать как «не могу обнаружить в своих бумагах», т.е. Белый имеет в виду, что не вспоминал об этой работе с 1917 по 1919 г. (и если понимать его слова буквально, то даже сокращение «Ритм и смысл» сделано еще в 1917 г.); вероятно, после этого Белый все-таки ее нашел и однажды принялся за переделку, которую сдал потом Городецкому. Это письмо Алянскому дает нам terminus post quem для датировки поздней редакции, упоминаний о работе над которой не сохранилось. Сухой и чисто стиховедческий (сравнительно с первой редакцией) характер второй может говорить о том, что Белый видел адресатов в «Сакулине, Розанове и прочих “университетских”».

Итого, датировка четырех рукописей такова:

— «О ритмическом жесте», ранняя редакция (глава «Кризиса сознания») — февраль–март 1917 г., по рукописной дате и совокупности свидетельств;

— фрагмент, условно называемый «О непрерывной кривой» — продолжение ранней редакции, апрель 1917 г. (та же глава «Кризиса сознания», которую Белый стал «некстати переделывать»); в совокупности с «ранней редакцией» дает почти полный трактат;

— «Ритм и смысл» (сокращение ранней редакции для неосуществившейся публикации) — 1917 или 1918 г. (не позднее весны), по примечанию с упоминанием полной версии в составе «Кризиса сознания» и по письму к Алянскому 7 мая 1919 г.;

— «О ритмическом жесте», поздняя редакция (отдельная книга, собственно по стиху, в которой ликвидированы следы стиля и

[26] П.Н. Сакулин (1868–1930) — литературовед, в 1917–1921 гг. проф. историко-филологического факультета Московского университета; И.Н. Розанов (1874–1959) — литературовед, в то время проф. того же факультета.

содержания «Кризисов») — 1919–1921 гг. (не позднее даты окончания «Ритмического жеста», указанной К.Н. Бугаевой, но позднее письма к Алянскому от 7 мая 1919 г.).

Как вспоминал П.Н. Зайцев, весной 1924 г. Белый снова пытался пристроить в печать «Ритмический жест» [16, с. 64] и давал Зайцеву рукопись (возможно, ту, с которой была сделана пропавшая в 1921 г. машинопись). Ее судьба тоже неизвестна.

Еще через три года, в 1927 г., очередная переработка дала книгу «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».

Литература

1. *Андрей Белый.* Лев Толстой и культура // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 142–171.

2. *Андрей Белый.* Ритм как диалектика и «Медный всадник» Пушкина. М.: Федерация, 1929.

3. *Андрей Белый.* К вопросу о ритме; К будущему учебнику ритма; О ритмическом жесте; Ритм и смысл / Публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Т. 12: Структура и семиотика художественного текста. С. 112–146. (Учен. зап. / Тарт. ун-т. Вып. 515).

4. *Андрей Белый*. Александрийский период и мы в проблеме «Восток и Запад» / Изд. М. С. Киктев // Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278.

5. *Андрей Белый*. Александрийский период и мы в проблеме «Восток и Запад» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]: История в материалах и документах [1907–1917]. Т. III. М.: Русский путь, 2009. С. 476–498.

6. *Андрей Белый*. Линия жизни / Отв. ред. М.Л. Спивак, сост. И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак. М.: Наука, 2010.

7. *Андрей Белый*. Собрание сочинений. Т. XIV. Ритм как диалектика и «Медный всадник» / Сост., подг. текста, статья, комм. Д.О. Торшилова. М.: Дмитрий Сечин, 2014.

8. *Андрей Белый*. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад; подг. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак // Литературное наследство. Т. 105. М.: Наука, 2016.

9. *Андрей Белый.* На перевале. I. Кризис жизни. СПб.: Алконост, 1918.

10. *Андрей Белый.* На перевале. II. Кризис мысли. СПб.: Алконост, 1918.

11. *Андрей Белый.* На перевале. III. Кризис культуры. СПб.: Алконост, 1920.

12. *Андрей Белый и С.М. Алянский* / Предисловие и публикация Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. № 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 67–115.

13. *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка / Изд. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. СПб.: Atheneum, Феникс, 1998.

14. *Бугаева К.Н., Петровский А.С., <Пинес Д.М.>* Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Том 27/28. М.: Наука, 1937.

15. Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / Публ. Н.А. Жирмунской, О.Б. Эйхенбаум // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 256–329.

16. *Зайцев П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак, вступ. статья, комм. М.Л. Спивак, Дж. Малмстада и др. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

17. *Лавров А.В.* Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

18. *Лидин В.Г.* Люди и встречи. М.: Московский рабочий, 1965.

19. *Мочульский К.* Письма к В.М. Жирмунскому / Публ. и комм. А.В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35. С. 52–87.

20. «…Россия — это мое». Письма Андрея Соболя Владимиру Лидину (1916–1926) / Публ., подг. текста, вступ. ст., прим. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. № 41. 2012.

21. Скифы / Ред. А.И. Иванчин-Писарев (†), Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский. Сборник I. Пг.: Скифы, 1917.

22. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.–Л.: Госиздат, 1925.

23. *Торшилов Д.О.* Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 209–223.

24. *Шенгели Г.А.* Трактат о русском стихе. Одесса: Всеукр. гос. изд., 1921.

References

1. Andrei Belyi. *Lev Tolstoi i kul'tura [Leo Tolstoy and Culture]*. In: O religii L'va Tolstogo [On The Leo Tolstoy's Religion]. Moscow, Put' Publ., 1912, pp. 142–171. (In Russ.)

2. Andrei Belyi. *Ritm kak dialektika i «Mednyi vsadnik» Pushkina [Rhythm as Dialectics and "The Bronze Horseman" by Pushkin]*. Moscow, Federatsiia Publ., 1929. (In Russ.)

3. Andrei Belyi. *K voprosu o ritme; K budushchemu uchebniku ritma; O ritmicheskom zheste; Ritm i smysl [On the Question of the Rhythm; For the Future of the Textbook of Rhythm; About Rhythmic Gesture; The Rhythm and the Meaning*], ed. S.S. Grechishkin, A.V. Lavrov. In: Trudy po znakovym sistemam [Sign Systems Studies]. Tartu, 1981. T. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta [The Structure and Semiotics of Art Text], pp. 112–146. (Uchen. zap. Tart. univ., Vyp. 515). (In Russ.)

4. Andrei Belyi. *Aleksandriiskii period i my v probleme «Vostok i Zapad» [The Alexandrian Period and We in the Problem of "East and West"]*, ed. M.C. Kiktev. Ariavarta. 1998. № 2, pp. 257–278. (In Russ.)

5. Andrei Belyi. *Aleksandriiskii period i my v probleme «Vostok i Zapad» [The Alexandrian Period and We in the Problem of "East and West"]*. In: Religiozno-filosofskoe obshchestvo v St. Petersburge (Petrograde): Istoriia v materialakh i dokumentakh (1907–1917) [Society of Religion and Philosophy in St. Petersburg (Petrograd): History in the Materials and Documents (1907–1917)]. T. III. Moscow, Russkii Put' Publ., 2009, pp. 476–498. (In Russ.)

6. Andrei Belyi. *Liniia zhizni [Line of the Life]*, ed. M.L. Spivak with I.B. Delektorskaia, E.V. Nasedkina, M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2010. (In Russ.)

7. Andrei Belyi. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. T. XIV. Ritm kak dialektika i «Mednyi vsadnik» [Rhythm as Dialectics and "The Bronze Horseman"

by Pushkin], ed., comm., preface D.O. Torshilov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2014. (In Russ.)

8. Andrei Belyi. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Autobiographical Summaries: The Material for the Biography. Perspective to the Diary. Records and Registrations. Diaries of Thirties]*, edd. A.V. Lavrov, J. Malmstad, M.L. Spivak. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. T. 105. Moscow, Nauka Publ., 2016. (In Russ.)

9. Andrei Belyi. *Na perevale [On the Mountain Pass]*. I. *Krizis zhizni [Crisis of the Life]*. St. Petersburg, Alkonost Publ., 1918. (In Russ.)

10. Andrei Belyi. *Na perevale [On the Mountain Pass]*. II. *Krizis mysli [Crisis of the Thought]*. St. Petersburg, Alkonost Publ., 1918. (In Russ.)

11. Andrei Belyi. *Na perevale [On the Mountain Pass]*. III. *Krizis kul'tury [Crisis of the Culture]*. St. Petersburg, Alkonost Publ., 1920. (In Russ.)

12. Andrei Belyi, S.M. Alianskii. *Perepiska [Correspondence],* publ., comm., preface J.Malmstad. In: *Litsa. Biograficheskii al'manakh [The Faces. Biographical Almanac]*. № 9. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 67–115. (In Russ.)

13. Andrei Belyi, Ivanov-Razumnik. *Perepiska [Correspondence],* ed. A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. (In Russ.)

14. Bugaeva K.N., Petrovskii A.S., <Pines D.M.> *Literaturnoe nasledstvo Andreia Belogo [Literary Heritage of Andrei Bely]*. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Tom 27/28. Moscow, Nauka Publ., 1937. (In Russ.)

15. *Perepiska B.M. Eikhenbauma i V.M. Zhirmunskogo [Correspondence of B.M. Eichenbaum and V.M. Zhirmunsky]*, ed. N.A. Zhirmunskaia, O.B. Eikhenbaum. Tynianovskii sbornik. Tret'i Tynianovskie chteniia. Riga, Zinatne Publ., 1988, pp. 256–329. (In Russ.)

16. Zaitsev P.N. *Vospominaniia [Memories]*, ed. M.L. Spivak, J. Malmstad. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. (In Russ.)

17. Lavrov A.V. *Razyskaniia i etiudy [Researches and Studies]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. (In Russ.)

18. Lidin V.G. *Liudi i vstrechi [People and Meetings]*. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1965. (In Russ.)

19. Mochul'skii K. *Pis'ma k V.M. Zhirmunskomu [Letters to V.M. Zhirmunsky]*, ed., comm. A.V. Lavrov. NLO. 1999. № 35, pp. 52–87. (In Russ.)

20. «…Rossiia — eto moe». Pis'ma Andreia Sobolia Vladimiru Lidinu (1916–1926) ["...Russia — it's mine." Letters of Andrew Sobol to Vladimir Lidin (1916–1926)], ed., comm., preface V. Khazan. Toronto Slavic Quarterly. № 41. 2012. (In Russ.)

21. *Skify [The Scythians]*, red. A.I. Ivanchin-Pisarev (†), R.V. Ivanov-Razumnik, S.D. Mstislavskii. Sbornik I. Petrograd, Skify Publ., 1917. (In Russ.)

22. Tomashevskii B.V. *Teoriia literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics]*. M.–L.: Gosizdat Publ., 1925. (In Russ.)

23. Torshilov D.O. *Mirovaia voina i tsikl «Krizisov» Andreia Belogo [The World War and the Andrei Bely's Cycle of "Crises"]*. In: Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy [Russian Journalism and Periodicals in the Era of the First World War: Politics and Poetics. Research and Materials]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 209–223. (In Russ.)

24. Shengeli G.A. *Traktat o russkom stikhe [Treatise on Russian Verse]*. Odessa: Vseukr. Gos. Izd. Publ., 1921. (In Russ.)

Reconstruction of Andrei Bely's Book “On Rhythmic Gesture”

Dmitry O. Torshilov

Abstract: Andrei Bely's Book “On the Rhythmic Gesture” was lost in 1921. However, it is possible to reconstruct it by several saved drafts and by cuts, made by Bely. The main source of the text — the storage unit of the Russian State Library (RGB) — contains mixed fragments not of one, sed of two different versions of the book. The fragment preserved in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), is connected with the first version. Comparing them with each other, with the later Bely’s book “Rhythm as Dialectics and *The Bronze Horseman* by Pushkin”, with Bely’s letters to R.V. Ivanov-Razumnik and S.M. Alyansky, and with other sources of evidence, makes possible to restore the lost book almost entirely, as well as to find the date of the first version of the RGB (it is February–March 1917), of the RGALI fragment (which can be joined with some of the documents; it is April 1917), of a brief retelling, called the author “Rhythm and Meaning” (no later than the spring of 1918); date of the second RGB version is 1919–1921.

Keywords: Andrei Bely, reconstruction, philology, textual criticism, poetics, the verse study, Russian poetry, Russian revolution.

Information about the author: Torshilov Dmitry O. PhD, Associate Professor, Department of Classical Philology of the Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities. Moscow. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-255-271
УДК 82(09) ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

К летописи жизни и творчества Игоря Северянина

А.Л. Соболев

Аннотация: На основании архивных и печатных материалов уточняются отдельные факты биографии Игоря Северянина, преимущественно даты и адреса его турне и поездок 1914–1918 гг. Особый интерес представляют новонайденные документы о получении поэтом в 1921 г. эстонского гражданства, а также сведения из его российской «Паспортной книжки».

Ключевые слова: Игорь Северянин, летопись жизни и творчества, документы биографии, русская литература первой трети XX в., историография.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь. Москва. E-mail: trirodov@gmail.com

3 марта 1921 года Игорь Северянин, практически безвылазно (за исключением короткой поездки в Ригу) проживавший в Эстонии почти три года, подает официальное ходатайство о получении эстонского гражданства:

Господину Министру внутренних дел

гражданина Игоря
Васильевича Лотарева
(поэта Игоря-Северянина),
проживающего в мест[е] Toila,
Везенбергского уезда,
Чудлейльской [sic!] вол[ости],

ПРОШЕНИЕ

Проживая с 1914 г. в Эстии, я, нижеподписавшийся, русский подданный, решил ныне, руководствуясь давнишними симпатиями к вышеназванной стране и желая проживать в ней и впредь постоянно, перейти в эстонское подданство, о чем и имею честь просить Вас, Господин Министр, мне способствовать. Родился я 4-го мая 1887 г. в С.-Петербурге, к которому приписан, холост, в 1908 г. был зачислен ратником 2-го разряда, в 1915 г. был освобожден навсегда от воинской повинности, получив белый билет.

Игорь Лотарев (Северянин).

3 марта 1921 г.
Ревель.

Я холост, проживаю по вышеуказанному адресу, православного вероисповедания, по профессии литератор.

Игорь Лотарев (Северянин)[1].

На прошении были наклеены три акцизные марки, чужим почерком проставлена дата (5 марта 1921 г.) и номер (А 9628): очевидно, в этот день оно было зарегистрировано в министерской канцелярии. Номер листа по первоначальной архивной (или делопроизводственной) фолиации — 233, но потом прошение обособилось от себе подобных и легло первым листом в отдельную единицу хранения.

Одобрено оно было, вероятно, к концу лета, поскольку следующий документ (если не считать отрывного корешка от уведомления о вручении) — это чек на тысячу марок, отправленный Северяниным 24 августа 1921 года; в графе «назначение» указано (по-эстонски, конечно) «взнос для получения гражданства».

В тот же день Северянин принес стандартную присягу:

«КЛЯТВА ГРАЖДАНИНА

Я, гражданин Эстонской Республики, подтверждаю и клянусь оставаться верным демократии Эстонской Республики и ее законному правительству, а также безукоризненно выполнять все действующие законы, постановления и свои гражданские обязанности, учитывая, что в противном случае мне грозит законное наказание»

(оригинал по-эстонски; типографский бланк с подписью-автографом присягающего).

17 сентября эпопея была завершена: Северянину, титулуемому «бывший русский гражданин», было отправлено извещение о том, что с 5 сентября 1921 года он — полноправный эстонский подданный.

Отрекаясь от старого гражданства, он сдал в канцелярию два основополагающих личных документа уже не существующей Российской Империи — паспорт и «Свидетельство о выполнении воинской повинности», которые были подшиты в ту же архивную папку. Это обстоятельство, ничем внешне не примечательное, имеет довольно большой реконструктивный потенциал: дело в том, что, согласно действовавшим в России законам, любой гражданин, отлучающийся со своего места жительства, обязан был зарегистрироваться в полиции в пункте прибытия. Поспешность этого дела варьировалась в зависимости от ситуации: в некоторых случаях гражданин должен был «прописаться» в течение суток, иногда —

[1] Национальный архив Эстонии (Rahvusarhiiv). Ф. 14 (Дела о гражданстве). Оп. 14. Ед. хр. 1000. Далее документы из этой архивной папки цитируются без сноски. Пользуюсь случаем принести благодарность Т.В. Мисникевич за разъяснение одного принципиального вопроса.

за семьдесят два часа. В этом отношении гостиницы отличались щепетильностью и стремились представить паспорт постояльца немедленно: для партикулярного лица наказание за просрочку было ничтожным, но для отеля хорошие отношения с местной полицейской властью были принципиальны[2]. Впрочем, скрупулезное соблюдение правил было не повсеместным — и даже гостиницы порой медлили с регистрацией гостя сутки, а то и двое.

Чиновник полицейского ведомства делал в паспорте отметку (на манер сегодняшнего штампа о прописке), куда заносил дату прибытия, место регистрации, номер, за которым странник зафиксирован в книге учета проезжающих и иногда, в разных городах, что-нибудь еще — например, профессию постояльца. Благодаря этому паспорт имярека — превосходный источник для описания его переездов, позволяющий с исключительной точностью вычертить не только собственно график перемещений, но и некоторые попутные, но принципиальные для историка, обстоятельства.

В паспорте Северянина, который он получил осенью 1913 года[3] и сдал на вечное хранение в эстонский архив летом 1921-го, проставлено пятьдесят четыре штампа о прописке, пятьдесят один из которых полностью или частично удалось разобрать. Оттиснуты они почти в произвольном порядке: дело в том, что бланк документа не был рассчитан на столь подвижного гражданина, из-за чего чистые листы, специально оставленные для отметок, быстро кончились — и полицейские стали беспорядочно расставлять их по всем листам (избегая, впрочем, первых), зачастую заезжая одним штампом на другой и даже перекрывая его полностью, что порождало трудный для чтения бюрократический палимпсест. Для удобства пользования я разместил извлеченные из паспорта сведения в хронологическом порядке — но перед тем, как перейти к их перечислению, следует охарактеризовать собственно документ.

---

[2] Подробнее см.: Устав о паспортах. С изменениями в соответствии с Высочайшим указом 5 октября 1906 г., дополнительными узаконениями и разъяснениями Прав. Сената и административных учреждений, обнародованными по 1 марта 1910 г., и с прибавлением извлечений из других частей Свода Законов, относящихся до паспортных постановлений и прав жительства евреев и алфавитным предметным указателем / Сост. Л.М. Роговин. СПб., 1910. С. 58–63.

[3] История его получения хорошо документирована: паспорт понадобился Северянину для совершения турне по России в компании А.Н. Чеботаревской и Ф. Сологуба; последний помогал ему в преодолении бюрократических препятствий. Подробнее см.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 705–707.

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА
Бессрочная

Выдана: Приставом 4-го уч. Спасской части С.-Петербургской Столичной Полиции тысяча девятьсот тринадцатого года ноября месяца 30 дня Игорю Васильевичу Лотареву.

Владелец книжки:

1. Имя, отчество, фамилия: Игорь Васильевич Лотарев.
2. Звание: сын отставного штабс-капитана.
3. Время рождения: 4 мая 1887 года.
4. Вероисповедания: Православного.
5. Место постоянного жительства: г. Петербург.
6. Состоит ли и состоял ли в браке: холост.
7. Отношение к отбыванию воинской повинности: являлся к исполнению воинской повинности в 1913 году и зачислен в ратники ополчения второго разряда.
8. Документы, на основании которых выдана паспортная книжка: паспортная книжка, выданная Дальненским полицейским управлением 12 Декабря 1903 г. за № 16 230 по 4 мая 1908 г., выпись из метрической книги причта Введенской л-гв Семеновского полка церкви от 14 Апреля 1911 за № 495 о рождении и крещении и свидетельство о явке к исполнению воинской повинности из СПБ городского по воинской повинности присутствия от 9 ноября 1913 за № 27.

Приведенные далее сведения носят по преимуществу уточняющий характер: факт большинства засвидетельствованных ими поездок давно известен из трудов основоположников изучения биографии И. Северянина — прежде всего Р. Крууса, Д.С. Прокофьева, М.В. Петрова и А.В. Крусанова[4]. Но отдельные (довольно, впрочем, многочисленные) детали, выявляемые ныне, до сих пор не учитывались в реконструкции биографии поэта.

1913

2 декабря 1913. Петроград. Средняя Подьяческая, д. 5.

[Главный петербургский адрес Северянина; он указывался против его фамилии в адресных книгах и упоминался в пародиях: «Живу на Средней на Подьяческой, / Но к славе лезу, точно мул» (Венский Евг. В тылу: Сатира. Юмор. Лирика. СПб., 1916. С. 70–71). Это дом, принадлежавший старшей сестре Северянина (от первого брака матери) З.Г. Домонтович (1875–1907). После ее смерти он был продан с условием, что одна из квартир поступает в пожизненное владение Н.С. Лотаревой, матери поэта; см.: Петров М. Дон-Жуанский список Игоря-Северянина. История о любви и смерти поэта. Таллинн. 2002. С. 96–97. Позже ему случалось жаловаться на непростые жилищные условия: «А ехать в Петерб. к маме, в две комнаты, к кошкам и всей той мерзости — благодарю покорно». — Письмо к Л.Д. Рындиной от 6 августа 1914 г. // Игорь Северянин. Царственный паяц / Сост. В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб., 2005. С. 107.]

30 декабря 1913. Ялта. Гостиница «Франция».

[Северянин отправился в Крым вместе с В. Маяковским по приглашению Вадима Баяна; ср. в письме последнего к С.А. Венгерову от 30 января 1914 г.: «С 1-го по 25-е февраля совершаю литературное турнэ с Игорем Северянином [так!] по крупнейшим городам России» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 1); ср. неутешительный итог: «Между прочим имел неосторожность выступить в нескольких городах с бесцеремонными кубо-футуристами из-за которых много перестрадал нравственно и попусту потратил 3000 р.» (письмо к Ф. Сологубу от 21 апреля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 16). Уже на склоне жизненного пути тот же Баян анонсировал обширные воспоминания: «Во вторых, Вам, как исто-

[4] Все сведения о литературных турне Северянина (за исключением специально оговоренных) извлекаются из фундаментальной монографии, аккумулировавшей, среди прочего, разыскания предшественников: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Кн. 2. М., 2010; Т. 2. Кн. 1. М., 2003.

рику и составителю биографий знаменитых людей, безусловно полезно будет иметь в запасе мои воспоминания об Игоре-Северянине, которых наберется в пять раз больше, чем о Маяковском, потому что мое многолетнее общение с ним было насыщено множеством красочных эпизодов и курьезных фактов из жизни этого оригинальнейшего новатора в поэзии до Маяковского» (письмо к В.А. Катаняну от 10 июня 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 4–4 об.). Несмотря на это, основной мемуарный текст Баяна о Северянине — «Маяковский в первой олимпиаде футуристов» (перепечатано: Игорь Северянин глазами современников / Сост. В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева. СПб. 2009. С. 120–140). О поездке см. также: *Поливанов К.М.* Пастернак и современники. М., 2006. С. 119–123).

«Франция» — одна из трех крупнейших городских гостиниц. Расположена на набережной. 45 номеров, стоимостью от 1 до 9 руб. (Ялта и ее ближайшие окрестности. (Справочная книжка). Издание Н.Р. Лупандиной. Ялта, 1897. Вклейка после с. 68). Футуристы занимали один номер на всех; ср. в поздних воспоминаниях: «Маяковский любил со мной разговаривать больше, чем с Северяниным, потому что я жил дома и высыпался, а в поездке с Ховиным, Эсклармондой Сергеевной [С. Шамардиной] и Северяниным не мог высыпаться в общем номере, и был слаб, как цыпленок-задвохлик [так!]. Таким они и помнят меня» (письмо В. Баяна к Л.Ю. Брик от 21 июня 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 11).]

31 декабря 1913. Симферополь.

[Северянин приехал в Симферополь в рамках того же турне. Новый 1914 год он вместе с Баяном и Маяковским встречал в «Театре Таврического дворянства».]

1914

9 января 1914. Севастополь. «Северная гостиница».

[В этот же день Северянин выступал в зимнем зале Общественного городского собрания вместе Баяном, Маяковским и Д. Бурлюком.

«Северная гостиница» упомянута в путеводителе среди лучших гостиниц города. «Все эти гостиницы первоклассные, удобные, даже комфортабельные, и находятся близ пароходной пристани в лучшей центральной части города» (*Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму. Изд. 5-е. Одесса. 1896. С. 61).]

13 января 1914. Керчь. Ул. Карантинная, 3.

[В этот день футуристы выступали в Зимнем театре. Здесь же между участниками выступления произошел скандал, в результате которого Северянин прервал турне и вернулся в Петербург. Жи-

ли они в гостинице «Приморской», где их посетил местный поэт: «И вдруг меня осеняет прозрение: да ведь те бритые джентльмены, проскользнувшие мимо моего рассеянного взора в „Приморскую”, и есть, несомненно, они — Северянин, Бурлюк, Маяковский, Баян!

И я мгновенно принимаю великое решение.

Гимназия — к черту! Гимназисточка — по боку! Я сейчас пойду в „Приморскую”! Пойду к ним!.. Я прочту им... мои… стихи!..

У меня колотится сердце; я мчусь по липкому осеннему тротуару.

„Приморская”. Вхожу в вестибюль. На черной доске постояльцев мелом написаны фамилии; „Дурацевич”..., „Попандопуло”..., „Бурлюк”. Номер такой-то.

Иду по красной дорожке пустынного коридора. Вот этот номер. У меня холодеют пальцы. А вдруг они меня не примут? А если они скажут, что мои стихи плохи, что я бездарность?

Уйти?

Нет! — и я сильно стучу в дверь.

За дверью слышна какая-то суета, движение. И только через полминуты резкий и повелительный голос произносит:

— Войдите.

Вхожу. Обыкновенный „роскошный номер” провинциальной гостиницы. Справа диванчик, перед ним стол, окруженный стульями, слева ширмы» (*Шенгели Г.* Игорь Северянин // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 382–383; публ. К.Ю. Постоутенко).

По итогам прервавшегося турне В. Баян жаловался своему приятелю, одновременно упрекая его за нерадивость: «[...] утопаю в долгах и не знаю, что с ними придется делать, не разориться бы, но главное, все это делалось для общего с Вами блага, мне хотелось с Вами вместе выступить в Симф[ерополе] и отправиться в турнэ. Все что от меня зависело я сделал: устроил начало в Симф[ерополе] и Севаст[ополе], выслал авансы Вам, Север[янину], Маяковск[ому] и Игнатьеву, влезал в долги, вытягивал все жилы для нашего с Вами блага. О других я меньше всего заботился, потому что Сев[ерянин] не нуждается в славе, а с другими — черт! Все делалось только для нас с Вами. Маяковск[ий] и Сев[ерянин] приехали за 10 дней до выступл[ения], растосковались, и Маяк[овский] стал поговаривать о возвращении в Москву, указывая на то, что здесь скучно и авансов мало даю, что я должен был сделать, по вашему? Конечно выдавать авансы в счет турнэ будущего. Позорно было бы посрамиться, перед Симферополем и печатью упустив выступающих. В том, что Вы не приехали я не виноват, я только глубоко сожалел о моем близком и лучшем друге, Вы видели, что я и теперь и раньше все делал что было возможно для Вас и для других, но что же делать? Мог ли я убедить Ваших начальников отпустить

Вас? Потеряв деньги, я не хотел терять и Северянина ибо с Маяковским и др. мне не вынырнуть». — Письмо В. Баяна к Б.Д. Богомолову от 31 января 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 17; существенная его часть процитирована в указанной работе К.М. Поливанова.]

18 января 1914. Санкт-Петербург. Средняя Подьяческая, д. 5.

1 февраля 1914. Екатеринослав. Гостиница «Метрополь».

[С Екатеринослава началось следующее турне Северянина, организованное им с помощью того же Баяна сразу после неудачно завершившегося в Керчи. 3 декабря вместе с В. Баяном, В. Ховиным и С. Шамардиной он выступал в Зале Общественного собрания. Гостиница «Метрополь» — «Центральная пл., д. 1» (Справочная книга «Весь Екатеринослав». Изд. Л.И. Сатановского. Екатеринослав, 1914. С. 277).]

5 февраля 1914. Елисаветград. Гостиница «Россия».

[Продолжение турне. В тот же день и в той же компании Северянин выступал в Зале Общественного собрания.]

7 февраля 1914. Одесса. Николаевский бул., д. 11.

[Последний пункт этого турне. Состоялись два выступления — 7 февраля и 12 февраля (оба в зале «Унион»). Разочарованный импресарио жаловался: «Ввиду того, что в 1-м турнэ Маяковский и Ко пропили моих денег 1300 рублей я не мог много затратить на второе турнэ и затратил 1200 р. Северянин и лично и письменно обещал мне шаляпинские сборы и тем понудил к скорейшей организации вечеров. Я, как мальчик (действительно, как мальчик) верил и тратил деньги надеясь получить возмещение за свои траты. Сборы были такие: в Екатеринославе 32 р., в Елисаветграде 290, в Одессе на первом вечере 310, а на втором 109. Мог ли я предполагать, что имя Северянина с маркой „футуризм” в Одессе при хороших газетных отзывах даст сбор в 109 р.? Что это за имя, если такие сборы и имеет ли право он порицать меня если всецело жил и кутил на мои деньги? Невзирая на ничтожные сборы он пожелал остановиться в лучшей гостинице — „Лондонской” над морем и раскатывался на автомобилях, при чем пил только ликеры, стоящие по 8 р. бутылочка». — Письмо В. Баяна к Б.Д. Богомолову от 8 апреля 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 18.

По указанному адресу действительно располагалась гостиница «Лондонская». Ср. также в письме Баяна к Б.В. Смиренскому осени 1959 г.: «А жили мы широко и притом в самой шикарной гостинице, — в Лондонской, — занимали два номера, один для мужчин, другой для Эсклармонды. В конечном счете к моменту отъезда у нас не было ни копейки денег — ни на жизнь, ни на билеты для

отъезда из Одессы. Задолжали за гостиницу 400 рублей да за театр рублей 100» (Минувшее. Исторический альманах. Т. 23. СПб., 1998. С. 360; публ. А.Л. Дмитренко и А.В. Крусанова).]

19 (12?) февраля 1914. Санкт-Петербург. Средняя Подьяческая, д. 5.

30 марта 1914. Москва. Софийская наб., д. 34.

[В этот день состоялся вечер Северянина в Большой аудитории Политехнического музея, предварявшийся лекцией В. Ходасевича. Указанный адрес (иногда имеющий форму «дом Гагарина») принадлежал огромной гостинице «Софийское подворье», в которой Северянин почти всегда останавливался по приезде в Москву. По емкому определению путеводителя, «подворья — те же гостиницы, но еще рангом ниже меблированных комнат» (*Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Москве и окрестностям. Изд. 2-е. Одесса, 1908. С. 21–22); впрочем, этот же источник называет «Софийское подворье» среди лучших образцов жанра.]

16 апреля 1914. Москва. Адрес неразборчив, но на территории 3-го участка Тверской части.

[Цель этого визита Северянина известна — 15-го апреля он давал очередной «поэзо-концерт» в Большой аудитории Политехнического музея, но адрес установить не удалось: против обыкновения, это не было «Софийское подворье», приписанное к Якиманской части.]

15 мая 1914. Везенбергский уезд. Название населенного пункта неразборчиво, но возможно это Раквере, т.е. уездный город Везенберг.

[Эта запись позволяет точнее датировать приезд Северянина в Эст-Тойлу, где он поселится несколько лет спустя. Северянин здесь жил летом 1913 и 1914 гг., снимая дачу по соседству с Ф. Сологубом и А. Чеботаревской.]

23 декабря 1914. Москва. Дом Гагарина, Софийская набережная.

[22 декабря у Северянина был вечер в новой Большой аудитории Политехнического музея, предварявшийся докладом В. Ховина. Вряд ли он пробыл в Москве до следующего своего выступления, назначенного на 31 января 1915 г.]

1915

14 февраля 1915. Харьков. «Большая Московская» гостиница.

[С Харькова начиналось новое турне Северянина, о котором он писал Л.Д. Рындиной 15 января 1915 г.: «20-го янв[аря] еду в Харьков, Полтаву и Кременчуг. Вернусь сюда 26-го» (Игорь Северянин.

Царственный паяц. СПб., 2005. С. 109). Намерение это отложилось и в Харькове он оказался только 14 февраля. Поэзовечер прошел в зале Общественной библиотеки; предварен он был докладом В. Ховина.

Гостиница «Большая Московская» располагалась по адресу «Ул. Клочковская, д. 1»; согласно путеводителю, в ней было «100 комнат от 1 р. 50 к.» (Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов. 3-е изд. Харьков, 1915. С. 44; ср., кстати, там же предуведомление к разделу «гостиницы более крупные»: «часто бывают переполнены»).]

19 февраля 1915. Харьков. «Большая Московская» гостиница.

[17 февраля Северянин читал стихи в Полтаве; 19-го вновь в Харькове, в помещении Литературно-художественного кружка.]

3 марта 1915. Харьков. Ул. Кацарская, д. 9.

[2 марта состоялся поэзовечер в зале «Общественной библиотеки»; перед Северяниным выступал В. Ховин с докладом «Перепутья русского футуризма». На этот раз Северянин поселился в гостинице «Паллас»; «100 комнат от 1 р. 50 к.» (Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов. 3-е изд. Харьков, 1915. С. 44).]

10 марта 1915. Харьков. Отель «Паллас». Ул. Кацарская, д. 9.

[Выступлений в Харькове в этот день не было; очевидно, Северянин остановился там на одну ночь по пути из Ростова-на-Дону (поэзовечер 8 марта) в Петроград. Не исключено, что остановка связана с одной из двух провиденциальных встреч, состоявшихся в Харькове в 1915 году: 18 февраля Северянин познакомился с М.В. Домбровской, которая вскоре стала его гражданской женой; там же (точная дата не установлена) он впервые говорил с С.И. Карузо; ср. в воспоминаниях последней: «В 1915 году он приехал вместе с Виктором Ховиным, сотрудником литературного журнала „Очарованный странник”. В. Ховин издавал этот журнал и ездил с И. Северяниным распространять русскую литературу . После одного из концертов открылась дверь в артистическую, знакомый сказал: „Если Вы хотите познакомиться с Северяниным — можете заходить”. Я зашла с книгой в руке „Громокипящий кубок” — меня представили ему, и он подписал книгу». — Цит. по предисловию Л.Н. Ивановой: Игорь Северянин. Письма к С.И. Карузо (1931–1940) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1992 г. СПб., 1996. С. 220.]

18 марта 1915. Москва. Дом Гагарина, Софийская набережная.

[Северянин, вероятно, приехал в Москву для участия в поэзовечере 24 марта (Никитский театр), но отчего он сделал это за неделю до выступления — неясно.]

26 марта 1915. Петроград. Невский, д. 49.

[В этот день Северянин выступал в Александровском зале Петроградской Городской думы; перед концертом А. Масаинов читал доклад «Поэты и толпа». «Невский, 49» — адрес гостиницы «Москва»; путеводитель, рекомендуя ее и соседнюю «Бель-Вю» в качестве «первоклассных», прибавлял: «обе обставлены более или менее хорошо, с номерами от 1 р. до 10 р. в сутки. При них — рестораны и друг[ие] удобства» (*Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Изд. 6-е. Одесса, 1910. С. 6).]

10 апреля 1915. Петроград. Измайловский пр., д. 21–1.

[В эти дни не было запланировано никаких публичных выступлений Северянина; в доме 21–1 по Измайловскому проспекту нет гостиниц и т.д. Очевидно, это был частный визит.]

30 апреля 1915. Москва. Дом Гагарина, Софийская набережная.

[Последний в сезоне поэзовечер Северянина прошел 29 апреля в Большой аудитории Политехнического музея; участвовал также А.И. Виноградов, читавший реферат «Поэзия и мировая война».]

13 мая 1915. Тойла Везенбергского уезда.

4 (?) сентября 1915. Петроград. Малая Подьяческая, д. 8.

[С сентября 1915 г. «Малая Подьяческая, д. 8» станет главным петербургским адресом Северянина, притом что в справочнике 1915 г. и он, и его мать числятся по предыдущему адресу (Средняя Подьяческая, 5). Мать останется там же и в 1917 году, а сам Северянин из «Всего Петрограда» исчезнет вовсе. 7 сентября Северянин выступал в Александровском зале Городской думы, предваряемый докладом А. Масаинова «Поэты и толпа».]

13 декабря 1915. Саратов. Гостиница «Россия».

[12 декабря Северянин и Масаинов выступали в зале Алексеевской консерватории. Адрес гостиницы — Немецкая ул., д. Зейферта (Справочник-календарь «Весь Саратов» на 1916 г. Саратов, 1916. С. 151).]

20 декабря 1915. Харьков. «Большая Московская» гостиница.

[Мне не удалось найти других свидетельств о декабрьском поэзовечере в Харькове, кроме собственно поэтического: стихотворение, помеченное «1915. Декабрь 19-го. Харьков — Павлоград (поезд)» недвусмысленно сообщает: «Я снова в нежном, чутком Харькове, / Где снова мой поэзовечер, / Где снова триумфально-арковы / Двери домовые — навстречу». — *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 266. В просмотренных харьковских газетах за эти дни («Харьковский вестник», «Южный край», «Утро» и «Последние новости сезона») Северянин не упоминается.]

1916

21 января 1916. Москва.

[20 января состоялся первый в 1916 году московский поэзовечер Северянина (Большая аудитория Политехнического музея; в сопровождении лекции А. Масаинова).]

17 февраля 1916. Петроград. Малая Подьяческая, д. 8.

[Никаких петроградских мероприятий середины февраля с участием Северянина в литературе не зафиксировано.]

25 февраля 1916. Москва. Штамп «Записан проездом». Останавливался в районе Тверских улиц.

[В этот день Северянин выступал в Большой аудитории Политехнического музея. Вечер открывался рефератом В. Королевича «Принц из страны Миррэлии».]

4 марта 1916. Саратов. Гостиница «Россия».

[Накануне, 3 марта, у Северянина был поэзовечер в Большом зале Алексеевской консерватории; как и предшествующий московский, он открывался рефератом В. Королевича.]

14 марта 1916. Орел.

[В этот же день — поэзовечер в зале Губернской земской управы.]

15 марта 1916. Курск. Московская улица, д. 2, кв. 18.

[В этот же день — поэзовечер в зале Общественного клуба (совместно с В. Королевичем). Адрес опознанию не поддался.]

17 марта 1916. Харьков. Гостиница «Селект». Павловская пл., д. 19.

[17 и 18 марта — два поэзовечера, открывавшихся докладом В. Королевича, в театре Пельтцера. Гостиница в известных нам харьковских путеводителях не упомянута.]

26 марта 1916. Одесса. «Пассаж». Преображенская, д. 34.

[На следующий день — поэзовечер; место проведения и состав участников неизвестны. В интервью, взятом у Северянина три дня спустя, мотивы его пребывания в Одессе названы уклончиво: «Отразилась ли мировая война на современной поэзии? С этим вопросом мы обратились в гостящему теперь в Одессе популярному поэту Игорю Северянину». — *А.* У Игоря Северянина // Одесские новости. 1916. № 10019. 29 марта. С. 2.]

4 или 14 апреля 1916. Петроград. Малая Подьяческая, д. 8.

[11 апреля Северянин выступал в зале Городской думы; чтение предварялось докладом Г. Шенгели «Поэт вселенчества (О творчестве Северянина)».]

21 апреля 1916. Гатчина. Проспект Императора Павла I, д. 21.

[Северянин регулярно переезжал на лето в Гатчину — как правило, на дачу, которую снимала его мать. Указанный адрес нам неизвестен.]

23 апреля 1916. Петроград. Казанская ул., д. 29.

[В этот день Северянин выступал в зале Городской думы; реферат о нем читал Г. Шенгели; его стихи — Балькис Савская (М.В. Домбровская). По указанному адресу располагалась гостиница «Виктория», числящаяся в путеводителе среди первоклассных: «„Виктория" — на Казанской ул. В гостинице — 65 номеров, ценою от 1 р. 75 к. до 10 р. в сутки. Все удобства — электрическое освещение, водяное отопление, читальня, ванная и проч. Ресторан: завтрак из двух блюд — 60 к.; обед из 5 блюд — 1 руб. Экипаж с вокзала в гостиницу — 50 к., на вокзал — 75 к.» (*Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Изд. 6-е. Одесса, 1910. С. 6).]

26 апреля 1916. Москва. Дом № 34 кн. Гагарина на Софийской набережной.

[Днем раньше, 25 апреля у Северянина была «поэзолекция» в Новой Большой аудитории Политехнического музея (с участием Г. Шенгели и М.В. Домбровской).]

6 мая 1916. Одесса. «Пассаж». Преображенская, д. 34.

[Через два дня, 8 мая состоялось выступление в Драматическом театре (с участием Г. Шенгели и М.В. Домбровской).]

14 мая 1916. Москва. Тверская часть.

[Эта московская поездка носила, вероятно, частный характер: никаких выступлений Северянина в эти дни не зафиксировано.]

18 мая 1916. Петроград. Ул. Гоголя, д. 23.

[Выступлений в эти дни не было. По указанному адресу располагалась гостиница «Париж», игнорируемая классическим путеводителем Г. Москвича, но описываемая его конкурентом как «первоклассная»: «„*Париж*" — по улице Гоголя, с 60 №№, от 2 р. в сутки» // Петроград и его окрестности. Иллюстрированный путеводитель и справочник. Пг., 1915. С. 10.]

19 мая 1916. Москва. Ул. Мещанская, д. 28.

[Выступлений не было. По этому московскому адресу не было ни гостиниц, ни меблированных комнат; кому он принадлежал, установить не удалось.]

7 октября 1916. Гатчина. Багговутовская ул., д. 82.

[Адрес неопознаваем. Поэт проводил осень этого года в Гатчине (см., напр.: *Северянин И.* Уснувшие весны. М. 2014. С. 115); ср.

пометы «Гатчина» под стихотворениями октября 1916 — января 1917 гг.: *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 339, 354.]

29 октября 1916. Москва. Гостиница «Мадрид и Лувр».

[Днем раньше состоялся поэзовечер в Политехническом музее. Адрес гостиницы (в действительности — меблированных комнат) — Тверская ул., д. 33; в путеводителе они названы среди лучших (*Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Москве и окрестностям. Изд. 2-е. Одесса, 1908. С. 21). Не здесь ли Северянин останавливался ранее, когда регистрировался в Тверской части?]

16 декабря 1916. Москва. Адрес неразборчив (Яузская часть).

[14 и 19 декабря Северянин выступал в Большой аудитории Политехнического музея.]

1917

28 февраля 1917. Харьков. Гостиница «Марсель». Ул. Рыбная.

[В этот же день Северянин (вместе с Г. Шенгели и А. Прокопенко) выступал в зале Общественной библиотеки. О гостинице: Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов. 3-е изд. Харьков, 1915. С. 44.]

17 марта 1917. Петроград. Наб. Мойки, д. 61.

[Никаких публичных выступлений в эти дни не зафиксировано. По этому адресу была расположена гостиница «Регина», не попадавшая в обзоры путеводителей, но минимум дважды упоминавшаяся в литературе в качестве первоклассной: «Сначала мы с матерью поселились в гостинице «Регина» на набережной Мойки; мне понравилась жизнь в роскошном отеле […]» (*Шаховская З.* Таков мой век. М., 2008. С. 59); «Иван Нестерович жил в гостинице «Регина», в шикарнейшем номере с картинами во всю стену, телефоном и отдельным ватером. Он сидел в атласном халате за роскошным письменным столом, на руке его сиял голубой бриллиант, каратов в одиннадцать, в зубах дымилась сигара, должно быть, сумасшедшей стоимости» (*Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 130).]

11 сентября 1917. Петроград. Средняя Подьяческая, д. 5.

[Эта и следующая петроградские регистрации не совпадают с гастрольным графиком Северянина.]

14 октября 1917. Петроград. Средняя Подьяческая, д. 5.

1 декабря 1917. Москва. Меблированные комнаты «Левада». Тверская ул., д. 27.

[Вероятно, этот приезд в Москву связан с выступлением 6/19 декабря в Политехническом музее.]

1918

1918-й год представлен единственным, но весьма важным штампом: на обороте передней обложки паспорта оттиснута круглая печать «Исполнительного комитета Ямбургского совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов» и в центре ее проставлена почти однозначно читаемая дата — 31 июня 1918 г. Обстоятельства получения этой печати очевидны — последнее (но еще не осознававшееся таковым) пересечение границы: именно через Ямбург проходила демаркационная линия[5]. Но эта дата категорически не сочетается с нашими представлениями о биографии Северянина: исторически считалось, что границу он и М.В. Домбровская пересекли в марте этого же года. 9-м марта помечено стихотворение «Ямбург», заканчивающееся «Тебя, кто завтра по этапу / Меня в Эстляндию пошлет, / Бью по плечу, трясу за лапу... / Ползучий! ты мне дал полет!»[6]; 14-м марта и Ревелем — стихотворение «По этапу» с кодой: «Прощайте, русские уловки: / Въезжаем в чуждую страну… / Бежать нельзя: вокруг винтовки. / Мир заключен, но мы в плену»[7]. На этом фоне июньский штамп в паспорте представляется почти необъяснимым. Единственный теоретически возможный вариант состоит в том, что ямбургская пограничная служба таким образом ограничивала срок действия паспорта (или рекомендовала вернуться до указанной даты), но подобная практика, кажется, не была распространена. Впрочем, римская «VI», начертанная красноармейским почерком, при известной широте взгляда может быть принята и за «III», что идеально сочеталось бы с прочими фактами.

Далее в той же архивной единице находится «Свидетельство о выполнении воинской повинности» за № 26342, также сданное Северяниным при получении эстонского гражданства. Сам документ сильно истрепан, из-за чего часть записей в нем можно прочесть лишь предположительно.

> «Предъявитель сего, служивший *в 1-м пех[отном] запасном батальоне ратник Игорь Васильев Лотарев, по освидетельствовании, произведенному 12 ноября 1915 г. комиссией, учрежденной при Петроградском Клиническом военном госпитале, признан по неизлечимой болезни совершенно неспособным [как к строевой?] так и нестроевой службе, а потому* уволен навсегда от военной службы.
>
> *Лотарев* происходит из *сын отставн. шт.-капитана гор. Петрограда*.

---

[5] См.: *Аристов В.В.* Кингисепп — город, овеянный славой. Военно-исторические очерки. СПб., 2011. С. 29.

[6] Северянин И. Соч.: В 5 т. СПб., 1995.Т. 2. С. 526.

[7] Там же. С. 527. Ср. также: *Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И.* «За струнной изгородью лиры…»: Научная биография Игоря Северянина. М., 2015. С. 267–268.

На действительную военную службу [призван?] *Петроградским Начальником 8 сентября 1915 года* (приемный формулярный список за № [прочерк]) и зачислен первоначально рядовым в *1 пех[отный] запасной батальон 15 сентября 1915 года*.

Находился в походах и сражениях *не был*.

Ранен *не был*.

Знаков отличия *не имеет*»[8].

Как выясняется из последних листов дела, ранее в нем находился еще один документ, затребованный оттуда самим Северяниным. 7 сентября 1936 г. он отправил заявление в Министерство внутренних дел: «Прошу прислать мне мое свидетельство о крещении (метрика рождения), которое осталось в Министерстве внутренних дел в 1921 году при вступлении в гражданство Эстонии» (оригинал по-эстонски). 10 сентября, как следует из сохранившегося отпуска сопроводительного письма, метрика была ему отправлена. Возможно, она понадобилась в связи с оформлением государственной пенсии, которая была ему назначена год спустя[9]. Бумага о высылке метрики по указанному адресу лежит в деле последней.

Литература

Аристов В.В. Кингисепп — город, овеянный славой. Военно-исторические очерки. СПб.: Вести, 2011. 180 с.

Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2. 480 с.

Игорь Северянин глазами современников / Сост. В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева. СПб.: Полиграф, 2009. 576 с.

Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.

Игорь Северянин. Письма к С.И. Карузо (1931–1940) / Публ. Л.Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1992 г. СПб.: Академический проект, 1996. С. 219–287.

[8] Курсивом отмечены рукописные фрагменты.

[9] См. письмо Северянина к А. Барановой от 14 сентября 1937 г.: «Еще должен Вам сказать, что правительство, в воздаянье моих заслуг по переводам с эстонского, назначило мне пожизненную пенсию в размере 8 $ в месяц. Выдача будет в конце октября» // Северянин Игорь. Письма к Августе Барановой. 1916–1938. Стокгольм, 1988. С. 104. Существует также шанс, что российские документы понадобились ему из-за переговоров о приобретении части его архива для московского Литературного музея; ср. в письме П. Богатырева к В. Бонч-Бруевичу от 13 сентября 1936 г.: «Было бы хорошо сфотографировать, а м.б. и заполучить оригиналы из архива Северянина. У него должны быть письма символистов: В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта и др., а также футуристов В. Маяковского, В. Каменского и др.» (ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 4 об.).

Игорь Северянин. Соч.: В 5 т. СПб.: Logos, 1995. Т. 2. 704 с.

Игорь Северянин. Царственный паяц / Сост. В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2005. 640 с.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003–2010.

Поливанов К.М. Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 272 с.

Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «За струнной изгородью лиры…»: Научная биография Игоря Северянина. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 576 с.

Шаховская З. Таков мой век. М.: Русский путь, 2008. 708 с.

Шенгели Г. Игорь Северянин / Публ. К.Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. С. 381–385.

References

Aristov, V.V. *Kingisepp — gorod, oveiannyi slavoi. Voenno-istoricheskie ocherki*. St. Petersburg: Vesti Publ., 2011. 180 p.

Ivanov, G. *Sobraniye sochineniy*: in 3 vols. Moscow: Soglasie, 1994. V. 2. 480 p.

Igor' *Severianin glazami sovremennikov*, eds. V. Terekhina, N. Shubnikova-Guseva. St. Petersburg: Poligraf Publ., 2009. 576 p.

*"*Igor' Severianin. Perepiska s Fedorom Sologubom i An. N. Chebotarevskoi", eds. L.N. Ivanova, T.V. Misnikevich. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2005–2006 gody*. St. Petersburg, 2009.

"Igor' Severianin. Pis'ma k S.I. Karuzo (1931–1940)", ed. L.N. Ivanova. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1992 god*. St. Peresburg: Akademicheskii proekt Publ., 1996. P. 219–287.

Igor' Severianin. *Sochinenia*: in 5 vols. St. Petersburg: Logos Publ., 1995. Vol. 2. 704 p.

Igor' Severianin. *Tsarstvennyi payatz*, eds. V.N. Terekhina, N.I. Shubnikova-Guseva. St. Petersburg: Rostok Publ., 2005. 640 p.

Krusanov, A.V. *Russkii avangard. 1907–1932. Istoricheskii obzor*: in 3 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2003–2010.

Polivanov, K.M. *Pasternak i sovremenniki. Biografiia. Dialogi. Paralleli. Prochteniia*. Mooscow: GU VShE Publ., 2006. 272 p.

Shakhovskaia, Z. *Takov moi vek.* Moscow: Russkii put' publ., 2008. 708 p.

Shengeli, G. "Igor' Severianin", ed. K.Yu. Postoutenko. In: *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. Issue 5. Moscow; St. Petersburg: Fenix; Atheneum Publ., 1994. P. 381–385.

Terekhina V.N., Shubnikova-Guseva N.I. *"Za strunnoi izgorod'iu liry…": Nauchnaia biografiia Igoria Severianina.* Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. 576 p.

On the Chronicle of Igor' Severianin's Life and Works

Alexander L. Sobolev

Abtract: On the basis of archived materials and the press the article specifies several facts of Igor' Severianin's biography, mainly dates and addresses of his trips in 1914–1918. New documents on gaining Estonian citizenship by the poet in 1921 and the records of his Russian *Passport book* are of special interest.

Keywords: Igor Severyanin, chronicle of life and works, biographical documents, Russian literature of the early XXth century, historiography.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-272-282
УДК 821.161.1 ББК 83.3(2Рос=Рус)

Письма В.Л. Комаровича П.Е. Щеголеву

О.А. Богданова

Аннотация: Впервые публикуются хранящиеся в архиве ИМЛИ РАН четыре письма и телеграмма выдающегося литературоведа и текстолога В.Л. Комаровича, адресованные известному историку русской литературы П.Е. Щеголеву. Они обогащают представление о контексте зарождения науки о Ф.М. Достоевском в петроградских университетских семинариях А.К. Бороздина и С.А. Венгерова в 1910-е гг., уточняют обстоятельства начального этапа ее развития в диалоге между петроградскими, московскими и нижегородскими исследователями, связанном с публикацией дотоле неизвестных текстов великого писателя (пропущенной главы романа «Бесы» — «У Тихона») и осмыслением новооткрытых фактов его биографии (глубинных причин разрыва с В.Г. Белинским и близкой дружбы с А.Н. Плещеевым в 1840-е гг.). Публикуемые письма — один из разделов готовящегося к изданию сборника В.Л. Комаровича «Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском».

Ключевые слова: В.Л. Комарович, П.Е. Щеголев, письма, Петроградский университет, семинарий А.К. Бороздина, Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», глава «У Тихона», статья «Юность Достоевского», Нижегородский университет.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Василий Леонидович Комарович (1894–1942) — выдающийся исследователь творчества Ф.М. Достоевского, один из зачинателей российской текстологии, открывший несколько ранее неизвестных текстов писателя (например, один их списков неизданной главы романа «Бесы» — «У Тихона»). Новизна и глубина проблематики его работ сочетаются с широтой историко-культурного фона ее рассмотрения. Исследователь выстраивает в единую цепочку пневматологию, психологию, идеологию и поэтику Достоевского, показывая их взаимную обусловленность и трагическую противоречивость. Комарович — один из пионеров (наряду с Н.К. Пиксановым) телеогенетического метода в литературоведении, суть которого — в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукописным и печатным редакциям исходя из «целесообразности» всех

художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. Также он по-своему предварил знаменитую концепцию «полифонического романа» М.М. Бахтина, однако полифония у него не диалог «живых образов идей» персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных воль, разными путями вливающихся (или не вливающихся) в «сверхэмпирическое» единство. Обращение к наследию замечательного ученого пока затруднено, поскольку большая часть его статей опубликована в редких изданиях конца 1910–1920-х гг. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Его хорошо известные на Западе немецкоязычные работы (в первую очередь, «Первообраз “Братьев Карамазовых”») еще ждут публикации на русском языке. Отдельное издание трудов Комаровича остается насущной задачей российской науки о литературе.

Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) — видный историк русской литературы, текстолог и источниковед, редактор известных журналов по истории освободительного и общественного движения в России «Былое» и «Минувшие годы», автор исследования «Дуэль и смерть Пушкина» (1916). За острые публикации на тему революционно-освободительного движения в России он был заключен в Петропавловскую крепость (1909–1911). После революции 1917 г. Щеголев продолжил издание «Былого», а также занимал ведущие посты в структурах Главархива.

Познакомились оба историка литературы, по-видимому, в середине 1910-х гг. в Петрограде, на квартире университетского профессора А.К. Бороздина, куда студент историко-филологического факультета Комарович приходил для занятий в семинарии по творчеству Ф.М. Достоевского, а уже авторитетный в то время журналист и исследователь Щеголев — как один из гостей хозяина.

Соученик Комаровича А.Г. Фомин, будущий известный библиограф, вспоминал: «Среды, когда происходили семинарские занятия у Александра Корниловича, были вообще его приемным днем, и у него собирались бывшие его слушатели и участники семинария, добрые друзья и знакомые — Е.В. Аничков, П.Е. Щеголев, Иванов-Разумник и другие исследователи литературы. Таким образом, происходило общение молодых студентов со старшим поколением, с работниками в области изучения литературы. Занятия шли в семинарии живо, студенты с увлечением работали над разными вопросами, доклады вызывали живые, часто горячие прения»[1]. О решающем значении бороздинского семинария в творче-

[1] *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг.: Госиздат. 1922. С. XVII.

ской судьбе своего поколения Комарович свидетельствовал в ниже публикуемом письме Щеголеву от 10 февраля 1919 г. Судя по другому письму Комаровича (от 25 сентября 1918 г.), научные связи с Бороздиным сохранялись у бывшего семинариста и после окончания университета — договариваясь с Щеголевым о публикации в «Былом» своей статьи о «Житии великого грешника»[2], он ссылался на то, что она «была прочитана […] в заседании Пушкинского общества, с ней познакомился и Александр Корнилович».

Последующие контакты обоих ученых связаны, в основном, с историей публикации в журнале «Былое» одного из списков неизданной главы романа Достоевского «Бесы» — «У Тихона» (Былое. 1922. Кн. 18. С. 219–252) — и статьи Комаровича «Юность Достоевского» (Былое. 1924. Кн. 23. С. 3–43), одной из первых и до сегодняшнего дня лучших работ о Достоевском 1840-х гг. Уроженец Нижнего Новгорода, Комарович в 1918–1922 гг. участвовал в организации и становлении историко-филологического факультета новообразованного Нижегородского государственного университета, а также преподавал в Нижегородском педагогическом институте. Оторванный от научных кругов Петрограда, он вел оживленную переписку с лицами, связанными с его исследовательскими и издательскими интересами, в том числе с Щеголевым. Кроме того, когда, по постановлению СНК РСФСР от 4 мая 1921 г. о ликвидации всех историко-филологических факультетов страны и организации на их месте факультетов общественных наук, в 1921 г. произошло значительное сокращение преподавателей (в НГУ — с 239 до 156 человек), Комарович оказался без основного места работы и практически без средств к существованию, чем и объясняется его настойчивая просьба о выплате гонорара в одном из писем Щеголеву.

История публикации «Исповеди Ставрогина» в начале 1920-х гг. почти столь же драматична, как и само содержание этого художественного документа. Список неизданной главы романа «Бесы», выполненный А.Г. Достоевской и хранившийся в архиве Пушкинского Дома в Петербурге, уже был частично опубликован в 8-м томе Юбилейного полного собрания сочинений писателя в 14 т. (1904–1906), выпущенного вдовой писателя к 25-летию со дня его смерти. Тираж 8-го тома печатался в конце 1905 — начале 1906 гг. Однако в этом издании Анна Григорьевна решилась дать только первую часть главы «У Тихона», пока без собственно исповеди Ставрогина. Комарович, получив разрешение вдовы писателя, стал одним из допущенных, в разное время, к прочтению этой главы в полном виде, наряду с Н.Н. Страховым, К.П. Победоносцевым, А.Ф. Кони,

[2] Статья была впоследствии опубликована А.С. Долининым. См.: *Комарович В.Л.* Ненаписанная поэма Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. I. Пб.: Мысль, 1922. С. 177–207.

П.Н. Исаковым, С.А. Андреевским, А.Л. Волынским, С.Н. Булгаковым, В.В. Розановым, Л.Ф. Достоевской и Ф.Ф. Достоевским, А.А. Достоевским, Е.П., С.А. и М.А. Ивановыми[3] и, возможно, некоторыми другими, например Д.С. Мережковским.

Неизвестно, было ли получено Комаровичем у Анны Григорьевны особое разрешение на публикацию оставшихся частей неизданной главы. Учитывая не утихшее и в 1917 г. негодование вдовы Достоевского по отношению к поступку Страхова (имеется в виду письмо Страхова Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. с крайне негативным мнением о Достоевском и резко отрицательной его характеристикой)[4], можно предположить, что скорая публикация «Исповеди Ставрогина» едва ли входила в ее планы. Однако смерть А.Г. Достоевской 9 июня 1918 г. упразднила этот вопрос — и вскоре исследователь предложил редактору журнала «Былое» имеющийся у него полный текст главы «У Тихона» со своей вступительной статьёй. Щеголев первоначально планировал поместить этот материал в журнале «Диск» («Дом искусств»), два номера которого вышли в конце 1920 — осенью 1921 г. в Петрограде.

По не зависящим от Комаровича причинам (из-за закрытия «Диска» и, возможно, перебоев в издании журнала «Былое» в 1919–1921 гг.) в печати эта публикация появилась только в 1922 г., практически одновременно с публикацией более раннего варианта главы «У Тихона», обнаруженного В.М. Фриче в гранках журнала «Русский вестник» в конце 1921 г.[5]. Три ненапечатанные главы из романа «Бесы» были найдены в Москве при следующих обстоятельствах: «12 ноября […] в Центрархиве РСФСР в присутствии наркома просвещения А.В. Луначарского и замнаркома М.Н. Покровского был вскрыт хранившийся в гохране за № 5038 ящик из белой жести с бумагами Ф.М. Достоевского. При вскрытии присутствовали: зам. зав. Центрархивом В.В. Адоратский, зам. упр. научным учреждением при академическом центре И.И. Гливенко, председатель истпарта М.С. Ольминский, член петпарта Лепешинский, зав. историко-культурной секцией ЕГАФ Ф.М. Фриче и профессора: П.С. Коган, Н.К. Пиксанов и П.Н. Сакулин». В результате обнаружения 13-ти тетрадей в коленкоровых переплетах, записных книжек, записных тетрадей, 4-х конвертов с письмами и документами «была назначена специальная комиссия для разработки и подготовки к

[3] См.: *Захаров В.Н.* «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Издание в старой орфографии и пунктуации. Т. 9. Приложение. Петрозаводск, 2010. С. 695.

[4] См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым // Современный мир. 1913. № 10. Октябрь. С. 307–310.

[5] См.: Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. Ф.М. Достоевский. М.: Центрархив РСФСР, 1922. С. 1–40.

изданию найденных материалов в составе профессоров: Гливенко, Когана, Переверзева, Пиксанова и Сакулина под председательством заведующего историко-культурной секцией Единого государственного архивного фонда [В.М. Фриче]». «Для широкой публики наибольший интерес представляет тетрадь № 1 — три главы из романа “Бесы” в виде 15 гранок […] на полях и порою в тексте гранки сплошь покрыты исправлениями автора, местами значительно меняющими текст и в высшей степени любопытными в смысле выявления творческой работы Достоевского. Весь этот материал вскоре станет доступен исследователям», так как комиссия готовит найденные документы к изданию[6].

Именно поэтому в начале 1922 г. Комарович писал и телеграфировал Щеголеву, торопя его с публикацией в «Былом», так как боялся, что приоритет будет за В. Фриче.

Еще один сюжет ниже публикуемых писем касается, как уже было отмечено, хрестоматийной статьи Комаровича «Юность Достоевского». Работу над ней литературовед начал еще в студенческие годы, в процессе занятий в семинарии по творчеству Достоевского, который вел на историко-филологическом факультете Петроградского университета Бороздин. В письме Щеголеву от 10 февраля 1919 г. из Н. Новгорода Комарович выражал беспокойство по поводу сохранности единственного экземпляра своей рукописи «Достоевский 40-х гг. и утописты», находившейся у Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме. По всей вероятности, это был ранний вариант «Юности Достоевского». Замысел скорее всего развился на основе исследования обнаруженных Комаровичем в архиве Пушкинского Дома писем А.Н. Плещеева Достоевскому 1857–1864 гг.[7] Прямым свидетельством о завершении работы над статьей «Юность Достоевского» в Н. Новгороде к началу 1922 г. является записка Комаровича Б.А. Садовскому от 2 февраля 1922 г. с просьбой «выслушать» текст этой статьи перед ее отсылкой в Петроград. Интригующая концовка: «Объясню потом, почему хочу, чтобы Вы выслушали»[8] — связана, скорее всего, с желанием Комаровича, использовавшего в качестве эпиграфа к этой статье строки из посвященного ему стихотворения Садовского, заручиться согласием по-

[6] См.: Народное просвещение. 1922. № 95. 20 января. С. 12–13.

[7] Письма А.Н. Плещеева к Ф.М. Достоевскому за 1857–1864 гг. находятся в РО ИРЛИ РАН, Архив Достоевских, № 29811; письма впервые опубликованы в кн.: Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. М.; Л., 1935. С. 437–462; описание и аннотации к 18 письмам Плещеева к Достоевскому из Оренбурга, Петербурга и Москвы даны в кн.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1. С. 231–495.

[8] РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 3.

следнего на это. Это подтверждается и письмом Комаровича Щеголеву из Н. Новгорода в Петроград от 12 февраля 1922 г., с которым автор выслал «обещанную статью с письмами А. Плещеева, — в виде приложения к ней» для публикации в журнале «Былое». Тем не менее статья была опубликована Щеголевым только в 1924 г., когда Комарович уже вернулся на жительство в Петроград и лично занялся продвижением своих работ в печать[9].

Публикуемые письма В.Л. Комаровича хранятся в фонде П.Е. Щеголева: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209.

1.

Петербург. 25.IX.1918 г.

Глубокоуважаемый Павел Елисеевич!

Мои дела в Петербурге более или менее окончены, и настоятельная необходимость заставляет меня уехать в Нижний завтра, не дождавшись свидания с Вами. Но Ваше предложение дать в «Былое» статью о Достоевском я не забыл; статья эта[1] почти готова, она была прочитана вчера в заседании Пушкинского общества, с ней познакомился и Александр Корнилович[2].

Мне нужно лишь несколько отшлифовать ее, чтобы предоставить в Ваше распоряжение. Это я надеюсь сделать сейчас же по приезде в Нижний, откуда тотчас же и вышлю рукопись непосредственно Вам. Одновременно с этой рукописью вышлю, вероятно, и те 3 документа, касающиеся негласного надзора за Достоевским[3] (конечно в виде статей), о которых мы с Вами говорили. Моя большая статья будет называться: «Неосуществленный замысел Достоевского “Житие великого грешника”». Текста Достоевского, использованного в моей статье, будет 8–10 печатных страниц «Былого»; часть его будет включена в самую статью (план «Жития»), а другая часть (ненапечатанная сцена из «Подростка») будет выделена в особое приложение к статье[4].

В свое время известите меня о получении рукописи.

Преданный и всегда готовый к услугам В. Комарович.

Нижний Новгород, Мистровская, соб[ственный] дом.

P.S. Забыл сказать, каков размер всей статьи: листа 1½–2.

[9] О значении статьи «Юность Достоевского» для становления и развития науки о Достоевском см.: *Богданова О.А.* Миф Достоевского в поэзии Б.А. Садовского и научной прозе В.Л. Комаровича // Русская литература. 2016. № 4. С. 171–181.

[1] По-видимому, имеется в виду одна из статей В.Л. Комаровича, написанных на материале, полученном им во время командировки в московский Исторический музей для работы с рукописями Ф.М. Достоевского (о плане «Жития великого грешника» и о рукописных вариантах романа «Подросток»).

[2] Бороздин А.К. (1863–1918) — руководитель семинария по творчеству Ф.М. Достоевского, в котором занимался В.Л. Комарович в годы учения в Петербургском (Петроградском) университете.

[3] О каких документах идет речь, неизвестно.

[4] По-видимому, имеются в виду: статья В.Л. Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского» (Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. I. Пб.: Мысль, 1922. С. 177–207) и «Рукописные варианты романа “Подросток”» (Начала. Пг., 1922. Кн. 2. С. 217–230).

2.

Нижний Новгород. Мистровская 14
10.II.1919 г.

Глубокоуважаемый Павел Елисеевич!

Боюсь, что Вы сердитесь на меня; осенью условились мы с Вами, что вышлю Вам для «Былого» статью, а уехал и до сих пор ни словом не заявил о себе. Но если и сердились, то не сердитесь: страшно занят был все первое полугодие; читал лекции, надо было готовиться к ним, как ни серо наше «домовое» студенчество; а читал я целый семестр Пушкина (какова дерзость!), теперь собираюсь печатать их (лекции) в местном студенческом издательстве, только вот новая орфография смущает; это — одна причина моего молчанья (занятость); но кроме того, попутно всем делам и занятиям (а кроме занятий были и «дела» — организовывали ист[орико]-ф[илологический] факультет, теперь организовали, только профессоров мало)[1] попутно всему этому такая апатия и незаинтересованность во всем делаемом являлась, что не только писать, но переписывать статью для отсылки Вам был не в состоянии; бежал в тихую заводь поэзии и философических размышлений — к раскаявшемуся грешнику Борису Садовскому; либо к безгрешному А.С. Волжскому-Глинке[2], «мужу благу, незлобиву, удаляющемуся от всякой скверны»[3] (видно безгрешность — аттрибут Глинок, и потому простите, — и Вы, и Пушкин, — невольный плагиат). И в довершение ко всему узнал я, что «Былое» не существует, как и следовало ожидать[4]… Но вот не так давно получил от Е.В. Бороздиной письмо, где вспоминает она Вас и передает, что у Вас есть ко мне дело. Тутто, собрав остаток энергии, я решил написать Вам. Есть у меня и свои корыстные виды: выманить у Вас ответное письмо и хоть что-нибудь узнать о Питере, — университете, литературе, журналах etc. Но вот и еще просьба: слышал я от одного нашего профессора,

ездившего к Вам и вернувшегося (Рындина[5]), что меня, как нижегородского преподавателя, хотят отчислить с Петербургского факультета (Никитин сказал это).

Если бы могли Вы, Павел Елисеевич, проверить это, узнать у Никитина все в подробностях (Рындин бестолков), а, кроме того, поддержать мои интересы в факультете, в том смысле, что желательно во что бы то ни стало сохранить мою связь с П[етербург]ским университетом (как оставленного при кафедре р[усского] языка и сл[овесности]) — я был бы чрезвычайно признателен Вам… Не слыхать ли что-нибудь о Юрии Никольском, [*нрзб.*]. В Петрограде ли Б.Л. Модзалевский[6]. Писал я ему, ничего не получил в ответ. А у него оставлена была рукопись (единственная) моей работы «Д[остоевск]ий 40-х гг. и утописты»[7]. Какова судьба его и ее?

Если соберетесь ответить, напишите мне о последних днях, смерти, похоронах Александра Корниловича[8]. Смерть эта долго мучила меня. С Александром Корниловичем ушла длинная довольно и очень знаменательная полоса моей жизни, и думаю — не только моей. Духовное одиночество, которое создал вокруг себя А[лександр] К[орнилович] и от которого болезненно страдал, — неужели проявилось оно на похоронах? В каком состоянии и положении теперь его рукописи? Но пора кончать. Жду ответа. Tout á vous

В. Комарович.

[1] Речь идет об организации историко-филологического факультета в созданном в 1918 г. советской властью Нижегородском университете, ученым секретарем которого был В.Л. Комарович.

[2] Садовской Б.А. (1881–1952) — поэт, прозаик и критик, уроженец Н. Новгорода, в 1918–1922 гг. состоял в дружеском общении с проживавшим в эти годы в Н. Новгороде В.Л. Комаровичем, читавшим лекции в Нижегородском университете. В 1919 г. поэт посвятил своему молодому другу стихотворение «В тебе слились два лика…», третья строфа которого стала эпиграфом к статье Комаровича «Юность Достоевского»; Глинка А.С. [Волжский] (1878–1940) — критик религиозно-философской направленности, исследователь творчества Ф.М. Достоевского, также уроженец Н. Новгорода.

[3] Комарович цитирует шутливую аттестацию Ф.Н. Глинки из письма А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому от 25 января 1825 г.

[4] «Былое» — ежемесячный журнал по истории освободительного движения в России. Выходил в 1906–1907 и 1917–1926 гг. Журнал издавался под редакцией В.Я. Богучарского и П.Е. Щёголева при формальном участии В.Л. Бурцева. Материалы журнала заложили основу источниковедческой базы истории революционного и общественного движения в России XIX в. С июля 1917 г. в Петрограде издание журнала было возобновлено. Всего было выпущено 35 номеров. Редакторами журнала в 1917 г., кроме Щёголева и Бурцева, были В.В. Водовозов и Е.В. Тарле; с 1918 г. — Щёголев. Многие материалы не были пропущены уже советской цензурой, которая бдительно следила за направлением журнала. Номера 36 и 37 не были изданы и появились только в 1991 г.

[5] Рындин М.М. — один из первых преподавателей Нижегородского университета (с 25 июня 1918 г.), вел курсы западной литературы и латыни.

[6] Никольский Ю.А. (1893–1922) — литературовед, исследователь творчества И.С. Тургенева, товарищ В.Л. Комаровича по Петроградскому университету; Модзалевский Б.Л. (1874–1928) — известный литературовед-пушкинист, один из создателей Пушкинского Дома в Петербурге, с 1919 г. — его старший ученый хранитель.

[7] По-видимому, имеется в виду ранний вариант статьи В.Л. Комаровича «Юность Достоевского», которая писалась еще в годы участия в семинарии по Достоевскому А.К. Бороздина в Петербургском (Петроградском) университете.

[8] Безвременная смерть «выдающегося историка русской литературы… на 56 году жизни» (Вестник литературы: Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых. 1919. № 3. Март. С. 14. Б.п.) оказалась в ряду повальных смертей писателей и ученых, погибших от голода, болезней и истощения в революционном 1919 г.: помимо Бороздина, это Г.А. Лопатин, М.А. Антонович, Р.И. Сементковский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Туган-Барановский, К.К. Арсеньев, П.М. Невежин, П.Д. Боборыкин, В.В. Розанов, Л.Н. Андреев, В.И. Засулич, С.А. Толстая и десятки менее известных имен. В петроградском журнале «Вестник литературы. Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых» в 1919 г. была открыта целая рубрика «Скорбная летопись», в которой ежемесячно появлялось не менее десяти некрологов.

3.

Нижний Новгород. 12/II 1922 г.

Посылаю Вам, дорогой Павел Елисеевич, обещанную статью с письмами А. Плещеева, — в виде приложения к ней. Все вместе вышло, может, и громоздко, но мне очень не хотелось бы разъединять статью («Юность Достоевского») и письма. Если же будет совершенно невозможно в Вашем сборнике найти для меня 3–3½ печ. листа, то печатайте, пожалуйста, сперва статью, а потом — письма. Иной порядок мне очень не желателен. Статья могла бы войти в сборник, а письма — в очередной выпуск «Былого» (уже «литературного»?)[1]

Известите меня, пожалуйста (хотя бы телеграммой опять) как Вы распорядитесь статьей и письмами.

Ничего не знаю я об «Исповеди Ставрогина». Если она уже напечатана — пришлите, пожалуйста!

Весь Ваш В. Комарович

Н. Новгород, Мистровская 14.

[1] Статья была напечатана целиком, с письмами А.Н. Плещеева в своем составе (Былое. Пг., 1924. Кн. 23. С. 3–43).

4.

Телеграмма

срочно Щеголеву Б. Дворянская. 10 кв. 6
Из Ниж. Новгорода
Принята 14.III. 1922 Подана 13.III. 19.10

Когда напечатаете Ставрогин Москва выпускает[1] телеграфируйте
Комарович

[1] Видимо, В.Л. Комарович был обеспокоен тем, что «Исповедь Ставрогина» в издании Центрархива, которое готовил В.М. Фриче (по гранкам «Русского вестника»), выйдет раньше его публикации в «Былом»; «Исповедь Ставрогина», подготовленная В.Л. Комаровичем по списку А.Г. Достоевской, хранившемуся в Пушкинском Доме, была напечатана в журнале «Былое» (1922. № 18. С. 219–226). Обе публикации вышли практически одновременно.

5.

Петербург. 23/VI 1922 г.

Глубокоуважаемый Павел Елисеевич!

Решаюсь напомнить Вам наш последний разговор в редакции «Былого» и просить Вас еще раз уплатить мне в счет будущего гонорара 40.000.000 руб. ассигнациями (сорок милл.), — сумму, которая необходима, чтобы добраться до Нижнего. Я в самом затруднительном и комическом положении сейчас и, уж конечно, комизм этот для меня не весел. Если уплата нужной мне суммы для Вас сейчас затруднительна, все же прошу Вас о ней: ведь не в последний раз мы с Вами видимся и у меня будет, — надеюсь, — и время, и случай доказать Вам что память у меня твердая. Завтра около 5 час. буду в редакции, чтобы встретиться с Вами.

Уважающий Вас
В. Комарович

Литература

Богданова О.А. Миф Достоевского в поэзии Б.А. Садовского и научной прозе В.Л. Комаровича // Русская литература. 2016. № 4. С. 171–181.

Захаров В.Н. «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Издание в старой орфографии и пунктуации. Т. 9. Приложение. Петрозаводск, 2010. С. 673–706.

Комарович В.Л. Ненаписанная поэма Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. I. Пб.: Мысль, 1922. С. 177–207.

Фомин А.Г. С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг.: Госиздат. 1922. С. X–XXXIII.

References

Bogdanova O.A. Mif Dostoevskogo v poezii B.A. Sadovskogo i nauchnoi proze V.L. Komarovicha [The myth of Dostoevsky in poetry by B.A. Sadovsky and scientific prose by V.L. Komarovich]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2016, no 4, pp. 171–181. (In Russ.)

Zakharov V.N. «Besy»: opyt rekonstruktsii zhurnal'noi redaktsii romana ["Demons": the experience of reconstruction magazine edition of the novel]. *Dostoevskii F.M. Poln. sobr. soch. Izdanie v staroi orfografii i punktuatsii* [Dostoevsky F.M. Complete works. Edition in old spelling and punctuation]. *Vol. 9, Prilozhenie* [Application]. Petrozavodsk, 2010, pp. 673–706. (In Russ.)

Komarovich V.L. Nenapisannaia poema Dostoevskogo [Unwritten poem of Dostoevsky]. *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and materials], ed. by A.S. Dolinin, issue I. Peterburg, Mysl' Publ. 1922, pp. 177–207. (In Russ.)

Fomin A.G. S.A. Vengerov kak professor i rukovoditel' Pushkinskogo seminariia [S.A. Vengerov as Professor and head of the Pushkin Seminary]. *Pushkinskii sbornik pamiati professora Semena Afanas'evicha Vengerova. Pushkinist IV* [The Pushkin collection to the memory of Professor Semen Afanasjevich Vengerov. The Pushkin scholar IV], ed. by N.V. Iakovlev. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 1922, pp. X–XXXIII. (In Russ.)

The Letters by V.L. Komarovich to P.E. Shchegolev

Olga A. Bogdanova

Abstract: This is the first publication of four letters by outstanding literary and textual critic V.L. Komarovich, addressed to the well-known historian of Russian literature P.E. Shchegolev, stored in the archive of A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. They enrich the understanding of the context of the birth of the science about F.M. Dostoevsky in the seminaries of A.K. Borozdin and S.A. Vengerov in Petrograd University in the 1910s, clarify the circumstances of the initial stage of its development in the dialogue between Petrograd, Moscow and Nizhny Novgorod researchers associated with the publication of unknown texts of the great writer (omitted chapter of the novel "Demons" — "At Tikhon's") and newfound facts of his biography (the root causes of breakup with V.G. Belinsky and close friendship with A.N. Pleshcheev in the 1840s). Publishing letters are considered as a part of the forthcoming publication of V.L. Komarovich "Articles and studies on F.M. Dostoevsky".

Keywords: V.L. Komarovich, P.E. Shchegolev, letters, Petrograd University, Seminary of A.K. Borozdin, F. Dostoyevsky's novel "Demons", chapter "At Tikhon", the article "Dostoevsky's youth", Nizhny Novgorod University.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, Doctor of philological sciences, senior researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: olgabogda@yandex.ru

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-283-292
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Заметки комментатора

Роман Тименчик

Аннотация: В заметках приводятся неизданные стихотворения Людмилы Вилькиной, Константина Липскерова, материалы к истории (не)издания сборника М. Зенкевича «Под мясной багряницей» в Госиздате (1923), иллюстрируется употребление неологизма «самиздат» («самоиздат») в 1920-е годы.

Ключевые слова: комментарий историко-литературный, поэзия русского модернизма, история слов.

Сведения об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета (Иерусалим, Израиль). E-mail: litfact@gmail.com

1. К ИСТОРИИ ЭРОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ МОДЕРНИЗМЕ

Явление, названное в заглавии заметки, описано в статье Н.А. Богомолова «“Мы —два грозой зажженные ствола”: Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов»[1]. В качестве прибавки к этой теме огласим, вероятно, не публиковавшееся еще сочинение.

Снискавшая репутацию «разжигательницы плоти» Людмила Вилькина[2] в поддержание своего образа должна была писать стихи, заведомо рассчитанные на узкокружковое употребление. Одно из них сохранилось в бумагах ее сотоварища по кружку «Содружество» Сергея Маковского:

---

[1] *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 224–258. (Впервые: Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 56–65)

[2] См. письмо В. Брюсова к З. Гиппиус 1907 года: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 693; «Распоясанные письма» В. Розанова / Публ. М.М. Павловой // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 67–71.

Волшебный стебель

Волшебный стебель твой стал гибким.
Я поднесла его к губам,
Рука моя движеньем зыбким
Скользнула к трепетным корням.

Он бледнорозовый, душистый,
Как стебель от весенних струй,
И оживил его мой чистый,
Мой сладко пьющий поцелуй.

Нет, я не в комнате, не мебель
Люи Каторз вокруг меня,
Но я в саду, где твердый стебель
Возносится в безумьи дня[3].

2. К ИСТОРИИ МОТИВА «ЭДГАР ПО В ПЕТЕРБУРГЕ»

К материалам, собранным в основополагающей по данной теме статье А.В. Лаврова «Эдгар По в Петербурге: Контуры легенды»[4], хотелось бы присоединить неопубликованный сонет москвича Константина Липскерова 1916 года: [5]

Петербург

Дрожащая вода зеленого канала,
И рдеющий дворец, и сумрачный чугун,
Корона страшная и низменный галун,
Взор Аракчеева и Пушкинское жало.

Бесовская игра как будто показала
Мираж кочевникам, гоняющим табун.
России скрывшее бушующий бурун
Ты строя запада туманное зерцало.

Как дивно, пролетев заснеженной равниной,
К притонам и дворцам припасть на миг единый,
В миража стройного поверивши полон.

Ты явь, иль ты взлетишь в морозных струях пара?
В тебе ли подняли уснувшего Эдгара
Или Эдгару ты пригрезившийся сон?[6]

---

[3] РГАЛИ. Ф.2512. Оп. 1. Ед. хр. 660. Л. 16–17.

[4] От слов к телу: сб. статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М., 2010. С. 129–143; *Лавров А.В*. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 189–203.

[5] О раннем К.А. Липскерове см. статью О.Б. Кушлиной: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 364–365.

[6] РГАЛИ. Ф. 1737. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 169.

3. К БИОГРАФИИ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА

В начале 1920-х гг. Михаил Зенкевич анонсировал книгу «Под мясной багряницей: Стихи 1912–1918 гг.» (так на задней обложке романа Льва Гумилевского «Эмигранты», вышедшем в саратовском издательстве «Курганы» в 1922 г.)[7]. В письме к Михаилу Лозинскому от 3 мая 1922 г. из Саратова он писал о двух вариантах состава книги стихов: «1912–1915» и «1912–18»[8].

Книга, озаглавленная двусмысленной реминисценцией насмешки, сопутствовавшей казни Христа (Мф. 27, 28, 31. Мк. 15, 17, 20. Ин. 19, 5), включала в себя сознательно эпатажные бодлерианские стихи, непригодные для дореволюционных издательств. Ибо стихи вроде

> Вот смотри — я, твой господин, я, невольник,
> Меж колен раздвинув передник из роз,
> Целую на мраморе царственный треугольник
> Нежно курчавящихся золотых волос

могли быть напечатаны только вдали от русской цензуры, в парижском эренбурговском журнальчике[9].

Анонсировавшаяся книга света не увидела, и отдельные стихотворения до истечения советской власти никогда не были преданы тиснению. Возможно, именно эта рукопись была продана в издательство «Круг» в начале 1923 года, когда Зенкевич писал М.Л. Лозинскому: «Я был около 1½ месяца в Москве и скоро собираюсь опять, видел там часто Мандельштама — получил, так же, как и он, за книгу стихов из “Круга”, но издадут ли они наши книги (взято у Мандельштама, меня, Нарбута) это еще вопрос — так как мы мало к ним подходим»[10]. Затем рукопись была сдана в Госиздат, в котором с осени 1923 года политредактором служил Д.А. Фурманов, в дневнике которого изложен механизм работы политредактуры:

> ГИЗ. Первые дни чувствовал себя неуверенно. Как водится. На новой работе первые дни вообще больше удручают, нежели обучают. Но быстро вошел в дело. Очень быстро. Не ждал, что так. […] Работа: с рукописями, рецензентами, рецензиями, отзывами, книгами, возня с отделами, иной раз — с авторами (последнего не разрешаем, дело ведем только через отдел).

---

[7] *Тименчик Р.* Ангелы–люди–вещи: в ореоле стихов и друзей. М.; Иерусалим, 2016. С. 165.

[8] Архив М.Л. Лозинского.

[9] Вечера. Ежемесячник стихов. Париж, 1914. № 2. Июнь. С. 17. В отправленных в Россию экземплярах эта строфа была зачернена типографским способом (см., напр., экз. в Cecil H. Green Library Станфордского университета).

[10] Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец и др. 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016. С. 225.

Поступает рукопись. Перелистаешь. Общее схватил. Уж сразу видишь, которому из рецензентов ее отослать. В каждом рецензенте есть такие, чуть уловимые особенности, что именно благодаря им — одну книжку давать на просмотр этому можно, другую этому же нельзя... […] 18 ноября. Консерватор Воронский:

Вчера мне Воронский по телефону:

— Это безобразие... Это черт знает что такое!

— В чем дело?

— В том, — визжит он в трубку, — что у вас в политотделе сидят непонимающие, ни черта не знающие критики... Я вам сейчас вот прочитаю по телефону образец литерат[урного] творчества политотдела.

Отзыв о сб[орнике] стихов Тютчева:

«Книжка представляет собою собрание совершенно бесцветных, мало оригинальных стихотворений, никому не нужных и не интересных; по содержанию это лирические излияния, по форме — примитивная и шаблонная тарабарщина — про слезы, розы, соловья, Аврору, Зевса, Гебу (стр. 23, 25, 27, 46, 47, 50, 53). Сносных стихотворений немного (31, 38, 40, 57). Бог и божества встречаются довольно часто, уснащая лирические сентименты религиозной чепухой (20, 23, 44, 50, 68, 69).

Под маркой Госиздата книжку распространять не следует. Рузер [неразборчиво]. 29.IX 1923 г.»

(Эта книжка первонач[ально] предназначалась для детей, по детскому отделу; потом передана в лит[ературно]-худ[ожественный] и пущена по этому отделу).

У меня отчего-то дрогнуло сердце:

— Чьи там подписи? — спрашиваю.

— Одна Рузера, а другая не знаю...

— Моя?

— Нет, чья-то, не пойму... Да это все равно. Я ведь не к вам лично, — поправляется он, — я в вашем лице обращаюсь к п[олит]отделу... Что же это, долго ли будет продолжаться такое безобразие? Это у Тютчева-то «дребедень», это у Тютчева-то «неоригинально» — да что это?

— А отчего нет? — отвечаю ему. — Отчего? Разве можно к Тютчеву относиться так фетишистически? Может быть всякая чепуха и у него...

— Скоро выпускаем юмористич[еский] № «Прожектора», — пояснил он, — там я весь этот материал и приведу. Непременно... Это же черт знает что за безграмотность...

Снова дрогнуло сердце, мне что-то вспомнилось туманно, но еще не понял, отчего это.

— Вот что, вы мне пришлите-ка этот отзыв, — говорю я ему, — да и сборник, я сам посмотрю, надо узнать, кто писал и каков самый материал...

Мы прекратили разговор.

Мне помнилось, что сб[орник] просматривал я сам и сам составлял о нем заключение. Глянул — так оно и есть: моя рецензия! Стало нехорошо. По первоначалу как будто даже робко. Представилась картина: образец безграмотной рецензии таскают за моей подписью по журналам и газетам — что это такое? О, черт!

Звоню Воронскому. Его нет, ушел в ГИЗ. Через 10 минут, желая предварить об этом Рузера и Мещерякова, вхожу к Ник[олаю] Леон[идови]чу. Вор[онски]й там. Поднялся спор. Вор[онски]й бунтует. Тут Мещеряков, тут и Рузер.

Оказалось, что этот неудачнейший сборник предназначался как воспитательный материал для детей, а там сплошь: розы, слезы, соловей, Аврора, Феб, Геба... На кой это черт нашим детям?

Впрочем, потом со сборника (уже сверстанного), признанного для детского отдела непригодным, была снята колонка на титуле, где указывалось: «для детей и юношества», и сб[орник], чтобы не нести убытков, передали в лит[ературно]-худ[ожественный]. Значит, для детей он забракован. Значит, отзыв признан правильным.

А Воронский все гремит:

— Что ж у нас, отчего это не может быть разговору про Аврору, Феба, Гебу?

— Да кому это нужно, — отвечаем ему, — это материал совсем неактуальный для данного момента. Есть о чем говорить и кроме.

— Нет, — кричит он, — ...я покажу все эти перлы, это же безобразие... Я так не могу, у меня вся голова стала седая... Я из-за этих отзывов ночи не сплю...

— Теперь каждый порядочный человек ночи не спит, — сострил я ему. — А ваша безапелляционность для нас совсем неубедительна.

Мещеряков и Рузер были больше согласны со мной. Разошлись ни при чем, кончили ничем[11].

Понятно, что стихи того времени, когда Зенкевич говорил: «Мы — декаденты»[12], могли рассчитывать на гостеприимство государственного издательства не больше, чем Авроры и Гебы. История гибели сборника была изложена на самом виду, но почему-то внимания библиографов[13] и биографов[14] избежала.

После смерти Дмитрия Фурманова была обнародована внутренняя рецензия «А.А.»[15], заказанная им:

«Стихи З. “Под мясной багряницей” ничем не связаны с современностью. По содержанию они — либо ничтожны, либо скучны, большею частью написаны на сексуальные темы. С художественной стороны — крайне безвкусны и однообразны. Свои стихи поэт создавал когда, по

[11] *Фурманов Д.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1961. Т. 4: Дневники. Литературные записи. Письма. С. 326–327, 329–331. Леонид Исаакович Рузер (1881–1959) — профессиональный революционер, издательский работник; Николай Леонидович Мещеряков (1865–1942) — главный редактор Госиздата; Александр Константинович Воронский (1884–1937) — критик, издательский работник.

[12] *Шершеневич В.* Футуризм без маски. М., 1914. С. 33.

[13] Русские советские писатели-поэты: библиографический указатель. М., 1986. Т. 9. С. 282–303.

[14] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 337–339.

[15] Вероятно, Ал. Алтаев (М.В. Ямщикова; 1872–1959).

его собственным словам, “чад в мозгу и в легких никотин”. И туман пополз…(стр. 23)[16]. Только чадом, если не морфием, можно объяснить такие строфы поэта: —

Нет омерзительней совокупленья
Винтообразного хлябких свиней…
Если средь ласки любовной мы сами —
Стадо свиных несвежеванных туш,
Дай разрешенье, Господь, и с бесами
В воду лавину мясную обрушь!
(стр. 17)[17]

Чадом отдают и следующие стихи:

Наверх, в квартиру пыльную пустую,
Одну из них <девочек, *А.А.*> за лак[ом]ством веду…
И после — трупик голый и холодный
На простыне, и спазмы жадных нег,
И я, бросающий в канал обводный
И кровяной филей и синий [с]сек...
(стр. 22)[18]

Здесь поэт прямо невменяем, хотя это не мешает ему быть верующим.

Так он воспевает:

И пред народною иконой,
Где взрезал огненную пасть
Георгий жирному дракону,
Смиренно хочется упасть.
(стр. 61)[19]

Не лучше стихи, написанные им в 1917/18 г. О чем мечтает поэт в 1918 г.

Эх, если бы украсть тебя от мужа
И ночью голую, не прошептав «люблю»,
В кошму закутать, прикрутить потуже
Да припустить коня по ковылю
(стр. 44)[20]

Стихи не могут быть напечатаны».

---

[16] Из стих. «Ноябрьский день» (1912).

[17] Из стих. «Видел я, как от напрягшейся крови…» (1913).

[18] Из стих. «Кошмар» («Петербургские кошмары», 7 июля 1912 г. // ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1). О неверно прочитанном в этом макабрическом финале слове «ссек» (часть мясной туши) в издании: *Зенкевич М.А.* Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 102 — см.: *Тименчик Р.* Чужое слово: атрибуция и интерпретация // Лотмановский сборник. [Вып.] 2. М., 1997. С. 97.

[19] Из стих. «По Кавказу» (1912).

[20] Начало стихотворения «Эх, если бы украсть…» (1918).

Над этим текстом завотделом поставил свою резолюцию: «Никому не нужные, сексуальные, мистические и эротические темы, к тому же слабо обработанные. Не пойдет. Дм. Фурманов. 19.XI–1924 г.»[21].

Итак, автор романа «Чапаев» решительно зарубил книгу автора стихотворения «Чапаевские поминки», ориентированного на фольклор (к которому льнет легенда о гибели красного начдива)[22], —

Куда ты дивизию свою завел,
Эй, Чапаев!
Далеко залетел ты, красный орел,
Железными когтями добычу цапая и т.д.

Стихотворение это Сергей Городецкий считал образцом «естественного и общественно необходимого рефлекса пафоса на революцию в нашей поэзии»[23].

4. К ИСТОРИИ МАРКИ «САМИЗДАТ»

«Я лично то, что официально печатается, не читаю. Кому это нужно? Мне знакомые в списках литературу достают. На пишущей машинке отпечатанную», — так говорил сатирический персонаж под пером молодого советского сатирика в 1964 г.[24] Явление, о котором сигнализировал молодежный журнал, было описано первым его историографом[25] к десятилетию выпуска «Синтаксиса» Александра Гинзбурга и оповещения о нем в советской печати[26]. Но еще до того слово Samizdat, встроившееся в славный ряд, возглавляемый pogrom'ом и sputnik'ом, было впервые переправлено заграницу знаменитым компаративистом Рене Этьемблем, гостившим в Москве в октябре 1958 года, — в статье «Одинокий среди своих» он упомянул о ходящих здесь машинописных экземплярах «Доктора Живаго» («au lieu de gosizdat, editions d'etat, la converture parfait samizdat editions del'auteur»[27]). Однако самозарождение каламбур-

[21] На литературном посту. 1928. № 8. С. 24.

[22] См. подробнее: *Плюханова М.Б.* «Чапаев» в свете эстетики протяжных песен // От слов к телу: сб. статей к 60-летию Ю. Цивьяна. М., 2010. С. 260–272.

[23] *Городецкий С.* На стыке // Стык: Первый сборник стихов Московского цеха поэтов / С предисловием А.В. Луначарского и С.М. Городецкого. М., 1925. С. 17. Стихотворение «Чапаевские поминки» — там же. С. 77–78.

[24] *Горин Г.* Любители и ценители, или четыре монолога по вопросам искусства // Юность. 1964. № 12. С. 100.

[25] *Ошаров М.* [Коряков М.М.]. Юбилей Самиздата // Русская мысль. 1970, 13 марта.

[26] *Иващенко А.* Бездельники карабкаются на Парнас // Известия. 1960, 2 сентября.

[27] Étiemble René. Un home seul parmi les siens // Le Monde. 1958, 4 novembre;

ного двойника аббревиатуры ГИЗ — «Госиздат» было ожидаемо и неминуемо уже в первые сезоны по появлении оной. И действительно, мы имеем документальное свидетельство, относящееся к 1925 году, задолго до того, как поэт Николай Глазков стал помечать свои рукописи словом «самсебяиздат». Речь идет о газетном очерке поэта Бориса Лихарева, рассказывающем о его соседе по ленинградскому студенческому общежитию на Мытнинской набережной:

> …самоуверенный парень, обладатель ноздрей, похожих на дуло прицеливающейся двустволки, и багровой, как мясо, рубахи, с левой стороны которой была пришпилена синяя, кренделеобразная лира.
>
> — Я Независимов! — отрекомендовался мне мой сосед, — а еще меня зовут «Ахтубинец», а еще «Лирский», но больше всего я известен под именем «Дяди Затупыра», автора раешников. Я «брюсовец»[28], — пояснил он и рассказал о своей московской жизни.
>
> Это он, Независимов, сопровождал известного поэта и борца Приблудного в его январских прогулках по Москве. Маститый поэт совершал их в одних трусах. Он, Независимов, наяривал на гармошке, пел частушки, а впереди его, вдоль выстроившихся шпалерами прохожих, шагал оледенелый Приблудный.
>
> Так поражали они москвичей.
>
> Двери лучших московских кино были открыты для них. Они проходили мимо ошеломленной билетерши. Лошадиные, дымящиеся от стужи ляжки поэта повергали в трепет администрацию. Никто не решался выгнать друзей обратно на мороз.
>
> — Мне скучно здесь, меня не понимают, — закончил Независимов.
>
> […] Независимов стал задумчив, и вскоре Мытня была потрясена новой сенсацией. По бесконечным коридорам и коридорчикам, по темным лестницам и лесенкам Мытни шептались студенты:
>
> — Вы читали уже? Вы читали новую поэму Независимова?!
>
> Рукописные листки поэмы путешествовали по этажам.
>
> Мне показали, с соблюдением всех мер предосторожности, из-под полы, как страшную нелегальщину, один экземпляр этой изумительной поэмы.
>
> Сверху линованного в клетку листа какой-то шутник красным карандашом надписал:
>
> «САМОИЗДАТ»
>
> (Тираж 15 экземпляров)
>
> В поэме говорилось, что мужики — это пасынки республики, что рабочие презирают деревню и что Независимов — это дитя природы, этот нежный полевой цветок, должен погибнуть в зловещем, огромном городе.

Étiemble René. Lignes d'une vie: Naissance à la politique ou Le Meurtre du Père. Paris, 1988. P. 286–287.

[28] Студент Высших литературно-художественных курсов (института им. В. Брюсова) в Москве.

Еще говорилось в ней, что «в 12 часов по ночам» выходит из мавзолея Владимир Ильич, что он, сокрушаясь о судьбе Независимова, ведет долгие беседы с Троцким, в результате которых наступает трогательное примирение:

На стене два вождя стояли,
Ленин Троцкому руку жал.

Жильцы 18-й комнаты были посрамлены. Независимов получил стипендию.

[…] Это было на днях. Поднимаясь по лестнице Дома Печати, я встретил Независимова. Та же кренделеобразная лира, но теперь уже на отвороте модного двухбортного пиджака, та же прицеливающаяся двухстволка ноздрей!

— Здорово, здорово, — снисходительно отозвался он на мое приветствие. — Как живу, говоришь? Хорошо живу! Вот не печатают меня, да я, впрочем, и не нуждаюсь. Захочу, — на свои деньги книжку издам.

— В «Самоиздате»? — съехидничал я.

Он захохотал:

— Все помнишь? А здорово я тогда… Ведь два года 25 рублей ежемесячно, в роде гонорара получал… да, действительно здорово, ничего не скажешь![29]

Литература

Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. 640 с.

Лавров А.В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 768 с.

Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянниковой, П. Мицнера. 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016.

Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 856 с.

Павлова М.М. «Распоясанные письма» В. Розанова // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 67–71.

Плюханова М.Б. «Чапаев» в свете эстетики протяжных песен // От слов к телу: сб. статей к 60-летию Ю. Цивьяна. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 260–272.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2: Г–К. 623 с.

Тименчик Р. Ангелы–люди–вещи: в ореоле стихов и друзей. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2016. 632 с.

Тименчик Р. Чужое слово: атрибуция и интерпретация // Лотмановский сборник. [Вып.] 2. М.: «О.Г.И.»; Издательство РГГУ, 1997. С. 86–99.

References

Bogomolov N.A. Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniia. Tomsk: Vodolei Publ., 1999. 640 p.

[29] *Лихарев Б.* Литературные знакомства // Смена. 1928, 16 сентября.

Lavrov A.V. Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015. 768 p.

Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama, ed. A.G. Mets pri uchastii S.V. Vasilenko, L.M. Vidgofa, D.I. Zubareva, E.I. Lubiannikovoi, P. Mitsnera. 2nd edition. Toronto, 2016.

Literaturnoe nasledstvo. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 85: Valery Briusov. 856 p.

Pavlova M.M. " 'Raspoiasannye pis'ma' V. Rozanova". Literaturnoe obozrenie. 1991, № 11, pp. 67–71.

Pliukhanova M.B. " 'Chapaev' v svete estetiki protiazhnykh pesen". Ot Slov k Telu: sbornik statei k 60-letiiu Iu. Tsiv'iana. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. S. 260–272.

Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia; Fianit Publ., 1992. Vol. 2: G–K. 623 p.

Timenchik R. Angely–liudi–veshchi: v oreole stikhov i druzei. Moscow: Mosty Kul'tury Publ.; Ierusalem: Gesharim Publ., 2016. 632 p.

Timenchik R. "Chuzhoe slovo: atributsiia i interpretatsiia". Lotmanovskii sbornik. [Issue] 2. Moscow: O.G.I. Publ.; RGGU Publ., 1997, pp. 86–99.

Notes of a Commentator

Roman Timenchik

Abstract: The notes present unpublished poems by Lyudmila Vil'kina, Konstantin Lipskerov, materials for the (non)edition of Mikhail Zenkevich's book "Under the Meaty Scarlet Robe " in Gosizdat (1923), and the analysis of the neologism samizdat / samoizdat in the 1920-ies.

Keywords: historico-literary commentary, Russian Modernist poetry, history of words.

Information about the author: Roman D. Timenchik. PhD. Professor of Hebrew University of Jerusalem (Israel). E-mail: litfact@gmail.com

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-293-306
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Из комментаторских заметок

Н.А. Богомолов

Аннотация: В данных заметках приводится уточнение к адресации записки Андрея Белого (1916), восстанавливается контекст песни Владимира Высоцкого «Ой, где был я вчера…» и предпринимается попытка объяснить неожиданную цитату из М.М. Хераскова в раннем стихотворении Вл. Ходасевича «Ворожба» (1913).

Ключевые слова: комментарий историко-литературный, интертекстуальный комментарий, Андрей Белый, Владимир Высоцкий, Владислав Ходасевич, цитаты, реминисценции.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ, Москва. E-mail: nab50@mail.ru

1. PRO DOMO SUA

Публикуя переписку Андрея Белого с В.И. Ивановым, автор этих заметок вместе с Дж. Малмстадом включили туда такую записку:

45. Андрей Белый — Иванову

1 декабря 1916 года. Москва

Прошу дать место на моей сегодняшней лекции (1-го декабря 16 года)[*] Марье Михайловне Замятниной по возможности ближе.

Б. Бугаев.

После этого следовали текстологическая справка и примечание:

«На визитке Бориса Николаевича Бугаева с адресом: “Арбат, Никольский 22 кв. 5”. На конверте: Е.В. Вячеславу Ивановичу Иванову (от А. Белого). Кв. 9. Карточка исписана карандашом М.М. Замятниной.

[*] Белый выступил с публичной лекцией “Творчество мира”, устроенной Обществом друзей Грибоедовской библиотеки, в Большой аудитории Политехнического музея 1 декабря 1916 года (печатную повестку см.: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. № 14. Л. 16)»[1].

[1] Русская литература. 2015. № 2. С. 99.

Однако сейчас, когда изучение смежных сюжетов заставило нас снова взглянуть на эту записку, стало понятно, что ее не следовало включать в корпус переписки. Дело в том, что Иванова в это время в Москве не было. Л.В. Иванова вспоминала: «Летом 1916 года мы наняли вместе с Эрнами дачу в Красной Поляне — несколько десятков верст к югу от Гагр. […] После Красной Поляны Вячеслав, проделав двухнедельный курс лечения грязями в Мацесте (около Сочи), поселился с Верой и Димой в пансионе “Светлана” в Сочи и не возвратился на зиму в Москву, оставшись на своем любимом юге целый год, т.е. до ранней осени 1917. Я же вернулась с Марусей в Москву для своих занятий в консерватории»[2].

То есть формально записка адресована Иванову, но реально она предназначалась жившей в квартире на Зубовском бульваре М.М. Замятниной и должна была сыграть роль контрамарки.

2. КТО ЖЕ ПОКУРОЛЕСИЛ?

Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей!
Только помню, что стены — с обоями...
Помню — Клавка была, и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня — генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали.
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их своими аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились —

[2] *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и коммент. Джона Мальмстада. [Paris, 1992]. С. 64, 67.

Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А в конце уже — все позабавились.

Кто — плевал мне в лицо,
А кто — водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
Молодая вдова,
Верность слову храня, —
Ведь живём однова —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную:
«Развяжите, — кричал, — да и дело с концом!»
Развязали, — но вилки попрятали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах, —
И откуда взялось
Столько силы в руках...
Я, как раненый зверь,
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ой, где был я вчера — не найду днем с огнем!
Только помню, что стены — с обоями, —
И осталось лицо — и побои на нём, —
Ну, куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну, хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня —
И взяла к себе жить[3].

Эта песня Владимира Высоцкого часто звучала в его исполнении, начиная с 1967-го, когда была написана, до последнего года жизни. Текст если и менялся, то совершенно незначительно (кажется, единственно достойно упоминания, что в первом исполнении ст. 12 звучал: «Донимал их блатными аккордами»)[4]. Наибольшим интересом у слушателей, мемуаристов, а затем и исследователей

[3] *Высоцкий Владимир*. Сочинения: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. А. Крылова / Изд. 13-е, исправленное. М., 1999. Т. 1. С. 141–142.

[4] Отметим также, что у нее в разное время были разные заглавия: по первой строке, «Покуролесил», «Ну и погулял», «Путешествие в прошлое» (Там же. С. 487).

пользовались разыскания о возможной прототипической основе стихов. При этом практически не было сомнений в том, что они опираются на личный опыт автора и его ближайших друзей.

Актриса, а впоследствии литератор К.С. Филиппова, учившаяся в Школе-студии МХАТ двумя годами старше Высоцкого, рассказала такую историю собирателю фактов из жизни поэта Марку Цыбульскому: «Мы, взрослые дураки, катались во дворе на санках. Возвращаемся, а соседка говорит мне: “У тебя кто-то дома”. А я никогда не закрывала комнату. Вхожу — незнакомые люди. И вдруг из-за плеча появляется Володя и говорит: “А мы всё съели”. Никогда этого не забуду! А потом Володя написал эту песню: “Помню, Клавка была и подруга при ней...” Вообще, никаких безобразий там не было, получился очень смешной вечер. Я только спросила потом: “Володя, я же на первом этаже живу! Какой там балкон?” Он посмотрел на меня так грустно-грустно... Кажется, с мыслью: “Табуретка ты несчастная! Не догадываешься, что художнику может подарить фантазия”». А на вопрос интервьюера: «*По какому адресу Вы тогда жили?*» — она ответила: «Это огромный дом на Садово-Черногрязской, угол Земляного вала. Квартира 17, а дом, кажется, 3/21»[5]. В комментариях относительно всей этой ситуации тот же Марк Цыбульский говорил: «“Помню Клавка была и подруга при ней” — Карина Филиппова и сценарист Дина Калиновская, автор пьесы “Баллада о безрассудстве”, которая вместе с Высоцким работала над сценарием фильма “Помните, война случилась в сорок первом...” О том, как появилась эта песня, рассказали мне обе дамы. Когда будет опубликована моя беседа с К. Филипповой (в замужестве Диодоровой) — узнаете подробности»[6].

Честно сказать, тут не очень понятна связь текста и воспоминаний. Если «никаких безобразий там не было», то, значит, песня о чем-то совсем другом. По контексту воспоминаний Филипповой — о молодости и любви.

В неоднократно повторенных воспоминаниях Л. Пырьевой время от времени появляется утверждение, что песня эта связана с тем, что однажды она на некоторое время поселила у себя в квартире Высоцкого и Кохановского, а вернувшись, нашла многочисленные свидетельства длительного загула[7]. Однако, кажется, это некая аберрация памяти, поскольку «молодой вдовой» Пырьева стала через год после того, как песня была написана.

---

[5] *Цыбульский Марк.* Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону, 2009. С. 363–364.

[6] http://ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/HTML/001180–2.html (дата обращения 03.03.2017).

[7] См.: *Высоцкий Владимир*. Летела жизнь в плохом автомобиле... / Сост. и комм. П.Е. Фокина. СПб., 2012. С. 91.

Наконец, третья версия была обнародована в интернете И. Рубинштейном со ссылкой на автора мемуаров о Высоцком Д. Карапетяна: «На мой вопрос, почему этот свой рассказ он не включил в книгу, Давид ответил, что не нашел ему там места. Сейчас попробую максимально близко к тексту воспроизвести рассказ Давида. «Мы сидели у меня дома с Ларисой и Андреем (Тарковскими. — *И.Р.*). Пили какое-то вино. И я поставил кассету Володи. Когда началась песня “Ой, где был я вчера” и Володя допел до слов “а кофейный сервиз, растворивши окно, взял и выбросил вниз”, Лариса закричала Андрею: “Так это же он после того случая написал”! И Андрей кивнул. Я спросил: “После какого случая”? И Лариса рассказала, что где-то полгода назад она, Андрей, Володя, Макаров и кто-то еще что-то отмечали у них в квартире. И Артур (Макаров. — *И.Р.*) стал, как всегда, философствовать на тему, что настоящий художник должен заниматься самоуничтожением. Только в тот раз он в свою идиотскую теорию вплел еще и то, что художник не имеет права быть мещанином. Ну то есть заниматься накопительством и покупать дорогие вещи. И тут же, представляешь, он берет со шкафа дорогую хрустальную вазу и на глазах у всех разбивает её об пол. После этого он подбегает к серванту, а там у Андрея какой-то дорогой сервиз стоял. То ли чешский, то ли польский. И вот Макаров отодвигает стекло и говорит: “А этот сервиз нужно вообще с балкона на х...й”. В общем они еле его тогда успокоили. И сервиз цел остался»[8].

Как хорошо известно, Высоцкий с молодости входил в одну компанию с А.А. Тарковским, дважды имел шанс сыграть в его фильмах — «Ивановом детстве» и «Андрее Рублеве», но по разным причинам этого не случилось[9]. Но и Чудаков во время подготовки к съемкам «Андрея Рублева» рассматривался как кандидат на одну из главных ролей — Бориски[10]. И сам Высоцкий к случаю упоминал А.А. Тарковского как человека, который чувствовал себя связанным с событиями этой песни[11].

---

[8] http://vysotsky.ws/index.php?showtopic=393&st=15 Запись датирована 9 октября 2008. Дата обращения 03.03.2017. Артур Сергеевич Макаров (1931–1995) — писатель, сценарист, близкий знакомый как В. Высоцкого, так и А. Тарковского еще с молодости. Откликаясь на текст Рубинштейна, М. Цыбульский сообщал: «Если на то пошло, то у нас уже даже не два, а три источника! Ещё один — моя беседа с Кариной Филипповой. Кстати, Дина Калиновская с версией К.Филипповой согласна, а вот Л. Пырьева, которую я тоже об этой песне спрашивал, уже не так уверена, что она имеет к этому отношение».

[9] Подробнее см.: *Новиков Вл. И.* Скандинавские встречи // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М., 1999. Вып. III, т. 2. С. 453–460.

[10] См.: *Чудаков Сергей*. Справка по личному делу. [М., 2014]. С. 296–299.

[11] См.: *Высоцкий Владимир*. Летела жизнь в плохом автомобиле... С. 90.

При всей типичности истории, воссозданной в стихотворении-песне с некоторым понятным гиперболизмом, нам представляется, что на ее возникновение более всего повлияла история, рассказанная актером Львом Прыгуновым, посвятившим свою книгу воспоминаний поэту Сергею Чудакову. Вот она:

> «Чудаков отличал Ольгу Бган; и в году 66-м, к их несчастью, они оказались вместе первого мая в ресторане Дома литераторов. После ресторана все поехали к Ольге Бган — они жили в доме у метро «Аэропорт» на одном из последних этажей. Там поддали еще, а Сережа заснул на диване. Ребятам надо было куда-то сходить на полчаса, и они, не разбудив Чудакова, решили его оставить на время у себя и закрыли квартиру на ключ. В это время начался салют в честь Первомая, который его тут же разбудил. На Чудакова — я это заметил уже давно — очень возбуждающе действовали громкие звуки и особенно его собственные крики. И тут салют плюс алкоголь сделали свое дело — у Сережи поехала крыша, и он после каждого залпа с криком:“Да здравствует Первое мая!” с балкона стал выкидывать на заполненный людьми тротуар все вещи, которые попадали ему под руки: телевизор, книжные полки, торшеры, чемоданы, столы и тумбочки; он успел выкинуть диван, на котором спал, и даже холодильник, и все это время дико хохотал и кричал: “Да здравствует Первое мая!” Милиция взломала входную дверь только когда в квартире уже почти ничего не осталось, а Сережа тащил к балкону снятую с петель кухонную дверь. Его скрутили и отправили в отделение милиции, где он оказался в компании пьяных, но еще не полностью деклассированных элементов (отделение милиции обслуживало дома членов Союза писателей). Он попал в комнату, разделенную наспех сколоченной из свежих досок стенкой, за которой были такие же провинившиеся. Я очень хорошо представляю Чудакова в этой ситуации: возбужденный, со звериным оскалом, он стал собирать у всех, кто там был, всякие бумажки, носовые платки, отодрал какие-то щепки от досок, у кого-то нашел припрятанные спички, сложил под деревянной стенкой небольшую кучку горючего материала и зажег небольшой костерчик. Когда стала гореть стенка и обе комнаты заполнились дымом, все начали орать: “Пожар! Горим!”. Милиционеры ворвались в комнату, и половина задержанных и, естественно, Чудаков выскочили на свободу. Обо всем этом Сережа рассказывал мне в лицах и мизансценах, очень довольный собой. А у ребят-актеров была самая настоящая трагедия. Вот с этого случая я стал относиться к Чудакову с большой осторожностью»[12].

Схожий эпизод есть в повести О. Михайлова «Час разлуки», где Чудаков выведен под фамилией Смехачев: «Настя качнула го-

[12] *Прыгунов Лев*. Сергей Иванович Чудаков и др. (Из частных хроник 60-х, 70-х, 80-х и 90-х). М., 2011. С. 160–161. Ольга Павловна Бган (1936–1978), актриса театра и кино. В устных мемуарах Прыгунова о Высоцком, записанных М. Цыбульским, этот случай не упоминается.

ловой. Смехачев размахнулся и ударил ее по лицу открытой ладонью. Затем он решительно прошел сквозь дверь, с грохотом обрушил на себя стекло и, только слегка поцарапанный, почти невредимый, предстал перед переполошенными зрителями. […] Смехачев был невменяем, почти безумен. Он рвался к Насте, но его крепко держали…»[13].

Биография С.И. Чудакова (1937–1997), воссозданная В. Орловым и И. Ахметьевым с подлинной виртуозностью по рассказам современников и сохранившимся документам, добавляет к этому рассказу несколько черт, делающих текст жизни и художественный текст еще более близкими. Прежде всего, это, конечно, насыщенность атмосферы эротизмом. Чудаков вошел в историю неофициальной культуры советского времени не только как незаурядный поэт и яркая личность, но и как человек, постоянно окруженный женщинами, вплоть до того, что какую-то часть из них он за плату сводил с состоятельными людьми. Но и его собственная любовная биография, судя по рассказам современников, была важнейшей составной частью жизни, как и у персонажа песни Высоцкого.

Находится любопытная параллель к словам: «Будто голым скакал». Еще школьником он «…в конце декабря 1953 с классом был в Планетарии, приставал к лектору во время доклада, был выведен, раскричался, разделся там же в Планетарии до белья, упал […] Была вызвана скорая медицинская помощь»[14]. Про то, что: «А отец, говорил, у меня — генерал!» (во многих исполнениях песни последнее слово Высоцкий особенно выделяет), автор песни мог знать. В сознании современников Чудаков запечатлелся как сын высокого гулаговского руководителя, начальника одного из колымских лагерей[15].

Конечно, было бы наивно утверждать, что Высоцкий документально описывает скандальное поведение С. Чудакова. В тех компаниях, где он бывал, нечто подобное наверняка случалось не раз, да и сам Высоцкий, что греха таить, мог поутру раскаиваться вроде своего героя. Но все же выбрасывание предметов домашнего обихода и даже конструктивных элементов квартиры в окно — слишком сильный прием, чтобы не удивиться его повторению.

---

[13] Цит. по.: *Чудаков Сергей*. Справка по личному делу. С. 262–263.

[14] *Чудаков Сергей*. Справка по личному делу. С. 228. И в 1988 г. соседи Чудакова жаловались в милицию: «…бегает по лестничной клетке в обнаженном виде, размахивая гирей и выкрикивая всевозможные угрозы в наш адрес» (Там же. С. 415).

[15] См. свидетельства О.Н. Михайлова, Е.А. Евтушенко, Л.А. Аннинского, С.Г. Бочарова, Ю.Б. Борева (Там же. С. 225). Среди документальных свидетельств, собранных составителями тома, есть сведения о том, что отец Чудакова был вовсе не генералом, а капитаном, однако еще в феврале 2017 г. русская Википедия повторяла слова Е.Б. Рейна о том, что он был генерал-майором КГБ.

И если это так, то мы должны в своих суждениях о поэзии Высоцкого выходить за пределы классической русской и советской поэзии, с большей или меньшей степенью осторожности связывая ее и с культурой московского самиздата. Напомним, что стихи Чудакова печатались в журнале А. Гинзбурга «Синтаксис» (1959, № 1) вместе с И. Холиным и Г. Сапгиром, а во второй номер вошли стихи Б. Ахмадулиной и Б. Окуджавы. Параллель между стихами Чудакова и Высоцкого обнаружила Л. Томенчук[16]. В конце концов сама поэзия Высоцкого стала фактом самиздата, причем одним из самых значительных: по рассказам людей, работавших на больших ЭВМ, на каждой или почти на каждой из них был уголок, куда прятались неподцензурные тексты от Баркова до Стругацких, и наиболее постоянным из них был сборник Высоцкого[17].

Интертекстуальный комментарий будет обязан учесть стихотворение Андрея Вознесенского «Римские праздники» (1963):

Бомбой ахают бутылки
из окон,
из окон,
ну, а этот забулдыга
ванну выпер на балкон.

А над площадью Испании,
как летающий тарел,
вылетает муж из спальни —
устарел, устарел!

В ресторане ловят голого…[18]

К обсуждению этой параллели следует учесть, что данное стихотворение Вознесенского входило в спектакль театра на Таганки «Антимиры», и, если нас не обманывает слух, одним из принимавших участие в его инсценировке был Высоцкий[19].

Для стиховедческого комментария, буде такой появится, представляют интерес рифмы в четных строфах стихотворения. Они по своей ритмической структуре отличаются от нечетных, хотя метр один и тот же — 4-стопный анапест. Но в нечетных строфах нет

[16] http://about-visotsky.livejournal.com/126749.html?thread=1326877#t1326877 (дата обращения 03.03.2017).

[17] О связи наследия Высоцкого с традицией самиздата см.: *Лурье Эрлена*. Глухое время самиздата. СПб., 2009.

[18] *Вознесенский Андрей*. Стихотворения и поэмы. СПб., 2015. Т. 1. С. 149–150. Параллель указана нам И.Н. Арзамасцевой. Попутно заметим, что «Вылетает муж из спальни», — отсылка к «Мойдодыру» К.И. Чуковского.

[19] См.: http://teatr.audio/teatr-na-taganke-antimiry-300y-spektakl (дата обращения 03.03.2017). С другой стороны, одно из первых исполнений «Покуролесил» было дома у Андрея Вознесенского 26 марта 1967 г.

регулярной цезуры, а в четных она появляется после 6-го слога, что дает возможность текстологам печатать (видимо, в зависимости от своих личных пристрастий) эти строфы то в 4, то в 8 строк, давая возможность истолковывать их как двустопный анапест.

Последняя ориентация (принятая тем изданием, по которому песня напечатана выше) подчеркивается отчетливыми рифмами. Во всех восьмистишиях — будем ориентироваться на это графическое расположение — первые 4 строки зарифмованы по схеме *abab*, а вот вторые различаются. В первом случае — *ccbc*, далее в трех восьмистишиях — продолжается перекрестная рифмовка, а в последнем четверостишии рифмы вдруг становятся абсолютно неумелыми: «вдова — меня» и «пережить — жить».

Первый случай объясним легко: перед нами еще не установившееся построение, которое может быть повернуто в зависимости от намерений автора. Сложнее второй.

В очень спорной книге о поэзии Высоцкого читаем: «…если на уровне подтекста в роскошной квартире, в которой происходит все действо, видеть олицетворение “дома” власть имущих, устроивших у себя пир и пригласивших для развлечения своих гостей лирического героя с гитарой, […] то становится понятным, что антиобщественное поведение лирического героя Высоцкого — это форма его “несогласия и бунта”, выражение ненависти к властям и к их режиму»[20].Сначала это суждение вызывает резкое неприятие (отчасти связанное с филологической неграмотностью автора). Прежде всего, в стихотворении нет ни намека на то, что предметный мир здесь символизирует царство «власть имущих»: стены с обоями, благородный хрусталь и кофейный сервиз — обыденность советской действительности второй половины шестидесятых, их хозяева могут принадлежать к любому слою общества. Во-вторых, надо решительно отвергнуть предположение о том, что героя приглашают для развлечения общества: он приходит в таком состоянии, что помнит только первые минуты пребывания в этом «некоем царстве, некотором государстве», все остальное ему рассказывают на следующий день. Обычный же путь у героя песен Высоцкого обратный: трезвого («Прошла пора вступлений и иллюзий…») или мучающегося с похмелья («Смотрины») его зазывают петь, и уже после этого начинается «разгул»[21]. Наконец, типично советская формула «антиобщественное поведение» не идет к делу: скандал начинается в квартире, среди своих (в том числе и женщин, за которыми герой ухаживает) и только потом вырывается за ее пределы, но и это ав-

[20] *Корман Я.И.* Владимир Высоцкий: Ключ к подтексту. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 22.

[21] Ср. также в «Желании славы» А. Галича: «Вы налейте по первой, / А уж я вам спою».

тором не акцентировано: на приходит участковый, не приезжает патруль (как это было в истории с Чудаковым), все остается внутри небольшой группы.

Но вместе с тем есть в словах Я. Кормана и некоторая доля истины, о которой, как кажется, свидетельствует небрежная рифмовка (а то и вовсе не рифмовка) последних четырех строк. Отчетливо понимая, что стихотворная техника далеко не всегда связана с психологическими особенностями персонажей стихотворения, попытаемся все же объективировать описанные события и их фиксацию. «Вчера», даже по описаниям сторонних людей, у героя был какой-то невероятный выплеск энергии, во всех своих гротескных подробностях описанный в стихах. Сегодня от него не осталось и следа[22], мало того — даже покинуть квартиру невозможно: «Ну, куда теперь выйти с побоями!» И депрессия вкупе с похмельем провоцирует распад даже умения писать стихи. Сравните щегольские рифмы шестой строфы: «в лицо — танцор», «вдова — однова́» (и ни одной глагольной) с унылыми в восьмой (ровно половина глагольных) и просто никакими — в последней. То есть перед нами, конечно, никакая не песня протеста, но еще одна блестяще исполненная иллюстрация к формуле советской жизни по Высоцкому:

Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас[23].

3. НЕЖДАННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В стихотворении Вл. Ходасевича «Ворожба» (цикл «Мыши», книга «Счастливый домик») читаем:

Пусть опять на зов твой мыши
Прӣдут вечер коротать.
Только нужно жить потише,
Не шуметь и не роптать.

На первый взгляд эти строки не предполагают никакого комментария, настолько все в них прозрачно. Однако история русской поэзии дает нам основания такой комментарий сделать. Среди стихов М.М. Хераскова находим следующее:

Всяк на свете сем хлопочет,
Чтоб фортуну основать.

[22] Ср. аналогичное окончание «Смотрин».
[23] *Высоцкий Владимир*. Сочинения: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 139.

Мастером кузнец быть хочет,
Не учась коня ковать.

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

[…][24]

И далее еще восемь строф с тем же двустишием-рефреном. В этом стихотворении, опубликованном в 1762 г., Херасков непосредственно развивает жанровую модель стихотворных «Стансов» своего учителя (на тот момент) Сумарокова. Тщета внешней амбициозности ниспровергается резонерским «рецептом» адепта внутреннего морального роста и развития: «Только лучше жить потише». В контексте XVIII в. имели значения масонские или умеренно фрондерские коннотации этого рецепта. Спустя полтора века, как представляется, стихи Хераскова сохраняли лишь потенциал цитатной формулы. Сам факт «цитирования» Ходасевичем этой строки кажется нам бесспорным. А это обозначает комментаторскую проблему.

Прежде всего, возникает вопрос, каким образом Ходасевич познакомился с этими стихами Хераскова. Отдельных посмертных переизданий его стихотворений после 1820 г. вплоть до 1961 г. не было, в хрестоматии и антологии включались преимущественно эпические произведения (часто в сокращении)[25]. Лирические стихотворения Хераскова не входили в состав обязательного чтения и были, в общем, труднодоступны. Конечно, в начале XX в. издания XVIII и первых лет XIX века не представляли собою особенной редкости, но библиотека Ходасевича если и существовала, то не могла быть значительной в силу его сложного материального положения; получить же сочинения Хераскова для неторопливого чтения на длительный срок было наверняка непросто.

В статьях Ходасевича 1910-х годов имя Хераскова если и появляется, то как реалия времени, о которой можно говорить только в самых общих словах. Единственная характеристика его, которую нам удалось найти, — «автор “Россиады”», что, конечно, не может быть воспринято как вычленение из ряда трудно понимаемой классики XVIII века. И, кажется, единственная попытка объяснения может содержаться в большой дневниковой записи И.Н. Розанова,

[24] *Херасков М.М.* Избранные произведения / Сост., вст. ст. и комм. А.В. Западова. Л., 1961. С. 114–115.

[25] См. библиографическую справку А.В. Западова: *Херасков М.М.* Избранные произведения. С. 375–376. Впрочем, указания на републикации сочинений Хераскова тут не исчерпывающие; ср. хотя бы публ. фрагментов из трех поэм в популярной «Исторической хрестоматии» А. Галахова (СПб., 1861. Т. 1. С. 363–369).

рассказывающей о посещении Брюсова в 1914 году. Сперва там идет речь о феврале 1897 года, когда на пути к дому Брюсов беседует с Ю.И. Айхенвальдом, в эту беседу вслушивается и иногда робко вмешивается сопровождающий их Розанов. «Студент, бывший постарше и годами и курсом другого и повыше своих спутников, говорил о том, что собирает материалы и готовится писать историю русской лирики, но тут же указывал, как много затруднений возникает перед тем, кто хочет взяться за эту задачу. Прежде всего трудно разыскивать сочинения старых поэтов, напр., поэтов XVIII в. Студент пониже и помоложе указал на “Русскую поэзию” Венгерова. — «Но ведь там многого нет, — возразил студент постарше. — напр[имер], нет притч (?) Хераскова, а это самые его ценные произведения.. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают»[26].

Пересказывая эту запись в воспоминаниях о Брюсове, написанных в 1924 г., Розанов добавляет к этому дополнительные подробности: «А какие хорошие рифмы были у Хераскова, — не унимался Брюсов, — у него обычно рифмуются и согласные, находящиеся перед ударением»[27]. И в досыл, говоря про обсуждение доклада Брюсова «Левизна Пушкина в рифмах» в Пушкинской комиссии: «Как-то из оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. “Вы ошибаетесь, — отвечал Валерий Яковлевич, — как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные”»[28].

И рассказывая о своем визите к Брюсову в феврале 1914 г. и преподнесении своей книжки «Русская лирика», Розанов говорит: «Получив книжку, стал просматривать оглавление, делая замечания и издавая восклицания по поводу встретившихся там имен. […] “Херасков!” — “Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно не оцененный”»[29].

Было бы очень соблазнительно спроецировать эти воспоминания на разбираемую строчку Ходасевича, но это невозможно, поскольку стихотворение было опубликовано за месяц до знакомства Ходасевича с Розановым и более чем за год до выхода «Русской лирики» с главой о Хераскове и разговора 1914 года с Брюсовым. Но сам факт постоянного (1897–1914–1924) интереса Брюсова к Хераскову, видимо, сомнению не подлежит. И Ходасевич, ревниво следивший за старшим поэтом и вхожий в достаточно близкие к нему

[26] НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 16. Л. 57об–58.

[27] *Розанов И.Н.* Встречи с Брюсовым // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 762, с исправлением по рукописи.

[28] Там же. С. 763.

[29] НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 3. Ед. хр. 16. Л. 64–64 об. Эта реплика попала и в воспоминания Розанова.

круги, вполне мог знать об этом увлечении и приложить определенные усилия, чтобы самому познакомиться с его творчеством.

И уж в качестве совсем недоказуемой гипотезы предложим еще одно объяснение, также с Брюсовым связанное. Ходасевич мог вполне сознательно вставить практически неизмененный херасковский стих в свое стихотворение, чтобы проверить: узнает ли Брюсов того поэта, которого так прокламирует, упомянет ли об этом в отзыве.

Литература

Высоцкий Владимир. Сочинения: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. А. Крылова / Изд. 13-е, исправленное. М.: Локид, 1999.

Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце / Изд. подгот. Джон Мальмстад. Paris: Atheneum, 1990. 432 с.

Корман Я.И. Владимир Высоцкий: Ключ к подтексту. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 384 с.

Лурье Эрлена. Глухое время самиздата. СПб.: Нестор-История, 2009. 232 с.

Новиков Вл.И. Скандинавские встречи // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. Вып. III. Т. 2. С. 453–460.

Прыгунов Лев. Сергей Иванович Чудаков и др. (Из частных хроник 60-х, 70-х, 80-х и 90-х). М.: РУДН, 2011. 349 с.

Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. С. 759–772.

Херасков М.М. Избранные произведения / Сост., вст. ст. и комм. А.В. Западова. Л.: Сов. писатель, 1961. (Биб-ка поэта. Б.с.) 410 с.

Цыбульский Марк. Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 472 с.

Чудаков Сергей. Справка по личному делу. М.: Культурная революция, 2014. 512 с.

References

Chudakov, Sergei. *Spravka po lichnomu delu*. Moscow: Kul’turnaia revoliutsiia publ., 2014. 512 p.

Ivanova, Lidiia. *Vospominaniia. Kniga ob ottse*, ed. J. Malmstad. Paris: Atheneum, 1990. 432 p.

Kheraskov, M.M. *Izbrannye proizvedeniia*, ed., comm. A.V. Zapadova. Leningrad: Sovetsky pisatel’, 1961 (Bib-ka poeta). 410 p.

Korman, Ya.I. *Vladimir Vysotskii: Kliuch k podtekstu*. Rostov-na-Donu: Fenix publ., 2006. 384 p.

Lurie, Erlena. *Glukhoe vremia samizdata*. St. Petersburg: Nestor-Istorija publ., 2009. 232 p.

Novikov, Vl.I. “Skandinavskie vstrechi”. *Mir Vysotskogo: Issledovaniia i materialy*. Moscow: GKTsM V.S. Vysotskogo publ., 1999. Issue III. V. 2. P. 453–460.

Prygunov, Lev. *Sergei Ivanovich Chudakov i dr. (Iz chastnykh khronik 60-kh, 70-kh, 80-kh i 90-kh)*. Moscow: RUDN publ., 2011. 349 p.

Rozanov, I.N. “Vstrechi s Briusovym”. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1976. V. 85. P. 759–772.

Tsybul’sky, Mark. *Vremia Vladimira Vysotskogo*. Rostov-na-Donu: Fenix, 2009. 472 p.

Vysotskii, Vladimir. *Sochineniia*: in 2 vols., ed., comm. A. Krylov. 13th corrected ed. Moscow: Lokid publ., 1999.

From the Notes of a Commentator

Nikolay A. Bogomolov

Abstract: The notes specify the addressing of a record by Andrey Bely (1916), restore a context for Vladimir Vysotsky’s song “God, where was I last night?” and make an attempt to explain a surprising citation from M. Kheraskov in V. Khodasevitch’s early poem: “Vorozhba” (“Fortune-telling”) (1913).

Keywords: historico-literary commentary, intertextual commentary, Andrey Bely, Vladimir Vysotsky, Vladislav Khodasevitch, citations, reminiscences.

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab., Professor, Moscow State University. E-mail: nab50@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-307-354
УДК 821.161.1 ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки

(Секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б))

П.А. Дружинин

Аннотация: Докладная записка 1948 г. в ЦК ВКП(б) группы лингвистов, позиционировавших себя как приверженцев единственно верной советской, «материалистической» науки о языке, разработанной академиком Н.Я. Марром, преследовала цель уничтожения научных конкурентов, которые шельмовались авторами записки как представители «идеалистической» буржуазной науки, связанной с традициями зарубежного языкознания. Основные противники группы ленинградских лингвистов — языковеды-москвичи (профессора МГУ А.А. Реформатский, М.Н. Петерсон и др.), академик В.В. Виноградов, научного и административного усиления которого особенно опасались подписанты записки. Если бы они победили в этой политической и аппаратной борьбе, судьба отечественной филологии оказалась бы еще более мрачной; выиграл, как известно, Виноградов, стоявший за «исторической» работой Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), в которой развенчивалось учение Марра.

Ключевые слова: история филологии, наука и идеология, Новое учение о языке, марризм, языкознание.

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, к. ист. н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: petr@druzhinin.ru

Августовская сессия ВАСХНИЛ, проходившая в Москве с 31 июля по 7 августа 1948 года, стала памятной вехой в истории отечественной науки, причем не только биологической. Заклеймив «мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики»[1], советская партийно-государственная пропагандистская машина не подвергла испепеляющей критике направление «вейсманистов-мен-

[1] Слова профессора И.И. Презента, цит. по: *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 161.

делистов-морганистов», и подняла на щит учение И.В. Мичурина. Доклад академика Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке», который излагал эту точку зрения, перед оглашением на Августовской сессии был прочтен, одобрен и даже отредактирован главным читателем страны, корифеем всех наук. Резюмируя, Вестник Академии наук СССР писал: «Многолетняя, непомерно затянувшаяся дискуссия между представителями передовой, базирующейся на философии диалектического материализма и практике социалистического строительства советской мичуринской науки, с одной стороны, и оруженосцами реакционной, идеалистической, оторванной от жизни вейсманистской (моргановско-менделевской) лженауки — с другой, закончилась сокрушительным разгромом формально-генетических позиций и полным торжеством истинно научного, прогрессивного направления»[2].

Становилось ясно, что это в общем-то локальное событие в биологии будет иметь большой резонанс, символизируя подтверждение тезиса о превосходстве русского над иностранным, то есть сессия ВАСХНИЛ в действительности стала очередным этапом идеологической пропаганды, новой всесоюзной компанией, которая продолжала «решения ЦК партии по идеологическим вопросам». На этот раз кампания получила название «борьбы с низкопоклонством перед Западом». Инициатором ее был только один человек; как и сказал 6 ноября 1948 года В.М. Молотов на всю страну в праздничном выступлении: «Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв широкие перспективы в научной и практической работе»[3].

Заседание Президиума Академии наук СССР, состоявшееся 24–26 августа 1948 года, констатировало, что плачевное положение в биологической науке имело свои причины: это и «забвение принципа партийности науки», и «отрыв от требований социалистического строительства», и «недостаточное развитие большевистской критики и самокритики в институтах и учреждениях». При этом, был провозглашен и важнейший для всех идеологических кампаний 1940-х годов тезис, что решения по этому частному вопросу, в данном случае в области биологической науки, актуальны для всех граждан, и для советских ученых в частности: «Академия Наук СССР не должна и не может стоять в стороне от охватившей весь мир ожесточенной борьбы двух идеологий — реакционной идеологии отживающего капитализма, отравляющего атмосферу Земли духом гниения и разложения, и противостоящей ей передовой, про-

[2] За процветание передовой биологической науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1948. № 9. С. 3.

[3] Цит. по: *Дружинин П.А.* Указ. соч. С. 166.

грессивной идеологии трудящегося человечества, находящей наиболее полное выражение в великом учении Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. […] Исследовательская работа каждого ученого, каждого научного учреждения должна рассматриваться прежде всего под углом зрения обслуживания потребностей народа, ведущего борьбу за дело коммунизма»[4].

Филологические науки не могли, не имели права оставаться в стороне. К тому же, борьба с пресмыкательством перед Западом в филологии уже была развернута, по крайней мере, в литературоведении. Еще летом 1947 года, благодаря А.А. Фадееву, на роль вдохновителя «мракобесов, буржуазных либералов и кадетствующих всякого рода эстетов» был избран академик А.Н. Веселовский. О.М. Фрейденберг свидетельствовала: «Агент, официально именуемый руководителем Союза писателей, Фадеев, недавно выступил с большой речью, где он “проработал” в площадных выражениях А.Н. Веселовского (“раба романо-германской школы”, “псевдо-ученого”, “основоположника низкопоклонства перед заграницей”)»[5]. К марту 1948 года покойный академик был повержен, его ученики и последователи «разоблачены». После Августовской сессии ВАСХНИЛ так называемая дискуссия об А.Н. Веселовском была уже окончательно закрыта — вопрос был решен однозначно. Осенью–зимой 1948/49 года в литературоведении наступила небольшая передышка, то есть затишье перед бурей, — 28 января 1949 года официально грянет кампания по «борьбе с космополитизмом», которая уже окончательно уничтожит старую школу.

Но поскольку прекраснодушие — это состояние, нетерпимое большевиками, то идеологическая волна хлынула в другую область филологических наук — языкознание. Здесь давно назрел нерешенный вопрос: так называемое Новое учение о языке академика Н.Я. Марра никак не могло окончательно занять господствующего положения в языкознании. Это обстоятельство многих не удовлетворяло, а позиция академика И.И. Мещанинова, стоявшего во главе отечественного языковедческой науки, воспринималась как «недостаточно принципиальная». Теперь же, после Августовской сессии ВАСХНИЛ, появилась реальная возможность исправить эту недоработку, и началось наступление на языкознание (история публичных событий 1948 года изложена В.М. Алпатовым[6]). Как

[4] За процветание передовой биологической науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1948. № 9. С. 15–16.

[5] *Фрейденберг О.М.* Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю.М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 155.

[6] *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 143–150 и др.

писала в своих Записках О.М. Фрейденберг: «За волной в биологии пошла волна в лингвистике. Марр приравнен к Мичурину, Мещанинов к Лысенке»[7]. Лингвист и сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) Г.П. Сердюченко[8] уловил в словах В.М. Молотова призыв к действию: «Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии советские ученые-языковеды должны рассматривать как руководящее указание, обращенное непосредственно к ним, к их работе. Они должны сделать все необходимые выводы из борьбы между двумя направлениями в биологии — прогрессивным, материалистическим и реакционным, идеалистическим, чтобы не допустить в советском языковедении реакционно-идеалистических построений»[9]. Во многом по его инициативе в обеих столицах было проведено масштабное обсуждение состояния советского языкознания в свете решений Августовской сессии ВАСХНИЛ, которое, как оговорился И.И. Мещанинов, носило характер всесоюзного совещания лингвистов.

В Ленинграде — центре советского языкознания — 22 октября 1948 года прошло некоторое подобие академической сессии. Это было совместное Открытое заседание ученых советов Института языка и мышления имени Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, которое, говоря словами В.М. Алпатова, стало «черным днем для советского языкознания». Выступления были аналогичны тем, что недавно звучали на сессии ВАСХНИЛ: с основным докладом «О положении в лингвистической науке в связи с постановлением Президиума АН СССР “О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях АН СССР”» выступил директор Института языка и мышления имени Н.Я. Марра АН СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, он же «наместник Марра на земле» — И.И. Мещанинов; содокладчиком был один из инициаторов этого масштабного проработочного мероприятия — зам. директора и член партбюро Ленинградского отделения Института русского языка Ф.П. Филин[10], выступивший с докладом «О двух направлениях в

[7] *Фрейденберг О.М.* Записки. Цит. по: *Дружинин П.А*. Указ. соч. Т. 2. С. 172.

[8] Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965) лингвист, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1948–1950 — профессор и зав. кафедрой кавказских языков МГУ, сторонник и трибун Нового учения о языке.

[9] Цит. по: *Алпатов В.М.* Указ. Соч. С. 147.

[10] Филин Федот Петрович (1908–1982) — славист, доктор филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИРЯЗ АН СССР, член ВКП(б) с 1939 г.; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1968), директор Института языкознания АН (1964–1968), Института русского языка имени В.В. Виноградова (1968–1982), главный редактор «Вопросов языкознания».

языковедении». И.И. Мещанинов, долгие годы сдерживавший партийных лингвистов, пытавшихся вымести из Академии наук и университетов старые научные кадры, уже не имел возможности сопротивляться, и хотя он не стал клеймить живых коллег, он все-таки сдался: «В главном Мещанинов уступил. Дежурные обвинения в таких грехах, как менделизм-вейсманизм-морганизм, перенесены в область языкознания: Г. Мендель сопоставляется с В. Гумбольдтом, якобы выдвигавшим расовую теорию, А. Вейсман — с Ф. де Соссюром и другими лингвистами, считавшими невозможным управлять языковой политикой; праязыковая схема сравнивается с наследственным веществом»[11]. То, что не сделал Мещанинов — сделал Филин, почтивший филиппиками современников: «Положение в языковедении также сопоставлено с положением в биологии, но в отличие от Мещанинова огонь критики переносится с давно умерших Гумбольдта и Соссюра на живых противников Филина. По аналогии с биологией заявлено о двух направлениях в науке о языке: буржуазном, восходящем к основателю сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппу, и материалистическом, идущем от Марра»[12]. Главный тезис доклада Ф.П. Филина, который при публикации в Вестнике АН СССР выделен разрядкой, следующий: «Новое учение о языке, основанное на марксистско-ленинской методологии, является общей и единственной научной теорией для всех частных лингвистических дисциплин»[13].

Если мы посмотрим резолюцию ленинградских лингвистов по докладу И.И. Мещанинова, то мы увидим и слова о необходимости «покончить с примиренческим отношением к враждебным влияниям в нашей науке, шире развернуть борьбу за основанное Н.Я. Марром материалистическое языкознание против реакционной идеалистической лингвистики, добиваясь полного идейного разгрома последней»[14] и т.д. и т.п., увидим здесь же осуждение тех, кто «вел и ведет борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды», но не вообще, а даже поименно. Перечень «лингвистов этого толка» был следующим: «В.В. Виноградов, М.Н. Петерсон, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров, А.С. Чикобава и др.» Казалось бы, оставалось дождаться оргвыво-

[11] *Алпатов В.М.* Указ. соч. С. 147.
[12] *Там же.* С. 148.
[13] *Там же*.
[14] Резолюция Ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН ССР, принятая 22 октября 1948 г. по докладу акад. И.И. Мещанинова… // Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VII. Вып. 6, ноябрь–декабрь. С. 498.

дов, которыми советская лингвистика будет освобождена от «балласта», и сторонники Нового учения о языке займут вожделенные административные должности.

Вслед за этим действо было повторено в Москве, где также было созвано Объединенное заседание Ученого совета Московского филиала Института языка и мышления и Института русского языка АН СССР. 27 октября были прочтены основные доклады, сперва выступил И.И. Мещанинов, за ним Ф.П. Филин: «Ив. Ив. Мещанинов делал доклад о положении на лингвистическом фронте. Доклад был сделан в очень корректных тонах. Но эту сторону доклада “исправил” Ф.П. Филин, который со всей решительностью поставил все точки над i»[15] — записал в дневнике С.Б. Бернштейн, который не только был избран в президиум собрания, но и читал присланный С.П. Обнорским доклад (в котором академик ритуально признавал, что «советские русисты должны строить творческую языковедческую науку, исходя их ценнейшего наследия Н.Я. Марра, на основе марксистско-ленинской методологии»[16]). Прения по докладу продолжились 28 числа, трибуны Нового учения о языке клеймили своих идейных противников. «В заключительном слове акад. И.И. Мещанинов указывает, что общее мнение участников совещания как в Ленинграде, так и в Москве сводится к непреложному утверждению, что советское языкознание должно быть основано на методах диалектического и исторического материализма и продолжать линию, взятую Н.Я. Марром. Акад. И.И. Мещанинов отмечает отсутствие среди московских лингвистов творческих дискуссий, наличие которых помогло бы избавиться от многих ошибок»[17].

Но, в отличие от ленинградских событий, в Москве не обошлось без инцидентов: ряд ученых на этом заседании оказали серьезное сопротивление марристам. И даже несмотря на то, что В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов и другие каялись в своих ошибках, у коммунистов создалось впечатление «недостаточного разоружения». И тому были веские причины: например, «Проф. М.Н. Петерсон в своем выступлении отводит упреки в приверженности его к младограмматикам, к рекламированию работ западноевропейских лингвистов. Утверждая, что в учении Н.Я. Марра есть много ошибок, проф. М.Н. Петерсон необоснованно обвинял последователей

[15] *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 127.

[16] Выступления по докладу акад. И.И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра / Хроника // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 169.

[17] Там же. С. 171.

Н.Я. Марра в том, что они догматически относятся к его учению»[18]; академик В.В. Виноградов, утверждая, «что он никогда не вел борьбы против установок Н.Я. Марра в области языкознания, горячо стараясь содействовать развитию советского языкознания […] не указал конкретно, о каких ошибочных положениях идет речь, не дал развернутой критики своих методологических ошибок»[19]; «Проф. П.С. Кузнецов на обсуждении не сошел со своих старых, порочных позиций, выступив в защиту праязыковой концепции возникновения славянских языков»…

И что же последовало? Да ничего особенного (конечно, с учетом практики руководства наукой сталинского времени): никакого существенного результата, сопоставимого с разгромом в биологии, эти лингвистические дебаты не достигли; а последовавшая лишь через месяц за этими заседаниями резолюция Бюро Отделения литературы и языка, вообще не содержала ни одного имени[20], то есть И.И. Мещанинов нашел возможность обойтись без оргвыводов. Единственное, чего удалось тогда добиться сторонникам Нового учения о языке, да и то, благодаря усилиям не Академии наук, а Министерства высшего образования СССР — снятия В.В. Виноградова с поста декана филологического факультета МГУ: в сентябре академик подал заявление об уходе и был заменен лингвистом Н.С. Чемодановым; при этом академик Виноградов сохранил должность заведующего кафедрой русского языка. Эту отставку, не слишком-то болезненную для В.В. Виноградова, сложно было назвать «перестройкой филологических наук» — у биологов, как мы помним, был освобожден от обязанностей академик-секретарь Отделения биологических наук Л.А. Орбели, а из университетов и академий вычищены оппоненты Лысенки. Такой жалкий по меркам послевоенных лет результат никак не мог устроить тех лингвистов, которые всерьез рассчитывали «добиться полного идейного и организационного разгрома реакционной идеалистической лингвистики», то есть освобождения от «балласта» ученых старого поколения, чтобы занять их административные должности, а заодно и приготовиться к намеченным на 1949 год академическим выборам.

И тогда, именно после московского заседания, окончательно продемонстрировавшего невозможность в одночасье ликвидировать всю оппозицию марризму (а заодно и сместить И.И. Мещанинова, который долгие годы оставался противником радикальных

[18] Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 168.

[19] Там же. С. 169–170.

[20] Резолюция Бюро Отделения литературы и языка АН СССР / Хроника // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 172–173.

изменений в отечественном языкознании) в ноябре 1948 года группа коммунистов-лингвистов Академии наук СССР — сотрудников Института языка и мышления, Института русского языка и Института востоковедения АН СССР — во главе с А.В. Десницкой[21] и Ф.П. Филиным приступили к подготовке большого секретного документа — «Докладной записки в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения». Этот документ готовился с конца октября и был закончен в ноябре 1948 г., подготовка его происходила в обстановке секретности, а обсуждение его не выносилось даже на закрытые партсобрания — последней инстанцией было партбюро ИЯМ АН СССР, на заседаниях которого и обсуждался текст документа. Мы можем назвать точные даты: первое специальное заседание состоялось 6 ноября 1948 г., второе и последнее 13 ноября.

Через несколько дней, в середине ноября, «Докладная записка в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения» была готова и, по-видимому, поступила в Секретариат ЦК. Этот серьезный документ, объемом более пятидесяти машинописных страниц, состоял их девяти разделов, описывающих состояние советского языкознания с точки зрения партийных лингвистов. На основании документов партбюро Института языка и мышления[22] мы можем вслед за названиями разделов указать авторов, представивших их первоначальный текст: I. Два направления в языковедении (А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон[23], Ф.П. Филин); II. Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития (В.А. Аврорин[24]; очевидно, в соавторстве); III. Положение с изучением русского языка (Ф.П. Филин); IV. Изучение романо-германских языков (не указано); V. Изучение тюркских языков (А.К. Боровков[25]); VI. Языки народов Севера (В.А. Аврорин); VII. Изучение

[21] Десницкая Агния Васильевна (1912–1992), лингвист, дочь В.А. Десницкого, ученица В.М. Жирмунского, профессор кафедры общего языкознания, доктор филологических наук; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1964).

[22] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 2. Л. 35–40.

[23] Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985), лингвист, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, сотрудник ИЯМ.

[24] Аврорин Валентин Александрович (1907–1977), лингвист, специалист в области тунгусо-манчжурских языков, кандидат филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИЯМ; впоследствии доктор наук (1955), член-корреспондент АН СССР (1968).

[25] Боровков Александр Константинович (1904–1962), лингвист-тюрколог, член-корреспондент Узбекской АН, заместитель директора Института востоковедения АН СССР, член ВКП(б); впоследствии член-корреспондент АН СССР (1958).

кавказских языков (Е.А. Бокарев[26]); VIII. Изучение иранских языков (И.И. Цукерман[27]); IX. Выводы (А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон, Ф.П. Филин). Общая редакция документа осуществлялась А.В. Десницкой. Кроме ленинградских лингвистов в выработке документа принимали участие и другие языковеды, в том числе москвичи, по крайней мере в отчете о работе партбюро ИЯМ и ЛО ИРЯЗ мы встречаем следующее упоминание: «При постановке больших вопросов идейно-теоретической значимости партбюро привлекало коммунистов-языковедов Ленинграда, не состоящих в партийной организации ИЯМ и ИРЯЗ. Так в составлении и обсуждении докладной записки “О положении в языкознании” участвовали зам. директора Института востоковедения АН СССР т. Боровков и зав. кафедрой русского языка ин[ститу]та им. Герцена т. Гринкова[28], а также группа московских языковедов-коммунистов (тт. Гухман[29], Чемоданов[30], Базиев[31])»[32]. Удивительно, что в числе авторов нигде не упоминается имени Г.П. Сердюченко, который был одним из наиболее горячих сторонников Марра (автором книги «Академик Н.Я. Марр — основатель советского материалистического языкознания» и многих других подобных), и одновременно — сотрудником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б); в конце 1945 года он закончил работу над книгой «Стиль и язык выступлений тов. Ста-

[26] Бокарев Евгений Алексеевич (1904–1971), лингвист-кавказовед, эсперантолог, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, член ВКП(б) с 1944 г., член партбюро ИЯМ; впоследствии — доктор наук (1955).

[27] Цукерман Исаак Иосифович (1909–1998), лингвист-иранист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, заведующий кафедрой общего языкознания 1-го ЛГПИИЯ; впоследствии доктор наук (1965 г., без защиты диссертации).

[28] Гринкова Надежда Павловна (1895–1961), лингвист, диалектолог, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка ЛГПИ им. А.И. Герцена.

[29] Гухман Мирра Моисеевна (1904–1989), лингвист, специалист по германским языкам, кандидат филологических наук, профессор МГПИИЯ, старший научный сотрудник МО ИЯМ, обличитель реакционных лингвистов на московском заседании; впоследствии — доктор (1955).

[30] Чемоданов Николай Сергеевич (1903–1986) лингвист, специалист по германским языкам, кандидат филологических наук (1940), профессор МГУ (1949); с 1943 по 1948 сотрудник ВКВШ при СНК (МВО СССР), декан филологического факультета МГУ в 1948–1950, впоследствии — доктор наук (1971); муж лингвиста Мирры Моисеевны Гухман.

[31] Базиев Ахия (Ахья) Танаевич (1910–1982), лингвист, специалист по кыпчакским языкам, в 1938 г. окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского пединститута (г. Нальчик), аспирант АН СССР, участник прений по докладу И.И. Мещанинова в Москве; впоследствии кандидат филологических наук (1949).

[32] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 115.

лина о Великой Отечественной войне», и послал в начале 1946 года рукопись лично Сталину, однако тогда вождь остался равнодушен к вопросам языка и книга не была напечатана[33]. Трудно сказать, сознательное ли это недопущение Сердюченко к составлению документа, либо же умышленное умалчивание, чтобы через него, как сотрудника аппарата ЦК, передать записку в «инстанцию».

Сведения об этом документе, которые были почерпнуты нами из партийных документов ленинградских академических учреждений в ЦГАИПД СПб, мы поместили в нашей книге «Идеология и филология»[34], тогда же из документов партбюро ИЯМ удалось установить авторов разделов, однако сам документ мы долгое время не могли разыскать. Но когда по нашему заявлению в ЦГАИПД СПб Межведомственной комиссией проводилось рассекречивание нескольких архивных дел Особого сектора Василеостровского райкома ВКП(б)) то в одном из них оказался документ, не отраженный ни в названии дела, ни в описи. Это был машинописный (не первый) экземпляр «Докладной записки о состоянии и задачах советского языковедения»[35]. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это та самая Записка, которая готовилась осенью 1948 года в обстановке секретности, и наконец оказалось возможным соединить сведения о подготовке и авторстве ее разделов вместе с окончательным текстом этого фундаментального документа.

Можно констатировать, что эта докладная записка имеет серьезный интерес для истории науки, представляя нам состояние советского языкознания практически на дне своего научного и идеологического падения, с одной стороны, и на пике марризма как лжеучения — с другой. Особенно важно и то, что мы абсолютно точно знаем не только имена подписавших документ, но и авторов. Под документом стоят подписи членов ВКП(б) в следующей последовательности: А.В. Десницкая, А.М. Базиев, Ф.П. Филин, В.А. Аврорин, А.К. Боровков, О.П. Суник[36], Н.С. Чемоданов, С.Д. Кацнельсон, И.И. Цукерман, Г.А. Меновщиков[37], С.Г. Бархударов[38],

[33] РГАСПИ. Ф. 588 (И.В. Сталин). Оп. 11. Д. 866. Л. 90. В деле имеется указание, что рукопись была направлена в Агитпроп Г.Ф. Александрову.

[34] *Дружинин П.А.* Идеология и филология. М., 2012. Т. 2. С. 172–175.

[35] ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5 (Материалы Особого сектора Василеостровского райкома ВКП(б)). Д. 595. Л. 1–54. Машинопись.

[36] Суник Орест Петрович (1912–1988) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, кандидат филологических наук, член ВКП(б), ученый секретарь ИЯМ.

[37] Меновщиков Георгий Алексеевич (1911–1991) лингвист, фольклорист, специалист по эскимосскому языку, аспирант сектора языков народов Севера ИЯМ, впоследствии — кандидат, доктор филологических наук.

[38] Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, бывш. заведующий кафедрой русского языка ЛГУ (назначен 1 октября 1947 г. вместо В.В. Виноградова), профессор, член-корреспондент АН СССР (1946). Согласно лич-

Н.П. Гринкова, Е.А. Бокарев, М.М. Гухман, П.Я. Скорик[39], М.Д. Мальцев[40].

Однако мы не знаем, каков все-таки был путь этой записки в аппарате ЦК — в документах Секретариата ЦК в РГАСПИ мы не смогли найти ее следов. Но безусловно, что с ней должен был ознакомиться заведующий сектором науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов и его непосредственный начальник секретарь ЦК М.А. Суслов. В результате же, она должна была дойти до Г.М. Маленкова, который неукоснительно докладывал подобные вопросы генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Несмотря на актуальность вопроса о перестройке языкознания, никаких подлинно карательных последствий, подобно ситуации в биологической науке, так и не последовало; вполне возможно, что документ, при всей его тенденциозности, содержал дискуссионный второй раздел — «Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития», который сильно смазывал всю картину. При этом, можно отметить и одно из основных требований документов — едва ли не первое упоминание о необходимости издания своего печатного органа: «Разрешить издание периодического журнала “Советское языкознание” в качестве боевого теоретического органа марксистско-ленинской лингвистики». Журнал, как известно, был создан только после участия в споре И.В. Сталина, который на поверку оказался еще и специалистом по языкознанию.

Текст докладной записки приводится нами полностью, с исправлением ошибок машинописи без дополнительных оговорок; слова, данные разрядкой, выделены при публикации курсивом.

В ЦК ВКП(б)

Докладная записка о состоянии и задачах советского языковедения

I. Два направления в языковедении.

В языкознании нашей страны существуют и борются друг с другом два направления.

ному заявлению (по настоянию партбюро факультета) освобожден от должности заведующего кафедрой с 1 июня 1948 г.

[39] Скорик Петр Яковлевич (1906–1985) — лингвист, специалист по чукотскому языку, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, член партбюро ИЯМ.

[40] Мальцев Михаил Дмитриевич (1892–1954) — лингвист, специалист по русскому языку, диалектолог, доцент ЛГПИ им. Герцена, научный сотрудник ЛО ИРЯЗ.

Первое из них, подлинно советское, материалистическое языкознание было основано Н.Я. Марром и в своих важнейших чертах, за вычетом преодоленных и частично еще преодолеваемых и теперь ошибок, о которых речь пойдет дальше, является конкретизацией марксизма-ленинизма в лингвистике. Материалистическое языкознание — подлинное детище советской эпохи. В своих важнейших чертах оно было разработано Н.Я. Марром в конце 20-х годов, и сам Н.Я. Марр на вопрос, каким годом следует датировать возникновение нового материалистического учения о языке, отвечал символической датой «1917» (Избр. работы, т. I, стр. 272, 246). Когда буржуазные ученые за рубежом пишут о советском языкознании, то под этим термином они понимают только учение Н.Я. Марра (ср. выступления [Е.] Куриловича, [В.] Поллака и др.). Созданное языковедом-коммунистом Н.Я. Марром новое материалистическое учение получило дальнейшее развитие в работах его учеников и последователей, прежде всего акад. И.И. Мещанинова.

Второе направление, идеалистическое, является отчасти прямым продолжением русской дореволюционной, либерально-буржуазной эпохи (виднейшими представителями которой были Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), а в еще большей степени является отражением враждебных советским людям влияний, идущих из упадочной «науки» современного буржуазного Запада. Ставшее модным на Западе в последние два десятилетия, насквозь пропитанное идеализмом и агностицизмом учение женевского лингвиста де-Соссюра, послужившее основанием для так называемого структуралистического направления в зарубежной лингвистике (основные центры были до второй мировой войны в Копенгагене и Праге, а после войны переместились в Нью-Йорк и отчасти в Голландию) усиленно пропагандируется реакционными лингвистами в СССР. Буржуазное языкознание является отражением различных проявлений реакционной идеалистической философии и социологии в языкознании. Помимо идейных связей, в распространении структуралистических теорий в Советском Союзе играли роль и связи личного порядка, поскольку в числе лидеров структуралистического направления на Западе оказались русские белоэмигранты и невозвращенцы вроде князя [Н.С.] Трубецкого, Р. Якобсона и др., с которыми у некоторых советских лингвистов был в свое время личный контакт. Отрицательное влияние в последние годы оказывали на некоторых советских лингвистов и встречи с приезжавшими к нам ведущими филологами стран новой демократии, [А.] Беличем (Югославия), [Е.] Куриловичем (Польша) и другими, занимающими в науке реакционные идеалистические позиции. Позиции идеалистической лингвистики отстаиваются в нашей стране акад. В.В. Виноградовым, проф. М.Н. Петерсоном,

доц. [А.А.] Реформатским, проф. [А.С.] Чикобава, чл.-корр. АН СССР А.А. Фрейман и др.

Основной водораздел между враждующими направлениями проходит по всем методологически определяющим вопросам языкознания. Это, прежде всего, вопрос о материализме и идеализме в языкознании.

Буржуазное языкознание отстаивает позицию имманентности и «автономности» явлений речи. История языка рассматривается буржуазным языкознанием как результат самодеятельного развития языка, совершающегося независимо от общества. «Единственным и истинным объектом лингвистики, — подчеркивал родоначальник современного буржуазного языкознании на Западе Ф. де-Соссюр, — является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Курс общей лингвистики, русск. пер., стр. 207). Буржуазная лингвистика не прочь порой похвастать своим социологизмом, но этот «социологизм» носит насквозь идеалистический и крайне поверхностный характер. На общественные явления буржуазные лингвисты если и ссылаются, то только тогда, когда надо объяснить распространение слов и грамматических форм за пределы первоначальной области их возникновения. Тогда на сцену выступают всякого рода войны, завоевания, переселения, политические влияния и т.д., которые должны объяснить, почему в данном районе произошло смещение языковых границ, почему в один язык проникло слово из другого языка и т.п. Самый же процесс *возникновения* слов, грамматических форм и звуков речи оставляется буржуазной лингвистикой совершенно без объяснений. Более того, буржуазное языкознание настаивает, что этот процесс совершается сам собой, помимо общественного развития, в силу внутренних законов, присущих будто бы языку как таковому. Это — откровенно идеалистический взгляд на язык, согласно которому язык — самостоятельная сущность, некий независимый и саморазвивающийся организм, некая замкнутая «структура», независимое от общества самостоятельное царство. Согласно такой буржуазной точке зрения история языка распадается на две истории — «внешнюю» и «внутреннюю». Во внешней истории рассматривается процесс заимствования готовых слов из одного языка в другой, передвижка языковых границ и т.д. Здесь еще допустимы, по мнению буржуазных лингвистов, ссылки на «внешние» общественные причины. Что касается внутренней истории языка, где прослеживаемся процесс возникновения и изменения фактов речи, то здесь язык рассматривается «в самом себе и для себя». Этот типичный дня современного зарубежного языкознания разрыв между внешней и внутренней историей поддерживается в полной мере реакционными лингвистами у нас. Большинство вузовских учебников по истории языка

построено так, что в них факты так называемой внутренней истории языка или «исторической грамматики» излагаются без всякой связи с историей общества (см.: [М.В.] Сергиевский «История французского языка», Б.А. Ильиш «История английского языка» и т.д.), что в известной степени объясняется неразработанностью истории отдельных языков с материалистической точки зрения.

В противовес идеалистическому языкознанию советское материалистическое языкознание опирается на известное положение Маркса и Энгельса, что «ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они суть только *проявления* действительной жизни» (Соч., т. IV, стр. 435). Следуя этому указанию, Н.Я. Марр выдвигал необходимость материалистического обоснования самого процесса возникновения и изменения форм речи. «Недостаточно, — требовал Н.Я. Марр, — говоря о языке, характеризовать его чересчур общей фразой: язык есть социальный факт, как это выходит у французских лингвистов во главе с [А.] Мейе. Обходится молчанием генетический вопрос; между тем язык есть сам создание общественности» (Избр. раб., т. III, стр. 56). Все факты языка, утверждает Н.Я. Марр, социально обусловлены. Задача лингвиста-материалиста заключается в том, чтобы вскрыть социальную обусловленность всех языковых процессов, от изменения значений слов и грамматических форм до процессов изменения звуков речи. Разрыв между «внешней» историей языка и «внутренней» (или историей языка и т.н. исторической грамматикой) подлежит путем развертывания исторических исследований на основе марксистско-ленинской методологий решительному устранению. Теория «имманентности» языкового развития должна быть отброшена как вредная идеалистическая теория, мешающая объективному и правильному познанию явлений речи. Говоря о социальной обусловленности всех языковых явлений, Новое учение о языке вместе с тем учитывает различия в социальной обусловленности разных сторон языка. Отражающиеся в языке категории сознания и основные понятия обусловлены в своем развитии развитием практической деятельности людей и ходом общественного познания природы и общества, между тем как, скажем, изменения звуков зависят от ряда причин (смешения разноязычного населения в результате роста обмена, политических событий и т.д.). Новое учение о языке учитывает здесь указание Энгельса о невозможности объяснить экономически «существование каждого маленького немецкого государства в прошлом» или «объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных» (Соч., т. XXVIII, стр. 245–246).

Борьба материализма против идеализма в языкознании является вместе с тем борьбой против формалистического извращения фактов языка.

Формализм в языкознании является одной из наиболее отвратительных черт буржуазного языкознания. Сущность его сводится к непониманию диалектических взаимоотношений между языком и мышлением, к неумению выделять содержащиеся в языке понятия и категории мыли. Так как смысловое содержание является основной и определяющей стороной языка, то это значит, что основное содержащее языковых форм ускользает от буржуазных языковедов и исследование языка сводится к внешнему и поверхностному описанию языковых форм.

Формалистическое извращение языка выражается либо в непосредственном отождествлении формы и смыслового содержания, либо в полном отрыве формы от содержания. Обе разновидности формализма ведут к неправильным методологическим и политическим выводам и весьма часто тесно переплетаются между собой в работах буржуазных языковедов. Отождествляя форму и мыслительное содержание языка, буржуазные языковеды приходят к биологическим и расистским построениям, согласно которым каждый язык, формально отличаясь от других языков, является выражением особого, неизменного и неповторимого, испокон веков данного и не развивающегося «национального духа». При этом формы родного языка рассматриваются шовинистически настроенными буржуазными языковедами как наиболее совершенные формы, как носители наиболее «благородного» и «высокого» национального духа. Эта шовинистическая теория языка была в свое время основательно разгромлена выдающимся представителем русской передовой революционно-демократической мысли Н.Г. Чернышевским. Эта теория усиленно проповедовалась фашистским языкознанием в гитлеровской Германии. В настоящее время она поставлена на службу англо-американского империализма, усиленно пропагандирующего английский язык в качестве наиболее «совершенного» языка. При этом «совершенство» этого языка и «превосходство» его над всеми прочими «доказывается» тем, что в английском языке грамматические категории выражаются главным образом «аналитическими» средствами, т.е. предлогами, вспомогательными глаголами и т.д., в то время как в русском языке такие отношения нередко выражаются падежами или спряжением глагола, что третируется подобными лингвистами как отражение «отсталого» и «низшего» типа мышления. Как ни странно, но эта, с позволения сказать, теория пропагандируется в наших учебных пособиях по английскому, французскому и немецкому языкам. На этой «идее» построена, например, вся «История английского языка» проф. Б.А. Ильиша. Эта «теория» проникает даже в руководства по русскому языку. Так, например, в книге «Русский язык» (Учпедгиз, 1947) акад. В.В. Виноградова читаем: «В современном русском языке *еще не достигшем* (разрядка

наша) аналитизма таких языков, как французский, падежная форма переобременена значениями» (стр. 167–168). Выходит, что русскому языку еще предстоит догонять французский по части «разгрузки падежей». На стр. 289–290 того же пособия, на основании чисто формальных сопоставлений, пространно доказывается, что в западноевропейских языках категория числа «освобождена от предметности» и «понятие числа больше математизировано» и что ряд форм, наличных в языке математики, «не умещается в систему грамматических категорий русского языка». И все это потому, что русский язык недостаточно «аналитичен». Так как акад. В.В. Виноградов непосредственно отождествляет формы числительных с «математическим мышлением», то у него получается, что русский язык — носитель менее отвлеченного и менее развитого типа математического мышления. Этот поклеп на русский народ и русский язык, как и подчеркивание мнимого превосходства западноевропейских языков над русским, по существу неверны, а при нынешней международной ситуации приобретают еще вредный политический характер.

С другой стороны, полный отрыв языка от мышления в работах буржуазных языковедов приводит к буржуазно-космополитическим «идейкам», согласно которым различия между языками сводятся только к формальным различиям, за которыми скрывается одно и то же, исторически неразвивающееся и лишенное всякой национальной окраски и черт самобытности, «общечеловеческое», «надисторическое» и «универсальное» мышление. При такой постановке вопроса буржуазный исследователь считает ненужным ставить вопросы истории мышления в связь с историей языка и не учитывает своеобразные вторичные оттенки мысли, наслаивающиеся в каждом языке на основные понятия и категории, придающие каждому национальному языку своеобразную национальную окраску. Согласно такому формалистическому толкованию, каждый язык это только система условных и произвольных знаков, служащих для выражения понятий, и отдельные языки отличаются друг от друга не больше, чем одна система сигнализации, скажем, сигнализация ракетными огнями, отличается от другой, например, сигнализации флагами или выстрелами. Эта теория знаковости языка была развита де-Соссюром и является одним из основных положений современного «структурализма». Рассматривая язык как систему знаков, эта теория отказывается от исследования отношения языка к действительности и отстаивает не только отрыв языка от мысли, но вместе с тем также отрыв языка и мышления от действительности. Категории языка берутся здесь не в их реальном познавательном значении, не как отражение определенных сторон действительности, а как таковые, обособленно от действительности.

В советском языкознании эта вредная буржуазная теория пропагандировалась в работах В. Волошинова, Р. Шор, А. Чикобавы, [А.А.] Реформатского и др. Эта «теория» до сих пор имеет хождение в наших вузовских учебниках по введению в языкознание.

Советское материалистическое языкознание исходит в своем понимании языка из указания Маркса и Энгельса, что язык — «действительное практическое сознание» (Соч., т. IV, стр. 19), что, как указывал Ленин, «история языка отражает историю мысли» («Философские тетради», 1947, стр. 297). Руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, Н.Я. Марр развил учение о диалектическом единстве языка и мышления. Все в языке связано с мыслью. «Нет не только слова, но и ни одного языкового явления..., нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением...» (Избр. раб., т. III, стр. 111). Но вместе с тем Н.Я. Марр вскрывал сложность и противоречивость языковых связей с мыслительным содержанием речи. Он указывал на то, что слова и грамматические категории более непосредственно отражают историю мысли, чем морфология языка и звуки речи. Указывая на сложную диалектику формы и содержания в языке, Марр выделял словарь и синтаксис в качестве важнейших сторон языка, насыщенных мыслительным и идеологическим содержанием. Подчеркивая определяющее значение смыслового содержания речи, Н.Я. Марр призывал лингвистов перенести центр тяжести с изучения наиболее формальных сторон языка — звуков речи и морфологии — на лексикологию и синтаксис, подчеркивая, что сами звуки языка и внешние формы только тогда могут быть правильно поняты, когда они изучаются в связи с историей значений слов и грамматических форм. Именно в истории слов и грамматических форм прежде всего находит себе отражение поступательный ход общественного развития. Изучение словаря позволяет вскрыть рост языка в процессе развития общества и классовой борьбы. Новое учение о языке требует от лингвистов выявления реального познавательного значения категорий речи.

Принципиальное отличие нового материалистического языкознания от старого идеалистического языкознания сказывается также в вопросах понимания истории языка в ее отношении к современности.

Идеалистическое языкознание, занимавшееся изучением внешних форм языка и неспособное проникнуть в мыслительное содержание языковых форм, свело всю историю языка к истории отдельных звуков и элементов морфологии. При этом из-за формалистического исследования связь между отдельными явлениями не выявлялась, и вся история языка выступала как бесконечное нагромождение случайностей, как масса единичных неповторимых

и индивидуальных явлений, не стоящих ни в какой связи одно с другим. В итоге буржуазные историки языка приходили к выводу, что история это сплошной поток единичных изменений, в котором нет никакого прогресса, никакого движения вперед, в котором древнейшие этапы ничем не хуже и не лучше позднейших этапов. В этом основа соссюрианского взгляда на историю, объективистского в своей сущности. Возврат к мистическому языку средневековья столь же оправдан, как и движение вперед, — сказал один из виднейших соссюрианцев, современный французский языковед Ж. Вандриес. С таким извращенным пониманием истории, как процесса, лишенного исторических закономерностей, связано и стремление ряда буржуазных языковедов вообще отказаться от исторического исследования языка. «Необходимо, — говорит один из виднейших американских лингвистов Э. Сэпир, — отказаться от “эволюционистических” предрассудков, проникших в середине прошлого века в социальные науки», прозрачно намекая таким образом на марксизм. Книги Соссюра, Вандриеса и Сэпира переведены на русский язык и используются в качестве учебных пособий в вузах нашей страны. Отрицая идею развития в языке, буржуазные языковеды настаивают на изучении современности в отрыве от истории, утверждая, что изучение современности ничего общего не имеет с историей и что для понимания процессов, протекающих в современном языке, не нужно знать предшествующей истории языка. В итоге понимание современности у буржуазных языковедов лишается актуальности, в исследовании современного языка не прослеживается борьба нового со старым, вновь возникающих явлений с отжившими, и все сводится к поверхностному описанию внешних сторон языка. В советском языкознании такой соссюрианский взгляд на историю языка и ее отношение к современности, отрицание закономерностей в истории языка и нежелание изучать язык в его реальном развитии от низших форм к высшим отстаивал покойный русист Г.О. Винокур в статье «О задачах истории языка» (Уч. записки Моск. гор. пед. ин-та, вып. I, 1941, стр. 3 слд.). Соссюрианское понимание истории фактически отстаивал акад. В.В. Виноградов в статье «Учение А.А. Потебни о стадиальности синтаксического развития в славянских языках» (Вестник МГУ, № 3–4 за 1945 г.). Эту же идею отстаивал польский лингвист [Е.] Курилович на страницах Известий нашей Академии Наук в статье «Эргативность и стадиальность в языке» (Изв. отд. языка и лит., 1946, стр. 387–394). Соссюрианскими идеями поверхностного историзма и отрыва истории от современности пронизаны многие наши вузовские курсы по истории и современным языкам.

Акад. Н.Я. Марр резко возражал против поверхностного историзма буржуазного направления в лингвистике. Он резко протесто-

вал против трактовки истории как потока случайностей и впервые выдвинул в языкознании идею последовательного развития языковых форм. Н.Я. Марр опирался при этом на известное высказывание Маркса во «Введении к критике политической экономии», что «хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» (Соч., т. XII, ч. I, стр. 175). Новое материалистическое учение о языке исследует процесс развития языка в связи с развитием общества, понимая этот процесс диалектически. Оно прослеживает сложные и противоречивые изменения языка, учитывая превращение количественных изменений в качественные, учитывая также изменения языка, когда речь идет «о перевоплощении в очередной новейший тип» (Н.Я. Марр. Избр. работы, т. I, стр. 236). На этой основе Н.Я. Марр сформулировал положение о стадиальном развитии языка и мышления, согласно которому в процессе развития речи наблюдаются известные закономерности, обусловленные процессом развития материальной общественной жизни.

Стадиальное исследование языка предполагает выявление важнейших этапов развития языка и мышления. Но оно не останавливается на общих закономерностях и необходимо прослеживает также, как самобытно и своеобразно проявляются эти закономерности в каждом отдельном языке. «Наукой о языке, — писал акад. Н.Я. Марр, — может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит и намечает принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка» (Сб. «Языковедение и материализм», 1929, стр. 1). Это же важное обстоятельство подчеркивает и акад. И.И. Мещанинов. Он пишет: «Единый процесс развития человеческой речи различен в своем внешнем выявлении и представляет резкие расхождения в строе каждого языка. При таких условиях общее языкознание должно показать на конкретном языковом материале не только родство и близость морфологии, синтаксиса и т.д. в тех случаях, когда это действительно имеется налицо, но главным образом различия их в различных языках и в различные периоды исторического их движения, выявить их как отдельные проявления общего глоттогонического (языкотворческого) процесса» (Общее языкознание, 1940, стр. 8).

Новое глубокое понимание исторического процесса в материалистическом языкознании связано с новым глубоким пониманием современности. В строе явлений речи на любой ступени развития должны быть выявлены внутренние противоречия, ибо в языке яв-

ления, по глубокому определению товарища Сталина, «имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные» (История ВКП(б), Краткий курс, гл. 4-ая). При таком понимании строй языка это не система взаимоуравновешенных и мирно сосуществующих элементов, как это получается у Соссюра и его последователей, а сложная система, в которой происходит борьба противоречивых тенденций и сторон. Конкретный показ этой противоречивости как в идеологическом содержании речи, так и в ее формальных сторонах должно составить основную задачу при изучении современных языков.

Поставив изучение языка на широкие исторические основания, Н.Я. Марр впервые вывел [языковедение] из узкой академической кельи на широкие просторы жизни. Благодаря исследованиям Н.Я. Марра лингвистика стала актуальной обществоведческой дисциплиной, увязанной с экономической и политической историей края, историей материальной культуры, этнографией и т.д. Вопросы языка, которые до Марра представлялись отрешенными и далекими от жизни, получили в его учении небывалую общественно-политическую остроту и актуальность для решения важных задач культурного строительства в нашей стране.

Весьма важным является отличие Нового учения о языке от буржуазного идеалистического языкознания в вопросе о происхождении языковых групп или систем (например, индоевропейских, финно-угорских, тюркских и др.). Формально-генетическая концепция языкового развития буржуазной лингвистики до сих пор еще тяжелым гнетом лежит на исследованиях в области истории языков, а особенно на преподавании ее в высшей школе. Особенно это относится к изучению языков, входящих в состав так называемой индоевропейской системы. Историческая морфология и фонетика этих языков в течение почти полутора веков являлась основным объектом исследований буржуазного языкознания, так называемой индоевропеистики, и поэтому в трактовке их сложились чрезвычайно прочные традиции, основанные на праязыковой теории, объясняющей все элементы материальной близости между языками общностью их происхождения от единого предка. Идеологическая неприемлемость праязыковой концепции языкового родства, основанной на расистской теорий биологически отличных друг от друга «пранародов», давно уже вскрыта представителями передового советского языкознания, прежде всего трудами основателя Нового учения о языке Н.Я. Марра. Но и сейчас еще некоторые языковеды

у нас в стране, продолжающие стоять на позициях индоевропеистики, позволяют себе открыто говорить о праязыках ([Л.А.] Булаховский, [П.С.] Кузнецов о праславянском, [А.А.] Фрейман об отсутствии языковых различий в древнеиранский период). Широкое хождение имеет «Введение в сравнительную грамматику языков» известного французского языковеда Мейе, переизданное в 1938 г. Авторы предисловия и примечаний к этому изданию проф. [М.В.] Сергиевский и [Р.О.] Шор совершенно дезориентирует советского читателя своими утверждениями о том, что Мейе якобы преодолел «праязыковую» концепцию, придавая реконструкции лишь «условное значение». Между тем «праязыковая» концепция остается в основе всех работ Мейе. Мейе лишь прикрывает ее агностическим утверждением условности всех исторических выводов. Главная же опасность состоит в том, что пока не проведены коренные пересмотр и перестройка истории конкретных языков с позиции Нового учения о языке, пока на самом языковом материале формально-генетической трактовке вопросов фонетики, морфологии, лексикологии не будет противопоставлено подлинно историческое объяснение соответствующих фактов, до тех пор преподавание этих дисциплин в высшей школе неминуемо будет оставаться в плену традиционных установок буржуазной лингвистики, искажающих реальную историю языков и говорящих на них народов.

Поэтому исследования в области сравнительной грамматики языков, исторически связанных между собою элементами материальной общности, являются неотъемлемой задачей борьбы с буржуазным языкознанием и имеют существенно важное практическое значение для перестройки преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе.

С решением вопроса о сложении материальной общности между языками как внутри отдельных групп (славянской, иранской, германской и т.д.), так и внутри системы (в данном случае индоевропейской) в целом неразрывно связаны вопросы древней истории говорящих на этих языках народов.

Буржуазная лингвистика своей формально-генетической трактовкой языкового родства биологизировала проблему языковой преемственности, искажала подлинную историю языков и создавала этим почву для откровенно расистских построений в области истории, тесно увязанных с политикой империалистических держав. Подлинно научное, историко-материалистическое исследование фактов соответствий и схождений между языками, схождений, восходящих к древнейшим периодам сложения лингвистических и этнических единств, составивших исторически известные народности, даст неоценимый материал как для изучения истории самих языков, так и для изучения отразившейся в этих фактах истории народов. Общее направление такого исследования указано

Н.Я. Марром, который еще в 1924 г. писал о том, что индоевропейские языки представляют собой не расовую семью, а качественно новое порождение сложной степени скрещения. Это положение требует дальнейшей разработки и уточнения как со стороны самих языковедов, так и со стороны работников смежных областей — историков древнего мира, археологов, этнографов.

При исследовании вопроса о сложении и языковой системы в целом и отдельных языковых групп (например, славянской, кельтской, иранской, германской и др.) внимание должно быть направлено не только на моменты схождения, но и на моменты различий, которые в не меньшей мере являются реальными историческими фактами, отразившими процессы формирования языков в условиях определенных исторических связей между племенами и народностями в древние эпохи. При этом исследование не должно замыкаться в установлении материальных соответствий внутри одной языковой системы, как это обычно является характерным для индоевропеистики. Изучение материальных связей между разносистемными языками является неотъемлемым элементом подлинно исторического изучения вопросов формирования языковых систем. Как нельзя заниматься историей сложения русского языка вне учета его чисто материально-исторических отношений с языками угро-финскими, тюркскими и др., так нельзя обходить эти же и аналогичные вопросы при постановке проблемы происхождения любого из языков, входящего так же как русский в состав противоречивого и довольно условного единства, именуемого индоевропейской системой.

Исследование вопросов сравнительной грамматики и лексики не должно ставить себе целью установление черт сходства и различия самих по себе; сравнение ради сравнения является задачей формалистического языковедения, имеющего своей конечной целью реконструкцию убогой схемы вымышленного первичного единства. Для советского языковеда сравнение должно быть подчинено задаче исторического исследования конкретных языков.

Наиболее отчетливо все эти вопросы встают в связи с изучением языков индоевропейской системы, так как на их материале преимущественно и слагался формально-генетический метод буржуазной лингвистики. Но не меньшую остроту они имеют и для изучения языков других систем — финно-угорских, тунгусо-манчжурских, кавказских и др.

Состояние изучения материально-исторической общности между языковыми группами нужно признать весьма неблагополучным. Исследование этой важнейшей проблемы является необходимым моментом для изучения истории конкретных языков и тесно связано с исследованием истории говорящих на них народов. На основании общих положений материалистического языкознания

методологические принципы этого исследования должны быть коренным образом пересмотрены.

Отличие материалистического языкознания от идеалистического идет далее по линии отношения к языковой практике.

Буржуазное языкознание отличается субъективистским подходом к явлениям речи. Если отрицать развитие в истории языка, если стоять на реакционной точке зрения, согласно которой в языке наблюдается только случайная смена форм, в которой нет ни прогресса, ни регресса, то ни к чему заниматься работой по подтягиванию отсталых языков до уровня высокоразвитых. Если всякий факт языка это просто «знак» понятия и ничего больше, то к чему заменять крестьянские говоры более высокими формами развития литературной речи? Если всякое слово одинаково хорошо выполняет функцию знака, то к чему бороться со всякого рода «паразитивным словесным хламом», засоряющим, по выражению Горького, язык, — к чему борьба с ненужными заимствованиями из иностранных языков, с излишними диалектизмами, с провинциализмами, со словам воровского жаргона, проникающими в язык, и т.д.? Такие выводы и делали сплошь и рядом буржуазные лингвисты, отстаивая «беспристрастие» к фактам, принципиальную «равноценность» всех языковых фактов, необходимость лишенного «предвзятых оценок» подхода ко всем фактам языка (такова была, например, точка зрения акад. А.А. Шахматова). В эту тогу лживой объективности и научного беспристрастия любят маскироваться некоторые лингвисты в нашей стране [Речь о В.В. Виноградове. — *П.Д.*], предпочитающие заниматься арготизмами (словами воровской речи), любовно собирающие похабщину под видом изучения профессиональных языков, в самом литературном языке любовно отбирающие слова с отрицательным значением и охотно исписывающие многие страницы на тему «Еще к вопросу о слове “никчемный”» или «кураселить» [sic!] и т.д.

Передовое направление в советском языкознании выросло на базе огромной практический работы в области многочисленных языков Советского Союза, развернувшейся в соответствии с нуждами культурного строительства и осуществления благородных принципов ленинско-сталинской национальной политики. Советская материалистическая лингвистика рассматривает язык как «могучий рычаг культурного подъема», как величайшую «историческую ценность» (Н.Я. Марр). Такой взгляд на язык требует величайшей осмотрительности в практической работе над языком, непрестанной заботы о нем в духе указаний Ленина и Сталина, предостерегавших нас от порчи языка, рассматривавших всегда язык как великое «орудие развития и борьбы» (Сталин. Соч., т. I, стр. 44). Работы в области языка стали у нас неотъемлемой частью культурной революции. Помимо работы по нормированию и дальнейшему совер-

шенствованию давно выработанных литературных языков с богатой исторической традицией, как русский, обогащенных и поднявшихся на новую ступень после Великой Октябрьской революции, в нашей стране проделана гигантская работа по созданию новых литературных языков для ранее малоизвестных и полузабытых народностей, вызванных социалистической революцией к новой жизни. Выработка орфографических правил и школьных пособий, разработка словарей и грамматик, установление норм литературного произношения, осуществление переводов выдающихся произведений передовой научной и художественной мысли и, в первую очередь, произведений Ленина и Сталина, Маркса и Энгельса на национальные языки, — такова обширная практическая работа, проделанная при прямом и непосредственном участии передового материалистического языкознания.

II. Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития

Новое учение о языке в своем развитии проходило последовательные этапы, отражавшие рост молодой советской науки. Подчеркивая, что традиционная так называемая индоевропейская «лингвистика есть плоть от плоти и кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока с их убийственной колониальной политикой», Н.Я. Марр вместе с тем отдавал себе отчет в том, что новое материалистическое языкознание зародилось на базе старого языкознания, разумеется, как антитеза к нему, и что оно «с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы» (Избр. работы, т. I, стр. 222).

В борьбе за утверждение материализма в языкознании Н.Я. Марру пришлось выдержать острую борьбу. Против него выступали представители традиционного языкознания (проф. Поливанов и др.), нередко маскируя свои выступления фразами о «борьбе за марксизм» в языкознании. Отстаивая позиции материализма в языкознании, Н.Я. Марр сам неоднократно пересматривал свои взгляды в плане все большего приближения их к марксизму.

Все научное развитие Н.Я. Марра в советские годы протекало под знаком острой самокритики. Н.Я. Марр не один раз указывал, что, как он выражался, по части марксизма в его теории «есть что исправить и что подправить». Необходимо отметить, что инициатором и застрельщиком такого критического пересмотра всегда являлся сам Н.Я. Марр, вследствие чего его учение проделало при жизни Н.Я. Марра ряд этапов, последовательно приближаясь к марксизму-ленинизму.

Говоря о недостатках и ошибках учения Н.Я. Марра, необходимо, следовательно, различать ошибки, преодоленные самим Марром при его жизни, и ошибки, которые пришлось преодолевать после смерти Н.Я. Марра. Об ошибках первого рода не стоило бы говорить, если бы до сих пор не находились люди, готовые «признать» Марра в части ошибочных и давным-давно преодоленных сторон его учения. Так, например, используя некоторые ошибки Н.Я. Марра по линии переоценки роли магов и шаманизма в первобытном обществе, — воззрения, отброшенные самим Марром в конце 20-х годов, некоторые ученые (В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский) создали легенду о глубоком органическом влиянии [А.Н.] Веселовского на Марра, пытаясь возвеличить Веселовского за счет Марра. Между тем, разработанное на основе материалистической диалектики учение Н.Я. Марра резко отличается от реакционного либерально-позитивистического учения Веселовского. В своем юбилейном докладе, читанном на торжественном заседании в 110-летнюю годовщину Ленинградского Университета, Н.Я. Марр, хотя и отозвался с симпатией о ряде старых профессоров Университета, в том числе и о Веселовском, тем не менее счел нужным подчеркнуть, что его учение является «пролетарской антитезой» буржуазному языкознанию. «И родина этого нового учения, — подчеркивал Н.Я. Марр, — не университет и не академия, а жизненные социально-экономические условия вне каких-либо стен с их массовостью потребителя и классовостью борьбы. Вскрытое лингвистически непримиримое противоречие старого... и нового... языкознаний есть лишь отображение материально-жизненной антитезы современных социально-экономических противоречий, сигнализирует... классовую борьбу, вскрытую марксизмом, частью которого становится новое учение о языке» (Избр. раб., т. I, стр. 272).

К числу ошибок, не преодоленных самим Н.Я. Марром, следует отнести переоценку т.н. элементарного анализа, превращавшегося в ряде работ Н.Я. Марра и в особенности в работах некоторых его учеников в средство формального сравнения языков. В основе элементарного анализа Марра лежат важные открытия в области истории звуков речи, заключающиеся в том, что звуки речи первоначально носили нерасчлененный слоговой характер и лишь много позднее приняли их нынешний вид. Неразработанность этого учения в деталях на практике, однако, часто приводила к тому, что конкретно историческое исследование языков подменялось внешними сопоставлениями. Другим крупнейшим недостатком учения Н.Я. Марра была неразработанность стадиальной периодизации языка и мышления. В силу этого важнейшее положение Марра о зависимости развития речи от ступеней общественного развития осталось недостаточно конкретизированным, что не могло не вести к ряду недоразумений. В целом, однако, Марр заложил фундамент

для такой периодизации, открыв ряд важных явлений в истории значений слов и указав на громадное значение синтаксиса для восстановления реальной истории грамматических категорий.

После смерти Н.Я. Марра в 1934 году его ученики и последователи продолжали развивать учение Н.Я. Марра, преодолевая ошибочные стороны этого учения. Во главе работ по Новому учению о языке становится с этой поры акад. И.И. Мещанинов, капитальные труды которого «Новое учение о языке», «Общее языкознание», «Члены предложения и части речи» являются определяющими для нового периода. Положительными достижениями нового периода явилось уточнение методов сравнительного анализа, осуждение формального использования анализа по элементам и историческая разработка ряда важных вопросов синтаксического строя языка.

Нельзя, однако, не отметить ряда существенных недостатков в работе нового периода, которые отчасти являются следствием неполного преодоления недостатков учения Н.Я. Марра, а отчасти выросли в результате забвения ряда положительных сторон учения Н.Я. Марра и ослабления, особенно за последние годы, борьбы с буржуазным языкознанием.

Следствием неполного преодоления недостатков учения Марра явилось то, что, несмотря на значительные успехи анализа грамматических форм, до сих пор не разработана в важнейших чертах периодизация важнейших явлений речи в зависимости от истории общества, основных типов производственных отношений и развития борьбы классов. В итоге важнейшие материалистические положения Нового учения с языке звучат во многих случаях недостаточно конкретно.

Непростительный отход от Н.Я. Марра выразился в том, что всеобъемлющее по своей проблематике общее языкознание Н.Я. Марра в значительной степени сузилось до пределов изучения одного синтаксиса. Представители Нового учения стали мало заниматься в широком историческом плане проблемами фонетики, морфологии и лексики. У представителей нового учения о языке резко упал интерес к проблемам этно- и глоттогонии. В результате этого те стороны Нового учения о языке, которые были более всего неприемлемы для буржуазных языковедов в значительной мере перестали быть боевым оружием учеников и последователей Н.Я. Марра. Серьезной помехой в творческом развитии передового советского языкознания является «совершенно недостаточное развитие большевистской критики и самокритики». «Академические» традиции, проявляющиеся в терпимом отношении к явным ошибкам теоретического порядка, в течение долгого времени являлись господствующим тоном на лингвистических собраниях.

Все это ставит в порядок дня всемерное развитие творческой критики и самокритики в рядах сторонников Нового учения о языке, неослабной борьбы со всякого рода примиренческими настроениями по отношению к реакционной науке, дальнейшую творческую разработку учения Н.Я. Марра и восстановление положительных сторон этого учения в полном объеме в целях наиболее последовательного и полного разгрома реакционного зарубежного языкознания и его низкопоклонных последователей в нашей стране.

III. Положение с изучением русского языка

Определив принципиальные расхождения представителей двух направлений, перейдем к характеристике положения конкретных лингвистических дисциплин.

Изучение русского языка за последние годы имеет определенные успехи. Опубликованы и подготавливаются к печати работы, имеющие большое теоретическое и практическое значение. В 1946 г. вышла в свет книга акад. С.П. Обнорского «Очерки русского литературного языка старшего периода», удостоенная Сталинской премии. Акад. С.П. Обнорский показал несостоятельность гипотезы Шахматова о «древнецерковнославянской основе» русского литературного языка и предложил новую концепцию, согласно которой истоки русского литературного языка лежат в древнерусской народной речи. Теоретические положения книги акад. С.П. Обнорского, как и ряда других его работ последнего времени, несомненно стоят в связи с общетеоретическими основами учения Н.Я. Марра. Группа языковедов-русистов, учеников Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова или их последователей (проф. Ф.П. Филин, проф. Н.П. Гринкова и др.) в своей исследовательской работе (главным образом, в области истории русского языка и его говоров) претворяет и развивает положения Нового учения о языке на русском лингвистическом материале.

Коллектив сотрудников Института русского языка АН СССР готовит к печати: пятнадцатитомный словарь современного русского литературного языка (первый том словаря вышел, II том сдан в печать, идет работа над III и IV томами), двенадцатитомный исторический словарь русского языка (сдан в печать I том, готовятся к печати II и III тома), академическую грамматику в двух томах (оба тома будут готовы в 1949 году), тринадцатитомный диалектологический атлас русского языка, полный словарь языка Пушкина.

Под руководством акад. С.П. Обнорского подготовлен новый свод орографических правил, орфографический словарь, однотомный словарь современного русского литературного языка.

Огромная значимость перечисленных выше тем для дальнейшего развития русской речевой культуры — вне всякого сомнения. Некоторые работы (например, изучение русской народной речи и готовящийся в связи с этим изучением диалектологический атлас) по своему объему, количеству участников и целям не имеют прецедента в истории русской и мировой науки; их выполнение стало возможным благодаря исключительно благоприятным условиям, в которых находится наука в Советском Союзе.

И все же положение с изучением русского языка внушает серьезную тревогу. Наличие в русском языке идеалистического направления грозит нанести огромный ущерб делу дальнейшего изучения русской речи.

В работах языковедов-русистов до сегодняшнего дня еще широко распространены устаревшие методы исследования, проводятся лженаучные идеи, которые противопоставляются материалистическому языкознанию — Новому учению о языке. Языковеды-русисты, среди них прежде всего акад. В.В. Виноградов, чл.-корр. АН СССР Л.А. Булаховский, проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С.Кузнецов, проф. М.Н. Петерсон и др., игнорируя учение Н.Я. Марра, отстаивают идеалистическую методологию буржуазно-либеральных лингвистов дореволюционной России (акад. Ф.Ф. Фортунатова, акад. А.А. Шахматова, а также их учеников Н.Н. Дурново, А.М. Селищева и др.) и ориентируются на современных буржуазных западноевропейских языковедов, в том числе на русских белоэмигрантов и невозвращенцев (князя Н.С. Трубецкого, Р. Якобсона, переметнувшегося в США).

Указанная группа языковедов за последние годы опубликовала ряд статей и сборников, в которых пропагандируется методология буржуазного дореволюционного языкознания. Панегирическую статью о Ф.Ф. Фортунатове опубликовал проф. М.Н. Петерсон: «Фортунатов и московская лингвистическая школа» (Ученые записки МГУ, вып. 107, 1946). Ф.Ф. Фортунатов — известный языковед-идеалист, родоначальник формалистического направления (в его наиболее ярко выраженной форме) в русском языковедении, в историко-лингвистических своих исследованиях всецело опиравшийся на гипотезу «праязыка» и формально-генетический метод. Проф. М.Н. Петерсон — один из самых усердных его почитателей. В статье проф. М.Н. Петерсона нет даже намека на критику формалистических концепций Фортунатова. Более того, по мнению проф. М.Н. Петерсона многие положения Фортунатова «сохранили полное свое значение», многие «не только не получили полного развитая, но ждут еще дальнейшей разработки» (стр. 28–29). К таким положениям проф. М.Н. Петерсон относит широкое понимание Фортунатовым буржуазного формально-генетического метода («в этом отношении здесь еще все впереди», замечает М.Н. Петерсон

на стр. 29) и формалистическое учение Ф.Ф. Фортунатова о формах словоизменения и формах словообразования, которое, по мнению М.Н. Петерсона, «получило, можно сказать, почти общее признание в русской лингвистике» (стр. 30). Сам проф. М.Н. Петерсон в своих работах по русскому языку довел метод Фортунатова до степени крайнего формализма. В указанной выше статье он подчеркивает зависимость своих «трудов» от методологии Фортунатова: «В своем “Очерке синтаксиса русского языка”, 1923, я стремился последовательно провести точку зрения Фортунатова», «я не говорю уже о “Лекциях по современному русскому литературному языку”, 1941, автора этой статьи, который стремился строго следовать методу Ф.Ф. Фортунатова» (стр. 30). Стремясь «повысить авторитет» Фортунатова в глазах советского читателя, проф. М.Н. Петерсон пишет, что положения Фортунатова сохраняют значение и «в наши дни», для подтверждения чего он ссылается на... «Индогерманскую грамматику» профашистского немецкого профессора Х. Хирта (стр. 29)!

Проф. М.Н. Петерсон не дал и не желает дать должной критики порочной методологии работ Фортунатова и своих собственных. В своем выступлении на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР 27 октября с.г. он и не подумал осудить свои ошибки. Если что и появляется «нового» в его статьях, то это попытки подражать швейцарскому языковеду Ф. де-Соссюру (см., например, его статью «Проблема метода в языкознании», Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ, вып. I, 1946).

Противники материалистического языкознания в еще большей степени противопоставляют учению Н.Я. Марра идеалистические концепции акад. А.А. Шахматова, ученика Ф.Ф. Фортунатова. Акад. А.А. Шахматов стоял на тех же позициях «праязыковой» гипотезы, «уточняя» эту гипотезу на материалах русского и других славянских языков. В своих исследованиях по русскому литературному языку он проводил неверную идею о заимствованной церковнославянской (древнеболгарской) основе русского литературного языка. Для него вообще было характерно весьма широкое и ложное истолкование заимствований в русском языке (Шахматов, например, был горячим поклонником «варяжской теории» происхождения Руси, без основания усматривал в русских говорах всякого рода «ляшские», т.е. древнепольские черты и т.п.). А.А. Шахматов при изучении истории русского и других славянских языков проводил весьма широкие исторические сравнения и параллели, однако, его историческая концепция была насквозь идеалистической, типичной для буржуазно-либерального ученого, члена ЦК кадетской партии. И вот в наш дни большая группа языковедов-русистов пытается сделать Шахматова своим знаменем в противо-

вес Н.Я. Марру, как недавно группа литературоведов пыталась сделать своим знаменем Веселовского.

В 1947 г. в издании Академии Наук СССР вышел сборник «А.А. Шахматов». И в предисловии к сборнику, и в статьях В.И. Чернышева, Е.С. Истриной, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского и других авторов проводится одна и та же мысль: А.А. Шахматов — «центральная фигура среди всех русистов конца XIX — начала XX века», «величайший научный авторитет» (стр. 7), у которого советские языковеды должны неустанно учиться.

В «Ученых записках МГУ», вып. 128, 1948, напечатана статья акад. В.В. Виноградова «Русский литературный язык в исследованиях А.А. Шахматова». Излагая взгляды Шахматова на русский литературный язык, автор статьи снабжает их малосущественными критическими замечаниями и весьма изрядной долей восхваления методологической концепции своего учителя. Там, где нужно хотя бы для видимости сделать осуждение теоретических воззрений Шихматова, В.В. Виноградов старается запутать читателя. Например, В.В. Виноградов пишет: «Строгий исторический метод анализа, оценки и понимания явления для Шахматова — основа научного реализма. Шахматов жадно ищет путей объективного и адекватного познания исторической действительности, разоблаченной от всяких покровов абстрактного философствования и субъективных настроений. Но он, как и многие другие представители академической науки конца XIX — начала XX в., был еще очень далек от методологии диалектического и исторического материализма» (стр. 3). Спрашивается, как можно говорить о Шахматове, как ученом, далеком от методологии диалектического и исторического материализма и в то же самое время обладающем «строгим историческим методом»? В.В. Виноградов может писать так о Шахматове только потому, что его собственные лингвистические воззрения целиком укладываются в рамки «строго исторического метода» индоевропеистики. И что это значит: Шахматов «еще далек от материализма», а не просто далек от него?

Кстати, в этой статье В.В. Виноградов без каких-либо критических замечаний излагает вредные в практическом отношении взгляды Шахматова. По мнению Шахматова, языковед не должен вмешиваться в языковые процессы, не должен давать какую-либо оценку языковым фактам, он должен оставаться беспристрастным и «объективным» регистратором речевых явлений, каковы бы они ни были! (стр. 10–11). Не ясно ли, что такая установка обезоруживает языковеда, делает его лишь пассивным наблюдателем стихийных процессов развития языка.

В другой своей статье о Шахматове В.В. Виноградов говорит еще определеннее, высказывая и свое методологическое [кредо]: «Отзывы А.А. Шахматова о научных исследованиях даровитой уни-

верситетской лингвистической молодежи важны для не только потому, что они заключают в себе ценные методологические указания и историко-грамматические соображения, но и потому, что они учат нас приемам глубоко принципиальной, тщательно обоснованной и идеологически требовательной научной критики» («Отзывы А.А. Шахматова о сочинениях на соискание медалей студентов С.-Петербургского университета», Доклады и сообщения ИРЯЗ АН СССР, вып. I, 1948, стр. 65).

Противники Нового учения о языке не ограничиваются попытками «утвердить» в советском языкознании методологически порочные теории Фортунатова и Шахматова. Воздаются хвалы и их ученикам, прямым и косвенным, стоявшим на позициях идеалистического языкознания. «Доклады и сообщения» филологического факультета МГУ, вып. 4, 1947 г., посвящены памяти А.М. Селищева, одного из известных сторонников «праязыковой» гипотезы и формально-генетического метода. В статьях акад. В.В. Виноградова, проф. Р.И. Аванесова и других авторов проф. А.М. Селищев рекламируется как «твердый сторонник сравнительно-исторического метода», обладавший «строгим историзмом как принципом лингвистической реконструкции» и т.п. Авторы статей выдают работы А.М. Селищева за образцы «настоящей» науки, которым следует только подражать. О недостатках А.М. Селищева говорится очень глухо, но и в этих немногих случаях авторы «подтягивают» Селищева к себе, беря его под свою защиту. Так, проф. Р.И. Аванесов пишет: «Советская лингвистика должна преодолеть эти недостатки Селищева. Но сколь многое должны преодолеть в себе некоторые из нас — “чистые” лингвисты, фонологи и грамматисты в своем абстрактном формализме, отсутствии выхода за пределы языкового ряда, в своем изучении языка в отрыве от истории его носителей!» (стр. 58). Такая оценка проф. Р.И. Аванесовым собственных работ совершенно правильна, но из нее не делается нужных выводов.

Отстаивание методологических принципов дореволюционного буржуазного языкознания сочетается с широким заимствованием «идей» из современной реакционной западноевропейской лингвистики. Книга акад. В.В. Виноградова «Русский язык» (1947) пестрит такими именами, как Ф. де-Соссюр, [Л.] Блюмфельд, [Э.] Сэпир, [Ж.] Вандриес, [О.] Йесперсен, [Г.] Шпербер, [А.] Марти и многими другими, идеалистические взгляды которых широко излагаются без какой-либо существенной критики вперемежку с идеалистическими взглядами Фортунатова, Шахматова, Бодуэна-де-Куртенэ и других дореволюционных русских буржуазных языковедов. Методологическая порочность книги В.В. Виноградова была достаточно вскрыта на лингвистических дискуссиях в Москве и Ленинграде в декабре 1947 года.

Уже после прошлогодних дискуссий акад. В.В. Виноградов напечатал краткое изложение (аннотацию) своей неопубликованной работы «Введение в синтаксис русского языка», в котором обещает читателям рассмотреть «этапы развития русской науки на фоне эволюции грамматических идей в западноевропейском языкознании» (Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I, 1948, стр. 176). В своей аннотации В.В. Виноградов собирается изложить грамматические взгляды [Н.И.] Греча, [Ф.Е.] Корша, [А.А.] Добиаша, [М.Н.] Петерсона и других языковедов старого направления, но ни слова не говорит о грамматических теориях Н.Я. Марра, имеющих огромное принципиальное значение для науки о русском языке.

В ответственном решении кафедры русского языка филологического факультета МГУ «Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и задачи кафедры русского языка» содержится призыв учиться у Ф. де-Соссюра и его школы (Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. I, 1947, стр.96). Примеров такого низкопоклонства перед буржуазной западноевропейской наукой можно было бы привести много, причем дело здесь не в отдельных случайных ошибках, а в системе взглядов противников Нового учения о языке.

Проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров в изучении фонетического строя русского языка выдвигают так называемый фонологический метод, согласно которому фонема (социально-значимый звук речи) отрывается от реально произносимого звука, из понятия фонемы исключается социальное осознание значимости звука говорящими. Фонема превращается в некоего рода идеальную абстракцию, которая лишь затемняет изучение истории русской речи и ее современного состояния. Такого рода фонологический подход к языку имеет своим истоком «фонологическую теорию» белоэмигранта кн. Трубецкого и невозвращенца Якобсона. Указанные языковеды часто цитируют надуманные схемы Трубецкого и Якобсона, но пока нигде еще не выступили с критикой этой «модной» на Западе разновидности буржуазного языкознания. Доц. Н.С. Поспелов, работая над изучением категорий времени в русском языке, заимствует антиисторическое понимание времённых категорий у югославского академика А. Белича, который пытается найти значения времени, неизменные и общие для всех эпох и языков (см. статью Н.С. Поспелова «Учение акад. А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе», Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. 3, 1947).

Как пособия для студентов и аспирантов (в том числа и русистов) переводятся на русский язык и издаются книги А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (М.-Л., 1938), Ж. Вандриеса «Язык» (М., 1937), Сэпира «Язык» (1934),

проф. П.С. Кузнецов перевел и подготовил к изданию книгу А. Мейе «Общеславянский язык», целиком основанную на теории «праязыка», и др. при полном игнорировании учения Н.Я. Марра. Реакционная гипотеза «праязыка» до сих пор имеет широкое хождение и в работах русистов нашей страны вместе с основанным на ней формально-генетическим методом. Эта политически вредная гипотеза проводилась и проводится чл.-корр. АН СССР Л.А. Булаховским (см. его «Исторический комментарий к русскому литературному языку», 1936, «Акцентологический закон А.А. Шахматова», 1947, «Общеславянские названия птиц», 1948, и др.), проф. П.С. Кузнецовым (см. «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», вып. 4, 1947, стр. 361), проф. Л.П. Якубинским («Образование народностей и их языков», Вестник Ленингр. Университета, № 1, 1947), проф. Г.О. Винокуром («Русский язык», М., 1946) и рядом других языковедов.

В некоторых случаях гипотеза «праязыка» ввиду ее одиозности подается в замаскированном виде. Типична в этом отношении статья проф. Р.И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах» (Вестник Моск. Университета, № 9, 1947), в которой проф. Р.И. Аванесов пытается критиковать историко-лингвистические взгляды Шахматова, но с позиций более отсталых даже по сравнению с Шахматовым. Проф. Р.И. Аванесов, привлекая лишь немногочисленные данные фонетики русских говоров, упрекает Шахматова в том, что он будто бы без оснований допускал наличие в древней восточнославянской речи заметных диалектных различий. Проф. Р.И. Аванесов пытается доказать, что диалектное многообразие в русском языке — явление позднее, что в более раннее время такого разнообразия из было (следовательно, существовал выдержанный «праязык»), а если оно и было, то его пока что доказать нельзя. Проф. Р.И. Аванесов в указанной статье даже не упоминает работы Н.Я. Марра, в которых он высказал основополагающие мысли о происхождении русского языка.

Порочными в своей методологической основе являются работы В.В. Виноградова по истории русского литературного языка. В.В. Виноградов подходит к явлениям русской литературной речи как формалист, допускает грубое искажение исторической действительности. Типичной в этом отношении является его книга «Язык Пушкина» (1935). В этой книге В.В. Виноградов усматривает в языке Пушкина лишь сочетание церковнославянизмов, русизмов и западноевропейских речевых элементов, которые Пушкин использовал, колеблясь между тем или другим литературным направлением своего времени (между западникам, славянофилами и т.п.). Оригинальное же языкотворчество Пушкина, создавшего основы современного русского литературного языка, остается вне поля зрения.

По мнению Виноградова, Пушкин будто бы дает «примирительное и национально-сравнительное (!) решение вопроса о границах и принципах литературно-языковой европеизации» (стр. 317). Подобного рода взгляд на Пушкина, как на простого «примирителя» существовавших в начале XIX в. литературных течений высказывался рядом буржуазных языковедов до революция и получил свое «развитие» у формалистов из пресловутого «Общества поэтического языка» (ОПОЯЗ), к которому Виноградов имел некоторое отношение.

Книга акад. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.» (2-е изд. 1938) допущена Министерством просвещения РСФСР в качестве учебного пособия для вузов. В этой книге особенно преувеличивается роль «европеизации» русского литературного языка. По Виноградову, русский литературный язык будто бы «приспосабливался» к западноевропейским языкам (см., например, на стр. 62 и др.).

Игнорирование материалистического учения Н.Я. Марра и открытая борьба с ним, низкий методологический уровень большинства работ русистов привели к тяжелому положению науки о русском языке. У нас до сих пор нет ни одного учебника или учебного пособия ни по современному русскому языку, ни по исторической грамматике, ни по диалектологии, ни по истории русского литературного языка, хоть в какой-либо мере соответствующих принципам марксистско-ленинского языкознания. Студенты и аспиранты-словесники вынуждены обучаться по совершенно устаревшим, формалистическим и идеалистическим в своей основе книгам вроде «Древнецерковнославянский язык» белоэмигранта [С.М.] Кульбакина, «Лекции по истории русского языка» [А.И.] Соболевского, «Введение в историю русского языка» Шахматова и т.п. Крайнее неблагополучие с преподаванием русского языка в вузах отрицательно сказывается и на преподавании русского языка в школе, где еще далеко не изжит формализм, «теоретической» опорой которого является традиционная русистика, которую представляют в наши дни акад. В.В. Виноградов, проф. М.Н. Петерсон, проф. Р.И. Аванесов и другие языковеды.

Программы для вузов по разным дисциплинам русского языкознания до сих пор строятся на основе формалистического метода. Например, программа по исторической грамматике русского языка, утвержденная Министерством высшего образования СССР, в очень существенной своей части написана по книге по истории русского языка Н.Н. Дурново, в свое время репрессированного органами советской власти за контрреволюционную деятельность. В этой программе в неприкрытом виде представлена гипотеза «праязыка» и неразрывно связанный с ней формально-генетический метод.

Консультантами и членами комиссий в министерствах, рецензентами в Учпедгизе являются все те же противники Нового учения о языке, чем и объясняется, почему индоевропеистика так прочно держится и в учебно-организационном отношении. Все это наносит огромный ущерб образованию советских школьников и студентов.

Формализм в работах по русскому языку сказывается и в том, что на первый план по-прежнему ставится изучение фонетики и морфологии, мало разрабатываются актуальные проблемы, нужные стране. Остается почти вовсе неизученным язык великой советской эпохи, тогда как за последние годы появилось немало работ, посвященных языку писателей XVIII–XIX вв. Сектор истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР (зав. сектором акад. В.В. Виноградов) несколько лет изучает язык писателей конца XVIII — начала XIX века (главным образом, язык Карамзина), считая эту тему более важной, чем исследование языка советских писателей. Московская группа сектора диалектологии того же института (зав. сектором. проф. Р.И. Аванесов), участвующая в работе над диалектологическим атласом русского языка, фактически отрицает необходимость изучения для атласа процессов, происходящих в языке передового колхозного крестьянства, и делает упор только на исследование традиционных говоров, еще сохраняющихся неграмотных и малограмотных слоев сельского населения.

В области изучения лексики, в общем, мало еще исследованной, со стороны отдельных языковедов наблюдается увлечение жаргонными славами или терминами со сниженным социальным значением, увлечение своего рода лингвистической экзотикой, тогда как анализ важнейших общественно-политических и производственных слов остается в стороне. Например, акад. В.В. Виноградов опубликовал за последние годы ряд статей, посвященных «исследованию» таких слов как «завзятый», «никчемный», «отщепенец» («Из истории русской литературной лексики», Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. 3, 1947), «пошлый», «завиральный», «неудачник» («Из истории русской литературной лексики», Ученые записки Мос. гос. пединститута, т. XXII, 1947), «нудный» («Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком: Слово “нудный”», Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. I, 1947), «шумиха», «неразбериха», «щуплый» (Бюллетень диалектологического сектора ИРЯЗ, вып. 3, 1948), «хлюст», «оглоушить», «клюкнуть», «дрянцо», «барахло» («История русского литературного языка и историческая диалектология», Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, изд. ИРЯЗ АН СССР, печатается), «облапошить» (Бюллетень диалектологического сектора

ИРЯЗ, № 5, печатается) и др. Первая, по времени опубликования, работа Виноградова была посвящена разбору слова «ахинея».

Игнорирование учения Н.Я. Марра и борьба с ним привели к тому, что среди языковедов, изучающих русский язык, почти не оказалось последователей Нового учения о языке. Работы немногочисленных сторонников учения Н.Я. Марра замалчивались и замалчиваются представителями «общепринятой» науки о русском языке или всячески осуждаются, как «малограмотные», «стоящие на низком методологическом и техническом уровне» и т.п. без каких-либо достаточных к тому оснований. Такого рода «заушение», ведущееся ряд лет, поставило сторонников Н.Я. Марра в невыгодное положение, препятствовало росту их рядов. Кафедры русского языка в большинства вузов и руководство аспирантами оказались в руках представителей традиционной антимарровской лингвистики. Антимарровцы заняли руководящие посты в министерских комиссиях, в их руках находится журнал «Русский язык в школе».

Противники Нового учения о языке не собираются сдавать своих ложных теоретических позиций. На расширенном заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР, состоявшемся 27 и 28 октября с.г., акад. В.В. Виноградов, проф. М.Н. Петерсон, проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С. Кузнецов и проф. А.Б. Шапиро не дали принципиальной критики своих ошибок и пытались переходить в контратаку, лишь на словах признавая Новое учение с языке, но обставляя свое признание такими оговоркам, которые ясно доказывают неискренность их выступлений.

IV. Изучение романо-германских языков

В постановке работы по романским и германским языкам также имеется ряд крупных недостатков.

Необходимо прежде всего указать, что и среди специалистов в этой области языкознания ряд ученых занимает позиции, враждебные Новому учению о языке: одни из них сознательно замалчивают достижения советского языкознания (проф. М.В. Сергиевский), другие откровенно утверждают, что положения Н.Я. Марра не имеют никакого отношения к изучению романо-германских языков (проф. О.И. Богомолова). Особенно неблагополучно обстоит дело в отношении романских языков. Из немногих крупных специалистов в этой области акад. В.Ф. Шишмарев занимается, главным образом, вопросами литературы, и развитие романской филологии у нас до последнего времени почти полостью находилось в руках покойного проф. М.Н. Сергиевского, воспитывавшего молодые кадры в духе традиционного буржуазного языкознания и враждебности к Новому

учению о языке. Поэтому программы, учебники и большинство диссертаций по романским языкам строились и строятся на чуждых советскому языкознанию методологических основах. Единственным крупные романистом, работающим методом Нового учения о языке, является проф. ЛГУ Р.А. Будагов.

В области германистики относительно малочисленная группа языковедов как воспитанных в Институте языка и мышления еще при жизни Н.Я. Марра, так и более молодых ведет научно-исследовательскую и педагогическую работу, основываясь на ведущих положениях теории Н.Я. Марра (проф. С.Д. Кацнельсон, проф. А.В. Десницкая, проф. Н.С. Чемоданов, проф. М.М. Гухман, проф. В.Н. Ярцева, доц. [Ю.С.] Маслов, доц. [О.И.] Москальская и др.). Из научных работников старшего поколения к учению Н.Я. Марра примкнул чл.-корр. В.М. Жирмунский.

В исследованиях этих языковедов ряд вопросов истории и теории современных германских языков получил новую трактовку, основанную на положениях материалистической науки о языке и противоположную взглядам буржуазного языкознания.

Однако, вследствие немногочисленности этих исследований, не была достигнута коренная перестройка всей системы идеалистических взглядов на историю германских языков, их место среди других индоевропейских языков, а также на основные закономерности их современного состояния. В значительной степени это положение объясняется состоянием научно-исследовательской работы, не обеспечивающей создания марксистской науки о германских и романских языках.

В Институте языка и мышления АН СССР в настоящее время лишь несколько человек специально занимается исследованием проблематики романских и германских языков, в вузах же разрабатываются, главным образом, узкие частные вопросы, освещение которых к тому же имеет чисто эмпирический характер. Те же недостатки отличают и большинство кандидатских диссертаций по этим специальностям.

Между тем разработка основных принципиальных проблем истории и теории романских и германских языков с позиций марксистского языкознания имеет чрезвычайно важное значение. Зарубежные лингвисты при построении своих идеалистических теорий опираются, главным образом, на анализ материала именно этих языков; поэтому разоблачение лженаучных реакционных концепций в этой области языкознания подрывает самые основы буржуазной науки.

Вместе с тем следует отметить, что даже имеющееся достижения в исследовании романских и германских языков не становятся достоянием широких масс специалистов по этим языкам и не вне-

дряются должным образом в практику научной работы и вузовского преподавания.

В результате данного состояния науки о романских и германских языках как вузовские учебники по истории и теории романских и германских языков, так и программы филологических факультетов и институтов иностранных языков не имеют последовательной идейной направленности и не осуществляют принцип партийности в науке, а некоторые из них (см., например, программы по истории французского и английского языков, по теории французского языка и др.) строятся целиком в духе традиционного буржуазного языкознания. В программах по истории немецкого, английского, французского языков все еще доминируют фонетика и морфология, и в пренебрежении находится лексика, а особенно синтаксис, что неизбежно ведет к формализму. В учебниках по всем трем языкам (по истории немецкого языка В.М. Жирмунского, по истории французского языка М.В. Сергиевского и по истории английского языка Б.А. Ильиша) освещение языковых процессов оторвано от реальной истории народов, говорящих на этих языках. Учебник проф. Б.А. Ильиша по теории английского языка, переизданный в этом году, и новый учебник по теории французского языка проф. О.И. Богомоловой построены в основном на принципах идеалистического языкознания, дают объективистское изложение буржуазных теорий и не излагают системы взглядов советской науки о языке. Низкий идейный уровень учебников, отсутствие капитальных печатных работ, освещающих системы романских и германских языков с позиций марксистской языковедческой науки, наконец, ошибочные методологические позиции некоторых ученых, работающих в этой области знания (проф. О.И. Богомолова, проф. Б.А. Ильиш, проф. А.И. Смирницкий и др.) препятствуют подготовке полноценных кадров филологов-марксистов для вузов и средней школы. Не случайно и преподавание иностранных языков в средней школе отличается низким идейно-политическим уровнем и насквозь пронизано формализмом.

Все указанные факты говорят о необходимости перестройки всей работы в области исследования и преподавания романских и германских языков, причем то обстоятельство, что эти языки являются орудием империалистической пропаганды в языкознании, требует от работников этой области знания особой политической направленности, особой заостренности критики буржуазных теорий.

V. Изучение тюркских языков

В изучений тюркских языков, равно как и монгольских, наша отечественная наука всегда занимала ведущее место. Признано было, что без знания русского языка невозможно серьезно заниматься

исследованиями в области тюркских языков. Изучение тюркских языков строилось на почве сравнительно-исторического метода. На основе этого метода была сформулирована идея родства тюркских языков и родства этих последних с монгольскими и финскими. Эта так называемая «урало-алтайская» теория исходила из общих идей буржуазного языкознания о родстве языков — «праязыка».

Практически наряду с лингвистическими задачами ставились и многие другие. Например, этнографические, филологические и др. Появилась особая дисциплина «тюркология», привлекавшая в круг своих исследований большой комплекс научно-исследовательских проблем. Усиление формализма в языковедении к началу XX столетия сказалось и в области тюркского языкознания.

После Великой Октябрьской социалистической революции объем и значение новых задач культурного строительства в национальных республиках и областях (Азербайджан, Татаристан, Среднеазиатские республики, Якутия и т.д.) все более изменяли направление исследований. Выдвигались задачи создания новых алфавитов взамен арабского и для народов, не имевших письменности, создания орфографических сводов, словарей, нормативных грамматик и т.д. В связи с этим была проделана очень большая работа, выросли новые кадры, подготовленные для самостоятельной работы. Работа по изучению тюркских языков сосредоточивалась все более на местах, в научных учреждениях и в высших учебных заведениях Азербайджана, Татарии, Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии и т.д.

Углубление исследовательских задач в области изучения тюркских языков выдвигает на очередь все требовательнее новые теоретические проблемы. Акад. Н.Я. Марром и акад. И.И. Мещаниновым намечены новые теоретические пути и в этой области, но развиваются они крайне недостаточно. Основные научные кадры не освободились от формализма и не выходят за рамки чисто эмпирических вопросов (чл.-корр. АН СССР С.Е. Малов, акад. В.А. Гордлевский, чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриев, проф. К.К. Юдахин). Недостаточно проявили себя в теоретической области и наши специалисты новой формации, воспитанные школой акад. Н.Я. Марра (А.Н.Кононов, Н.А.Баскаков, Н.И. Урбатова, С. Джикиян и др.). Работающие на местах специалисты, всемерно поддерживающие Новое учение о языке (А.Н. Поцелуевский, И.А. Батманов, С.К. Кенесбаев и др.), не всегда в состоянии ставить и решать большие вопросы на материалах, разрабатываемых ими. Из учеников Н.Я. Марра наиболее выдающимся в области тюркологии является чл.-корр. АН Узбекской ССР проф. А.Н. Боровков, работающий в области истории и диалектологии узбекского языка.

Отставание теоретических исследований сказалось и на критической работе. Не ведется борьба против реакционных фашистских

пантюркистских установок, господствующих в современной Турции, против старой формальной школы и формально-генетического метода. Почти не получают квалифицированной оценки и не критикуются многочисленные грамматические работы, словари, специальные статьи и т.д., издающиеся на местах, в национальных республиках. Между тем, помощь нашим кадрам на местах в правильной и широкой постановке теоретических проблем совершенно необходима. Не следует забывать, что если старые националистические кадры и были разгромлены в свое время, то в вопросах языка особенно возможны националистические рецидивы.

Воспитание и подготовка кадров по тюркским языкам в аспирантуре и докторантуре сосредоточены, в основном, в Москве и Ленинграде. Число аспирантов и докторантов из национальных республик и областей из года в год увеличивается. На теоретическое образование по специальности этих кадров не обращается достаточного внимания. Каждый руководитель по-своему оценивает цели и задачи теоретического образования руководящих кадров. Следует поставить всю работу по воспитанию кадров под контроль ИЯМ и Отделения литературы и языка.

VI. Языки народов севера

Большую роль в развитии советского языкознания играет изучение языков народов севера. До Великой Октябрьской социалистической революции ни одна из 23-х народностей крайнего Севера не имела своей письменности. Работа по созданию письменности и литературных языков народов Севера началась в 1930 году, когда был создан в Ленинграде Институт народов Севера. В этом институте были сосредоточены все имевшиеся у нас в то время специалисты по этнографии и языкам народов Севера. Вместе с тем в институте в качестве студентов были представлены все основные народности Севера. Совместным трудом специалистов и студентов-националов в течение 1930–1931 гг. были разработаны, на основе латинской графики, алфавиты и принципы орфографии 14 литературных языков народов Севера и с 1932 года началось издание учебной, массово-политической, промысловой, художественной и детской литературы на этих языках. В настоящее время существуют 9 литературных языков народов Севера: 1) ненецкий, 2) хантыйский, 3) мансийский, 4) эвенкийский, 5) эвенкский, 6) нанайский, 7) чукотский, 8) корякский и 9) эскимосский. Опыт работы первых пяти лет убедительно показал не только нецелесообразность, но и вредность построения письменности народов Севера на базе латинского алфавита. В 1936–1937 гг. все литературные языки народов Севера перешли на русский алфавит. До Великой Отечественной войны все национальные школы крайнего Севера были

снабжены необходимыми учебниками на родных языках учащихся. За время войны все эти учебники устарели. Сейчас ведется работа по их переизданию и изданию новых учебников. Однако эта работа тормозится тем, что за время войны ряды специалистов по северным языкам значительно поредели. Особенно трудное положение сложилось с учебниками на корякском и мансийском языках, по которым сейчас имеется только по одному специалисту.

Функции ликвидированного в 1941 г. Института народов Севера по руководству всей работой в области дальнейшего развития литературных языков народов Севера вынужден был после войны временно принять на себя Институт языка и мышления АН СССР. Эти функции он выполнял до конца 1947 г., когда приказом министра просвещения РСФСР при Учебно-педагогическом издательстве был создан специальный редакционный совет по литературе для народов Севера. Институт языка и мышления принимает самое активное участие в работе этого совета. Председателем совета и руководителями двух из четырех его секций назначены сотрудники ИЯМ. В то же время институт сохраняет за собой обязанность апробировать всю научную и научно-практическую литературу (пособия для учителей) по северным языкам.

Языки народов Севера привлекают все большее и большее внимание языковедов. Интерес к ним вызывается, с одной стороны, тем, что они, как младописьменные, требовали срочной разработки целого ряда вопросов грамматики, фонетики, диалектологии и т.д., а с другой стороны, тем, что, как показали первые чисто описательные работы, языки эти могут дать ценнейшие материалы для разработки общих вопросов теории языкознания.

Первым, кто широко привлек материалы языков народов Севера для решения общих вопросов языкознания и подошел к исследованию этих языков с позиций Нового учения о языке, был акад. И.И. Мещанинов. В его работах: «Новое учение о языке» (1937), «Общее языкознание» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945), «Глагол» (печатается) и в целом ряде опубликованных статей впервые дается разрешение многих основных вопросов грамматического строя северных языков. В том же направлении идет работа пока еще небольшой группы его учеников — специалистов по северным языкам (О.П. Суник, В.А. Аврорин, П.Я. Скорик и Н.М. Терещенко), которые перешли к научным исследованиям от практической работы по созданию, развитию и преподаванию литературных языков народов Севера.

Однако, в изучении северных языков имеется и другое, антимарровское направление. Так, например, проф. В.И. Цинциус вместе с частью сотрудников руководимой ею кафедры северных языков в ЛГУ пренебрегает вопросам теории языкознания и выдвигает на первый план задачу описания формальных средств выражения

грамматических категорий. Пренебрежение вопросами теории языкознания, умышленное игнорирование достижений Нового учения о языке привело к тому, что проф. Цинциус до сих пор находится в плену буржуазного формально-сравнительного метода, неизбежно приводящего в болото реакционных теорий «праязыка». Лучшим примером этого может служить ее докторская диссертация «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» печатающаяся в Учпедгизе (Ленинградском отделении). В этой работе, на основании чисто формального сопоставления фонетических явлений, автор, не всегда решаясь называть вещи своими именами, подводит к выводу о неизбежности существования в прошлом тунгусо-маньчжурского, а может быть и тунгусо-маньчжуро-монгольского или даже шире — алтайского «праязыка». Образцом формалистического подхода к разрешению такого интересного и важного вопроса как представления о множественности и единичности, может служить статья проф. [В.И.] Цинциус «Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках» (Ученые записки ЛГУ, серия филологич. наук, вып. 10, 1946), в которой вся эта проблема сводится опять-таки к формальному сопоставлению суффиксов множественности и собирательности в указанных языках пря полном почти игнорировании смысловой стороны дела. В этой статье, как и в других работах того же автора, некоторый элемент историзма имеется, но он полностью исчерпывается изложением гипотез о последовательном превращении одних формальных элементов языка в другие, без каких бы то ни было связей с развитием мышления, не говоря уже о связях с историей конкретного общества. Элементы такого «историзма» нужны автору только для одной цели — для выведения общих для тунгусо-маньчжурских языков «праформ», свидетельствующих о «несомненности» существования в прошлом «праязыка».

VII. Изучение кавказских языков

Изучение кавказских языков имело огромное значение для становления Нового учения о языке. Н.Я. Марр, разрабатывая свою теорию, широко использовал материал кавказских языков. Материалы эти не укладывались в традиционные схемы буржуазной лингвистики и потребовали коренного пересмотра лингвистической методологии.

Последователями Н.Я. Марра в изучении кавказских языков являются проф. К.Д. Дондуа, проф. Г.П. Сердюченко, старшие научные сотрудники ИЯМ Е.А. Бокарев и Г.Ф. Турчанинов. К Новому учению о языке примыкают также кавказоведы проф. Н.Ф. Яковлев и проф. Л.И. Жирков. Впрочем, после смерти Н.Я. Марра разработ-

ка теоретических проблем на материалах кавказских языков резко снизилась.

Однако, в области изучения кавказских языков буржуазная лингвистика не только продолжает сохранять свои позиции, но и переходит в атаки против Нового учения о языке. Особенно активным в этом отношении является проф. А.С. Чикобава (Тбилиси). Его книга «Общее языкознание» может служить ярким образцом буржуазной методологии в лингвистике (знаковая теория по Соссюру, отрыв формы от содержания, гипотеза «праязыка» и т.п.).

Нужно отметить, что и в Грузии и в Армении большинство работ выходит без резюме на русском языке, чем грузинские и армянские языковеды изолируют себя от языковедов Москвы, Ленинграда и других лингвистических центров страны.

Лингвистическая работа в области младописьменных языков Кавказа направлена, по преимуществу, на выполнение практических задач языкового строительства. В результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики в развитии национальных языков проделана большая работа по создания алфавитов, орфографии, словарей, научных грамматик для языков адыгейского, абхазского, абазинского, кабардинского, аварского, даргинского, табасаранского, лакского и др. Однако, недостает научно подготовленных кадров для того, чтобы выполнять всю работу, которую ждут от языковедов национальные республики. В Дагестанской АССР также очень плохо поставлена подготовка преподавателей родных языков. По ряду языков вообще нет подготовленных лингвистов (даргинский, табасаранский).

В области практической и особенно теоретической работы по изучению кавказских языков в духе Нового учения о языке вопрос о подготовке кадров языковедов является особенно острым.

VIII. Изучение иранских языков

Явно неудовлетворительное положение в иранистике — области языкознания, которая с давних пор является опорным пунктом буржуазного формально-генетического метода. У нас в стране командное положение в области изучения иранских языков занимает чл.-корр. АН А.А. Фрейман — заведующий кафедрой иранской филологии ЛГУ и заведующий иранским кабинетом ИВАН. Печатные работы проф. А.А. Фреймана основаны на наиболее отсталых идеях формально-сравнительного метода. В исследованиях проф. Фрейман исходит из теории «праязыка» и базируется исключительно на памятниках мертвых иранских языков, игнорируя материалы живых иранских языков, хотя последние почти полностью представлены на территории Советского Союза и заключают данные, в сот-

ни раз превосходящие письменные памятники. Только под напором общественного мнения проф. Фрейман иногда обращается к живым языкам, привлекая их, однако, не как основной объект изучения, а как второстепенные бессистемные иллюстрации к фактам мертвых языков.

А.А. Фрейман в течение ряда лет вел открытую и злобную борьбу с Н.Я. Марром и его учением о языке. Только после Отечественной войны, боясь ответственности за свою деятельность, проф. Фрейман старательно инспирирует слухи о своем повороте в сторону Нового учения о языке, о своем признании ценности книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», в то же время полностью оставаясь на своих прежних порочных методологических позициях.

Вторым из видных иранистов-языковедов является профессор Ленинградского Университета и сотрудник ИЯМ И.И. Зарубин, который находится под сильным влиянием идей формалистической лингвистики. Будучи крупнейшим специалистом по живым иранским языкам Средней Азии, проф. Зарубин ушел от актуальных вопросов теории и практики языкознания, занимаясь исключительно подготовкой и публикацией текстов без научных комментариев к ним и словарей. Проф. Зарубин ни устно ни в печати не поддерживал Н.Я. Марра и его школу в их беспощадной критике новых и новейших буржуазных теорий языка.

Дело подготовки кадров иранистов в Ленинграде почти целиком сосредоточено в руках Фреймана и Зарубина. Наиболее близкие к ним ученики, подготовленные ими и зависимые от них, придерживаются теоретических взглядов своих учителей.

Крупным представителем Нового учения о языке в иранистике является ученик Н.Я. Марра проф. В.И. Абаев. Проф. В.И. Абаев много работает как в области изучения осетинского языка, так и над теоретическими проблемами иранистики и общего языкознания. К Новому учению о языке примыкает также проф. Московского Университета Б.В. Миллер.

Состояние теоретической работы над другими языками Советского Союза (украинского, белорусского, балтийских, финно-угорских, монгольских), а также зарубежных стран (славянских, индийских, японского, китайского и др.) характеризуется в основном теми же недостатками, что и изучение вышеупомянутых языков.

IX. Выводы

Чтобы покончить с резким отставанием советского языковедения от научных и культурных нужд страны, которое становится совершенно нетерпимым в эпоху общего подъема и расцвета совет-

ской науки и культуры, необходимо разоблачение идеалистической лингвистики, которая тормозит дальнейшее успешное изучение языков народов СССР и зарубежных стран, необходимо развертывание и углубление большевистской критики и самокритики в рядах советских языковедов. Основой для методологической перестройки всех советских языковедов должно стать творческое претворение в лингвистических исследованиях великих идей Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина и дальнейшее развитие материалистических положений акад. Н.Я. Марра, вошедших в золотой фонд советской науки о языке.

Необходимо осудить формализм в языковедении, выражающийся в отрыве языка от истории общественных формаций и классовой борьбы, в отрыве языка от его сложного мыслительного содержания, обусловленного бытием, в рассмотрении языка лишь с формальной стороны, в пропаганде политически вредной гипотезы «праязыка» и применении в исследовательской практике основанного на гипотезе «праязыка» формально-генетического (так наз. сравнительно-исторического) метода, а также проявления буржуазного космополитизма и [низкопоклонства] в языкознании.

Надо развернуть непримиримую борьбу со всякого рода влияниями западноевропейской буржуазной лингвистики (соссюрианство, структурализм и т.п.), а также привить всем советским языковедам принципиальное критическое отношение к наследству буржуазных лингвистов дореволюционной России.

Крайне важным делом также является поворот лингвистических исследований в сторону актуальных проблем, имеющих прямое отношение к дальнейшему развитию речевой культуры в нашей стране.

Для решения вышеуказанных задач необходимы следующие мероприятия:

1) Укрепить руководство языковедческих научно-исследовательских институтов и лингвистических кафедр в вузах сторонниками Нового учения о языке, для чего смело выдвигать молодых способных лингвистов, стоящих на позициях марксистско-ленинского языкознания;

2) Пересмотреть состав членов экспертных комиссий по языковедческим дисциплинам и ВАК Министерства высшего образования СССР, а также научных консультантов по языкознанию в Министерстве просвещения РСФСР и министерствах просвещения союзных республик, удалив из них языковедов-формалистов;

3) Пересмотреть учебные программы для вузов по всем лингвистическим дисциплинам, заменив программы, имеющие ошибки формалистического порядка, новыми программам, составленными на основе материалистического языкознания;

4) Поручить составление новых учебников и учебных пособий представителям материалистического языковедения, прежде всего учебники по введению в общее языкознание, современному русскому языку, истории русского литературного языка, исторической грамматике русского языка и русской диалектологии. Обеспечить печатание этих учебников, предварительно подвергнув их широкому обсуждению среди языковедов;

5) Обновить состав редакционных коллегий изданий лингвистических работ, в том числе редакции журнала «Русский язык в школе». Не допускать публикацию работ, особенно издающихся массовым тиражом, в которых проводятся формалистические методы, в частности, пропагандируется в том или ином виде гипотеза «праязыка», для чего устранить из состава консультантов и рецензентов Учпедгиза и других издательств представителей «традиционной» лингвистики и заменить их сторонникам Нового учения о языке.

6) Разрешить издание периодического журнала «Советское языкознание» в качестве боевого теоретического органа марксистско-ленинской лингвистики;

7) Пересмотреть планы научно-исследовательских работ лингвистических институтов Академии наук СССР, Академий наук союзных республик и языковедческих кафедр вузов с точки зрении актуальности проблематики, развития марксистско-ленинского языкознания и непримиримой борьбы с идеалистическим языковедением;

8) Усилить руководство аспирантами и докторантами в духе Нового учения о языке, обратив особенное внимание на должную подготовку их в теоретическом отношении;

9) Созвать широкое совещание языковедов с постановкой на нем доклада о положении и задачах советского языкознания.

Члены ВКП(б):

Секретарь партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *А.В. Десницкая*.

Секретарь партбюро ИРЯЗ — МО ИЯМ АН СССР *А.М. Базиев*.

Зам. директора ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *Ф.П. Филин*.

Зам. директора ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *В.А. Аврорин*.

Зам. директора ИВАН АН СССР,
чл.-корр. АН Узб. ССР, профессор *А.К. Боровков*.

Ученый секретарь ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *О.П. Суник*.

Декан филологического факультета МГУ
профессор *Н.С. Чемоданов*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *С.Д. Кацнельсон*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР,
зав. кафедрой общего языкознания
1-го Ленингр. института иностранных языков,
кандидат филологических наук *И.И. Цукерман*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
аспирант *Г.А. Меновщиков*.

Член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой
русского языка Ленингр. Педагогического Института
им. Покровского, профессор *С.Г. Бархударов*.

Зав. кафедрой русского языка Ленинградского
педагогического Института им. Герцена
доктор филологических наук, профессор *Н.П. Гринкова*.

Старший научный сотрудник ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *Е.А. Бокарев*.

Старший научный сотрудник МО ИЯМ АН СССР
профессор *М.М. Гухман*.

Старший научный сотрудник ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *П.Я. Скорик*.

Старший научный сотрудник ЛО ИРЯЗ АН СССР
кандидат филологических наук *М.Д. Мальцев*.

Литература

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.

Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М.: [Институт славяноведения РАН; МГУ], 2002. 376 с.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012 («Филологическое наследие»).

Фрейденберг О.М. Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю.М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 149–163.

References

Alpatov, V.M. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 240 p.

Bernshtein, S.B. *Zigzagi pamiati*: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi. Moscow: [Institut slavianovedeniia RAN; MGU], 2002. 376 p.

Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody*: *Dokumental'noe issledovanie*: in 2 vols. Moscow: Novoe Lit. Obozrenie Publ., 2012 (ser. "Filologicheskoe nasledie").

Freidenberg, O.M. "Budet li moskovskii Niurnberg? (Iz zapisok 1946–1948 godov)", ed. Yu.M. Kagan. In *Sintaksis: Publitsistika. Kritika. Polemika*. Paris, 1986, issue 16, pp. 149–163.

All-Union Academy of Agricultural Sciences Session and the Soviet Philology

(Secret Memorandum to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a Group of Leningrad Linguists)

Pyotr A. Druzhinin

Abstract: The memorandum sent in 1948 to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a group of linguists who defined themselves as followers of "the only true" Soviet materialistic theory of language created by academician Nikolay Marr, aimed at defeating their rivals described by the authors of the memo as representatives of idealistic bourgeois theory closely connected with the traditions of foreign linguistics. The main opponents of the Leningrad group of linguists were professors of Moscow State University A. Reformatsky, M.N. Peterson and academician V.V. Vinogradov, whose influence, academic and administrative standing were regarded as a serious threat by the signers of the memo. If they had become winners in the political struggle, the fate of the Soviet / Russian philology could have been much gloomier; it was Vinogradov, however, who won the battle — he was the one who stood behind the "historical" work by Stalin *Marxism and Problems of Linguistics* (1950) that shattered Marr's theory.

Keywords: history of philology, science and ideology, new linguistic theory, Marrism.

Information about the author: Pyotr A. Druzhinin, Ph.D., independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: petr@druzhinin.ru

ФОРУМ

Опубликованные в «Литературном факте». 2016. № 1–2, «насущные заметки» С.И. Николаева «О филологическом методе» вызвали живую реакцию коллег. В этом номере представляем два из полученных откликов, рассчитывая продолжить обсуждение в ближайших номерах и на сайте журнала (www.litfact.ru).

К вопросу о филологическом методе: По поводу статьи С.И. Николаева[1]

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин, д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: aranchin@mail.ru

Статья С.И. Николаева интересна смелой постановкой проблемы, о которой в последнее время рассуждать не принято, — проблемы метода в историко-литературных штудиях. Автор приводит замечательный анекдот в старинном смысле слова — историю о том, как оксфордский филолог-классик Мартин Уэст поведал молодому собеседнику о «британском филологическом методе», заявив: «А такого метода и нет: просто надо пользоваться тем, что лучше всего подходит для данной проблемы» (с. 372). Развивая мысль Уэста и напоминая о том, что эта же идея была ранее в более заостренной форме высказана Ульрихом фон Виламовиц-Мёллендорфом, автор заключает: «Таким образом, главное в работе историка литературы — проблема, а уже она определяет методы ее решения» (с. 372). С этой мыслью нельзя не согласиться. Однако уже сами определение, постановка проблемы предполагают теоретическую презумпцию, теоретическое обоснование. Что, казалось бы, проще таких понятий, как литература и жанр? Но вот Ю.Н. Тынянов статью с красноречивым названием «Литературный факт» начинает вопросами: «Что такое литература? Что такое жанр?»[2] Без ответа на эти вопросы никакое полноценное историко-литературное исследование невозможно — ибо неясно, что является *литературным фактом* в той или иной литератур-

[1] *Николаев С.И.* О филологическом методе (насущные заметки) // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 370–379. Далее при цитировании страницы указываются в тексте статьи.

[2] *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М., 1977. С. 255.

ной системе, а что нет. Но если при решении частных проблем рефлексия по поводу метода не всегда очевидна и даже не всегда ясна (подход может негласно приниматься как данность), то при попытках создания историй литературы размышления о методе окажутся неизбежными.

Развивая свою идею, С.И. Николаев утверждает: «Вывод, к которому я так долго подводил, вполне ожидаем: главное в работе историка литературы не методология как таковая, а научная проблема. Размышление над проблемой приводит к фактам и к путям решения проблемы. Если же исследователь — особенно начинающий — идет не от проблемы, а от методологии, то довольно часто мы получали и получаем бесконечные хронотопы, интертексты, “локальные тексты” и проч. А вот ценность таких работ далеко не однозначна. И М.М. Бахтин, Ю. Кристева или В.Н. Топоров в этом никак не повинны» (с. 374).

С идеей, здесь высказанной, спорить, как я уже заметил, нельзя. Вывод об опасности, которой чревата подгонка многообразного, красочного, живого мира литературных текстов под готовые понятия и концепции, тоже неоспорим. Впрочем, вынужден признаться: мне пришлось не раз грешить использованием понятия интертекст. И вообще, все мы вышли из аристотелевского гиматия, так что же — теперь из-за этого стилосы ломать? В заимствовании терминов самом по себе никакой опасности нет. Нужно лишь помнить об их исконном значении и его сохранять (или честно оговаривать внесенные изменения). В заимствовании хронотопа или интертекста я ничего страшного не вижу. Другое дело, всегда ли эти заимствования уместны и необходимы[3]. Но совсем плохо оказывается, когда исследователи начинают оперировать понятием, имеющим в системе идей ученого — его изобретателя совершенно особенный смысл и релевантным только в границах этого семантического поля, а за его пределами лишающимся не только определенного значения, но порой и какой бы то ни было семантики. Именно так, на мой взгляд, произошло с бахтинской *полифонией* и с его же *мениппеей*. «Как известно, глубокомысленные размышления М.М. Бахтина возвели слово “мениппея” в ранг важнейшей историко-литературной универсалии, более того, историко-литературной категории, если не понятия из области философской антропологии. Получилось нечто в высшей степени яркое, интересное, но отрыв от античного словоупотребления, уже

[3] Можно вспомнить, например, что К.Ф. Тарановский и его последователи (О. Ронен, Г.А. Левинтон и др.) обходились старым и вроде бы нетерминологичным понятием подтекст, а Д.С. Дихачев и Ю.М. Лотман анализировали время и пространство в их единстве в фольклоре, древнерусской словесности и прозе Гоголя, не прибегая к такому «бахтинизму», как хронотоп.

начатый в профессиональной сфере классической филологии завершился окончательно. Оказывается, например, что “жанр” мениппеи существовал задолго до Мениппа и что единственная конкретная особенность формы, которую имел в виду Варрон, — свободное чередование стихов и прозы — совершенно не является необходимым признаком мениппеи. [...] Нет никаких оснований корить замечательного отечественного мыслителя; переосмысление, которому он подверг старое слово, само по себе столь же законно, как законно говорить о “трагическом начале” в жизни и культуре, не думая о жанре трагедии в античной литературе со всеми приметами этого жанра. [...] Метафора может быть полна смысла, и смысл ее может иметь конкретное отношение не только к предмету философии, но даже к предмету теории литературы — только ее нельзя понимать буквально. Разница, однако, в том, что если мы вполне ясно знаем буквальное содержание термина “трагедия”, то термин “мениппея”, как кажется, наиболее плодотворен как метафора. Его исторически верифицируемое содержание исчезающе мало, богаты лишь его побочные, ассоциативные коннотации»[4].

Что касается бахтинской полифонии и топоровского текста города (собственно, Петербургского текста), то создатели этих понятий жестко оговаривали их плодотворность и применимость, соответственно, только к творчеству Достоевского и к пласту семантически и структурно сходных произведений, посвященных «граду Петрову». Так что неудачливые эпигоны Бахтина и Топорова попросту нарушили запрет творцов-основателей. (Впрочем, никакой полифонии в предложенном Бахтиным смысле нет и у автора «Преступления и наказания» и «Бесов», в то время как Петербургский текст — это действительно некая семантическая реальность, но сути дела это различие не меняет.)

Но и случай с полифонией и мениппеей, и неуемное и неосторожное обнаружение «локальных текстов» повсюду, где имеются локусы, не имеют отношения к «злоупотреблению» методологией. Понятия, здесь упомянутые, характеризуют не некие метод Бахтина или метод Топорова, то есть не теоретически отрефлектированные подходы, характеризующиеся терминологическим исследовательским языком и выделяемым объектом, а нечто принципиально иное — конкретные концепции. Бахтинский «дискурс», когда он пишет не о типах слова в тексте, а о полифонии и мениппее, является не филологическим (то есть научным или претендующим на научность хотя бы в смысле Liberal Arts), а фило-

[4] *Аверинцев С.С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 201.

софским. Топоров использует различные методы и прикладные методики, при том что в целом его подход, конечно, имеет мало общего с структурально-семиотическим методом так называемой тартуско-московской школы, к которой создатель концепции Петербургского текста формально принадлежал[5].

Метод, если подразумевать под ним концептуально осмысленную систему приемов анализа и/или интерпретации, а также выработанная в рамках этого метода терминология не создаются ad hoc и не могут быть индивидуальными, даже если у них есть автор. Метод и термины воспроизводятся, становясь общим достоянием, и при этом не теряют изначальной эвристической силы. Понятия код, оппозиции и структура сохраняют свою плодотворность и после Ю.М. Лотмана или Р. Барта — мера этой плодотворности зависит лишь от таланта позднейших исследователей. (Впрочем, сами эти термины, как известно, перекочевали в филологию и историю культуры из теории информации и лингвистики.) Материал, прием и даже остранение/остраннение уже не обязательно ассоциируются с работами В.Б. Шкловского и других участников ОПОЯЗа.

Итак, несомненно, что метод для историка литературы — явление прикладное. Однако именно «открытие», формирование метода может дать сильнейший импульс развитию филологических дисциплин, в том числе истории литературы. Методологический (словечко «казенное», но без него здесь не обойтись) прорыв, который совершил ОПОЯЗ на рубеже 1910–1920-х годов, позволил во многом совершенно по-новому описать многие жанры и феномены литературы (торжественную оду, пародию, структуру сюжета), творчество отдельных писателей (Лермонтова, Льва Толстого и др.), соотношение художественных произведений и реальности, а также отдельные этапы в развитии литературы (например, борьбу «архаистов» и «новаторов» в первые десятилетия XIX века). Формалисты, естественно, начинали не с чистого листа, причем в отдельных случаях вклад исследователей более раннего времени, которых они повторяют и продолжают, оказывается весьма существенным. Тем не менее метод ОПОЯЗа позволил совершить подлинную революцию. Стало ясно не только, как сделана «Шинель», но и как сделана литература — даже если иные заключения оказались наивными и поспешными. Соответственно, и катастрофа, постигшая это течение научной мысли на рубеже 1920–1930-х годов, была вызвана не одними внешними факторами, диктатом со стороны власти, но и кризисом метода:

[5] Работы В.Н. Топорова в значительной степени (хотя отнюдь не целиком, конечно) относятся к текстам философского, а не научного типа. См. об этом: *Ранчин А.М.* Филология или философия? В.Н. Топоров и изучение древнерусской агиографии // Россия XXI. 2011. № 1. С. 140–151.

решение вопроса о соотношении литературы и внелитературных рядов или оказалось для опоязовцев непосильным, или предлагалось ими за пределами установок формального метода.

Вместе с тем, он, по признанию одного из создателей, складывался во многом именно как явление прикладное, как система приемов, позволяющих описывать и анализировать литературу в ее специфике, в ее литературности: «Так называемый “формальный метод” образовался не в результате создания особой “методологической” системы, а в процессе борьбы за самостоятельность и конкретность литературной науки. Понятие “метода” вообще несоответственно расширилось и стало обозначать слишком многое. Принципиальным для “формалистов” является вопрос не о методах изучения литературы, а о литературе как *предмете* изучения. Ни о какой методологии мы, в сущности, не говорим и не спорим. Мы говорим и можем говорить только о некоторых теоретических принципах, подсказанных нам не той или другой готовой методологической или эстетической системой, а изучением конкретного материала в его специфических особенностях»[6].

Метод дал новое ви́дение предмета, его утрата привела к размыванию фокуса. Так или иначе, на фоне блестящих опоязовских исследований позднейшие работы Шкловского, Тынянова и Эйхенбаума выглядят, несмотря на тонкие наблюдения, проницательные идеи и богатство фактического материала, бледно и производят порой тяжелое и горькое впечатление.

Аналогичный пример — структурально-семиотический метод в отечественной филологии. Начало 1960-х годов было обретением новой перспективы. Метод дал систему приемов для анализа и терминов — для описания. Сравнение работ Ю.М. Лотмана, созданных до этого времени и написанных после, обнаруживает, сколь разительным было движение вперед, обретение новых идей и интерпретаций. Открытия, подаренные структурализмом, можно проследить даже в популярных работах Лотмана по истории литературы и культуры, в которых специальная терминология не используется.

Конечно, методология в работах может быть эксплицитной (в этом случае автор прямо объявляет о своем подходе и о своих инструментах), а может быть и неявной. С.И. Николаев признается, что его учитель А.М. Панченко «за четверть века никогда не вел» с ним «разговоров на темы методологии. Иногда он мог иронически высказаться о двух самых популярных в последней четверти XX в. теориях, его ирония была вызвана тем, что эти теории претендова-

[6] *Эйхенбаум Б.* Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет / Сост. О.Б. Эйхенбаум, Е.А. Тоддес; вступит. ст. М.О. Чудаковой, Е.А. Тоддеса; коммент. Е.А. Тоддеса, М.О. Чудаковой, А.П. Чудакова. М., 1987. С. 375.

ли на объяснение всего» (с. 370). Одна из двух неназванных теорий это, конечно же, структурализм. В 1983 г. была издана работа, написанная А.М. Панченко в соавторстве с Б.А. Успенским — одним из наиболее убежденных и деятельных адептов структурально-семиотического метода, — «Иван Грозный и Петр Первый»[7]. Работа эта, которую можно было бы с полным основанием назвать пионерской, если бы это слово не склеилось навсегда с образом младого племени в красных галстуках, открыла в, казалось бы, безумных, иррациональных деяниях первого русского царя достаточно четкую систему смыслов, связанных с представлением о собственной религиозной роли и окрашенных эсхатологически[8]. Действия Ивана Грозного, его распоряжения, кощунственные обряды, изощренные казни — все это было прочитано как особого рода текст, содержащий символический код. Обоснования метода, равно как и структурально-семиотической терминологии, здесь нет. Но для того чтобы увидеть этот феномен, требовалась именно оптика, даруемая этим методом, — для А.М. Панченко, таким образом, далеко не безразличная и оказавшаяся необычайно полезной.

Обычная в истории науки ситуация — когда прежний метод становится фактической данностью, частью подхода, принимаемого автоматически. Для современной филологии историко-литературный подход — данность, а не метод, не предмет рефлексии и выбора. Между тем для филологии первых десятилетий XIX века это был именно концептуальный выбор, подход, требовавший обоснования[9]. (В условиях торжествующего постмодерна, подмывающего основания историзма, этот подход может опять потребовать аргументации в защиту.)

Отдельный и очень интересный вопрос — метод вокруг и после метода. Катрин Депретто в предисловии к своей книге о русском формализме пишет: «Важнейшую роль для развития литературной теории сыграл формализм, существование которого обычно ограничивают периодом с 1915 по 1930 год и который обычно связывают в первую очередь имена Виктора Шкловского (1893–1984), Бориса Эйхенбаума (1886–1959), Юрия Тынянова (1894–1943),

[7] *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Первый: концепции первого монарха. Статья первая // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 54–78.

[8] Ср. развитие этих идей в позднейших работах других ученых: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998; *Булычев А.А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

[9] В России он требовал такого обоснования еще для С.П. Шевырева — автора «Истории поэзии» (1835), «Теории поэзии в историческом освещении у древних и новых народов» (1836) и четырехтомной «Истории русской словесности» (1846–1860).

Бориса Томашевского (1890–1957), Осипа Брика (1888–1945), Романа Якобсона (1896–1982), Григория Винокура (1896–1947), Бориса Ярхо (1889–1942), а также Виктора Жирмунского (1891–1971) и Виктора Виноградова (1894–1969)»[10]. Из перечисленных филологов далеко не все состояли в ОПОЯЗе, метод Б.Н. Ярхо разительно отличался от опоязовского, а В.М. Жирмунский был в числе критиков формализма, хотя и использовал приемы анализа, родственные ОПОЯЗу. Тем не менее некоторые основания — не только чисто хронологические — поставить в один ряд этих исследователей, очевидно, есть — определенная методологическая близость их работам присуща.

Не менее интересен вопрос о преемственности по отношению к формальному методу работ, написанных уже после смерти формальной школы учениками отцов-основателей ОПОЯЗа — прежде всего, Л.Я. Гинзбург и Б.Я. Бухштабом. Какими «прикровенными» чертами они обязаны формальному методу? Но такой вопрос правомерен и по отношению к работам авторов последующих поколений, ориентированных на идеи и подходы формалистов, хотя эта установка по внелитературным причинам осталась скорее латентной, чем открыто декларируемой[11].

С.И. Николаев упоминает исследования по истории культуры, типологически родственные «микроистории» Карло Гинзбурга, но не содержащие отсылок к его методу и написанные без его влияния, иногда задолго до появления трудов западного антрополога. Справедливости ради стоит заметить, что подразумеваемые здесь работы — «Люди и нравы Древней Руси» Б.А. Романова (1947) и, очевидно, «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв.» (1967) К.В. Чистова и «Русская культура в канун Петровских реформ» (1984) А.М. Панченко — филологическими не назовешь: Чистов и Панченко анализируют ментальность, а Романов, прежде всего, воссоздает саму повседневную жизнь. Для Романова смысл, интенции авторов древнерусских текстов не столь важны, как свидетельства и «проговорки» о быте и нравах — о том, что утаить не получилось. Отнесение этих текстов к филологии, как представляется, свидетельство, что рефлексия о предмете и методе действительно насущна.

Не думаю, что «микроистория» Карло Гинзбурга[12] будет особенно полезна историку литературы. Для филологии аналогом

[10] *Депретто К.* Формализм в России: Предшественники, история, контекст /Авториз. пер. с франц. В. Мильчиной. М., 2015. С. 5.

[11] Один из примеров — книга А.П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971).

[12] Ни само понятие микроистория, ни идея микроисторического подхода не принадлежат, впрочем, Карло Гинзбургу; мало того, его собственный подход не поддается строгой формализации; не случайно С.Л. Козлов сравнивает его с бахтинским подходом: *Козлов С.* «Определенный способ зани-

«микроистории» будет пристальное чтение и столь же пристальное комментирование — процедуры абсолютно необходимые, но вполне традиционные и рутинные[13]. Гинзбурговская уликовая парадигма[14] и анализ в тексте индивидуальных примет-симптомов небезразличны в филологии для атрибуции и датировки, а отчасти и для характеристики индивидуального стиля — всё так. Но итальянский антрополог и историк культуры не случайно сближает этот метод с фрейдовским психоанализом. А психоанализ, хотя и может проводиться на материале литературных произведений (его адекватность и результативность в данном случае — вопрос иной), никакого отношения к филологии не имеет. Потому что текст для него — повод для узнавания чего-то другого, смысл текста, соотносящийся с интенцией автора, здесь обычно неважен или осознается как искажающий информационный шум. Так и Карло Гинзбург стремится пробиться через то, что автор хотел сказать, к тому, что сказалось. (Для Гинзбурга это будут непосредственно не выраженные, не вербализованные представления и ценности, характеризующие автора, социальную группу, эпоху.) Еще одним аналогом будет, очевидно, деконструкция Жака Дерриды — вещь модная, но для истории литературы вредная.

Проведенный С.И. Николаевым «микроисторический» анализ упоминаний о курочке из Жития Аввакума по-своему замечателен, однако балансирует на грани высказанного в тексте смысла (который только и должен волновать филолога[15]) и скрытого за ним эмоционального мира автора. Если же обратиться к такому довольно новому для гуманитарного знания предмету, как история эмоций, то здесь окажутся более нужными другие работы[16].

В заключение остается только поблагодарить автора, написавшего текст, который вызвал эти разрозненные размышления.

маться наукой»: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сборник статей / Пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М., 2004. С. 323.

[13] Ср. о «микроистории»: *Гинзбург К.* Вместо заключения. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. С. 288.

[14] *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гизбург К. Мифы – эмблемы – приметы. С. 189–241.

[15] Если, конечно, понимать филологию как «службу общения», задача которой — понять, что хотел сказать на своем языке «собеседник» — автор текста. Ср.: *Гаспаров М.Л.* Критика как самоцель *(для дискуссии о литературных репутациях в журнале «НЛО»)* // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 110–111.

[16] См. о них: *Зорин А.Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016. С. 12–60.

Реплика о «курочке черненькой» (По поводу статьи С.И. Николаева «О филологическом методе (насущные заметки)»)

В.А. Кошелев

Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., проф., Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского; e-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

Меня вдохновили рассуждения С.И. Николаева. Особенно представленный «метод микроистории», ориентированный на «пристальность взгляда» применительно к изучаемому литературному явлению. Ничего особенно нового здесь как будто нет: развивается идея М.О. Гершензона о том, что литературные тексты надо читать медленно: так, как читают дети, когда только учатся грамоте:

> «В старину мальчика учили читать сперва *по складам,* что заставляло его осмысленно воспринимать отдельные буквы и их соединения в слоги, и лишь этим способом доводили до уменья читать *по верхам,* т.е. бегло. […] В наше время ребенка сразу обучают беглому или интуитивному чтению; едва ознакомив с начертанием букв, его учат с одного взгляда угадывать целое слово, и затем тотчас следующее и следующее, и так быстро скользить по мгновенно узнаваемым словам до конца предложения, не вглядываясь ни в одно из них, можно сказать — даже вовсе не видя их».

При таком восприятии теряется нечто очень важное: «Современный читатель *не видит слов*, потому что не смотрит на них; мудрая и прекрасная плоть слова ему не нужна, — он на бегу, мельком улавливает тени слов и безотчетно сливает их в некий воздушный смысл, столь же бесплотный, как слагающие его тени. […] Ища прежде всего быстроты, мы разучились ходить; теперь только немногие еще умеют читать пешком, — почти все читают велосипедно, по 30 и 40 верст, т.е. хотел сказать — страниц в час. Спрашивается, что они видели в этих быстро промелькнувших страницах, могли ли что-нибудь заметить и разглядеть?»

Со времен Гершензона такое «велосипедное» чтение еще более «ускорилось» — и это помешало именно адекватному восприятию художественного текста. «Всякую содержательную книгу, — продолжает Гершензон, — надо читать медленно, особенно медленно надо читать поэтов, и всего медленнее надо из русских писателей читать Пушкина, потому что его короткие строки наиболее со-

держательны из всего, что написано по-русски. Эту содержательность их может разглядеть только досужий пешеход, который движется медленно и внимательно смотрит кругом»[1]. Отсюда и «пристальность».

Но искомая «пристальность взгляда» в этом случае сродни его «детскости». Это положение наилучшим образом подтверждается тем ярким эпизодом о замечательной «курочке» протопопа Аввакума, который разбирает С.И. Николаев. Вот передо мной свежий номер научно-популярного исторического журнала «Родина» — там напечатана статья А. Юркова «Быль о Курочке Рябе», в которой автор ратует за то, чтобы современным «компьютерным» детям были возвращены мудрые народные сказки. Он полностью приводит гениальную «Курочку Рябу», сказку «размером в один абзац», и утверждает: «Этот абзац по глубине мысли равен иным пузатым трактатам»: «тут тебе и уровень жизни народа, и знаменитое русское терпение, и надежда на будущее — без прикрас». А потом — дает большую цитату из «Жития протопопа Аввакума», как раз с тем самым эпизодом о курочке, которая «по два яичка в день приносила робяти на пищу Божьим повелением». И глубокомысленно восклицает: «Наверное, из рода она той самой Курочки Рябы»[2].

Можно, конечно, вдохновиться этим восклицанием и сочинить соответствующее генеалогическое древо — но, сдается мне, что, мобилизовав ту же «пристальность взгляда», стоило бы уточнить обозначенное «родословие».

С.И. Николаев так комментирует «чудесную» природу аввакумовской курочки: «“Чудо”, как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценоскостью курочки» (с. 376). Но ведь в «Житии…» выделяется, по крайней мере, еще три важных «приметы» необыкновенной курицы:

— «Курочка у насъ *черненька* была…»;

— «На нарте везучи, в то время *удавили по грехомъ…*»;

— А после цитированного абзаца есть еще большое рассуждение: Аввакум сообщает, что курочка эта «не просто нам и досталася», а пришла «от тово племени» кур, которые заболели «и мереть стали», а потом «Божиимъ мановениемъ *исцелели и исправилися*». И курочка эта черненькая стала в глазах автора символом земной жизни: «Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу Его, Пречистого Владыки, еще же и человека ради»[3].

Эти три приметы в представлении опального протопопа, кровно связанного с народным бытом, не менее значимы, чем «яйце-

[1] *Гершензон М.О.* Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 181–182.

[2] Родина: Исторический научно-популярный журнал. 2016. № 12. С. 86–87.

[3] Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 369.

носкость». Курица совсем не случайно являлась в этом быту существом, имеющим отношение к будущему. Она, например, была предметом святочных гаданий: «…кормили / Счетным курицу зерном…» (В.А. Жуковский) — то есть ей доверяли предсказывать будущее. Ср.: «Девицы снимают с насести кур и приносят в светлицу, где заранее припасены вода, хлеб и кольца золотое, серебряное и медное; чья курица станет пить воду, у той девицы муж будет пьяница, а чья примется за хлеб — у той муж бедняк; если курица подойдет к золотому кольцу — это сулит богатое замужество, если к серебряному — жених будет ни богат, ни беден, а если к медному — жених будет нищий; станет курица летать по комнате и кудахтать — знак, что свекровь будет ворчливая, злая»[4].

Черная курица в кругу этих представлений — вообще существо особенное, трудно совместимое с «яйценоскостью». «Культурные» куры — как правило, белого цвета, в крестьянском быту чаще являются «курочки-рябы», а черный цвет в народных поверьях напрямую связан с потусторонними силами. Это цвет ночи, тьмы, тайны, нечистых духов. В черную курицу часто оборачивается ведьма[5] — и вообще этот цвет для курицы оказывается цветом *оборотня*. В классику русской литературы для детей вошла сказка Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829), главным героем которой стала курица Чернушка.

Эта самая Чернушка, как мы помним, только прикидывается курицей («нрава тихого, редко прохаживалась с другими»), а на самом деле оказывается благородным министром сказочного рыцарского королевства. Основной приметой этой курицы оказывается то, что (сетует хозяйка) «с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка»[6]. Протопоп Аввакум в данном случае констатировал противоположный факт и особенное «Божье повеление»: курочка «по два яичка в день приносила» — *несмотря на* свой демонологический и «неяйценоский» цвет! Не чудо ли?

И указание на трагический конец чудесной курочки, которое кажется совсем «необязательным» эпизодом в повествовании, тоже крайне значимо. Курочку эту «удавили по грехом» — но кто? о чьих «грехах» идет речь? Конечно же, это не были члены протопоповой семьи — тех она «кормила» («сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала»). Это какие-то провожатые («томные» люди) или «иноземцы немирные», *не заметившие чуда*.

[4] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 236.

[5] См.: Русский демонологический словарь / Сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 72.

[6] *Погорельский А.* Сочинения. Письма / Изд. подгот. М.А. Турьян. СПб.: Наука, 2010. С. 138 («Литературные памятники»).

И насколько же хрупко это чудо, которое едва различимо в грехах обыденности!

Огромное значение получает и рассказ о «происхождении» черненькой курочки «от тово племени», которому повезло исцелиться и исправиться после молитв протопопа. Именно это исцеление и подвигло Божью тварь на свершение чуда: сама спасенная, она претворяет свершенное благое деяние на ближних («робяти на пищу»), реализуя давний завет: «Еще Козма и Дамианъ человекомъ и скотомъ благодействовали и целили о Христе». Апелляция к святым Козьме и Дамиану показательна: один из любимых народных праздников приходится на Кузьминки («курятники» и «кашники»), знаменующие переход от осени к зиме: «Считаясь защитниками кур по преимуществу, св. Козьма и Демьян в то же время известны и как покровители семейного очага и супружеского счастья»[7]. А эпизод с «курочкой» открывает в «Житии протопопа Аввакума» серию драматических картин, посвященных своей семье и семьям, жившим рядом…

Если продолжить рассуждения С.И. Николаева, то окажется, что заявленный им «метод микроистории» не становится панацеей: для всестороннего анализа даже простенького текста его явно недостаточно — поневоле приходится «попутно» привлекать нечто другое, рядом находящееся. Историки литературы пока не создали чего-то, подобного «таблице Менделеева» — каждый раз приходится оперировать «внесистемным» материалом.

Поэтому привлекательным кажется другой тезис ученого: «главное в работе историка литературы — проблема, а уже она определяет методы ее решения» (с. 372). Ю.М. Лотман с одинаковым успехом работал с разными «методиками»: и по семиотике, и по структуре художественного текста, и по текстологии, и по культурологии. Если, например, исследовательская проблема требовала углубления в проблемы истории русской культуры, то ученый спокойно оставлял «за скобками» собственные «структуралистские» посылки — в знаменитом комментарии к «Евгению Онегину», например.

Эти комментарии к гениальному пушкинскому произведению наводят на «крамольную» мысль. Еще один знаменитый комментарий к «Онегину» — В.В. Набокова — производит двойственное впечатление. С одной стороны, это явно «непрофессиональное» произведение: в одну кучу свалено множество самого разного материала, нужного и второстепенного, по каким-то причинам привлекшего внимание автора, — вот уж где не отыскать ни «методологии», ни даже заявленной методики исследования текста! С другой стороны, автор — в той же «куче» — раскидал множе-

[7] *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 430.

ство оригинальных и точных наблюдений сравнительно-исторического, культурно-исторического, даже биографического характера — «неправильно» откомментировал то, чего не нашли авторы «правильных» комментариев. В любом случае, Набоков в этом случае доказал еще один тезис С.И. Николаева: «методология — удел бесталанных» (с. 371).

Этот тезис автор связывает с фигурой великого филолога А.М. Панченко: «Что было главное в методе Александра Михайловича?» — «Талант». Но давайте же договорим до конца: ведь таких, как Панченко, во всех национальных культурах — единицы. И если соотнести понятие «талант филолога» (историка литературы) с понятием «талант поэта» (который, собственно, как раз и заключается в умении не следовать раз навсегда заявленному «методу»), то сама наша наука поневоле оказывается маргинальной. Тут получается, как в наблюдении Маяковского из стихотворения «Юбилейное» (1924): «Хорошо у нас в Стране Советов. / Можно жить, работать можно дружно. / Только вот поэтов, к сожаленью, нету…» И далее — глубочайшее замечание «кстати», которое Маяковский предпочел не развивать в последующем творчестве:

Впрочем, может, это и не нужно.

Ведь если «договорить», то с историками литературы именно так и получается…

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2017 № 3

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: litfact@gmail.com
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка А.В. Лавочкина

Подписано в печать 30.03.2017
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 23,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №